

ПСИХОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ

Journal of Modern Foreign Psychology

2022. Том 11. № 1
2022. Vol. 11, no. 1

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Том 11, № 1 / 2022

Тема номера
Перинатальная психология

Тематический редактор:
Н.Н. Авдеева

JOURNAL OF MODERN FOREIGN PSYCHOLOGY

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology & Education

Международный научный журнал
«Современная зарубежная психология»

Редакционная коллегия

Ермолова Т.В. (Россия) – **главный редактор**

Авдеева Н.Н. (Россия), Александров Ю.И. (Россия), Ахутина Т.В. (Россия), Баилова Т.А. (Россия), Бовина И.Б. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Бурлакова И.А. (Россия), Григоренко Е.Л. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Евтушенко И.В. (Россия), Екимова В.И. (Россия), Исаев Е.И. (Россия), Марютина Т.М. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Поливанова К.Н. (Россия), Рубцова О.В. (Россия), Салмина Н.Г. (Россия), Сафронова М.А. (Россия), Сергиенко Е.А. (Россия), Стоянова С.Й. (Болгария), Строганова Т.А. (Россия), Ткачева В.В. (Россия), Толстых Н.Н. (Россия), Филиппова Е.В. (Россия), Холмогорова А.Б. (Россия), Шеманов А.Ю. (Россия), Шумакова Н.Б. (Россия), Энгенесс И.Л. (Норвегия), Юркевич В.С. (Россия)

Редакционный совет

Рубцов В.В. (Россия) – **председатель редакционного совета**
Марголис А.А. (Россия) – **заместитель председателя редакционного совета**
Дэниелс Г.Р. (Великобритания)

Секретарь

Пономарева В.В.

Научный консультант

Флорова Н.Б.

Технический редактор

Борисова О.Н.

Компьютерная верстка

Баскакова М.А.

Корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27, +7 (495) 632-98-11

E-mail: jmfp@mgppu.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/jmfp>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), RSCI, Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2012 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66445 от 21.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2022

international Scientific Journal
«Journal of Modern Foreign Psychology»

Editorial board

Ermolova T.V. (Russia) – **editor-in-chief**

Avdeeva N.N. (Russia), Alexandrov Y.I. (Russia), Akhutina T.V. (Russia), Basilova T.A. (Russia), Bovina I.B. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Burlakova I.A. (Russia), Grigorenko E.L. (Russia), Dozorceva E.G. (Russia), Evtushenko I.V. (Russia), Ekimova V.I. (Russia), Isaev E.I. (Russia), Maryutina T.M. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Polivanova K.N. (Russia), Rubtsov V.V. (Russia), Salmina N.G. (Russia), Safronova M.A. (Russia), Sergienko E.A. (Russia), Stoyanova S.Y. (Bulgaria), Stroganova T.A. (Russia), Tkacheva V.V. (Russia), Tolstykh N.N. (Russia), Filippova E.V. (Russia), Kholmogorova A.B. (Russia), Shemanov A.Y. (Russia), Shumakova N.B. (Russia), Engeness I. (Norway), Yurkevich V.S. (Russia)

Editorial council

Rubtsov V.V. (Russia) – **chairman of editorial council**
Margolis A.A. (Russia) – **deputy chairman of editorial council**
Daniels H.R. (Great Britain)

Secretary

Ponomareva V.V.

Scientific consultant

Florova N.B.

Technical editor

Borisova O.N.

Computer layout designer

Baskakova M.A.

Proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: +7 (495) 608-16-27, +7 (495) 632-98-11

E-mail: jmfp@mgppu.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/jmfp>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, RCSI, DOAJ

Published quarterly since 2012

The mass medium registration certificate:

EI FS77-66445 number. Registration date 21.07.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Авдеева Н.Н.

Введение 5

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Авдеева Н.Н.

Биологические детерминанты материнского поведения 7

Хоффман Б.Э.

Новые открытия, концепции и вопросы в поиске понимания влияния отцов на развитие детей 17

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Филиппова Г.Г.

Психологические аспекты вспомогательных репродуктивных технологий: обзор зарубежных и Российских исследований 26

Кочетова Ю.А., Климакова М.В.

Зарубежные исследования сепарационной тревоги 39

Ермолова Т.В., Флорова Н.Б.

Женщина и ее новорожденный в ситуации заражения коронавирусом 48

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Шаповаленко И.В.

Современное родительство: новые исследовательские подходы 58

Вне тематики

ОТРАСЛЕВАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Эльзессер А.С., Капустина Т.В., Жданова Д.Е., Кадыров Р.В.

Методы диагностики экстремистских тенденций личности в зарубежных исследованиях 68

Неврюев А.Н., Сариева И.Р.

Как узнать, кто и почему (не)одобряет войну? Современные исследования отношения к войне 80

Антонова Н.В., Наумцева Е.А.

Проблема эффективности коучинга: исследования в рамках психологии коучинга (coaching psychology) 94

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кузьмина А.А., Лифшиц М.А., Костенко В.Ю.

Методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка: возможности и ограничения для задач психологии личности 104

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Куканов А.А.

Влияние политических, культурных и религиозных аспектов на восприятие аутизма у детей родителями из стран Юго-Восточной Азии 116

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В.

Руминации как психологический механизм формирования и поддержания суицидального поведения 124

Наши авторы

137

CONTENTS

NOTES FROM EDITOR

Avdeeva N.N.

Introduction 5

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Avdeeva N.N.

Biological determinants of maternal behavior 7

Hoffman B.A.

New Discoveries, Concepts and Questions in the Search to Understand Fathers' Influence on Child Development 17

CLINICAL PSYCHOLOGY

Filippova G.G.

Psychological Aspects of Assisted Reproductive Technologies: a Review of Foreign and Russian Studies 26

Kochetova Yu.A., Klimakova M.V.

Foreign Studies of Separational Anxiety 39

Ermolova T.V., Florova N.B.

A woman and her newborn in a situation at risk of contracting coronavirus 48

SOCIAL PSYCHOLOGY

Shapovalenko I.V.

Modern parenthood: new research approaches 58

Outside of the theme rooms

SPECIAL (BRANCH) PSYCHOLOGY

Elzesser A.S., Kapustina T.V., Zhdanova D.E., Kadyrov R.V.

Methods for diagnosing tendencies towards to extremism in foreign studies 68

Nevryuev A.N., Sarieva I.R.

How do you know who (dis)approves of war and why? Modern Studies of Attitudes to War 80

Antonova N.V., Naumtseva E.A.

The Problem of Coaching Effectiveness: Research in the Framework of Coaching Psychology 94

GENERAL PSYCHOLOGY

Kuzmina A.A., Lifshits M.A., Kostenko V.Yu.

Methods of Computational Linguistics and Natural Language Processing: Opportunities and Limitations for Personality Psychology Tasks 104

CLINICAL PSYCHOLOGY

Kukanov A.A.

The influence of political, cultural and religious aspects on the perception of autism in children by parents from Southeast Asian countries 116

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V.

Rumination as a psychological mechanism in the suicidal behavior formation and maintenance 124

Our authors

139

КОЛОНКА РЕДАКТОРА NOTES FROM EDITOR

Введение

Авдеева Н.Н.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Introduction

Natalia N. Avdeeva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Перинатальная психология рассматривается как важный раздел перинатологии, появившийся примерно в 70-е годы XX века, когда стало очевидным, что некоторые проблемы и практические задачи, поставленные перед перинатологией, невозможно решить без обращения к психологии.

На эти годы пришлось начальное формирование психологически ориентированной перинатальной проблематики. Развитию этого направления способствовало введение расширительного определения перинатального периода как включающего пренатальное развитие, роды и раннее детство.

Дифференциация перинатальной психологии по решаемым задачам привела к выделению психологии зачатия, беременности, родов, психологии раннего постнатального периода. Кроме того, произошло деление по разделам: общая, клиническая, специальная психология. Формирование этих разделов, их специализация и совершенствование потребовали интеграции научных знаний и объединения усилий специалистов разного профиля.

В настоящее время продолжается интенсивное развитие перинатальной психологии на стыке с другими направлениями психологии, в частности, с психологией родительства, психологией привязанности, психологией детско-родительских отношений, репродуктивной психологией.

За рубежом количество публикаций по проблемам перинатальной психологии огромно, оно включает как теоретические, так и прикладные аспекты, характеризуется широтой тематики и направленностью на работу с рисками, трудностями, нарушениями прохождения перинатального периода.

Цель тематического номера — представление ведущих подходов, проблем и исследований современной зарубежной перинатальной психологии.

В статьях анализируются и сопоставляются теоретические подходы и результаты исследований детерминант материнского и отцовского поведения, современного родительства; психологические аспекты вспомогательных репродуктивных технологий, сепарационной тревоги; ситуации матери и новорожденного в условиях рисков заражения коронавирусом.

Читатели могут ознакомиться с новыми тенденциями оказания психологической помощи по вопросам и трудностям перинатального периода.

В рубрике «Психология развития» представлены две статьи, посвященные детерминантам родительского поведения и относящиеся к общей перинатальной психологии.

В статье Н.Н. Авдеевой обсуждается история вопроса и современный взгляд на биологические детерминанты материнского поведения. Автор рассматривает работы, направленные на выявление источников, активирующих материнское поведение, подчеркивает комплиментарность материнского поведения и врожденного репертуара активности младенца. Однако биологические детерминанты не обеспечивают должного результата в группах риска, как со стороны матери, так и со стороны ребенка. Кроме того, нередко вхождение в родительство современных матерей и отцов сопряжено с выраженным стрессом и требует психологического сопровождения. Программы раннего вмешательства направлены на поддержку биологических детерминант родительского поведения: формирование позитивного отношения к ребенку, обеспечения заботы и условий для психологического развития ребенка.

Проблема детерминант отцовского поведения рассматривается в статье Б. Хоффман, где показана трансформация взглядов зарубежной психологии на психо-

логическую роль отца в развитии ребенка. Автор рассматривает динамику исследований отцовства за последние 20 лет, выделяет изменения и ключевые открытия. Кроме того, обсуждаются современные перспективы дальнейших исследований в этой важной, быстро развивающейся области на пересечении психологии развития, психологии родительства и перинатальной психологии.

В рубрике «Клиническая психология» представлены три исследования, которые соотносятся с клинической перинатальной психологией, касающиеся психологических аспектов вспомогательных репродуктивных технологий, сепарационной тревоги, трудной жизненной ситуации заражения коронавирусом.

В статье Г.Г. Филипповой содержится обзор работ по психологическим аспектам вспомогательных репродуктивных технологий (этические вопросы, особенности переживания бесплодия, направления психологической помощи). Автор акцентирует внимание на переходе от анализа психологических причин бесплодия к изучению психологических последствий бесплодия и психологических проблем, связанных с лечением. Сравнение теоретических подходов к данной проблематике в отечественной и зарубежной психологии показывает преимущества отечественных разработок в области современной перинатальной и репродуктивной психологии. Важной междисциплинарной проблемой, актуальной как для клинической перинатальной психологии, так и для психологии развития, является изучение феномена сепарационной тревоги на разных этапах развития человека.

В статье Кочетовой Ю.А., Климаковой М.В., посвященной феномену сепарационной тревоги, проведен анализ зарубежных исследований, показаны связь уровня сепарационной тревоги младенцев и их родителей, влияние сепарационной тревоги на психическое развитие детей, а также личностный рост родителей. Рассмотрены проявления сепарационной тревоги, клиническая картина, диагностические критерии и методы психотерапевтической помощи. Еще одним актуальным аналитическим обзором в данной рубрике журнала является обсуж-

дение психологических рисков для матери и новорожденного в трудной жизненной ситуации заражения коронавирусом.

В статье Ермоловой Т.В., Флоровой Н.Б. приведены данные о последствиях пандемии COVID-19 для протекания беременности, психологической безопасности в период гестации, последствий для развития плода, новорожденного, матери в случае отказа от вакцинации. Авторы приводят результаты обширных исследований транснациональных исследовательских команд, показавших необходимость разобщения инфицированной матери и слабого новорожденного, прекращения грудного вскармливания, длительного совместного пребывания в режиме кенгуру. Представлен большой диапазон проблем, связанных с психологическим благополучием инфицированной молодой матери, равно как и здоровых беременных на фоне пандемии.

В рубрике «Социальная психология» рассмотрены новые исследования родительства. В статье И.В. Шаповаленко представлен обзор современных зарубежных психологических и социологических исследований родительства под углом зрения изменений, которые произошли в последние десятилетия в условиях реализации родительства и представлениях о родительских функциях. Демонстрируя широкую палитру исследовательских вопросов в рамках современного родительства, автор акцентирует внимание на двух наиболее популярных темах: 1) связь родительства и трудовой деятельности, особенно на этапе вхождения в родительство; 2) связь родительства и психологического благополучия личности. Проанализированы подходы к становлению родительской сферы, основанные на теории ролей и на теории идентичности. Обозначены перспективные направления и методы дальнейших исследований материнства и нового, «вовлеченного» отцовства.

Представляется, что материалы выпуска будут полезны не только специалистам-психологам, но и всем родителям и всем работникам образовательной системы, включая дошкольное образование и воспитание и органы управления.

Информация об авторах

Авдеева Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Information about the authors

Natalia N. Avdeeva, PhD in Psychology, Professor, Chair of Developmental Psychology named after prof. L.F. Obukhova, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Получена 21.03.2022

Принята в печать 23.03.2022

Received 21.03.2022

Accepted 23.03.2022

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Биологические детерминанты материнского поведения

Авдеева Н.Н.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

В статье рассматривается проблема биологических оснований материнского поведения в зарубежной психологии. Рассмотрено два источника, активирующие родительское поведение: гормональные процессы, происходящие в организме матери, и стимуляция со стороны ребенка. Представлены как классические, так и современные исследования материнского поведения в ответ на врожденный репертуар активности младенца; риски для установления взаимодействия в диаде; базовые нейробиологические механизмы «бондинг» в послеродовой период. Показаны современные тенденции исследования роли раннего контакта не только матери, но и отца с плодом еще до рождения, для установления взаимодействия и привязанности родителей к ребенку после рождения. Рассмотрены программы раннего вмешательства, направленные на поддержку биологических детерминант родительского поведения: формирование позитивного отношения к ребенку, предупреждение рисков нарушения психологического здоровья родителей в связи с рождением ребенка.

Ключевые слова: биологические детерминанты материнского поведения, стимуляция со стороны ребенка, послеродовой контакт матери с новорожденным, феномен «бондинг», взаимодействие в диаде, факторы риска, раннее вмешательство, врожденный репертуар активности младенца.

Для цитаты: Авдеева Н.Н. Биологические детерминанты материнского поведения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 7—16. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110101>

Biological determinants of maternal behavior

Natalia N. Avdeeva

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru*

The article deals with the problem of the biological foundations of maternal behavior in foreign psychology. Two sources that activate parental behavior are considered: hormonal processes occurring in the mother's body and stimulation from the child. Both classical and contemporary studies of maternal behavior in response to the infant's innate activity repertoire are presented; risks for establishing interaction in a dyad; basic neurobiological mechanisms of "bonding" in the postpartum period. Modern trends in the study of the role of early contact not only of the mother, but also of the father with the fetus before birth are shown, in order to establish the interaction and attachment of parents to the child after birth. The programs of early intervention aimed at supporting the biological determinants of parental behavior are considered: the formation of a positive attitude towards the child, the prevention of risks of violation of the psychological health of parents in connection with the birth of a child.

Keywords: biological determinants of maternal behavior, stimulation by the child, postnatal contact between mother and newborn, bonding phenomenon, dyad interaction, risk factors, early intervention, born repertoire of baby activity.

For citation: Avdeeva N.N. Biological determinants of maternal behavior. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 7—16. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110101> (In Russ.).

Введение

Представление о том, что материнское поведение у людей обусловлено биологически имеет давнюю традицию в психологии [33]. Однако в настоящее время в зарубежной психологии не существует единого мнения относительно биологической основы материнского поведения. Так, психоанализ и этологически ориентированная теория привязанности акцентируют биологические аспекты материнства, теория социально-когнитивного научения — социальные. Для доказательства того, что поведение имеет биологическую основу, используют, как правило, три критерия: кросс-культурное подобие, данные этологии о поведении других видов и данные о примитивных сообществах. Попытки обнаружить общую для разных культур стратегию материнства закончились неудачей [35]. Тем не менее, показано, что при разнообразии стратегий родительского поведения отдельные его фрагменты, особенно в самом раннем детстве, проявляются в разных культурах с большим постоянством. Культурные традиции поощряют одни естественные побуждения, осуждают и запрещают другие. Существование многообразия выявлено также в примитивных культурах. М. Мид утверждает, что материнское поведение в данных культурах не является более естественным, генетически детерминированным, «натуральность» жизни примитивных сообществ сильно переоценивается, на материнское поведение оказывают влияние традиции, религиозные обряды, верования [2].

Этологические исследования — широко используемый источник сведений о биологических детерминантах человеческого поведения. Еще Тинбергеном было продемонстрировано: подобно тому, как в эволюции можно проследить изменения морфологии, в ней также можно проследить и изменения поведения. Поэтому кросс-видовое сравнение может быть хорошим материалом для построения гипотез относительно биологических детерминант материнского поведения у людей.

В этологии известны два источника, активирующие родительское поведение: эндогенный и экзогенный. К первому относятся связанные с беременностью, родами, лактацией гормональные процессы, происходящие в организме самки, ко второму — стимуляция со стороны детеныша.

Стимуляция материнского поведения

С точки зрения К. Лоренца, внешний вид детенышей большинства видов животных отличается особенностями, способными вызывать материнскую заботу. Этот врожденный биологический механизм характерен и для материнского поведения по отношению к младенцу. Ключевыми стимулами выступают: большая голова (30% у младенца в сравнении с 15% от размеров тела у взрослых); большой лоб и глаза, маленькие руки и ноги, нежная кожа. Данный ком-

плекс черт К. Лоренц определил термином «babyness» [24]. Притягательность внешнего вида младенца для взрослых была подтверждена в ряде исследований, показавших, что выделенные им ключевые стимулы обуславливают особое поведение взрослых (матери), которое они описывают как реакцию «притяжения» и желание «позаботиться» [9].

В дополнение к выявленным К. Лоренцом характеристикам внешнего вида младенца, Джон Боулби добавил характеристики врожденных видов активности, стимулирующих материнское поведение (плач, улыбка, реакция следования, сосание, хватание, лепет) [1]. Рассуждая о биологических детерминантах материнского поведения, Боулби придерживался этолого-эволюционных позиций, утверждая, что для выживания младенец должен обладать врожденным набором инстинктивных реакций, воздействующих на мать и побуждающих ее к заботе, необходимой для выживания. Врожденная активность ребенка служит стимулом для материнской заботы, активирует соответствующую генетически запрограммированную систему материнского поведения [1].

В отечественной психологии наибольшее распространение получил термин «гештальт младенчества». Г.Г. Филиппова рассматривает три составные части гештальта младенчества, сходные у человека и высших животных: 1) физические свойства (особенности внешнего вида, запах, голосовые реакции детеныша); 2) поведенческие особенности (структура и динамика движений, прикосновений к взрослым особям, инфантильные позы); 3) проявления физиологической жизнедеятельности. По существу, гештальт младенчества представляет собой сложно организованный ключевой стимул, призванный вызывать родительское поведение. Однако, с точки зрения Г.Г. Филипповой, у человека родительское поведение не может быть биологически детерминировано реакциями, обусловленными гештальтом младенчества. Тем не менее, значимость гештальта младенчества велика для формирования мотивационно-потребностной сферы материнского поведения [3].

Материнское поведение в ответ на врожденный репертуар активности младенца

Одним из важных видов врожденной активности младенца является плач. Плач имеет индивидуальные различия, мать начинает отличать плач своего ребенка уже на второй день после родов. Плач имеет важное сигнальное значение для матери, с помощью плача младенец сообщает о своем состоянии, а мать учится адекватно на него реагировать, устранять его причины. Показано, что плач действует на мать как физиологический раздражитель. Так, у кормящих матерей отмечается повышение температуры груди не только в ответ на плач собственного ребенка, но даже при прослушивании записи его плача [7].

Другими значимыми видами врожденной активности младенца является улыбка и лепет. Если плач используется ребенком для того, чтобы сообщать матери о неблагополучии, улыбка и лепет, наоборот, указывают на одобрение материнского поведения, удовольствие от взаимодействия, поощряют мать к продолжению общения. С позиций К. Лоренца человеческая улыбка имеет биологически детерминированную основу, восходящую к ритуалу «приветствия» у животных, способствующему сдерживанию агрессивных проявлений. Лоренц отмечал, что утомление и раздражение матери по отношению к своему ребенку, связанное с выполнением материнских обязанностей, может быть компенсировано положительными переживаниями при восприятии его внешнего вида, улыбки, лепета, общей беспомощности [9].

Исследование ответа на улыбку ребенка на уровне активности мозга матери (Maternal brain responses) показало, что выражение радости, печали, нейтральное выражение лица младенца вызывают определенные паттерны активности ее мозга. Восприятие матерью лица собственного ребенка (в сравнении с лицом чужого ребенка) вызывает активацию зон мозга, связанных с выделением допамина: вентральную область субстанции nigro, область стриатума, фронтальную область лобных долей коры головного мозга. При этом активируется связь между когнитивным, эмоциональным восприятием и ответным материнским поведением под контролем «допаминового» подкрепления. Подобная устойчивая связь различных структур мозга может являться основой привязанности матери к ребенку [41].

Однако у матерей из группы риска восприятие лица и выражений эмоций ребенка может нарушаться. Так, исследование ответной активности мозга при восприятии лица своего ребенка у матерей с зависимостями показало меньший уровень активации зон мозга, связанных с подкреплением материнской заботы и более высокий уровень стресса в ответ на негативные эмоции ребенка (в сравнении с матерями без зависимостей) [15]. Кроме того, по показателям энцефалограммы было выявлено, что употребление запрещенных веществ негативно влияет на отзывчивость матери и взаимодействие с ребенком, так как такие матери не распознают выражение лица ребенка, испытывающего стресс, слабо реагируют на нейтральное выражение лица, не отличают низкий и высокий уровень дистресса ребенка по его крику [37].

К. Робсон исследовал еще один тип поведения — контакт глаз. Контакт глаз со стороны младенца в самом начале жизни (примерно в возрасте 3 недель) является фиксацией взгляда на объекте, обладающем врожденной привлекательностью, и лишь к 3 месяцам, по мнению Робсона, приобретает для младенца социальный смысл. Эволюционный смысл контакта глаз и улыбки для ребенка состоит в том, что мать генетически предрасположена приписывать им сигнальное значение, то есть приглашение к общению и социальному взаимо-

действию. В подтверждение этому, у матерей отмечают позитивные изменения в отношении к детям с появлением контакта глаз и социальной улыбки [32].

Исследования взаимодействия в диаде показали, что младенец умеет привлекать внимание матери, удерживать его, а также избегать взаимодействия. В исследованиях Д. Стерна убедительно доказано, что матери генетически предрасположены различать сигналы приглашения и отказа от взаимодействия со стороны ребенка и адекватно на них реагировать. Вызванное младенцем материнское поведение комплиментарно врожденному репертуару поведения ребенка [34].

Таким образом, исследователи приходят к выводу, что, хотя материнское поведение имеет биологические предпосылки, младенец вносит свой вклад в модификацию поведения матери, он не просто пассивно воспринимает воздействия со стороны матери, но способен проявлять инициативу, поддерживать, подкреплять ее воздействия, т. е. изменять материнское поведение в соответствии со своими потребностями. С возрастом репертуар средств регулирования взаимодействия со стороны ребенка расширяется, по мнению М. Эйнсворт, происходит взаимная социализация матери и ребенка [4].

Риски для установления взаимодействия матери с ребенком

Несмотря на хорошо сбалансированную систему обеспечения взаимодействия в диаде «мать—ребенок», можно выделить факторы риска со стороны обоих участников взаимодействия — матери и ребенка.

Материнская (постнатальная) депрессия оказывает негативное влияние на материнское поведение. Прежде всего, страдает эмоциональное взаимодействие, чувствительность и отзывчивость матери к психологическим потребностям ребенка в общении и эмоциональном контакте. Подобные нарушения материнского поведения приводят к отставанию социально-эмоционального развития младенца. Так, в норвежском исследовании была выявлена связь проявления материнской депрессии в пренатальном (32 недели беременности) и постнатальном (8 недель после родов) периоде со сниженным уровнем социально-эмоционального развития ребенка в возрасте 2 лет [38].

Фокусом современных исследований становятся превентивные меры по предотвращению возникновения материнской депрессии: формирование в рамках психотерапевтического процесса позитивного отношения к родительству, новорожденному, материнскому поведению [14; 30].

В группу риска входят также матери с психологическими нарушениями вследствие употребления запрещенных веществ (аддикциями). В лонгитюдном исследовании изучалось, как употребление запрещенных веществ в период беременности и раннее взаимодействие с ребенком в младенческом возрасте связано с

социальными когнициями (распознавание и понимание эмоций) в школьном возрасте. Результаты исследования показали, что матери, употреблявшие запрещенные вещества в период беременности, имели проблемы с взаимодействием с ребенком после рождения, а их дети хуже распознавали эмоции по выражению лица другого человека. На основании проведенного исследования было предложено при работе с матерями с аддикциям включить в программу раннего вмешательства раннее взаимодействие матери с ребенком [39].

Фактором риска со стороны ребенка является преждевременное рождение. Преждевременно родившимися считаются младенцы, рожденные ранее 37 недели беременности, они составляют 10,6% всех новорожденных [19]. Показано, что для них характерны нарушения нейрокогнитивного, речевого и социального развития [21], высок риск аутизма и расстройств социального восприятия [22; 20]. В ходе исследования рожденных в срок и недоношенных младенцев в возрасте 6 и 12 месяцев проверяли различие в восприятии социальных стимулов, а также способность следовать направлению взгляда другого человека. Было показано, что младенцы, рожденные раньше срока, как в 6, так и в 12 месяцев, меньше по времени рассматривают движущиеся изображения человека, реже прослеживают направление взгляда другого человека, в сравнении с рожденными в срок младенцами, что позволяет говорить об атипичном паттерне рассматривания (*a typical patterns of gaze behavior*) и риске дальнейших проблем в социальной коммуникации [29].

Младенцы, рожденные преждевременно, также входят в группу риска по установлению раннего взаимодействия с матерью. Недоношенность ассоциируется с недостаточностью развития социальной чувствительности. Проявляется ли данная особенность также в более поздних возрастах? В одном из недавних лонгитюдных исследований проводилась оценка социальных когниций у преждевременно родившихся младенцев с помощью отслеживания движения глаз в игре с родителями. Наблюдение за двумя группами детей (рожденными преждевременно и в срок) показало, что в возрасте 5 лет дети обеих групп демонстрируют одинаковые способности к установлению социального взаимодействия в игре с родителями [23].

Недостаточно изученной выступает проблема стабильности социально-когнитивного развития преждевременно рожденных детей на разных этапах детства. В лонгитюдном исследовании изучалась связь социальных зрительных предпочтений, нейробиологического развития (*neurodevelopment*) и влияния социоэкономической депривации. Результаты показали, что дети, рожденные до срока, в возрасте 7—9 месяцев демонстрируют более низкий уровень предпочтения социальных стимулов, в сравнении с детьми, рожденными в срок, но уравниваются с ними к возрасту 5 лет. Однако в возрасте 5 лет дети этой группы показывают более низкие оценки по шкалам теста раннего обучения. Значимыми факторами, влияющими

ми на сниженный уровень предпочтения социальных сигналов у недоношенных детей в 7—9 месяцев являются как биологический (гестационный возраст), так и социальный (социо-экономические условия) фактор. Сниженное (в сравнении с детьми, рожденным в срок) нейробиологическое развитие не связано, по мнению авторов, с отставанием в развитии социальных предпочтений в возрасте 7—9 месяцев [17].

Ранний контакт матери с новорожденным

К числу биологических факторов, детерминирующих материнское поведение относятся гормональные влияния, связанные с беременностью, родами и лактацией, а также контакт с новорожденным сразу после родов.

Гормональные влияния. В современных исследованиях убедительно показана роль нейропептида окситоцина, действующего как гормон и нейромодулятор, влияющий на множество социальных моделей поведения человека, включая репродуктивную функцию. В родах и послеродовом периоде окситоцин играет ключевую роль в регуляции и контроле процессов, обеспечивающих благополучие родов и здоровье матери и ребенка. В частности, начало родов, ход родов и начальное грудное вскармливание опосредованы окситоцином. В сфере активности головного мозга матери он контролирует возникновение связи между матерью и младенцем, а также эмоциональные реакции матери на своего ребенка [40].

Среди многих других значимых влияний, опосредованных окситоцином, отмечается, что повышенная концентрация окситоцина после родов способствует возникновению у матери положительных эмоций по отношению к ребенку и к самой себе [40]. Материнское удовлетворение рождением ребенка достигается за счет взаимодействия окситоцина с дофаминергической системой вознаграждения (93; 94). Окситоцин также оказывает амнестическое действие и позволяет матери забыть о болезненных аспектах родов и постнатального периода [26]. Таким образом, поддержание нормального уровня окситоцина во время родов и после них влияет не только на то, как мать переживает рождение ребенка, но и на ее собственное психическое состояние.

Ранний контакт. Идея о влиянии раннего контакта на развитие взаимоотношений матери ребенка была почерпнута из наблюдений за животными. В этологии хорошо известен факт, что у большинства видов мать пытается обеспечить контакт с потомством непосредственно после родов. Данные о влиянии послеродового контакта на поведение матери у животных послужило стимулом к проведению подобного исследования с людьми. В широко известном исследовании Клауса и Кеннеля была увеличена продолжительность послеродового контакта матери и новорожденного, что благоприятно сказалось на взаимодействии матери с ребенком. Для того, чтобы акцентировать уникальность самого раннего взаимо-

действия матери и ребенка, его способность быстро облегчать процесс формирования привязанности матери к младенцу, Клаус и Кеннел ввели особый термин «bonding» (бондинг). В дальнейшем было проведено более двух десятков подобных экспериментов в разных странах, все они подтвердили наличие позитивного эффекта раннего контакта, феномена «бондинг», указывая при этом на его ограниченность во времени [25]. Исследование Клауса и Кеннела, а также множество последующих исследований, повторяющих данное исследование в различных условиях и модификациях, имели следующую общую схему: испытуемые (впервые рожавшие женщины) делились на две группы, одна из которых подчинялась обычному больничному режиму (в соответствии с которым сразу после родов ребенка показывали матери, затем уносили для того, чтобы взвесить, обмыть и обследовать на 6—12 часов и далее мать регулярно кормила его в течение 20—30 минут). В другой группе матери получали возможность дополнительно контактировать с новорожденным (как правило в течение часа сразу после рождения и в течение более длительного времени, чем принято во время каждого кормления). Условия контакта различались не только количественно, но и качественно: матери, имевшие больший по продолжительности контакт, получали обнаженного младенца, в то время как матерям из контрольной группы приносили младенца уже завернутого в пеленку. В большинстве исследований, как правило, использовался так называемый контакт «кожа-кожа». Эффект раннего контакта оценивался через 36 часов, через несколько дней, месяцев, даже лет.

Результаты, полученные в подобных исследованиях, трудны для обобщения. О наиболее впечатляющем эффекте сообщается в работах Клауса и Кеннела и их коллег, которые обнаружили, что различия в поведении матерей разных групп наблюдались через 1 месяц, через 1 год. В аналогичных исследованиях были зафиксированы групповые различия в поведении матерей в 3 месяца, а также развитии речи и других социальных качеств у детей в 1 и 3 года [25].

Интересно, что раннее взаимодействие, практически не влияло на объем общей заботы, связанной с обычными материнскими функциями ухода за ребенком, отражаясь на отдельных, не контролируемых элементах материнского поведения. Многие исследователи обнаружили, что матери, имевшие дополнительный контакт, как правило, были более ласковы, значительно больше взаимодействовали с детьми в положении «лицом-к-лицу», существенно дольше держали их на руках, а также старались быть ближе к младенцам, чаще прижимали их к себе и чаще сообщали о нежелании оставлять их с другими людьми [13].

Итак, отметим, что ранний контакт стимулирует целый ряд генетически заданных типов материнского поведения, что сказывается, в конечном счете, на дальнейшем эмоциональном благополучии пары и более успешном интеллектуальном развитии ребенка.

Каков механизм явления, обозначенного понятием «бондинг»? Одно из объяснений состоит в том, что в течение короткого периода после родов происходит импринтинг, или запечатление матерью собственного ребенка, в результате которого она формирует по отношению к нему особое эмоциональное отношение. С другой стороны, высказывается предположение, что гормональный уровень, обуславливающий материнское состояние, более зависим от стимуляции, идущей от ребенка.

Приведенные выше данные говорят в пользу существования генетической программы материнского поведения у людей, предписывающей определенные биологически целесообразные действия и активизирующиеся в ранний послеродовой период благодаря взаимодействию с младенцем.

Следует отметить, что само содержание понятия «бондинг» претерпело изменения, связанные, прежде всего, с периодом возникновения эмоциональной связи матери с ребенком, который смещается на период беременности, еще до рождения ребенка [11; 12; 16].

Роль раннего контакта матери и отца с ребенком в пренатальный период

В последнее десятилетие все большее внимание исследователей привлекают детерминанты отцовского поведения. Акцент делается на изучении влияния раннего контакта отца с ребенком на отцовское поведение и психологическое развитие ребенка. Так, показано, что ранняя эмоциональная связь с плодом, как матери, так и отца, способствует снижению родительского стресса и более успешному психологическому развитию ребенка в раннем детстве [11]. Позитивные представления отца о будущем ребенка, позитивное отношение к отцовству, эмоциональная связь с плодом являются предикторами успешного родительского поведения [16]. Выявление представлений о ребенке и взаимодействия с ним в период беременности с помощью техники 4D в ходе ультразвукового исследования, показало наличие совместности, родительской взаимосвязи (coparenting relationship), проявляющейся в интуитивном родительском поведении, таком как улыбки, беби-ток, адресованные образу плода [6; 12].

Оценивая характер эмоциональной связи матери и отца с плодом на этапе беременности, можно своевременно принять превентивные меры с целью ее укрепления и подготовки к позитивному взаимодействию родителей с новорожденным в постнатальный период [28].

Особый интерес представляют исследования, направленные на выявление взаимосвязи между психологическим здоровьем родителей, их сензитивностью, отзывчивостью и привязанностью к ребенку. Так, в период пандемии было проведено обширное исследование (онлайн) с участием 427 матерей и 170 отцов, целью которого было получить ответ на вопрос: как сензитивность и отзывчивость связаны с

психологическим здоровьем (депрессией, тревогой и стрессом), а также привязанностью к младенцу отца и матери в постнатальный период. Результаты исследования показали, что высокий уровень проблем с психологическим здоровьем (депрессия и тревога) оказался связан с низким уровнем родительской отзывчивости, которая, в свою очередь, соотносится со слабо выраженной привязанностью к младенцу. Данные взаимосвязи указывают на необходимость работы с родителями с целью профилактики психологических проблем в период после рождения ребенка [31].

Еще одним современным направлением исследования связи психологического здоровья родителей и привязанности к ребенку после рождения (бондинг) является выявление зависимости между ПТСР (в связи с рождением ребенка) и развитием привязанности к нему в постнатальный период. Следует отметить, что посттравматическое расстройство, связанное с рождением ребенка, рассматривается как часто встречающееся у современных родителей. Обширное шведское исследование, в котором приняли участие 488 родителей, показало, что наличие симптомов ПТСР в связи с рождением ребенка в первый месяц после родов является предиктором привязанности к ребенку у обоих родителей в 3 месяца. При этом у матерей они связаны с негативным прогнозом привязанности к ребенку. Однако этот эффект не подтвердился после принятия в расчет материнского стресса в перинатальный период. Тем не менее, у матерей с ПТСР было более выражено гипервозбуждение и «вторгающееся» поведение по отношению к ребенку. Влияние симптомов нарушения психического здоровья на привязанность родителей и младенцев было выявлено через 3 месяца после родов только у матерей, но не у отцов [36].

Программы раннего вмешательства

В настоящее время разработаны эффективные программы осознанного вмешательства в ранние контакты обоих родителей с младенцем. Авторы программ раннего вмешательства исходят из того, что после рождения ребенка родители сталкиваются с рядом психологических и эмоциональных вызовов, которые могут привести к нарушению детско-родительского взаимодействия и, вследствие этого, к рискам со стороны психологического развития ребенка и психического здоровья родителей [5]. Исследования показали, что наиболее эффективным вмешательством являются 8—12 недельные сессии групповой работы, включающие: просветительские беседы, дискуссии, интерактивные игровые методы, в которых участвуют родители и ребенок. Общая направленность программ осознанного вмешательства — повышение родительской компетентности и формирование навыков ухода за ребенком [8; 27].

Помимо программ раннего вмешательства разработана модель семейного альянса (family alliance model) для

описания динамики взаимоотношений в семье с ребенком младенческого возраста. Согласно данной модели родители и ребенок функционируют как семья при следующих условиях: во взаимодействие включены все члены семьи; они выполняют разные роли; присутствуют совместные виды активности; члены семьи проявляют эмпатию по отношению друг к другу; члены семьи часто используют невербальную коммуникацию. Модель семейного альянса сохраняется в течение раннего детства и служит предиктором психологического развития ребенка (восприятия сложных эмоций, умственного развития, психофункциональных нарушений) [18].

Заключение

1. Обсуждение вклада биологических и социальных детерминант в материнское поведение имеет давнюю историю. В зарубежной психологии в 80—90-е годы превалировала точка зрения на преимущественно биологически обусловленную программу материнской заботы о ребенке. Исследования были сосредоточены на эндо- и экзогенной стимуляции материнского поведения, обусловленной гормональными изменениями в связи с беременностью, родами, лактацией, а также стимуляцией, идущей от младенца.

2. Важный вклад в понимание материнского поведения внесли работы Д. Стерна, посвященные психологическому анализу взаимодействия матери и младенца. Было показано, что вызываемое младенцем материнское поведение комплиментарно врожденному репертуару поведения ребенка и служит целям его развития.

3. Дальнейшие исследования материнского поведения развивались по линии уточнения биологических оснований ранее выявленных закономерностей, а также нарушений и отклонений в «работе» биологических детерминант. Так, была показана роль окситоцина и дофамина во взаимодействии матери и младенца, выявлена нейробиологическая основа материнской привязанности к ребенку.

4. В то же время активно проводились исследования нарушения взаимодействия, недостаточности биологически детерминированной поддержки материнского поведения в группах риска со стороны матери (например, материнская депрессия, аддикции) и ребенка (преждевременное рождение).

5. В последние десятилетия проявляются новые тенденции: исследования детерминант отцовского поведения, разработка программ раннего вмешательства, направленных на профилактику нарушений детско-родительских отношений, повышение родительской компетентности в интересах развития ребенка и сохранения психологического здоровья родителей. При этом отмечается тенденция поддержки реализации биологических детерминант материнского поведения на основе психологического просвещения и сопровождения на протяжении пренатального и постнатального периода.

Литература

1. Боулби Дж. Привязанность. Москва: Гардарики, 2003. 477 с.
2. Мид М. Культура и мир детства [Электронный ресурс]: Избранные произведения. Москва: Наука, 1988. 429 с. URL: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=10118> (дата обращения: 17.03.2022).
3. Филиппова Г.Г. Психология материнства [Электронный ресурс]: Учебное пособие. Москва: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 240 с. URL: https://pedlib.ru/Books/1/0148/1_0148-1.shtml (дата обращения: 17.03.2022).
4. Ainsworth M.D. Patterns of infant-mother attachment: antecedents and effects on development [Электронный ресурс] // Bulletin of the New York Academy of Medicine. 1985. Vol. 61. № 9. P. 771—791. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1911899> (дата обращения: 17.03.2022).
5. Amin L.N.A., Tam W.W.S., Shorey S. Enhancing first-time parents' self-efficacy: A systematic review and meta-analysis of universal parent education interventions' efficacy // International Journal of Nursing Studies. 2018. Vol. 82. P. 149—162. DOI:10.1016/j.ijnurstu.2018.03.021
6. Ammaniti M., Menozzi F. Maternal and Paternal Coparenting Representations and Interactions During Pregnancy // Prenatal Family Dynamics: Couple and Coparenting Relationships During and Postpregnancy / Eds. R. Kuersten-Hogan, J.P. McHale. Berlin: Springer Nature, 2021. P. 85—106. DOI:10.1007/978-3-030-51988-9_5
7. Bell R., Harper L. Child effects on Adults. London: Routledge, 1977. 268 p. DOI:10.4324/9781003039464
8. Berens P. Overview of the postpartum period: Normal physiology and routine maternal care [Электронный ресурс] / Eds. C.J. Lockwood, V.A. Barsz // UpToDate, 2022. URL: <https://www.uptodate.com/contents/overview-of-the-postpartum-period-normal-physiology-and-routine-maternal-care> (дата обращения: 18.03.2022).
9. Berman P. Are women more responsive than men to the young? A review of developmental and situational variables // Psychological Bulletin. 1980. Vol. 88. № 3. P. 668—695. DOI:10.1037/0033-2909.88.3.668
10. Biased Oxytocinergic Modulation of Midbrain Dopamine Systems / L. Xiao, M.F. Priest, J. Nasenbeny, T. Lu, Y. Kozorovitskiy // Neuron. 2017. № 95. № 2. P. 368—384. DOI:10.1016/j.neuron.2017.06.003
11. Continuous feelings of love? The parental bond from pregnancy to toddlerhood / E.S.A. de Cock, J. Henrichs, C.M.J.M. Vreeswijk, A.J.B.M. Maas, C.H.A.M. Rijk, H.J.A. van Bakel // Journal of Family Psychology, 2016. Vol. 30. № 1. P. 125—134. DOI:10.1037/fam0000138
12. Darwiche J., Fivaz-Depeursinge E., Corboz-Warnery A. Prenatal intuitive coparenting behaviors // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. Article ID 1662. 6 p. DOI:10.3389/fpsyg.2016.01662
13. De Chateau P., Wiberg B. Long-term effect on mother-infant behavior of extra contact during the first hour post partum. II. A follow-up at three months // Acta Paediatrica Scandinavica. 1977. Vol. 66. № 2. P. 145—151. DOI:10.1111/j.1651-2227.1977.tb07826.x
14. Dennis C. Psychological treatment is one of the several important components to the effective management of postpartum depression // Evidence Based Nursing. 2017. Vol. 20. № 1. P. 8—10. DOI:10.1136/eb-2016-102521
15. Differential responses to infant faces in relation to maternal substance use: An exploratory study / H.J.V. Rutherford, S.W. Yip, P.D. Worhunsky, S. Kim, L. Strathearn, M.N. Potenza, L.C. Mayes // Drug and Alcohol Dependence. 2020. Vol. 207. Article ID 107805. 7 p. DOI:10.1016/j.drugalcdep.2019.107805
16. Expectant fathers' beliefs and expectations about fathering as they prepare to parent a new infant / C.J. Dayton, R. Buczkowski, M. Muzik, J. Goletz, L. Hicks, T.B. Walsh, E.L. Bocknek // Social Work Research. 2016. Vol. 40. № 4. P. 225—236. DOI:10.1093/swr/svw017
17. Eye-tracking for longitudinal assessment of social cognition in children born preterm / B. Dean, L. Ginnell, V. Ledsham, A. Tsanas, E. Telford, S. Sparrow, S. Fletcher-Watson, J.P. Boardman // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2021. Vol. 62. № 4. P. 470—480. DOI:10.1111/jcpp.13304
18. Favez N., Frascarolo F., Tissot H. The family alliance model: A way to study and characterize early family interactions // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. Article ID 1441. 11 p. DOI:10.3389/fpsyg.2017.01441
19. Global, regional, and national estimates of levels of preterm birth in 2014: A systematic review and modelling analysis / S. Chawanpaiboon, J.P. Vogel, A.B. Moller, P. Lumbiganon, M. Petzold, D. Hogan, S. Landoulsi, N. Jampathong, K. Kongwattanakul, M. Laopaiboon [et al.] // Lancet Global Health. 2019. Vol. 7. № 1. P. e37—e46. DOI:10.1016/s2214-109x(18)30451-0
20. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems, 11th Revision (ICD11) [Электронный ресурс] / World Health Organization. Geneva: World Health Organization, 2019. URL: <https://icd.who.int/en> (дата обращения: 18.03.2022).
21. Johnson S., Marlow N. Early and long-term outcome of infants born extremely preterm // Archives of Disease in Childhood. 2017. Vol. 102. № 1. P. 97—102. DOI:10.1136/archdischild-2015-309581
22. Johnson S., Marlow N. Preterm birth and childhood psychiatric disorders // Pediatric Research. 2011. Vol. 69. № 8. P. 11—18. DOI:10.1203/PDR.0b013e318212faa0
23. Longitudinal assessment of social cognition in infants born preterm using eye-tracking and parent—child play / B. Dean, S. O'Carroll, L. Ginnell, V. Ledsham, E. Telford, S. Sparrow, J.P. Boardman, S. Fletcher-Watson // Infant and Child Development. 2021. Vol. 30. № 6. Article ID e2275. 13 p. DOI:10.1002/icd.2275

24. Lorenz K. The foundations of ethology [Электронный ресурс]. Berlin: Springer Nature, 1981. 390 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=2Y4ptmJiGIkC&pg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 18.03.2022).
25. Maternal behavior one year after early and extended post-partum contact / J.H. Kennel, R. Jerauld, H. Wolfe, D. Chester, N.C. Kreger, W. McAlpine, M. Steffa, M.H. Klaus // *Developmental medicine and child neurology*. 1974. Vol. 16. № 2. P. 172—179. DOI:10.1111/j.1469-8749.1974.tb02738.x
26. Maternal Plasma Levels of Oxytocin During Physiological Childbirth: A Systematic Review with Implications for Uterine Contractions and Central Actions of Oxytocin / K. Uvnäs-Moberg, A. Ekström-Bergström, M. Berg, S. Buckley, Z. Pajalic, E. Hadjigeorgiou, A. Kotłowska, L. Lengler, B. Kielbratowska, F. Leon-Larios [et al.] // *BMC Pregnancy Childbirth*. 2019. Vol. 19. Article ID 285. 17 p. DOI:10.1186/s12884-019-2365-9
27. Mindfulness- and Compassion-Based Parenting Interventions Applied to the Postpartum Period: A Systematic Review / D. Fernandes, F. Martins, M. Canavarro, H. Moriera // *Journal of Child and Family Studies*. 2021. Vol. 31. № 3. P. 1—25. DOI:10.1007/s10826-021-02175-z
28. Pathways to Parenting: Predictors of Prenatal Bonding in a Sample of Expectant Mothers and Fathers Exposed to Contextual Risk / C.J. Dayton, S. Brown, J. Goletz, L. Hocks, C. Barron, M. Sperlich, J. Smith-Darden // *Journal of Family Studies*. 2019. Vol. 28. № 4. P. 1134—1144. DOI:10.1007/S10826-019-01343-6
29. Preference for dynamic human images and gaze-following abilities in preterm infants at 6 and 12 months of age: An eye-tracking study / M. Imafuku, M. Kawai, F. Niwa, Y. Shinya, M. Inagawa, M. Myowa-Yamakoshi // *Infancy*. 2017. Vol. 22. № 2. P. 223—239. DOI:10.1111/inf.12144
30. Psychological Therapy for Postnatal Depression in UK Primary Care Mental Health Services: A Qualitative Investigation Using Framework Analysis / H. Hadfield, S. Glendenning, P. Bee, A. Wittkowski // *Journal of Family Studies*. 2019. Vol. 28. № 12. P. 3519—3532. DOI:10.1007/s10826-019-01535-0
31. Radoš N. Parental Sensitivity and Responsiveness as Mediators Between Postpartum Mental Health and Bonding in Mothers and Fathers // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. Vol. 12. Article ID 723418. 12 p. DOI:10.3389/fpsy.2021.723418
32. Robson K. The role of eye-to-eye contact in maternal-infant attachment // *Journal of child psychology and psychiatry*. 1967. Vol. 8. № 1. P. 13—25. DOI:10.1111/j.1469-7610.1967.tb02176.x
33. Shields S. Functionalism, Darwinism, and the psychology of women // *American Psychologist*. 1975. Vol. 30. № 7. P. 739—754. DOI:10.1037/h0076948
34. Stern D.N. The motherhood constellations: A unified view of parent-infant psychotherapy. New York: BasicBooks, 1995. 229 p.
35. Sternglanz S.H., Nash A. Ethological Contributions to the Study of Human Motherhood // *The Different Faces of Motherhood* / Eds. B. Birns, D.F. Hay. Boston, MA: Springer, 1988. P. 15—46. DOI:10.1007/978-1-4899-2109-3_2
36. Stuijzand S., Garthus-Niegel S., Horsch A. Parental Birth-Related PTSD Symptoms and Bonding in the Early Postpartum Period: A Prospective Population-Based Cohort Study // *Frontiers in Psychiatry*. 2020. Vol. 11. Article ID 570727. 17 p. DOI:10.3389/fpsy.2020.570727
37. Substance use and mothers' neural responses to infant cues / A.F. Lowell, A.N. Maupin, N. Landi, M.N. Potenza, L.C. Mayes, H.J.V. Rutherford // *Infant Mental Health Journal*. 2020. Vol. 41. № 2. P. 264—277. DOI:10.1002/imhj.21835
38. The impact of perinatal depression on children's social-emotional development: a longitudinal study / C. Junge, S. Garthus-Niegel, K. Slinning, C. Polte, M. Eberhard-Gran // *Maternal and Child Health Journal*. 2017. Vol. 21. № 3. P. 1—9. DOI:10.1007/s10995-016-2146-2
39. The role of mother's prenatal substance use disorder and early parenting on child social cognition at school age / M.S. Flykt, J. Lindblom, R. Belt, R.-L. Punamäki // *Infant and Child Development*. 2021. Vol. 30. № 3. 22 p. DOI:10.1002/icd.2221
40. Walter M., Abel H., Plappert C. The Role of Oxytocin and the Effect of Stress During Childbirth: Neurobiological Basics and Implications for Mother and Child // *Frontiers in Endocrinology*. 2021. Vol. 12. Article 742236. 10 p. DOI:10.3389/fendo.2021.742236
41. What's in a smile? Maternal brain responses to infant facial cues / L. Stratern, J. Li, P. Fronagy, P. Montague // *Pediatrics*. 2008. Vol. 122. № 1. P. 40—51. DOI:10.1542/peds.2007-1566

References

1. Bowlby J. Privyazannost' [Attachment]. Moscow: Gardariki, 2003. 477 p. (In Russ.).
2. Mid M. Kul'tura i mir detstva [Culture and the world of childhood] [Elektronnyi resurs]: Izbrannye proizvedeniya. Moscow: Nauka, 1988. 429 p. URL: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=10118> (Accessed 17.03.2022). (In Russ.).
3. Filippova G.G. Psikhologiya materinstva [Psychology of motherhood] [Elektronnyi resurs]: uchebnoe posobie. Moscow: Institut Psikhoterapii Publ., 2002. 240 p. URL: https://pedlib.ru/Books/1/0148/1_0148-1.shtml (Accessed 17.03.2022). (In Russ.).

4. Ainsworth M.D. Patterns of infant-mother attachment: antecedents and effects on development [Elektronnyi resurs]. *Bulletin of the New York Academy of Medicine*, 1985. Vol. 61, no. 9, pp. 771—791. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1911899> (Accessed 17.03.2022).
5. Amin L.N.A., Tam W.W.S., Shorey S. Enhancing first-time parents' self-efficacy: A systematic review and meta-analysis of universal parent education interventions' efficacy. *International Journal of Nursing Studies*, 2018. Vol. 82, pp. 149—162. DOI:10.1016/j.ijnurstu.2018.03.021
6. Ammaniti M., Menozzi F. Maternal and Paternal Coparenting Representations and Interactions During Pregnancy. In Kuersten-Hogan R., McHale J.P. (eds.), *Prenatal Family Dynamics: Couple and Coparenting Relationships During and Postpregnancy*. Berlin: Springer Nature, 2021, pp. 85—106. DOI:10.1007/978-3-030-51988-9_5
7. Bell R., Harper L. *Child effects on Adults*. London: Routledge, 1977. 268 p. DOI:10.4324/9781003039464
8. Berens P. Overview of the postpartum period: Normal physiology and routine maternal care [Elektronnyi resurs]. In Lockwood C.J., Barss V.A. (eds.). *UpToDate*, 2022. URL: <https://www.uptodate.com/contents/overview-of-the-postpartum-period-normal-physiology-and-routine-maternal-care> (Accessed 18.03.2022).
9. Berman P. Are women more responsive than men to the young? A review of developmental and situational variables. *Psychological Bulletin*, 1980. Vol. 88, no. 3, pp. 668—695. DOI:10.1037/0033-2909.88.3.668
10. Xiao L., Priest M.F., Nasenbeny J., Lu T., Kozorovitskiy Y. Biased Oxytocinergic Modulation of Midbrain Dopamine Systems. *Neuron*, 2017, no. 95, no. 2, pp. 368—384. DOI:10.1016/j.neuron.2017.06.003
11. de Cock E.S.A., Henrichs J., Vreeswijk C.M.J.M., Maas A.J.B.M., Rijk C.H.A.M., van Bakel H.J.A. Continuous feelings of love? The parental bond from pregnancy to toddlerhood. *Journal of Family Psychology*, 2016. Vol. 30, no. 1, pp. 125—134. DOI:10.1037/fam0000138
12. Darwiche, J., Fivaz-Depeursinge, E., Corboz-Warnery, A. Prenatal intuitive coparenting behaviors. *Frontiers in Psychology*, 2016. Vol. 7, article ID 1662, 6 p. DOI:10.3389/fpsyg.2016.01662
13. De Chateau P., Wiberg B. Long-term effect on mother-infant behavior of extra contact during the first hour post partum. II. A follow-up at three months. *Acta Paediatrica Scandinavica*, 1977. Vol. 66, pp. 145—151. DOI:10.1111/j.1651-2227.1977.tb07826.x
14. Dennis C. Psychological treatment is one of the several important components to the effective management of postpartum depression. *Nursing*, 2017. Vol. 20, no. 1, pp. 8—10. DOI:10.1136/eb-2016-102521
15. Rutherford H.J.V., Yip S.W., Worhunsky P.D., Kim S., Strathearn L., Potenza M.N., Mayes L.C. Differential responses to infant faces in relation to maternal substance use: An exploratory study. *Drug and Alcohol Dependence*, 2020. Vol. 207, article ID 107805, 7 p. DOI:10.1016/j.drugalcdep.2019.107805
16. Dayton C.J., Buczkowski R., Muzik M., Goletz J., Hicks L., Walsh T.B., Bocknek E.L. Expectant fathers' beliefs and expectations about fathering as they prepare to parent a new infant. *Social Work Research*, 2016. Vol. 40, no. 4, pp. 225—236. DOI:10.1093/swr/svw017
17. Dean B., Ginnell L., Ledsham V., Tsanas A., Telford E., Sparrow S., Fletcher-Watson S., Boardman J.P. Eye-tracking for longitudinal assessment of social cognition in children born preterm. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2021. Vol. 62, no. 4, pp. 470—480. DOI:10.1111/jcpp.13304
18. Favez N., Frascarolo F., Tissot H. The family alliance model: A way to study and characterize early family interactions. *Frontiers in Psychology*, 2017. Vol. 8, article ID 1441. 11 p. DOI:10.3389/fpsyg.2017.01441
19. Chawanpaiboon S., Vogel J.P., Moller A.B., Lumbiganon P., Petzold M., Hogan D., Landoulsi S., Jampathong N., Kongwattanakul K., Laopaiboon M. et al. Global, regional, and national estimates of levels of preterm birth in 2014: Asystematic review and modelling analysis. *Lancet Global Health*, 2019. Vol. 7, no. 1, pp. e37—e46. DOI:10.1016/s2214-109x(18)30451-0
20. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems, 11th Revision (ICD11) [Elektronnyi resurs]. *World Health Organization*. Geneva: World Health Organization, 2019. URL: <https://icd.who.int/en> (Accessed 18.03.2022).
21. Johnson S., Marlow N. Early and long-term outcome of infants born extremely preterm. *Archives of Disease in Childhood*, 2017. Vol. 102, no. 1, pp. 97—102. DOI:10.1136/archdischild-2015-309581
22. Johnson S., Marlow N. Preterm birth and childhood psychiatric disorders. *Pediatric Research*, 2011. Vol. 69, no. 8, pp. 11—18. DOI:10.1203/PDR.0b013e318212faa0
23. Dean B., O'Carroll S., Ginnell L., Ledsham V., Telford E., Sparrow S., Boardman J.P., Fletcher-Watson S. Longitudinal assessment of social cognition in infants born preterm using eye-tracking and parent—child play. *Infant and Child Development*, 2021. Vol. 30, no. 6, e2275, 13 p. DOI:10.1002/icd.2275
24. Lorenz K. *The foundations of ethology* [Elektronnyi resurs]. Berlin: Springer Nature, 1981. 390 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=2Y4ptmJiGIkC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (Accessed 18.03.2022).
25. Kennel J.H., Jerauld R., Wolfe H., Chester D., Kreger N.C., McAlpine W., Steffa M., Klaus M.H. Maternal behavior one year after early and extended post-partum contact. *Developmental medicine and child neurology*, 1974. V.16, no. 2, pp. 172—179. DOI:10.1111/j.1469-8749.1974.tb02738.x
26. Uvnäs-Moberg K., Ekström-Bergström A., Berg M., Buckley S., Pajalic Z., Hadjigeorgiou E., Kotłowska A., Lengler L., Kielbratowska B., Leon-Larios F. et al. Maternal Plasma Levels of Oxytocin During Physiological Childbirth:

- A Systematic Review with Implications for Uterine Contractions and Central Actions of Oxytocin. *BMC Pregnancy Childbirth*, 2019, no. 19, article ID 285, 17 p. DOI:10.1186/s12884-019-2365-9
27. Fernandes D., Martins F., Canavarro M., Moriera H. Mindfulness- and Compassion-Based Parenting Interventions Applied to the Postpartum Period: A Systematic Review. *Journal of Child and Family Studies*, 2021. Vol. 31, no. 3, pp. 1—25. DOI:10.1007/s10826-021-02175-z
28. Dayton C.J., Brown S., Goletz J., Hocks L., Barron C., Sperlich M., Smith-Darden J. Pathways to Parenting: Predictors of Prenatal Bonding in a Sample of Expectant Mothers and Fathers Exposed to Contextual Risk. *Journal of Family Studies*, 2019. Vol. 28, no. 4, pp. 1134—1144. DOI:10.1007/S10826-019-01343-6
29. Imafuku M., Kawai M., Niwa F., Shinya Y., Inagawa M., Myowa-Yamakoshi M. Preference for dynamic human images and gaze-following abilities in preterm infants at 6 and 12 months of age: An eye-tracking study. *Infancy*, 2017. Vol. 22, no. 2, pp. 223—239. DOI:10.1111/infa.12144
30. Hadfield H., Glendenning S., Bee P., Wittkowski A. Psychological Therapy for Postnatal Depression in UK Primary Care Mental Health Services: A Qualitative Investigation Using Framework Analysis. *Journal of Family Studies*, 2019. Vol. 28, no. 12, pp. 3519—3532. DOI:10.1007/s10826-019-01535-0
31. Radoš N. Parental Sensitivity and Responsiveness as Mediators Between Postpartum Mental Health and Bonding in Mothers and Fathers. *Frontiers in Psychiatry*, 2021. Vol. 12, article ID 723418, 12 p. DOI:10.3389/fpsy.2021.723418
32. Robson K. The role of eye-to-eye contact in maternal-infant attachment. *Journal of child psychology and psychiatry*, 1967. Vol. 8, pp.13—25. DOI:10.1111/j.1469-7610.1967.tb02176.x
33. Shields S. Functionalism, Darwinism, and the psychology of women. *American Psychologist*, 1975. Vol. 30, no. 7, pp. 739—754. DOI:10.1037/h0076948
34. Stern D.N. *The motherhood constellations: A unified view of parent-infant psychotherapy*. New York: BasicBooks, 1995. 229 p.
35. Sternglanz S.H., Nash A. Ethological Contributions to the Study of Human Motherhood. In Birns B., Hay D.F. (eds.), *The Different Faces of Motherhood*. Boston, MA: Springer, 1988. P. 15—46. DOI:10.1007/978-1-4899-2109-3_2
36. Stuijzand S., Garthus-Niegel S., Horsch A. Parental Birth-Related PTSD Symptoms and Bonding in the Early Postpartum Period: A Prospective Population-Based Cohort Study. *Frontiers in Psychiatry*, 2020. Vol. 11, article ID 570727, 17 p. DOI:10.3389/fpsy.2020.570727
37. Lowell A.F., Maupin A.N., Landi N., Potenza M.N., Mayes L.C., Rutherford H.J.V. Substance use and mothers' neural responses to infant cues. *Infant Mental Health Journal*, 2020. Vol. 41, no. 2, pp. 264—277. DOI:10.1002/imhj.21835
38. Junge C., Garthus-Niegel S., Slinning K., Polte C., Eberhard-Gran M. The impact of perinatal depression on children's social-emotional development: a longitudinal study. *Maternal and Child Health Journal*, 2017. Vol. 21, no. 3, pp. 1—9. DOI:10.1007/s10995-016-2146-2
39. Flykt M.S., Lindblom J., Belt R., Punamäki R.-L. The role of mother's prenatal substance use disorder and early parenting on child social cognition at school age. *Infant and Child Development*, 2021. Vol. 30, no. 3, 22 p. DOI:10.1002/icd.2221
40. Walter M., Abel H., Plappert C. The Role of Oxytocin and the Effect of Stress During Childbirth: Neurobiological Basics and Implications for Mother and Child. *Frontiers in Endocrinology*, 2021. Vol. 12. Article 742236. 10 p. DOI:10.3389/fendo.2021.742236
41. Stratern L., Li J., Fronagy P., Montague P. What's in a smile? Maternal brain responses to infant facial cues. *Pediatrics*, 2008. Vol. 122, no. 1, pp. 40—51. DOI:10.1542/peds.2007-1566

Информация об авторах

Авдеева Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуковой, факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Information about the authors

Natalia N. Avdeeva, PhD in Psychology, Professor, Chair of Developmental Psychology named after prof. L.F. Obukhova, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Получена 22.02.2022

Принята в печать 15.03.2022

Received 22.02.2022

Accepted 15.03.2022

Новые открытия, концепции и вопросы в поиске понимания влияния отцов на развитие детей

Хоффман Б.Э.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4075-3221>, email: brookeahoffman@gmail.com*

20 лет назад ученые называли сферу исследований отцовства «недоизученной». Сегодня изучение отцовства на уровне высшей школы множатся по всему миру. Новые открытия выявляют все новые возможности для инновационных направлений работы. Новые концепции и методологии дают возможность понять феномен отцовства на многих уровнях и проанализировать его многогранное влияние на развитие детей. Расширенное понимание этого влияния, в свою очередь, привело к изменениям в сферах юриспруденции, социальной работы и медицины. Статья рассматривает развитие исследований феномена отцовства на рубеже XXI века и за последние 20 лет; в ней выделены ключевые недавние открытия о важности отцовства, изменения в изучении влияния отцов на развитие детей и перспективы для дальнейших исследований в этой актуальной сфере.

Ключевые слова: отцовство, детско-родительские отношения, развитие ребенка.

Для цитаты: Хоффман Б.Э. Новые открытия, концепции и вопросы в поиске понимания влияния отцов на развитие детей [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 17–25. DOI:<https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110102>

New Discoveries, Concepts and Questions in the Search to Understand Fathers' Influence on Child Development

Brooke Ashley Hoffman

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4075-3221>, email: brookeahoffman@gmail.com*

Just 20 years ago scholars called the sphere of fatherhood research “understudied.” Today the view is quite different. Fatherhood studies have multiplied in universities across the world, and new discoveries have revealed opportunities for more research directions. New concepts and methodology have given us the opportunity to understand fatherhood at its many levels and analyze its multi-dimensional influence on child development. A better understanding of this influence has in turn inspired changes in the spheres of law, social work, and medicine. This article reviews the development of fatherhood research at the turn of the 21st century and in the past 20 years. It highlights key recent discoveries and changes in the study of fathers' influence on child development, and offers perspectives for further research in this important sphere.

Keywords: fatherhood, parent-child relationships, child development.

For citation: Hoffman B.A. New Discoveries, Concepts and Questions in the Search to Understand Fathers' Influence on Child Development. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 17–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110102> (In Russ.).

Введение

Двадцать лет назад, в 2001 г., Ронер и Венециано провели анализ исследований влияния отцов на развитие детей за период 1950–2000 гг. Они отметили важную тенденцию: хотя исторически влияние отцов на развитие детей специально не исследовалось, большая часть недавних исследований показала, что «влияние отцовской любви на развитие детей так же велико, а иногда и больше, чем влияние материнской любви»

[21, с. 382]. Результаты этих исследований привлекли интерес многих ученых второй половины XX века, которые начали искать более глубокое понимание сферы отцовства, некогда признанной «недоизученной». Ронер и Венециано в своей статье в 2001 г. обсуждали как развитие исследований отцовства в Америке в XX столетии, так и причины «недостаточности» таких исследований. Затем эти авторы обратили внимание на возрастающее количество доказательств влияния отцов на развитие детей.

Сегодня многое изменилось в научном понимании феномена отцовства. Уже можно утверждать, что этой сфере заслуженно уделяется особое внимание и она стала распространенной темой исследований в университетах по всему миру. Концепция, утверждающая, что отцы оказывают формирующее влияние на своих детей, получила широкое признание [23].

Цель данной статьи — выделить новые тенденции, важные открытия и ключевые изменения в исследовании влияния отцовства на развитие детей за последние двадцать лет. Поскольку объем литературы растет в геометрической прогрессии, основное внимание в этой статье уделено исследованию влияния отцов на детей в раннем и среднем детстве.

Акцент на значимости отцовской любви никоим образом не означает умаления хорошо задокументированной важности материнской любви. Это скорее попытка показать ключевое значение отношений с обоими родителями в жизни ребенка.

Отцы: больше не «недоизученные»

По данным Ронер и Венециано, только 7% профессиональных публикаций о детско-родительских отношениях, вышедших в период с 1929 по 1956 гг. в Америке, касались отношения между отцом и ребенком [21].

Эти авторы обсудили факторы, способствующие возникновению дефицита внимания исследователей, уделяемого отношениям отца и ребенка. Из-за широко распространенного в начале XX века мнения о социальной роли мужчин в семье как кормильцев, многие исследователи предполагали, что самая важная роль отца в жизни ребенка выполняется им вне дома [21].

Кроме того, теории развития ребенка до 1960—70-х гг. — такие как теория привязанности, теория обучения и теория когнитивного развития, — были сфокусированы на важнейшей роли матери [21].

В результате отношения между отцом и ребенком оказались намного реже изученными в исследованиях детского развития и получали меньше внимания в профессиональных публикациях.

В 1960—1970-х гг., однако, по многим причинам произошёл сдвиг в этой тенденции. Изменения в динамике семьи (матери начали поступать на работу вне дома), в структуре семьи (рост числа разводов в 60—70-е годы в Америке) и в восприятии обществом роли отца (от кормильца и блюстителя нравов до заботливого воспитателя и товарища по играм) привели как к новым перспективам, так и к новым вопросам в области психологии отцовства [21].

Количество исследований отцовства настолько выросло в последующие десятилетия, что Майкл Лэмб, профессор Кембриджского университета и автор книги «Роль отца в развитии ребенка», писал: «Первые два издания книги (Лэмб, 1976, 1981) содержали энциклопедические вводные главы, в которых автор попытался

дать всеобъемлющий обзор главной и вторичной литературы. Такие попытки были уже невозможны ко времени третьего издания (1997), когда список литературы к такой главе занял бы больше места, чем любая из глав в книге!» [23, с. 1].

Исследование влияния отцов на развитие детей совершенствовалось не только количественно, но и качественно. Новые данные, раскрывающие важность отношений с отцом, постепенно изменяли отношение многих ученых к вопросу о влиянии отца. Если авторы ранних статей этого новаторского тренда пытались убедить читателей в своих позициях, то авторы более поздних статей (в 1990-х гг.) не чувствовали в этом необходимости. Уверенные в общем признании своей основной посылки о важности отцов, они сосредоточились на более конкретных аспектах отцовства [23].

Несмотря на растущий объем литературы, Джозеф Плэк, профессор Иллинойского университета Урбана-Шампейн, Майкл Лэмб, и другие исследователи феномена отцовства отмечали, что стремление в конце XX в. исследовать новые ценности в понимании отцовства (например, «время, проведенное с детьми») нередко приводило к сужению понимания отцовства и, следовательно, к более узким исследовательским подходам, методам и результатам [10].

Лэмб писал, «Исследователи проделали работу по изучению отдельных путей влияния лучше, чем по моделированию взаимосвязей между многочисленными аспектами отцовства и результатов в воспитании детей» [23]. Плэк и Лэмб призвали ученых XXI в. стремиться к более глубокому, более всеобъемлющему пониманию отцовства, учитывающему его многочисленные аспекты и формы.

Подобные тенденции как раз наблюдаются в первые десятилетия XXI века: исследуются факторы, определяющие отцовское поведение, обсуждаются новые концепции и аспекты отцовства, открываются дополнительные направления исследования отцов.

Но объект исследования, т. е. сами отцы, также меняется. Как же изменилось отцовство за последние 20 лет?

Новый облик отцовства

Статистические исследования и сравнительный анализ различных культур в последнее время выявляют схожие тенденции во многих странах в участии отцов в жизни своих детей. Среди наиболее значительных тенденций в США — изменения в количестве времени, затрачиваемого отцами на уход за детьми, увеличение числа отцов, отказавшихся от работы вне дома, чтобы заботиться о своих детях (Stay-at-home-dads: SAHD), и стабильность большой численности детей, не живущих со своими биологическими отцами [22].

Согласно Американскому Опросу по Использованию Времени (Бюро статистики труда,

2014), в 2012 г. все отцы (проживающие и не проживающие с детьми) в возрасте от 25 до 59 лет тратили в день в среднем 20 минут на уход за ребенком (например, укладывание на ночь) и 12 минут на развивающие занятия (чтение книжки). Эти данные аналогичны цифрам, собранным в 2004 г., но в два—три раза превышают те, которые были получены из опросов отцов в 1985 г. [22]. В связи с новыми ценностями отцовства — эти цифры прирастали с 1985 по 2004 гг., а за последние десятилетия они выровнялись. Возможная причина такого характера динамики показателей заключается в том, что большинство отцов в США — 92%, согласно опросу 2015 г., — все еще работают вне дома полный рабочий день [19].

Обязанности отцов в семье также меняются в некоторых аспектах. В 1985 г. матери тратили примерно в четыре раза больше времени на физический уход за ребенком, чем отцы, и в два раза больше времени — на развивающие занятия. В 2012 г. матери, по сравнению с отцами, тратили в два раза больше времени на физический уход за ребенком и в 1,63 раза больше времени на развивающие занятия [22].

В последнее десятилетие было проведено много межкультурных сравнительных исследований в сфере отцовства. В одном из них, проведенном в 2012 г., Дженнифер Хук и Кристина Вулф сравнили время ухода за детьми работающих отцов в партнерских отношениях, проживающих со своими детьми, в Германии, Соединенных Штатах, Великобритании и Норвегии [22]. Они обнаружили, что отцы в Норвегии демонстрировали самые высокие показатели физического ухода за детьми в будние и выходные дни, в то время как отцы в Германии реже всех оказывали физическую помощь в это время. Отцы в этих четырех странах демонстрировали примерно одинаковый уровень вовлеченности в развивающие занятия с детьми [22].

В другом межкультурном исследовании сравнивались взгляды на вовлеченность отцов в уход за ребенком в американских, китайских, японских и шведских семьях [26]. Полученные результаты показали, что из 1587 опрошенных отцов все участники придерживаются схожего мнения о том, что для отцов очень важно уделять время уходу за своими детьми. Однако на количество времени, проводимого с детьми, влияют культурные факторы [26].

Отцы заботятся о своих детях не только дома. В последние годы наблюдается рост участия отцов в школьной жизни детей. Национальный центр отцовства (США) сообщил в 2009 г.: «В то время как 32% отцов никогда не посещают класс своего ребенка, а 54% никогда не занимаются волонтерской работой в школе, тенденция к их вовлечению растет. За последние 10 лет процент отцов, которые водят своих детей в школу, вырос с 38% до 54%, посещают классные мероприятия от 28% до 35% отцов, посещают класс своего ребенка от 30% до 41%, занимаются волонтерской работой в школе своего ребенка от 20% до 28% отцов. Посещение отцами родительских собраний увеличи-

лось с 69% до 77%; посещение школьных собраний — с 28% до 35%, а школьных родительских собраний — с 47% до 59%» [5].

Численность отцов, которые выбирают социальную роль «оставаться дома и быть основными воспитателями в семье» (Stay-at-home-dads: SAHD), также растет. Данные «Обследования текущего населения» США (Current Population Survey, CPS) показали, что доля отцов, которые выбрали статус SAHD, увеличилась с 2,0% в 1976—1979 гг. до 3,5% в 2000—2009 гг. [22].

Одна из самых интересных тенденций последних 20 лет касается отношений детей с отцом после развода родителей. Процент детей, которые не проживают со своим биологическим отцом, вырос всего на 0,1% за 17 лет (2000—2017) в США. В 2017 г. 26,7% американских детей не проживали со своим биологическим отцом. В 2000 г. 26,6% детей не проживали со своими биологическими отцами [22]. Хотя эти цифры, возможно, отчасти и обусловлены более низким уровнем разводов в США за последние десять лет [24], они также обусловлены новой тенденцией в государственных правовых решениях, касающихся опеки над детьми при разводе. Штаты начали применять варианты совместной юридической опеки и совместной физической опеки (Joint Physical Custody: JPC) в процессе развода; эти изменения оказывают существенное влияние на участие отцов в воспитании детей [22]. («Юридическая опека относится к совместному принятию родителями решений в отношении детей; физическая опека (JPC) относится к совместному проживанию родителей с ребенком. JPC определяется как условия проживания, при которых дети проживают с каждым родителем не менее 35% времени» [22, с. 177].) Данные, полученные в штате Висконсин, показали, что в период с 1989 по 2010 гг. общая опека (ребенок проводит не менее 25% времени с каждым родителем) увеличилась примерно с 11% до 50% всех случаев развода [12].

Большинство исследований показывают, что при совместной физической опеке отцы и матери сообщают о лучших отношениях со своими детьми, чем в ситуации, когда только один из родителей имеет опеку над ребенком [14]. Кроме того, в одном недавнем обзоре литературы было показано, что при JPC дети имели лучшие показатели благополучия, чем дети, находящиеся под опекой одного родителя, в 48 из 60 рассмотренных исследований (при контроле качества отношений между родителями и детьми, доходов и конфликтов между родителями) [14].

Эти данные затрагивают давние дебаты о том, что на самом деле наилучшим образом отвечает интересам ребенка при разводе. Все еще существуют разногласия, касающиеся преимуществ JPC, так как его противники утверждают, что эти данные указывают лишь на то, что родители, предпочитающие совместную физическую опеку, с большей вероятностью имеют лучшие отношения друг с другом, чем те, кто выбирают единственную физическую опеку [22].

Растущее понимание отцовства: меняющиеся концепции и новые аспекты

На самом деле существует не один концептуальный образ отцовства, а множество.

Отцовская забота многогранна и выражается на многих уровнях. Призыв Плек, Лэмб и других исследователей «... стремиться к более широкому и всеобъемлющему пониманию отцовства» [10] во многом определил направление исследований в последние 20 лет. Ученые отказались от ограниченного понимания роли отцов как кормильцев или как тех, кто влияет на развитие своих детей одним своим присутствием в доме, и создали более сложную картину вовлеченности отца и его многочисленных ролей в развитие своих детей. Эта многоплановая картина позволила ученым построить новые теоретические модели для более точного измерения и оценки влияния отцов. В свою очередь, эти достижения позволили исследователям эмпирически проверять взаимосвязи между различными аспектами отцовства [23].

В начале XXI в. Лэмб предложил исследователям отцовства сделать шаг назад. В 4-м издании своей книги «Роль отца в развитии ребенка» (2003) Лэмб писал о тенденции исследователей делать поспешные выводы при изучении данных о влиянии отца. Хотя он признавал, что результаты крупных исследований удивительно согласуются друг с другом, дети, контактирующие с высоко вовлеченными отцами характеризуются высокой когнитивной компетентностью, повышенной эмпатией, меньшим количеством убеждений, основанных на гендерных стереотипах, и внутренним локусом контроля [23], он подчеркивал, что остается открытым вопрос, в чем причина этих различий. Выводы без учета всех влияющих факторов могут привести к ошибочным результатам.

При оценке результатов исследований Лэмб предлагает рассмотреть два вопроса.

Во-первых, хотя доказаны различия между детьми, растущими в семьях с отцом, и детьми, растущими в семьях без отца, исследователи должны задаться вопросом: почему эти различия существуют и как эти данные интерпретировать?

Во-вторых, существование этих различий не означает, что у каждого ребенка, воспитывающегося без отца, возникают сложности в развитии или что все дети, воспитывающиеся в семьях с отцом, развиваются в соответствии с нормой.

Для этих групп характерна большая неоднородность. Некоторые дети, по-видимому, страдают от последствий отсутствия отца, в то время как другие переживают это обстоятельство намного легче.

Такие различия заставляют задать вопрос: *почему существует такая неоднородность?*

Как писал Лэмб: «В более широком смысле вопрос заключается в том, что такого в контексте, который обуславливает групповые различия между детьми в условиях отсутствия отца и присутствия отца, и что

объясняет впечатляющие различия внутри групп» [23, с. 6].

С большей тщательностью и вниманием к деталям ученые в первые десятилетия XXI в. изучали отношения между отцом и ребенком в семейной системе. В качестве примера предлагается картина, которую Лэмб нарисовал в книге «Роль отца в развитии ребенка». Чтобы рассмотреть, как при разводе невыполнение различных ролей отца может влиять на детей, он описал следующий сценарий. Родители помогают друг другу по уходу за ребенком, участвуют в принятии трудных решений и берут на себя ответственность, когда одному из них тяжело. После развода, при отсутствии одного из родителей, потребности детей могут не удовлетворяться или удовлетворяться не полностью из-за новой семейной структуры и меньшего количества родительских ресурсов.

Экономический стресс также может сопровождать развод. Средние доходы одиноких матерей, по статистике, значительно ниже, чем в любой другой группе семей [23].

В дополнение к экономическим трудностям, определенная степень социальной изоляции после развода может вызывать эмоциональный стресс. Существуют также супружеские конфликты и их пагубные последствия до и после развода, которые могут оказать влияние на детей. И, наконец, не менее важно, что дети после развода страдают от предполагаемого, а часто и фактического отказа одного из родителей от контакта с ними [23].

Отцы, в итоге, не только вносят свой вклад в развитие ребенка посредством прямого взаимодействия со своими детьми, такого как уход и совместные занятия, но также косвенно удовлетворяют потребности своих детей в области развития: отцы помогают создать безопасную, стабильную домашнюю обстановку, предоставляя финансовую поддержку семье и поддерживая супруг эмоционально и практично.

Учитывая многогранный характер влияния отца на детей, ученые все чаще признавали необходимость теории для руководства исследованиями отцовства, позволяющей стандартизировать процессы измерения [17]. Ученые указали на необходимость комплексного методологического подхода, основанного на концепции экологической системы развития.

Сара Дж. Шоппе-Салливан, профессор Университета штата Огайо, и Джей Фаган, профессор Университета Темпл, провели обзор литературы об отцовстве в 2020 г., сосредоточив внимание на ключевых разработках, сохраняющихся проблемах и новых важных направлениях. Эти авторы рассмотрели развитие теоретических и концептуальных моделей отцовства за последние десять лет.

Одна из значительных работ — публикация Плек пересмотренной концепции участия отца в 2010 [17]. Плек утверждал, что текущее исследование не подтверждает идею о том, что больше времени, проводимое отцами с детьми, обязательно связано с лучшими результатами для развития детей. Он расширил и усо-

вершенствовал концепцию участия отца, включив в нее акцент на качестве взаимодействия и отношений между отцом и ребенком, а не на упрощенном сосредоточении внимания только на количестве времени, которое отцы проводят с детьми.

Концептуализация Плек включала следующие пять компонентов участия отца: 1) позитивное взаимодействие, 2) теплота и ответственность, 3) контроль, 4) косвенная социальная и материальная забота (т. е. действия, которые родители выполняют для ребенка, но не с ребенком), 5) ответственность за процесс (т. е. удовлетворение потребностей ребенка, но при этом не обязательно быть тем, кто непосредственно удовлетворяет потребности ребенка) [9].

Другие теоретические перспективы, которые использовались для руководства исследованиями отцовства в течение последнего десятилетия, включают социальный капитал (social capital) (например, Бут, Скотт и Кинг, 2010), теорию идентичности (identity theory) (например, Пасли, Петрен и Фиш, 2014) и теории семейных систем (family systems theories) (например, Галован, Холмс, Шрамм и Ли, 2014) [22].

Несмотря на усилия по определению и измерению концепции вовлеченности отца, ряд исследователей предполагают, что в этой области все еще нет консенсуса относительно того, что такое концепция вовлеченности отца или как ее измерить [22]. Продолжаются также дебаты о том, существуют ли роли, которые конкретно принадлежат отцам и матерям (дискуссия, частично связанная с ценностями феминизма и гендерного равенства).

В то время как некоторые ученые все еще считают, что общий консенсус невозможен, ряд теоретических и эмпирических достижений побудил других пересмотреть способы, с помощью которых они концептуализируют и оценивают отцов и их роль в развитии детей [22].

Некоторые из этих теоретических достижений рассматриваются в следующем разделе.

Новые направления исследования: «нюансы вопросов и проблем» (все области важны)

В 2004 г. основополагающая статья профессора Дэниела Пакетта (Монреальский университет) утверждала, что с эволюционной точки зрения отношения отцов с детьми выполняют иную функцию, чем отношения матерей [15].

Пакетт опирался на теорию привязанности (Эйнсворт, Блехар, Уотерс и Уолл, 1978; Боулби, 1969), чтобы утверждать, что отношения привязанности детей к матерям служат, в первую очередь, функции безопасного убежища для детей (т. е. места, куда можно вернуться за утешением в случае проблем), в то время как отношения привязанности детей к отцам служат функции надежной базы — способствуют исследованию детьми окружающей среды и, следовательно, компетенциям (т. е. регулированию эмоций,

социальным навыкам), которые развиваются в результате преодоления трудностей и взаимодействия с миром за пределами семьи [22].

Пакетт назвал привязанность отца к ребенку «активирующими отношениями» [15] и разработал новую оценку «Рискованная ситуация» в качестве альтернативы процедуре «Странная ситуация» (мера золотого стандарта поведения привязанности в младенчестве), с целью лучшего отражения предлагаемых уникальных аспектов связи между отцом и ребенком.

Первоначальные данные проверки для рискованной ситуации были предоставлены Дюмон и Пакетт в 2013 г., которые сообщили о предварительных доказательствах того, что отношения привязанности отца и ребенка, оцененные в рискованной ситуации, являются лучшим показателем социально-эмоционального развития ребенка, чем отношения привязанности отца и ребенка, оцененные в традиционной процедуре «странной ситуации» [22].

В этот же период возрос интерес к аспектам взаимодействия отца и ребенка, которые приводят к социально-эмоциональному развитию. В свете свидетельств того, что большая часть времени, проведенного отцами с детьми, отводится играм, а не уходу за детьми и что, по мнению некоторых ученых, существуют качественные различия в играх отцов и матерей, исследования игр отцов расширились [20; 22].

Некоторые исследователи сосредоточили свое внимание на конкретном аспекте игры отцов — склонность отцов участвовать в физически активных играх (rough-and-tumble play: RTP) с детьми. RTP можно определить, как физически энергичное поведение, такое как погоня и игровые бои, которые сопровождаются положительными эмоциями и позитивными чувствами между игроками. В метаанализе 2017 г. Сент-Джордж и Фримен обнаружили умеренную положительную связь между RTP отцов и социальной компетентностью детей [22]. В двух проектах, использующих оценку наблюдений и схему кодирования, созданную Флетчер, Сент-Джордж и Фримен для определения качества RTP отцов с детьми, сообщалось, что более высокое качество RTP отцов было связано с более низким уровнем поведенческих трудностей, о которых сообщают родители [22]. Качество RTP между отцом и ребенком, закодированное по этой схеме, также было негативно связано с агрессивным поведением детей в исследовании городских китайских семей с детьми в возрасте от 2 до 3 лет [1].

В дополнение к социально-эмоциональному развитию, в последнее десятилетие ученые также сосредоточились на том, насколько отцы влияют на когнитивное развитие своих детей. В системном обзоре, проведенном итальянскими исследователями Ролле и др., были рассмотрены публикации, датированные периодом с 1965 по 2018 гг., о влиянии отцов на когнитивное развитие детей. Авторы пришли к заключению, что «... исследования выявили положительную связь между участием отца и когнитивными навыками детей в ран-

нем и среднем детстве» [4]. Что касается прямых моделей влияния, то многие исследования показали, что участие отца в школьной жизни ребенка положительно и напрямую связано с чтением детей, математикой и подходом к обучению [4].

Подкатегорией исследования когнитивного развития является изучение влияния отцов на развитие речи ребенка. Речь, инициирующая разговор, например, просьбы о разъяснении, вопросы (Кто? Что? Когда? Где? Почему?), по некоторым данным, чаще используется отцами, чем матерями [3]. Такая форма общения способствует развитию речи у маленьких детей [6]. В одном исследовании, проведенном в 2019 году, (Дайкманни и др.) сообщалось, что использование языка отцами во время совместного чтения книг (т. е. повторение или подражание высказываниям детей), а также качество отношений привязанности отца и ребенка были важными факторами формирования выразительных языковых навыков у малышей [7].

Влияние на настоящее и будущее

Важнейшая роль отцов в развитии следующего поколения побудила ученых разных специальностей, таких как демография, семейные исследования, медицина, юриспруденция, психология, социальная работа и социология, вникать в тему отцовства и в своих сферах менять подходы в соответствии с новыми открытиями [22]. В 2016 г. Американская академия педиатрии (ААР) обновила свое руководство для педиатров о роли отцов в уходе и развитии своих детей «... на основе растущего числа высококачественных исследований, которые в настоящее время количественно определяют и квалифицируют эту роль» [13].

Еще одним источником поддержки отцов в последние годы стали правительства. Федеральное правительство США с 2005 года оказывает значительную финансовую поддержку программам для отцов-нерезидентов с низким уровнем дохода. В период с 2005 по 2015 гг. федеральное правительство выделило 150 миллионов долларов, половину из которых на программы здорового брака и отношений, а половину — на программы ответственного отцовства для родителей с низкими доходами. В то время как программы поддержки брака и отношений предусматривают занятия по поддержанию и формированию позитивных партнерских отношений, программы отцовства предлагают занятия по воспитанию детей [22].

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (Organization for Economic Cooperation and Development: OECD), к 2016 году 23 страны-члена организации предлагали отцам при рождении детей ту или иную форму оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком.

Несмотря на широкий диапазон оплачиваемого времени такого отпуска (от 1 дня в Италии до 53 недель в Южной Корее), тенденция свидетельствует о расту-

щем понимании важности вовлеченности отца по всему миру, а также о готовности со стороны правительств вкладываться в эту сферу. ОЭСР сообщила, что, хотя число отцов, пользующихся этим отпуском, все еще невелико, оно растет [16].

Появилось еще одно новое направление исследования: в последние годы начали проводить исследования по изучению эффективности разных программ поддержки отцов и определению предложений по работе с отцами [2; 18; 25].

Заключение

«Нет новых истин, есть только не признанные теми, кто воспринял их неявно», — пишет американский социальный историк Мэри Маккарти [11]. Так можно сказать и о значимости роли отца в развитии ребенка. Отцы не стали более значимыми; дело в том, что их значимость, наконец, была замечена. С начала человеческой истории и по настоящее время присутствие отца в жизни ребенка было и остается закрепляющим фактором, обеспечивающим как защиту, так и стимулирование развития.

При этом научное раскрытие значимости отцовства безусловно повлияло на то, как отцы в действительности выполняют свою социальную роль. Исследовательские данные об участии отцов в развитии детей изменили социальные ожидания и нормы. Новые семейные ценности, подчеркивающие значение вовлеченности и внимательности со стороны отцов, сыграли определенную роль в изменении восприятия отцами своей роли, а также того, как они взаимодействуют со своими детьми и принимают участие в их жизни.

Исследования показали, что роль отцов в развитии своих детей не так одномерна, как считалось. Развитие научного знания в этой сфере за последние десятилетия выявили множество вариантов непосредственного участия отца в развитии своего ребенка, а также его косвенный вклад в создание необходимых условий для роста.

В ответ на эти выводы исследователи построили новые модели и концепции феномена отцовства, с тем чтобы лучше выделять и изучать выявленные факторы, с целью создания теории, которая бы руководствовала измерением и исследованием отцовства.

Хотя новые теории, выработанные в последние десять лет, действительно отражают многоаспектность своего объекта, исследователи все еще не пришли к единому мнению относительно возможности создания концепции, которая бы охватила все грани отцовства.

Раскрытие сложности роли отца привело к развитию новых направлений исследований. В сфере психологии развития некоторые из важных направлений включают: влияние привязанности к отцу на развитие ребенка, важность игр с отцом и преимущества вовлеченности отца в образовательные и развивающие процессы своих детей. Эти новые исследования не только открыли, каким образом отцы влияют на развитие

детей, но и заложили основу для изменения различных подходов в научных сферах и развития социальных программ для отцов.

Начиная с программ, поддерживающих участие отцов-нерезидентов в жизни своих детей, и заканчивая новой политикой, предоставляющей оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком отцам, отцовство начинает получать давно назревшее внимание и поддержку.

Другие популярные направления исследований отцовства, которым не уделялось детального внимания в этой статье (поскольку они не сосредоточены на результатах развития детей), включают: принятие отцовской позиции и «становление» отцом, отцовская мотивация и другие влияния на поведение отца, психическое здоровье отца и послеродовая депрессия у мужчин, межкультурные сравнения ролей и обязанностей отцов, влияние отцовства на личностное развитие мужчин.

Перспективы для дальнейшего исследования

«Сложный вопрос о том, почему отцы делают то, что они делают, лежит в основе исследований отцов-

ства. Вовлеченность отца определяется многими взаимодействующими факторами», заключает Лэмб [23, с. 15]. Необходимо развивать представление о множественности и изменчивости отцовских идентичностей и их формировании, а также о социальной экологии, которые формируют отношения отцов с детьми [22].

Можно ли достичь консенсуса между учеными относительно универсальной концепции отцовства, еще предстоит выяснить. Но в свете выводов о значимости учета динамики семьи в определении результатов развития ребенка, возможно, консенсус не потребуется.

Шоппе-Салливан и Фаган завершили свой обзор так: «Хотя исследования, посвященные только отцам, останутся необходимыми и важными (как и исследования, посвященные только матерям), исследования, включающие матерей, отцов и детей, позволяют применять теоретические методы семейной системы и анализа данных. Более последовательное внедрение системных подходов обещает обеспечить более глубокое понимание родительских и семейных отношений и более эффективное применение этих знаний» [22, с. 187].

Литература

1. A Meta-Analysis of Father Involvement in Parent Training / B.W. Lundahl, D. Tollefson, H. Risser, M.C. Lovejoy // *Research on Social Work Practice*. 2008. Vol. 18. № 2. P. 97—106. DOI:10.1177/1049731507309828
2. Anderson S., Qiu W., Wheeler S.J. The quality of father—child roughand tumble play and toddlers' aggressive behavior in China // *Infant Mental Health Journal*. 2017. Vol. 38. № 6. P. 726—742. DOI:10.1002/imhj.21675
3. Father input and child vocabulary development: the importance of Wh questions and clarification requests / K.A. Leech, V.C. Salo, M.L. Rowe, N.J. Cabrera // *Seminars in speech and language*. 2013. Vol. 34. № 4. P. 249—259. DOI:10.1055/s-0033-1353445
4. Father Involvement and Cognitive Development in Early and Middle Childhood: A Systematic Review / L. Rollè, G. Gullotta, T. Trombetta, L. Curti, E. Gerino, P. Brustia, A.M. Caldarella // *Frontiers in psychology*. 2019. Vol. 10. Article ID 2405. 18 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02405
5. Fatherhood Institute research summary: Fathers' impact on their children's learning and achievement [Электронный ресурс] // Fatherhood Institute. 2013. URL: <http://www.fatherhoodinstitute.org/2013/fatherhood-institute-research-summary-fathers-and-their-childrens-education> (дата обращения: 24.03.2022).
6. Going Beyond Input Quantity: Wh-Questions Matter for Toddlers' Language and Cognitive Development / M.L. Rowe, K.A. Leech, N. Cabrera // *Cognitive science*. 2017. Vol. 41. № 1. P. 162—179. DOI:10.1111/cogs.12349
7. How fathers' attachment security and education contribute to early child language skills above and beyond mothers: parent-child conversation under scrutiny / T. Lukas, F. Deichmann, B. Supper, L. Ahnert // *Attachment & human development*. 2020. Vol. 22. № 1. P. 71—84. DOI:10.1080/14616734.2019.1589063
8. Jeynes W. A Meta-Analysis: The Roles of Fathers in Parenting: Are They Unique? // *Marriage & Family Review*. 2016. Vol. 52. № 7. P. 665—688. DOI:10.1080/01494929.2016.1157121
9. Jeynes W.H. A Meta-Analysis: The Relationship Between Father Involvement and Student Academic Achievement // *Urban Education*. 2015. Vol. 50. № 4. P. 387—423, DOI:10.1177/0042085914525789
10. Lamb M. The History of Research on Father Involvement // *Marriage and Family Review*. 2000. Vol. 29. № 2—3. P. 23—42. DOI:10.1300/J002v29n02_03
11. Mary McCarthy: Quotes [Электронный ресурс] // Britannica. 2022. URL: <https://www.britannica.com/quotes/Mary-McCarthy> (дата обращения: 24.03.2022).
12. Meyer D., Cancian M., Cook S. The Growth in Shared Custody in the United States: Patterns and Implications: The Growth in Shared Custody in the United States // *Family Court Review*. 2017. Vol.55. № 4. P. 500—512. DOI:10.1111/fcre.12300
13. Nielsen L. Joint Versus Sole Physical Custody: Children's Outcomes Independent of Parent—Child Relationships, Income, and Conflict in 60 Studies // *Journal of Divorce & Remarriage*. 2018. Vol. 59. № 4. P. 247—281. DOI:10.1080/10502556.2018.1454204

14. *Nierengarten M.B.* Fathers' influence on development and well-being of children [Электронный ресурс] // *Contemporary Pediatrics Journal*. 2019. Vol 36. № 6. P. 16—20. URL: <https://www.contemporarypediatrics.com/view/fathers-influence-development-and-well-being-children> (дата обращения: 24.03.2022).
15. *Paquette D.* Theorizing the Father-Child Relationship: Mechanisms and Developmental Outcomes // *Human Development*. 2004. Vol. 47. P. 193—219. DOI:10.1159/000078723
16. Parental leave: Where are the fathers? [Электронный ресурс] / OECD. Paris, 2016. 2 p. URL: <https://www.oecd.org/policy-briefs/parental-leave-where-are-the-fathers.pdf> (дата обращения: 24.03.2022).
17. *Pleck J.H.* Paternal involvement: Revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes // *The role of the father in child development* / Ed. M.E. Lamb. Hoboken: John Wiley & Sons Inc., 2010. P. 58—93.
18. Practitioner review: Engaging fathers--recommendations for a game change in parenting interventions based on a systematic review of the global evidence / C. Panter-Brick, A. Burgess, M. Eggerman, F. McAllister, K. Pruett, J.F. Leckman // *Journal of child psychology and psychiatry*. 2014. Vol. 55. № 11. P. 1187—1212. DOI:10.1111/jcpp.12280
19. Raising Kids and Running a Household: How Working Parents Share the Load [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2015. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2015/11/04/raising-kids-and-running-a-household-how-working-parents-share-the-load> (дата обращения: 24.03.2022).
20. *Robinson E.L., StGeorge J., Freeman E.E.* A Systematic Review of Father-Child Play Interactions and the Impacts on Child Development // *Children*. 2021. Vol. 8. № 5. Article ID 389. 19 p. DOI:10.3390/children8050389
21. *Rohner R.P., Veneziano R.A.* The Importance of Father Love: History and Contemporary Evidence // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5. № 4. P. 382—405. DOI:10.1037/1089-2680.5.4.382
22. *Schoppe-Sullivan S.J., Fagan J.* The evolution of fathering research in the 21st century: Persistent challenges, new directions // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82. № 1. P. 175—197. DOI:10.1111/jomf.12645
23. *The Role of the Father in Child Development, 4th Edition* / Ed. M. Lamb. Hoboken: John Wiley and Sons, Inc., 2004. 552 p.
24. *Wang W.* The U.S. Divorce Rate Has Hit a 50-Year Low [Электронный ресурс] // Institute for Family Studies. 2020. URL: <https://ifstudies.org/blog/the-us-divorce-rate-has-hit-a-50-year-low> (дата обращения: 24.03.2022).
25. *Yiğit Gençten V., Genc E.* Paternity leave: A systematic review of studies in education and psychology from 1990-2019 // *International Journal of Social Sciences and Education Research*. 2020. Vol. 6. № 4. P. 531—542. DOI:10.24289/ijsser.815369
26. *Yoko I., Satomi I.T.* A Cross-Cultural Study of American, Chinese, Japanese and Swedish Early Childhood In-service and Pre-Service Teachers' Perspectives of Fathering // *Research in Comparative and International Education*, 2013. Vol. 8, № 1. P. 87—101. DOI:10.2304/rcie.2013.8.1.87

References

1. Lundahl B.W., Tollefson D., Risser H., Lovejoy M.C. A Meta-Analysis of Father Involvement in Parent Training. *Research on Social Work Practice*, 2008. Vol. 18, no. 2, pp. 97—106. DOI:10.1177/1049731507309828
2. Anderson S., Qiu W., Wheeler S.J. The quality of father—child rough-and-tumble play and toddlers' aggressive behavior in China. *Infant Mental Health Journal*, 2017. Vol. 38, no. 6, pp. 726—742. DOI:10.1002/imhj.21675
3. Leech K.A., Salo V.C., Rowe M.L., Cabrera N.J. Father input and child vocabulary development: the importance of Wh questions and clarification requests. *Seminars in speech and language*, 2013. Vol. 34, no. 4, pp. 249—259. DOI:10.1055/s-0033-1353445
4. Rollè L., Gullotta G., Trombetta T., Curti L., Gerino E., Brustia P., Caldarera A.M. Father Involvement and Cognitive Development in Early and Middle Childhood: A Systematic Review. *Frontiers in psychology*, 2019. Vol. 10, article ID 2405, 18 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02405
5. Fatherhood Institute research summary: Fathers' impact on their children's learning and achievement [Elektronnyi resurs]. *Fatherhood Institute*, 2013. URL: <http://www.fatherhoodinstitute.org/2013/fatherhood-institute-research-summary-fathers-and-their-childrens-education> (Accessed 24.03.2022).
6. Rowe M.L., Leech K.A., Cabrera N. Going Beyond Input Quantity: Wh-Questions Matter for Toddlers' Language and Cognitive Development. *Cognitive science*, 2017. Vol. 41, no. 1, pp. 162—179. DOI:10.1111/cogs.12349
7. Lukas T., Deichmann F., Supper B., Ahnert L. How fathers' attachment security and education contribute to early child language skills above and beyond mothers: parent-child conversation under scrutiny. *Attachment & human development*, 2020. Vol. 22, no. 1, pp. 71—84. DOI:10.1080/14616734.2019.1589063
8. Jeynes W. A Meta-Analysis: The Roles of Fathers in Parenting: Are They Unique? *Marriage & Family Review*, 2016. Vol. 52, no. 7, pp. 665—688. DOI:10.1080/01494929.2016.1157121
9. Jeynes W.H. A Meta-Analysis: The Relationship Between Father Involvement and Student Academic Achievement. *Urban Education*, 2015. Vol. 50, no. 4, pp. 387—423, DOI:10.1177/0042085914525789
10. Lamb M. The History of Research on Father Involvement. *Marriage and Family Review*, 2000. Vol. 29, no. 2—3, pp. 23—42. DOI:10.1300/J002v29n02_03
11. Mary McCarthy: Quotes [Elektronnyi resurs]. *Britannica*, 2022. URL: <https://www.britannica.com/quotes/Mary-McCarthy> (Accessed 24.03.2022).

12. Meyer D., Cancian M., Cook S. The Growth in Shared Custody in the United States: Patterns and Implications: The Growth in Shared Custody in the United States. *Family Court Review*, 2017. Vol. 55, no. 4, pp. 500—512. DOI:10.1111/fcre.12300
13. Nielsen L. Joint Versus Sole Physical Custody: Children's Outcomes Independent of Parent—Child Relationships, Income, and Conflict in 60 Studies. *Journal of Divorce & Remarriage*, 2018. Vol. 59, no. 4, pp. 247—281. DOI:10.1080/10502556.2018.1454204
14. Nierengarten M.B. Fathers' influence on development and well-being of children [Elektronnyi resurs]. *Contemporary Pediatrics Journal*, 2019. Vol 36, no. 6, pp. 16—20. URL: <https://www.contemporarypediatrics.com/view/fathers-influence-development-and-well-being-children> (Accessed 24.03.2022).
15. Paquette D. Theorizing the Father-Child Relationship: Mechanisms and Developmental Outcomes. *Human Development*, 2004. Vol. 47, pp. 193—219. DOI:10.1159/000078723
16. Parental leave: Where are the fathers? [Elektronnyi resurs]. Paris: OECD, 2016. 2 p. URL: <https://www.oecd.org/policy-briefs/parental-leave-where-are-the-fathers.pdf> (Accessed 24.03.2022).
17. Pleck J.H. Paternal involvement: Revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes. In Lamb M.E. (ed.), *The role of the father in child development*. Hoboken: John Wiley & Sons Inc., 2010, pp. 58—93.
18. Panter-Brick C., Burgess A., Eggerman M., McAllister F., Pruett K., Leckman J.F. Practitioner review: Engaging fathers--recommendations for a game change in parenting interventions based on a systematic review of the global evidence. *Journal of child psychology and psychiatry*, 2014. Vol. 55, no. 11, pp. 1187—1212. DOI:10.1111/jcpp.12280
19. Raising Kids and Running a Household: How Working Parents Share the Load [Elektronnyi resurs]. *Pew Research Center*, 2015. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2015/11/04/raising-kids-and-running-a-household-how-working-parents-share-the-load> (Accessed 24.03.2022).
20. Robinson E.L., StGeorge J., Freeman E.E. A Systematic Review of Father-Child Play Interactions and the Impacts on Child Development. *Children*, 2021. Vol. 8, no. 5, Article ID 389, 19 p. DOI:10.3390/children8050389
21. Rohner R.P., Veneziano R.A. The Importance of Father Love: History and Contemporary Evidence. *Review of General Psychology*, 2001. Vol. 5, no. 4, pp. 382—405. DOI:10.1037/1089-2680.5.4.382
22. Schoppe-Sullivan S.J., Fagan J. The evolution of fathering research in the 21st century: Persistent challenges, new directions. *Journal of Marriage and Family*, 2020. Vol. 82, no. 1, pp. 175—197. DOI:10.1111/jomf.12645
23. Lamb M. (ed.) *The Role of the Father in Child Development*, 4th Edition. Hoboken: John Wiley and Sons, Inc., 2004. 552 p.
24. Wang W. The U.S. Divorce Rate Has Hit a 50-Year Low [Elektronnyi resurs]. *Institute for Family Studies*, 2020. URL: <https://ifstudies.org/blog/the-us-divorce-rate-has-hit-a-50-year-low> (Accessed 24.03.2022).
25. Yiğit Gençten V., Genc E. Paternity leave: A systematic review of studies in education and psychology from 1990—2019. *International Journal of Social Sciences and Education Research*, 2020. Vol. 6, no. 4, pp. 531—542. DOI:10.24289/ijsser.815369
26. Yoko I., Satomi I.T. A Cross-Cultural Study of American, Chinese, Japanese and Swedish Early Childhood In-service and Pre-Service Teachers' Perspectives of Fathering. *Research in Comparative and International Education*, 2013. Vol. 8, no. 1, pp. 87—101. DOI:10.2304/rcie.2013.8.1.87

Информация об авторах

Хоффман Брук Эшли, аспирант, факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4075-3221>, e-mail: brookeahoffman@gmail.com

Information about the authors

Brooke Ashley Hoffman, PhD student, Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4075-3221>, e-mail: brookeahoffman@gmail.com

Получена 21.02.2022

Принята в печать 15.03.2022

Received 21.02.2022

Accepted 15.03.2022

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ CLINICAL PSYCHOLOGY

Психологические аспекты вспомогательных репродуктивных технологий: обзор зарубежных и Российских исследований

Филиппова Г.Г.

*Институт перинатальной и репродуктивной психологии (ЧУ ДПО «ИПП»), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4177-3566>, e-mail: filippova_galina@mail.ru*

В статье представлен обзор современных зарубежных исследований по психологическим аспектам вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Выделены основные направления исследований: этические вопросы, связанные с ВРТ; психологические особенности переживания бесплодия; проблемы пациентов, связанные с характером процедур ВРТ; психологическая помощь в процессе лечения; методический аппарат исследований. Описаны смены парадигм от анализа психологических причин бесплодия к изучению психологических последствий бесплодия и психологических проблем, связанных с лечением. Результаты исследований свидетельствуют о неоднозначности связи негативных психических состояний пациентов с успешностью лечения. Отмечается отсутствие разработанных методологических оснований и теоретических подходов к данной проблематике в зарубежных исследованиях в отличие от отечественных работ, основывающихся на теории функциональных систем, учении о доминанте и современной перинатальной и репродуктивной психологии.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, переживание бесплодия, переживание процесса лечения, психологические факторы успешности лечения, методики исследования, психологическая помощь.

Для цитаты: Филиппова Г.Г. Психологические аспекты вспомогательных репродуктивных технологий: обзор зарубежных и Российских исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 26—38. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110103>

Psychological Aspects of Assisted Reproductive Technologies: a Review of Foreign and Russian Studies

Galina G. Filippova

*Institute of Perinatal and Reproductive Psychology, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4177-3566>, e-mail: filippova_galina@mail.ru*

The article provides an overview of modern foreign studies on the psychological aspects of assisted reproductive technologies (ART). Research areas have been identified: ethical issues of ART methods; psychological aspects of infertility; psychological factors of treatment; psychological intervention during treatment; methodological research apparatus; methods of psychological assistance to ART patients. The article introduces paradigm shifts from the psychological causes of infertility to the psychological consequences of infertility and treatment problems. The results of the studies indicate the ambiguity of the relationship of negative mental states of patients with the success of treatment. The lack of elaborated methodological foundations and theoretical approaches to this problem in foreign studies is noted, in contrast to national works based on the theory of functional systems, the doctrine of the dominant and modern perinatal and reproductive psychology.

Keywords: assisted reproductive technologies, experience of infertility, psychological factors of treatment success, psychological assistance.

For citation: Filippova G.G. Psychological Aspects of Assisted Reproductive Technologies: a Review of Foreign and Russian Studies. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 26—38. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110103> (In Russ.).

Введение

Бесплодие в человеческом обществе существовало всегда и воспринималось не только как физиологическая проблема, но и как психологическая. Бесплодие расценивается в обществе как несоответствие основному предназначению человека (воспроизводство, продолжение рода) и переживается человеком как своя человеческая, личностная, возрастная и полоролевая несостоятельность [4; 5; 14; 22; 31; 33; 35]. Сочетание в общественном сознании и индивидуальном переживании вины за бесплодие и беды бездетности порождало сложный комплекс психологических проблем, актуальных и в настоящее время. В XX веке произошли два крупных изменения, которые привели к изменению соотношения феноменов бездетности и бесплодия. Во-первых, произошла «контрацептивная революция», позволившая взять под контроль рождение детей, не отказываясь от половых отношений, что породило ряд физиологических, демографических и психологических проблем [5; 14; 32].

Вторым революционным изменением XX века стало развитие медицины и появление в последней четверти XX века вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). И вот тут оказалось, что проблемы бесплодия и деторождения, прежде плотно спаянные между собой, стали разделяться и приобретать разное психологическое значение. Плодность продолжает иметь архетипическое наполнение и остается компонентом идентичности: социальной, личностной, полоролевой (особенно для женщин), и, как показано в ряде исследований [5; 14; 22; 34], избавление от бесплодия и обретение плодности (именно способности к деторождению, а не самого обретения ребенка) может стать самостоятельной мотивацией лечения, в том числе и использования ВРТ. Это обнаруживается в практической работе психологов и в научных исследованиях, в которых выявляется психологическая неготовность к родительству и сложность адаптации к родительству у пар с предыдущим бесплодием [1; 3; 5; 6]. С медицинской точки зрения главным является успешность лечения, и для врачей при лечении бесплодия однозначно мерилom этой успешности является рождение здорового ребенка, а не способ достижения этой цели и тем более не избавление от бесплодия как физиологического нарушения. Именно поэтому в ВРТ используются такие методы, которые в первую очередь позволяют получить ребенка, а не просто изменить физиологию репродуктивной системы. В большинстве случаев это уже не лечение, а своеобразное «протезирование», особенно когда это касается использования донорского материала или суррогатного материнства (СМ): способность к спонтанному зачатию не восстанавливается, эмбрионы не становятся более здоровыми, а отбираются из полученных те, которые перспективны для развития в здорового ребенка. Однако именно в этих случаях и происходит столкновение медицинской ориентации на деторождение и периодически возникающей ориентации пациентов на

избавление от самого бесплодия, в частности когда пациенты добиваются рождения ребенка только от своих гамет (то есть генетически своего) и не соглашаются на донацию спермы или яйцеклеток, и только через собственную беременность женщины (без использования СМ, вынашивающей их собственного ребенка). Появление вспомогательных репродуктивных технологий стимулировало и ряд дополнительных проблем, связанных с характером этих медицинских процедур, которые вызывают много этических сомнений, физических проблем и психологических переживаний.

Первые публикации по психологическим проблемам ВРТ относятся еще к 80-м годам XX века (E. Freeman et al., 1985 [26]). Позднее были созданы ассоциации репродуктивной медицины в Европе (ESHRE, <https://www.eshre.eu/>), в США (Американское общество репродуктивной медицины ASRM <https://www.asrm.org/>) и в других странах (в России — это Российская ассоциация репродукции человека — РАРЧ <https://www.rahr.ru/>), ежегодно проходят международные научные конференции и выпускаются сборники материалов этих конференций [7; 8; 9; 10 и др.]. В 2003 году был организован Международный комитет по мониторингу ВРТ (ICMART, <https://www.icmartivf.org/>). В России на ежегодных международных конференциях, организуемых РАРЧ, с 2008 года представлена секция «Этика и психология в ВРТ». Научные статьи и обзоры, посвященные психологическим аспектам ВРТ, публикуются в различных медицинских журналах, в том числе и в специальных зарубежных изданиях по репродуктивной медицине (Journal of Human Reproductive Sciences, Human Reproduction, Human Fertility, Fertility and Sterility, Gynecology and Reproductive Biology, European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology, Journal of Gynecology Obstetrics and Human Reproduction, Journal of Assisted Reproduction and Genetics и др.). С 2011 года Европейская ассоциация выпускает руководства по социально-психологическим рекомендациям для медицинских работников клиник ВРТ [18]. Таким образом, общее количество публикаций по данной теме огромно. При подготовке данного обзора использованы материалы зарубежных и отечественных работ последних лет. Проанализированы 144 зарубежных и 82 отечественных работы, из которых отобраны основные систематические обзоры и метаанализы, статьи по ключевым проблемам, в которых представлен подробный анализ зарубежных и российских психологических исследований.

Теоретических работ, в которых предлагаются методологические подходы к психологическим проблемам в ВРТ, единицы. В статье Бойвин Дж. и др. (Boivin J. et al.) 2015 года «Evolution of psychology and counseling in infertility Fertility and Sterility» [14] описаны пять ключевых сдвигов парадигмы применения психологической помощи при бесплодии: введение в акушерство и гинекологию психосоматического подхода в 30-х годах XX века; изменение этой парадигмы в

70-х годах на исследование психосоциальных последствий бесплодия и переживания бездетности; появление ЭКО и спроса на специалистов в области психического здоровья в клиниках ВРТ; появление более строгого подхода к практике социального вмешательства в клиниках ВРТ в 90-х годах. Последний сдвиг парадигмы произошел в начале третьего тысячелетия на основе принятия необходимости комплексного подхода, включающего ориентацию на состояние пациента, организацию работы в клинике с учетом психических особенностей пациентов и возможности снижения лечебной нагрузки. В этом направлении разрабатываются программы для клиник и проводятся образовательные и тренинговые занятия с персоналом [14; 18; 22; 31; 32].

Основным результатом этих публикаций являются выводы о том, что большинство пациентов клиник ВРТ испытывают психологический дискомфорт и затруднения в прохождении лечения, однако только 20% из них нуждаются в специализированной психологической помощи, которая должна оказываться соответствующими специалистами (психиатрами, психотерапевтами, психологами со специальным образованием). Для улучшения психического состояния остальных пациентов и помощи им в процессе лечения достаточно оказания психосоциальной поддержки сотрудниками клиник, направленной на удовлетворение потребностей пациентов в процессе лечения и снятие тревожности и психологического дискомфорта, а также на помощь при переживании неудач в лечении [14; 18; 21; 32; 40].

Российские работы традиционно больше ориентированы на поиск и использование теоретических оснований для изучения связи психологических факторов с возникновением нарушений репродуктивного здоровья и оптимизации процесса лечения. В отечественных исследованиях основным методологическим подходом является теория функциональных систем П.К. Анохина и учение о доминанте АА. Ухтомского, а также учение о гестационной доминанте И.А. Аршавского, развитые в работах А.С. Батуева, В.В. Васильевой, И.В. Добрякова, М.Е. Блох, Г.Г. Филипповой и других [5; 6]. В этих работах сформулированы теоретические основания психологии репродуктивной сферы человека и методологические положения репродуктивной психологии как самостоятельного междисциплинарного научно-практического направления.

Тем не менее, во всех зарубежных и отечественных работах подчеркивается, что имеющиеся исследования крайне разнородны и характеризуются отсутствием разработанных теоретических положений и методологических подходов, рабочих определений и оснований для методического аппарата исследований [1; 3; 5; 6; 14; 18; 21; 22; 31; 32; 34; 35; 40].

Общие вопросы ВРТ рассматриваются в зарубежных обзорных статьях, метаанализах и руководствах и в отдельных отечественных публикациях: Гамейро С. и др. (Gameiro S. et al.), 2014 [18] «ESHRE guideline:

routine psychosocial care in infertility and medically assisted reproduction — a guide for fertility staff» всего 11232 источника, из которых для подготовки текста Руководства были отобраны 132) [18]; Клок С. (Klok S.), 2011 (52 источника) [22]; Шкодзяк Ф. и др. (Szkodziak F. et al.), 2020 (106 источников) [31]; Бойвин Дж. и др. (Boivin J. et al.), 2015 (103 источника) [14]; Аникина В.О., Блох М.Е., Савеньшева С.С., 2020 (24 источника) [1]; Н.А. Тювина и А.О. Николаевская, 2020 (75 источников) [4]; Г.Г. Филиппова, 2014 (11 источников) [5]; 2018 (9 источников) [6].) В этих работах выделяются основные психологические проблемы, связанные с использованием ВРТ. На основании имеющихся зарубежных и отечественных публикаций психологические аспекты ВРТ можно разделить на три большие группы: этические проблемы; проблемы, связанные с бесплодием; проблемы, связанные со спецификой самих методов ВРТ.

Этические проблемы вспомогательных репродуктивных технологий

По имеющимся научным публикациям и СМИ можно выделить следующие проблемы: биологическая целесообразность способа деторождения с помощью ВРТ; религиозная и нравственная допустимость использования ВРТ; комплекс проблем, связанных с донацией и СМ; права родителей и права ребенка на соблюдение личной тайны и информации о себе; правовой регламент предоставления возможности на использование определенных технологий и их различие в разных странах. В последние годы обсуждаются новые аспекты ВРТ: права однополых пар и трансгендеров [4; 7; 9; 10], раскрытие анонимности доноров [7; 8; 9; 10; 14; 27], репродуктивный туризм [27]. Меняется и позиция религии, как официальная, так и отдельных представителей религии: Оно Ю.Э. и др. (Ono Y. E. et al.) [28].

С точки зрения биологической целесообразности существует устойчивое представление об искусственности — то есть неестественности деторождения с помощью ВРТ. Считается, что манипуляции с гаметами и эмбрионами, а также гормональное воздействие могут вызывать нарушения в генетике, здоровье детей и самих женщин. В научной литературе на эту тему существуют два направления публикаций: влияние репродуктивных технологий на здоровье детей и на здоровье женщин. В исследованиях убедительно показано, что физическое здоровье детей, зачатых с помощью ВРТ, связано исключительно с особенностями здоровья их родителей (длительность и форма бесплодия, особенности вынашивания беременности, возраст матери, более частые многоплодные беременности — и в результате большее количество кесаревых сечений, преждевременных родов и отягощенности новорожденных) [3; 4; 13; 30; 37]. Психическое развитие детей ВРТ также изучено достаточно подробно, в целом не выявлено отклонений по сравнению со спон-

танно зачатými детьми [3; 4; 7; 8; 9; 10; 30]. Есть единичные исследования по сперматогенезу у молодых людей, зачатых при помощи ВРТ от отцов с нарушением сперматогенеза, в которых приводятся данные о нарушениях сперматогенеза у сыновей, сходных с их отцами: Берг С. (Berg C.) [29]; Веннерхольм У. (Wennerholm U.) [40]). Однако пока нет данных о затруднениях с воспроизводством у детей, зачатых с помощью ВРТ, кроме единичных данных по рождению детей у женщин, которые сами были зачаты при помощи ВРТ. Это связано с рядом причин: основной контингент этих детей только входит в репродуктивный возраст; регистры по ВРТ стали вестись намного позднее возникновения самих технологий; неготовность родителей сообщать детям и окружению об использовании ВРТ, а также самих «детей ВРТ» о статусе своего рождения, особенно при использовании донации и СМ.

Что касается религиозных воззрений, то в бытовом сознании наблюдается две основных позиции: это либо отказ от ВРТ, так как это «против Бога» (раз нет детей, значит на то воля Божья и это надо принять), либо поиск компромиссов, например, получить благословение духовника и принять лечение, а при использовании неподдерживаемых религией методов лечения (донации и СМ) принять раскаяние и благодарность за согласие церкви к принятию в свое лоно ребенка. На сайте РПЦ на эту тему есть конкретное разъяснение о негативном отношении церкви к донации и СМ, так как это нарушает таинство брака, но о праве на крещение такого ребенка при прохождении родителями соответствующих ритуалов покаяния и очищения.

Отдельной темой является селекция эмбрионов [4; 5; 35; 14; 22]. Это связано с вопросом об определении начала человеческой жизни и признания человеческого статуса у эмбриона. Проблема в том, что при ВРТ человек оказывается непосредственно причастным к принятию решения о выборе «пригодного для переноса» эмбриона и тем более к утилизации «избыточных эмбрионов» (то есть здоровых, но не востребованных пациентами).

Этическим, правовым и религиозным аспектам посвящен ряд научных публикаций. В статье Ханевик Х. (Hanevik H.) [19] обсуждается проблема эволюции человека в свете новых достижений ВРТ. Высказывается мнение о том, что последующие поколения будут генетически и эпигенетически адаптированы к среде, в которой воспроизводство все больше зависит от технологического вмешательства. В ряде работ [7; 8; 10] обсуждаются правовые вопросы донации и СМ и необходимость бесплодных пар «обходить закон своей страны» о запрете на донацию и СМ с помощью репродуктивного туризма. Именно в этих вопросах ярко проявляется проблема соотношения плодности и детности: пары тратят много ресурсов (физических, материальных, психических) для реализации своей цели вынашивания и рождения ребенка с

использованием донации или получения генетически своего ребенка с помощью СМ, не прибегая при этом к возможности усыновления. По данным некоторых публикаций [14; 18; 22] большое количество пар, не достигших успешности с помощью ВРТ, впоследствии остаются бездетными и не используют усыновление.

В последние годы уделяется внимание вопросам использования ВРТ в нелечебных целях: для получения потомства в однополых парах и у трансгендеров, криоконсервация яйцеклеток и эмбрионов с целью «откладывания родительства» на более поздний возраст без реальных медицинских показаний [4; 7; 9]. С медицинской точки зрения, невозможность зачатия и вынашивания беременности в однополых парах не относятся к бесплодию, однако законы многих стран допускают однополые браки и удовлетворение репродуктивных прав у одиноких женщин, а иногда и мужчин при помощи донации и СМ.

Психологические аспекты бесплодия

Большое количество зарубежных публикаций посвящено психологическим проблемам, связанным с фактом бесплодия: негативным эмоциональным состоянием, психическим нарушениям, снижению качества жизни и социальной активности, проблемам в семейных отношениях [1; 2; 14; 16; 17; 18; 21; 22; 23; 27; 29; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 39]. Отмечается, что бесплодие, хотя во многих случаях и не приводит к физическим страданиям, однако является чрезвычайно важной социальной и личностной проблемой, которая переживается как фрустрация реализации важнейшей жизненной цели. Исследования возможных психологических причин бесплодия, связанных с негативными представлениями о беременности, родах и материнстве, единичны. В систематическом обзоре Симонеску Г. (Simionescu G.) [34] приводятся 9 исследований, в которых выделяются такие психологические причины бесплодия у женщин, как эмоциональный стресс, который может приводить к спазмам маточных труб и к избеганию половых актов в период овуляции, негативное отношение к изменениям формы тела, к самой беременности, страх родов, страх потери ребенка, тревога по поводу успешности в материнстве, неготовность к изменению образа жизни, а также такие психологические проблемы у мужчин, как половая несостоятельность, нарушения отношений с матерью в детстве и т. п. В ряде отечественных исследований кроме того выделяются неосознаваемые психологические причины, приводящие к внутреннему конфликту стремления к рождению ребенка и неготовности к родительству: негативные семейные сценарии, перинатальный стресс и родовая травма, нарушения детско-родительских отношений, приводящие к формированию негативных представлений о беременности, родах и своей жизни при переходе в родительство [3; 5; 6].

В отечественных работах обосновывается биологически обусловленная связь стресса и тревоги с репродуктивной функцией и отмечается, что причиной нарушения репродуктивного здоровья является не сам по себе стресс, а связь стресса именно с самим процессом и результатом осуществления репродуктивной функции [3; 6]. У женщин с бесплодием выявляются страхи и протесты, связанные с беременностью, родами, необходимостью отказаться от других важных жизненных целей, изменениями своего тела и главное — образа жизни при переходе в материнство. При исследовании особенностей беременности и материнско-детских отношений в группе ЭКО по сравнению с женщинами со спонтанной беременностью выявлены более низкие показатели эмоционального отношения к ребенку и готовности к материнству в период беременности, а также материнской компетентности после его рождения [3; 5].

Психологические аспекты процедур ВРТ

Достаточно много публикаций посвящено переживанию пациентами самих процедур ВРТ [1; 2; 5; 12; 18; 21; 36; 33; 40]. Для женщин это высокий уровень физической нагрузки, изменение физического и психического состояния при гормональном воздействии, необходимость соблюдения строгого режима лечения. Для мужчин это психологический дискомфорт, связанный со сдачей спермы, сложности во взаимодействии с партнершей в процессе лечения [5; 7; 8; 10; 18; 36; 34]. В статье Соу Ю. и др. (So Y. et al.), 2019 [24] отмечается появление осложнений в сексуальных отношениях и в целом повышение напряженности в паре, но в некоторых случаях отмечается, что совместное переживание трудностей лечения может улучшать партнерские отношения. В Российских исследованиях описан также женский страх внедрения в тело, феномен диссоциации и потери контроля при заборе яйцеклеток и культивировании эмбрионов вне тела женщины, а также общее ощущение «технологичности» в процессе лечения [4; 5; 6]. Во всех работах выделяется в качестве наиболее негативного фактора неопределенность прогноза успешности лечения. В ряде исследований изучается различие психических состояний пациентов при использовании разных методов лечения [9; 12; 32; 35; 39; 36] и на разных этапах процедур [5; 6; 12; 18; 21; 25], для пациентов в разных странах [25; 27; 33]. Показано, что самый высокий уровень негативных состояний (тревожность, депрессивность, дистресс) характерен для этапов пункции (забор яйцеклеток), ожидания результата после переноса эмбрионов, а также при неудачах лечения.

Гораздо меньше работ посвящено состоянию женщин в период беременности после ЭКО. В имеющихся исследованиях показано, что в целом в этих случаях повышена тревожность [1; 3; 5; 18]. Неоднозначные данные есть по вопросу восприятия женщиной ребен-

ка в период беременности и после рождения. В некоторых работах не выявлены различия между беременными и матерями в группах ЭКО и спонтанных зачатий, в других обнаружено большее внимание матери к плоду после ЭКО [18; 22, 30]. Однако в этих случаях используются только прямые вопросы к женщине без более глубокой психологической диагностики. В отечественных исследованиях, напротив, показано, что отношение к плоду в группе ЭКО более формально, недостаточность субъектного отношения к ребенку и ниже материнская компетентность, чем у женщин со спонтанным зачатием [3; 5]. То же касается детско-родительских отношений после рождения ребенка: более высокие оценки группы ЭКО в некоторых зарубежных исследованиях [18; 30] не совпадают с отечественными работами, в которых выделены подгруппы матерей, менее включенных в отношения с детьми, не поддерживающими в достаточной мере их инициативность [3; 5]. Особенно это касается мнения о том, что длительность лечения может быть связана с трудностями адаптации к материнству, и тем более данных по более частым послеродовым депрессиям у группы матерей ЭКО [3; 33; 39]. При рождении ребенка после бесплодия, и тем более сложного лечения, сам факт его появления является мощнейшим подкреплением, что способствует профилактике фрустрации и депрессии. А дезадаптация к материнству, провоцирующая дистресс и депрессию, связана, в первую очередь, с недостаточной готовностью к самой материнской роли.

Вопросы физического и психического здоровья детей постоянно находятся в фокусе внимания исследователей. Подробные обзоры этих работ приведены в зарубежных и отечественных источниках [3; 4; 13; 30; 37]. Убедительно показано, что физические особенности детей, рожденных с использованием ВРТ, во-первых, в целом не отличаются от показателей общей популяции, а во-вторых, связаны в первую очередь с особенностями здоровья родителей, а не со способом зачатия. Психическое здоровье этих детей также в целом не имеет отклонений, при этом в группе ЭКО есть особенности родительского отношения и поведения (большая тревожность, ориентация на гиперопеку и т. п.) [3; 5; 18].

Отдельной темой является использование донорских спермы и яйцеклеток и суррогатного материнства. Помимо обозначенных выше этических и правовых вопросов обсуждаются сомнения родителей при выборе доноров, возможности принятия такого ребенка в семье [14], специфические особенности этих переживаний для женщин и мужчин [4; 5; 9]. Данные о готовности родителей предоставить информацию детям о способе их зачатия от донорских гамет, а также об отношении к этому самих детей противоречивы и сильно различаются в разных странах в зависимости от имеющихся законов и культуральных факторов. Относительно СМ в основном обсуждаются этические и правовые проблемы. Есть разноречивые данные об отношении к плоду у суррогатных мам, что, видимо,

связано с различием в методиках исследования [4]. В отечественных работах обсуждаются проблемы родителей и суррогатных матерей, задачи и методы диагностики кандидаток в суррогатные матери, вопросы сопровождения беременности суррогатной матери [5].

Есть исследования особенностей супружеских отношений в парах, проходящих лечение методами ВРТ. Имеющиеся данные о качестве супружеских взаимоотношений пациентов ВРТ являются противоречивыми: в одних исследованиях показано, что эти взаимоотношения лучше, в других исследованиях — что хуже, и еще в ряде исследований — что не отличаются от супружеских взаимоотношений в парах, в которых беременность наступила спонтанно [4; 5; 8; 14; 18]. Это связано как с разными контингентами респондентов (национальность, возраст, медицинский диагноз, длительность лечения и т. п.), так и с различием используемых диагностических методик.

Длительное время большое внимание исследователей уделялось связи дистресса с успешностью лечения в ВРТ, высказывалось устойчивое мнение о негативном влиянии стресса на эффективность лечения и необходимости снижать стрессовое состояние пациентов при помощи организации процесса лечения, поддерживающего отношения персонала, и применения способов коррекции негативных эмоциональных состояний [6; 14; 18; 22; 20]. В последние годы появились новые данные о том, что выраженность дистресса не коррелирует с успешностью лечения (наступлением беременности и рождением ребенка) [6; 21; 29]. В отечественных исследованиях, помимо данных о важности связи стресса с негативными представлениями о беременности, родах и родительстве, выделяется фактор адаптации к самим процедурам ВРТ после первой неудачи [3; 5; 6].

Обсуждению необходимости и эффективности психологической помощи пациентам клиник ВРТ также посвящено большое количество публикаций. В этих работах оценивается психическое состояние и копинг-стратегии пациентов, обосновываются методы психологической работы (когнитивно-поведенческая терапия, методы релаксации, парная и групповая терапия). В этом аспекте, в первую очередь, рекомендуются коррекция негативных эмоциональных состояний и снижение дистресса [7; 14; 18; 21; 22; 34; 41]. При подготовке к лечению предлагаются информирование пациентов о лечебных процедурах и удовлетворение их когнитивных, эмоциональных и социальных потребностей персоналом клиник [18]. В условиях пандемии появились предложения онлайн-поддержки и предоставления пациентам печатных и медиапособий с информационными и поддерживающими целями [7; 25]. Отдельно обсуждается необходимость психологической помощи при переживании неудач в лечении и подготовке к следующим попыткам [5; 7; 9; 18; 17]. Предлагаются рекомендации для персонала клиник по оказанию первичной социально-психологической помощи и поддержки [14; 18], а также для специали-

стов по консультированию пар по вопросам бесплодия и лечения [38]).

Совсем немного публикаций посвящено проблемам обеспечения психологической помощи в ВРТ. Авторами отмечается, что в ряде стран нет конкретных рекомендаций для специалистов и протоколов психологического вмешательства, нет удовлетворительной подготовки таких специалистов: Варменлинк С. и др. (Warmenlink С. et al.) [11]; Ренци А. и др. (Renzi А. et al.) [15]; БойвинДж. и др. (Bowin J. et al.) [14]; Филиппова Г.Г. [5]). В США существует группа специалистов по психическому здоровью (МНPG) Американского общества репродуктивной медицины (ASRM), которая определила квалификацию специалистов, работающих в сфере лечения бесплодия и ВРТ [22].

Приведенные исследования свидетельствуют о разнородности данных практически по всем психологическим аспектам ВРТ. Во многом это связано с используемым методическим аппаратом. В большинстве случаев применяются стандартизированные клинические методики определения эмоциональных состояний, переживания стресса, копинг-стратегий [18]. В обзорных работах отмечается, что применение в исследованиях разных методик затрудняет возможность сравнения полученных данных. Широко используемый опросник качества жизни и фертильности (FertiQoL) специально оценивает влияние проблем фертильности в различных сферах жизни и параметры измерения стресса, связанного с бесплодием [14; 16; 18; 21]. Непосредственно для ВРТ были разработаны опросники (FertiSTAT) для определения факторов риска, связанных с образом жизни, которые могут поставить под угрозу успех лечения, и для выявления женщин с риском дистресса в программах ВРТ (SCREENIVF), а также ряд методик для выявления отношения к бесплодию для женщин и мужчин, отношения к процедурам ВРТ, отношений в паре при лечении [2; 18]. Опросник SCREENIVF содержит 34 вопроса и позволяет оценить специфику переживания бесплодия и вероятность психической дезадаптации к процессу лечения. В настоящее время проблема разработки валидного и удобного для практического применения методического аппарата остается актуальной. Отличием российских исследований является использование комплекса методик (опросников, проективных методов и стандартизированных наблюдений), тогда как в зарубежных работах используются только методики, основанные на самооценке респондентов.

Заключение

Обзор зарубежных публикаций по психологическим проблемам, связанным с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, показал, что в целом исследований очень много. Произшедший в последней четверти XX века перенос внимания от выявления психологических причин бесплодия к кон-

статации психологических последствий бесплодия сам по себе связан с возникновением ВРТ как метода, позволяющего избавиться от последствий бесплодия без анализа причины его возникновения. Основной задачей психологического вмешательства становится помощь пациентам в том, чтобы пережить свою беду и справиться со сложностями лечения. Это и есть главная психологическая проблема ВРТ: априори предполагается, что все пациенты имеют одинаковую мотивацию и различаются только по ее интенсивности (сильнее или слабее хотят стать родителями) и соответственно по характеру и силе переживания фрустрации этого желания. В результате основными направлениями изучения являются особенности психических состояний бесплодных пар и их переживания самих процедур ВРТ, а мишенями психологического вмешательства становятся помощь в переживании бесплодия и коррекция негативных эмоциональных состояний в процессе лечения. Одновременно с этим показано, что уровень дистресса и тревоги, а также их коррекция практически не связаны с успешностью лечения (то есть наступления и вынашивания беременности и рождения ребенка). Конечно, оказание психологической помощи по указанным направлениям значимо снижает дискомфорт пациентов в процессе лечения и помогает им переживать неудачи и продолжать лечение. Однако успешность лечения на протяжении всех десятилетий использования ВРТ остается практически одинаковой, а адаптация к родительству после лечения часто вызывает значительные затруднения (особенно относительно послеродовых депрессий и качества диадических отношений). Сравнение зарубежных и отечественных исследований позволяет предположить, что это связано с отсутствием объяснительных теоретических концепций и методологических подходов к самой проблеме бесплодия. Одной из глубинных проблем, обнаружившихся при появлении ВРТ, оказалось непростое соотношение потребности в рождении детей и способа, которым эту потребность можно удовлетворить. Именно ВРТ выявило всю сложность мотивации рождения детей и привело к разделению в психологическом профессиональном сознании стремления к рождению ребенка как преодолению бесплодия и реализации ряда личностных целей потенциальных родителей «в свою пользу» (социальный запрос, реализация всех форм своей идентичности и т. п.) и потребности в родительской деятельности «в пользу ребенка», как стремления растить и воспитывать его ради него самого. Именно это различие лежит в основе успешности лечения и проявляется в готовности пациентов к использованию наиболее эффективных методов лечения, а также в успешной адаптации к материнству и формированию адекватных диадических отношений. Этим отличаются исследования в отечественной психологии, в которой разрабатывается подход к родительству как деятельности. Однако именно эти задачи и оказываются наиболее сложными, как в плане

исследования, так и в отношении психологического вмешательства, поскольку требуют более совершенного методологического подхода, теоретического обоснования и методического аппарата.

Выводы

1. В современной зарубежной литературе существует большое количество публикаций, посвященных психологическим аспектам ВРТ. В статье выделены следующие направления исследований в этой области: методологические проблемы изучения психологических аспектов бесплодия; этические проблемы, связанные с использованием ВРТ; психологические проблемы пациентов при лечении методами ВРТ; особенности психологической помощи пациентам при ВРТ; проблемы методического аппарата исследований.

2. Методологические проблемы: в последней четверти XX века произошла смена парадигмы от изучения психологических проблем бесплодия к изучению психологических последствий бесплодия и способов помощи пациентам в переживании бесплодия и в процессе лечения.

3. Этические проблемы связаны с особенностями методов ВРТ: недоверие к «искусственным» методам зачатия и медицинскому воздействию в процессе лечения; религиозные аспекты принятия методов ВРТ; проблемы донации, суррогатного материнства и «избыточных» эмбрионов.

4. Психологические проблемы пациентов при лечении методами ВРТ: высокая физическая и психологическая нагрузка при лечении; высокая неопределенность прогноза успешности лечения; неравномерность лечебной нагрузки для женщин и мужчин; повышение психической напряженности на определенных этапах лечения (пункция, перенос, ожидание результата после переноса, необходимость новых методов лечения); переживание неудач в лечении; особенности переживания беременности и адаптации к родительству после ВРТ.

5. Особенности психологической помощи при ВРТ: психологическая помощь в основном состоит в диагностике и коррекции негативных психических состояний пациентов в процессе лечения; практически нет программ для адаптации к самому процессу лечения, помощи в повышении эффективности лечения и адаптации к беременности и родительству после лечения, в том числе при донации и СМ; практически нет специальной подготовки психологов к работе в ВРТ; существуют программы для медицинского персонала по взаимодействию с пациентами в клиниках ВРТ.

6. Проблемы методического аппарата исследований: в основном используются стандартизированные методики оценки психического состояния пациентов; разработаны методики для прогнозирования негативных эмоциональных состояний в процессе лечения методами ВРТ; используемые методики оценивают

самовосприятие пациентами своих состояний и не позволяют выявить неосознаваемые причины дистресса, что проявляется в отсутствии связи между выявляемым уровнем дистресса и успешностью лечения.

7. Выявлены различия в теоретических подходах к бесплодию и ВРТ в зарубежной и отечественной психологии: зарубежная психология направлена на изучение психологических последствий бесплодия и поддержки

пациентов в процессе лечения, а в отечественных работах, основанных на современных направлениях перинатальной и репродуктивной психологии и психологии родительства, разрабатываются теоретические основания психологических причин бесплодия и возможности психологической помощи в достижении психологической готовности к родительству в процессе лечения и в адаптации к родительству после лечения.

Литература

1. Аникина В.О., Блох М.Е., Савеншишева С.С. Эмоциональное состояние женщин, использующих вспомогательные репродуктивные технологии: обзор современных зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Том 8. № 6. 13 p. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/76PSMN620.pdf> (дата обращения: 24.12.2021).
2. Соловьева Е.В. Выявление факторов риска психоэмоциональных нарушений у пациентов в программах ВРТ. Апробация русскоязычного варианта опросника SCREENIVF [Электронный ресурс] // Репродуктивные технологии сегодня и завтра: Материалы XXX Ежегодной международной конференции Российской Ассоциации Репродукции Человека: 8—12 сентября 2020 г., онлайн / Под ред. А.А. Смирновой, М.Б. Аншиной. Москва: «Медиа Сфера», 2020. С. 145—145. URL: https://rahr.ru/d_pec_h_mat_konf/Tezis_2020_A5+cover.pdf (дата обращения: 22.03.2022).
3. Соловьева Е.В. Психическое развитие детей раннего возраста, зачатых посредством экстракорпорального оплодотворения, и их взаимодействие с матерями: дис. ... канд. психол. наук [Электронный ресурс]. Москва, 2016. 225 с. URL: <https://mgppu.ru/files/galleries/documents/82877bfd2f730071f7ae87e2996b6fb8.pdf> (дата обращения: 22.03.2022).
4. Тювина Н.А., Николаевская А.О. Психоневрологические, морально-этические и социокультурные аспекты вспомогательных репродуктивных технологий // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2020. Том 12. № 5. С. 104—110. DOI:10.14412/2074-2711-2020-5-104-110
5. Филлипова Г.Г. Репродуктивная психология: психологическая помощь бесплодным парам при использовании вспомогательных репродуктивных технологий [Электронный ресурс] // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2014. № 3 (5). Article ID 4. URL: http://www.medpsy.ru/climp/2014_3_5/article04.php (дата обращения: 22.03.2022).
6. Филлипова Г.Г. Стресс и нарушение репродуктивной функции [Электронный ресурс] // Антология Российской психотерапии и психологии: Сетевое научно-практическое издание: Материалы итогового международного конгресса «Психология и психотерапия каждого дня и всей жизни»: Москва, 15—18 ноября 2018 г. / Под ред. В.В. Макарова, С.Ц. Камаловой, А.Е. Булычевой. Москва: Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига, 2018. С. 69—72. URL: <https://oppl.ru/up/files/vypuski-antologii/antologiya2018-v6.pdf#page=69> (дата обращения: 22.03.2022).
7. Abstracts of the 34th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology [Электронный ресурс]: Barcelona, Spain: 1 to 4 July 2018. Volume 33 / ESHRE committees. European Society of Human Reproduction and Embryology. Oxford: Oxford University Press, 2018. 541 p. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Barcelona-2018> (дата обращения: 25.03.2022).
8. Abstracts of the 35th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology [Электронный ресурс]: Vienna, Austria: 24 to 26 June 2019. Volume 34 / Ed. Cornelis (Nils) Lambalk. Oxford: Oxford University Press, 2019. 543 p. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Vienna-2019> (дата обращения: 25.03.2022).
9. Abstracts 36th Virtual Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology [Электронный ресурс]: 26 June to 1 July 2020. Volume 35 / Ed. C.B. Lambalk. Oxford: Oxford University Press, 2020. 535 p. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/ESHRE-2020> (дата обращения: 25.03.2022).
10. Abstracts 37th Virtual Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology [Электронный ресурс]: 5 to 8 July 2021 / Eshre committees. European Society of Human Reproduction and Embryology. Oxford: Oxford University Press, 2021. 513 p. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/ESHRE-2021> (дата обращения: 25.03.2022).
11. Antenatal care in transition from fertility treatment to parenthood [Электронный ресурс] / С. Warmelink, М. Boekhout, Е. Tros, L. Kool // Abstracts of the 34th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Barcelona Spain: 1 to 4 July 2018. Volume 33 / Eshre committees. European Society of Human Reproduction and Embryology. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. i99-i100. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Barcelona-2018> (дата обращения: 23.03.2022).
12. Anxiety and stress at different stages of treatment in women undergoing in vitro fertilization — intracytoplasmic sperm injection / М. Awtani, G.K. Kapoor, P. Kaur, J. Saha, D. Crasta, M. Banker // Journal of Human Reproductive Sciences. 2019. Vol. 12. № 1. P. 47—52. DOI:10.4103/jhrs.JHRS_23_18

13. Berg C. ART children-long term reassurance? [Электронный ресурс] // Abstracts of the 35th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Vienna, Austria: 24 to 26 June 2019. Volume 34 / Ed. Cornelis (Nils) Lambalk. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 42—42. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Vienna-2019> (дата обращения: 25.03.2022).
14. Boivin J., Sofia G. Evolution of psychology and counseling in infertility // *Fertility and Sterility*. 2015. Vol. 104. № 2. P. 251—259. DOI:10.1016/j.fertnstert.2015.05.035
15. Characteristics of psychological services for couples undergoing ART treatment in Italy [Электронный ресурс] / A. Renzi, R. Spoletini, M. Di Trani, G. Scaravelli // Abstracts 37th Virtual Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: 5 to 8 July 2021 / Eshre committees. European Society of Human Reproduction and Embryology. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 511—511. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/ESHRE-2021/Searchable#!abstractdetails/0000661720> (дата обращения: 23.03.2022).
16. Effect of infertility on quality of life of women: a validation study of the Turkish FertiQoL / O. Dural, C. Yasa, B. Kcyif, H. Celiksoy, I. Demiral, B.Y. Ozgor, F.G. Ugurlucan, E. Bastu // *Human Fertility*. 2016. Vol. 19. № 3. P. 186—191. DOI: 10.1080/14647273.2016.1214754
17. Effect of IVF failure on quality of life and emotional status in infertile couples / N. Karaca, A. Karabulut, S. Ozkan, H. Aktun, F. Oengul, R. Yilmaz, S. Ates, G. Batmaz // *European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology*. 2016. Vol. 206. P. 158—163. DOI:10.1016/j.ejogrb.2016.09.017
18. ESHRE guideline: routine psychosocial care in infertility and medically assisted reproduction—a guide for fertility staff / S. Gameiro J. Boivin, E. Dancet, C. de Klerk, M. Emery, C. Lewis-Jones, P. Thorn, U. Van den Broeck, C. Venetis, C.M. Vershaak [et al.] // *Human Reproduction*. 2015. Vol. 3. № 11. P. 2476—2485. DOI:10.1093/humrep/dev177
19. Hanevik H. Yes, IVF can influence human evolution [Электронный ресурс] // Abstracts of the 35th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Vienna, Austria: 24 to 26 June 2019. Volume 34 / Ed. Cornelis (Nils) Lambalk. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. i124— i124. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Vienna-2019> (дата обращения: 23.03.2022).
20. Impact of infertility and infertility treatments on quality of life and levels of anxiety and depression in women undergoing in vitro fertilization / C. Massarotti, G. Gentile, C. Ferreccio, P. Scaruffi, V. Remorgida, P. Anserini // *Gynecol Endocrinol*. 2019. Vol. 35. № 6. P. 485—489. DOI:10.1080/09513590.2018.1540575
21. Just relax and You'll get pregnant? Meta-analysis examining Women's emotional distress and the outcome of assisted reproductive technology / J. Nicoloso-SantaBarbara, C. Busso, A. Moyer, M. Lobel // *Social Science & Medicine*. 2018. Vol. 213. P. 54—62. DOI:10.1016/j.socscimed.2018.06.033
22. Klock S. Psychological issues related to infertility [Электронный ресурс] // The global library of women's medicine / Ed. P. von Dadelszen. 2011. URL: <https://www.glowm.com/section-view/heading/Psychological%20Issues%20Related%20to%20Infertility/item/412#.Yj15oTVn2U1> (дата обращения: 23.03.2022). DOI:10.3843/GLOWM.10413
23. Miok K., Hong J.-E., Minkyung B. Mediating Effects of Emotional Self-Disclosure on the Relationship between Depression and Quality of Life for Women Undergoing In-Vitro Fertilization // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. № 12. Article ID 6247. 9 p. DOI:10.3390/ijerph18126247
24. Out of sync: A qualitative examination of male and female partners' role in decision-making in in vitro fertilization [Электронный ресурс] / Y.K.G. So, C.H.Y. Chan, D.Y. Guo, Y.L. Fung, B.H.P. Lau, X.C. Yin // Abstracts of the 35th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Vienna, Austria: 24 to 26 June 2019. Volume 34 / Ed. Cornelis (Nils) Lambalk. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. i369-i370. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Vienna-2019> (дата обращения: 23.03.2022).
25. Psychological effect of COVID-19 pandemic among women undergoing infertility care, a French cohort — PsyCovART Psychological effect of COVID-19: PsyCovART / O. Lablanche, B. Salle, M.-A. Perie, E. Labrune, C. Langlois-Jacques, E. Fraison // *Journal of Gynecology Obstetrics and Human Reproduction*. 2022. Vol. 51. № 1. Article ID 102251. 8 p. DOI:10.1016/j.jogoh.2021.102251
26. Psychological evaluation and support in a program of in vitro fertilization and embryo transfer / E.W. Freeman, A.S. Boxer, K. Rickels, R. Tureck, L. Mastroianni // *Fertility and Sterility*. 1985. Vol. 43. № 1. P. 48—53. DOI:10.1016/s0015-0282(16)48316-0
27. Quality of life, anxiety and depression of German, Italian and French couples undergoing cross-border oocyte donation in Spain / S. Madero, S. Gameiro, D. García, D. Cirera, R. Vassena, A. Rodríguez // *Human reproduction*. 2017. Vol. 32. № 9. P. 1862—1870. DOI:10.1093/humrep/dex247
28. Religion, spirituality and faith: What is the real impact on assisted reproduction? [Электронный ресурс] / E. Оно, D.P.A.F. Braga, B.F. Zanetti, R.M.M. Melamed, A. Iaconelli, E. Borges // Abstracts of the 34th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Barcelona Spain: 1 to 4 July 2018. Volume 33 / Eshre committees. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. i389—i390. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Barcelona-2018> (дата обращения: 23.03.2022).
29. Rooney K., Dumar A. The relationship between stress and infertility // *Dialogues in Clinical Neuroscience*. 2018. Vol 20. № 1. P. 41—46. DOI:10.31887/DCNS.2018.20.1/klrooney

30. *Sutcliffe A.G.* Reproductive Technology and Its Impact on Psychosocial Child Development [Электронный ресурс] // Encyclopedia on Early Childhood Development / Eds. R. Tremblay, M. Boivin, R.D. Peters. Montreal, Quebec: CEECD, 2007. 6 p. URL: <https://www.child-encyclopedia.com/assisted-reproductive-technology/according-experts/reproductive-technology-and-its-impact> (дата обращения: 22.10.2021).
31. *Szkodziak F., Krzyzanowski J., Szkodziak P.* Psychological aspects of infertility: A systematic review // Journal of International Medical Research. 2020. Vol. 48. № 6. P. 1—13. DOI:10.1177/0300060520932403
32. Tackling burden in ART: an integrated approach for medical staff / J. Boivin, A.D. Domar, D.B. Shapiro, T.H. Wischmann, B.C.J.M. Fauser, C. Verhaak // Human Reproduction. 2012. Vol. 27. № 4. P. 941—950. DOI:10.1093/humrep/der467
33. The Analysis of Anxiety and Depression in Different Stages of in vitro Fertilization-Embryo Transfer in Couples in China / Y.-F. Liu, Z. Fu, S.-W. Chen, X.-P. He, L.Y. Fan // Neuropsychiatric Disease and Treatment. 2021. Vol. 17. P. 649—657. DOI:10.2147/NDT.S287198
34. The complex relationship between infertility and psychological distress (Review) / G. Simionescu, B. Doroftei, R. Maftai, B.-E. Obreja, E. Anton, D. Grab, C. Pea, C. Anton // Experimental and Therapeutic Medicine. 2021. Vol. 21. № 4. Article Number 306. P. 1—6 DOI:10.3892/etm.2021.9737
35. The effect of psychological distress on IVF outcomes: Reality or speculations? / G. Aimagambetova, A. Issanov, S. Terzic, G. Vapayeva, T. Ukybassova, S. Baikoskarova, A. Aldiyarova, F. Shauyen, M. Terzic // PLoS ONE. 2020. Vol. 15. № 12. Article ID e0242024. 14 p. DOI:10.1371/journal.pone.0242024
36. Treatment-related psychological stress in different in vitro fertilization therapies with and without gonadotropin stimulation / K. Haemmerli Keller, G. Alder, L. Loewer, M. Faeh, S. Rohner, M. von Wolff // Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica. 2018. Vol. 97. № 3. P. 269—276. DOI:10.1111/aogs.13281
37. *Wennerholm U.* Health of ICSI children [Электронный ресурс] // Abstracts of the 34th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Barcelona Spain: 1 to 4 July 2018. Volume 33 / Eshre committees. European Society of Human Reproduction and Embryology. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. i21—i22. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Barcelona-2018> (дата обращения: 23.03.2022).
38. What happens in the counsellor's room? A qualitative study on the aims of psychological intervention in Italy [Электронный ресурс] / Z. Donarelli, G. Lo Cocco, S. Gullo, V. Oieni, A. Marino, A. Allegra // Abstracts 36th Virtual Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: 26 June to 1 July 2020. Volume 35 / Ed. C.B. Lambalk. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. i347—i347. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/ESHRE-2020> (дата обращения: 23.03.2022).
39. Women Undergoing Hormonal Treatments for Infertility: A Systematic Review on Psychopathology and Newly Diagnosed Mood and Psychotic Disorders / A. González-Rodríguez, J. Cobo, V. Soria, J. Usall, C. Garcia-Rizo, M. Bioque, J.A. Monreal, J. Labad // Frontiers in Psychiatry. 2020. Vol. 11. Article ID 479. 12 p. DOI:10.3389/fpsy.2020.00479
40. Women's emotional adjustment to IVF: a systematic review of 25 years of research / C.M. Verhaak, J.M.J. Smeenk, A.W.M. Evers, J.A.M. Kremer, F.W. Kraaijmaat, D.D.M. Braat // Human Reproduction. 2007. Vol. 13. № 1. P. 27—36. DOI:10.1093/humupd/dml040
41. *Ying L., Wu L., Loke, A.* The effects of psychosocial interventions on the mental health, pregnancy rates, and marital function of infertile couples undergoing in vitro fertilization: a systematic review // Journal of Assisted Reproduction and Genetics. 2016. Vol. 33. № 6. P. 689—701. DOI:10.1007/s10815-016-0690-8

References

1. Anikina V.O., Blokh M.E., Savenysheva S.S. Emotsional'noe sostoyanie zhenshchin, ispol'zuyushchikh vspomogatel'nye reproductivnye tekhnologii: obzor sovremennykh zarubezhnykh issledovaniy [Emotional states of women using assisted reproductive technologies: review of contemporary international research data] [Elektronnyi resurs]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020. Vol. 8, no. 6, 13 p. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/76PSMN620.pdf> (Accessed 24.12.2021). (In Russ.).
2. Solov'eva E.V. Vyyavlenie faktorov riska psikhoemotsional'nykh narushenii u patsientov v programmakh VRT. Aprobatsiya russkoyazychnogo varianta oprosnika SCREENIVF [Identification of risk factors for psychoemotional disorders in patients in ART programs. Approbation of the Russian version of the questionnaire] [Elektronnyi resurs]. In Smirnova A.A., Anshina M.B. (eds.), *Reproductivnye tekhnologii segodnya i zavtra: Materialy XXX Ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii Rossiiskoi Assotsiatsii Reproduktsii Cheloveka [Reproductive technologies today and tomorrow. Proceedings of the XX Annual International Conference of the Russian Association of Human Reproduction]: 8—12 sentyabrya 2020 g., onlain.* Moscow, 2020, pp. 145—145. URL: https://rahr.ru/d_pec_h_mat_konf/Tezis_2020_A5+cover.pdf (Accessed 22.03.2022). (In Russ.).
3. Solov'eva E.V. Psikhicheskoe razvitiye detei rannego vozrasta, zachatykh posredstvom ekstrakorporal'nogo oplodotvoreniya, i ikh vzaimodeystvie s materyami. [Mental development of young children conceived through in vitro fertilization, and their interaction with mothers] [Elektronnyi resurs]: Dis. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2016, 225 p. URL: <https://mgppu.ru/files/galleries/documents/82877bfd2f730071f7ae87e2996b6fb8.pdf> (Accessed 22.03.2022). (In Russ.).

4. Tyuvina N.A., Nikolaevskaya A.O. Psikhonevrologicheskie, moral'no-eticheskie i sotsiokul'turnye aspekty vspomogatel'nykh reproductivnykh tekhnologii [Assisted reproductive technologies: psychoneurological, moral-ethical, and socio-cultural aspects]. *Nevrologiya, neiropsikhiatriya, psikhosomatika = Neurology, neuropsychiatry, psychosomatic*, 2020. Vol. 12, no. 5, pp. 104—110. DOI:10.14412/2074-2711-2020-5-104-110 (In Russ.).
5. Filippova G.G. Reproductivnaya psikhologiya: psikhologicheskaya pomoshch' besplodnym param pri ispol'zovanii vspomogatel'nykh reproductivnykh tekhnologii [Reproductive psychology: psychological assistance to infertile couples using assisted reproductive technologies] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika: elektron. zhurn = Clinical and medical psychology: research, training, practice: electronic scientific journal*, 2014, no. 3 (5), article ID 4. URL: http://www.medpsy.ru/climp/2014_3_5/article04.php (Accessed 22.03.2022). (In Russ.).
6. Filippova G.G. Stress i narushenie reproductivnoi funktsii [Stress and reproductive dysfunction] [Elektronnyi resurs]. In Makarov V.V., Kamalova S.Ts., Bulycheva A.E. (eds.), *Antologiya Rossiiskoi psikhoterapii i psikhologii. Setevoe nauchno-prakticheskoe izdanie: Materialy itogovogo mezhdunarodnogo kongressa "Psikhologiya i psikhoterapiya kazhdogo dnya i vsei zhizni": Moskva, 15—18 noyabrya 2018 g. = Anthology of Russian Psychotherapy and psychology. Online scientific and practical publication: Materials of the final international congress "Psychology and psychotherapy of every day and all life": Moscow, November 15—18, 2018*. Moscow: Obshcherossiiskaya professional'naya psikhoterapevticheskaya liga, 2018. pp. 69—72. URL: <https://oppl.ru/up/files/vypuski-antologii/antologiya2018-v6.pdf#page=69> (Accessed 22.03.2022). (In Russ.).
7. Eshre committees. European Society of Human Reproduction and Embryology. Abstracts of the 34th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology [Elektronnyi resurs]: Barcelona Spain 1 to 4 July 2018. Volume 33. Oxford: Oxford University Press, 2018. 541 p. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Barcelona-2018> (Accessed 25.03.2022).
8. Lambalk Cornelis (Nils) (ed.) Abstracts of the 35th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology [Elektronnyi resurs]: Vienna, Austria : 24 to 26 June 2019. Volume 34. Oxford: Oxford University Press, 2019. 543 p. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Vienna-2019> (Accessed 25.03.2022).
9. Lambalk C.B. (ed.). Abstracts 36th Virtual Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology [Elektronnyi resurs]: 26 June to 1 July 2020. Volume 35. Oxford: Oxford University Press, 2020. 535 p. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/ESHRE-2020> (Accessed 25.03.2022).
10. Eshre committees. Abstracts 37th Virtual Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology [Elektronnyi resurs] : 5 to 8 July 2021. Oxford: Oxford University Press, 2021. 513 p. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/ESHRE-2021> (Accessed 25.03.2022).
11. Warmelink C., Boekhout M., Tros E., Kool L. Antenatal care in transition from fertility treatment to parenthood [Elektronnyi resurs]. In Eshre committees. European Society of Human Reproduction and Embryology (eds.), *Abstracts of the 34th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Barcelona Spain: 1 to 4 July 2018. Volume 33*. Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. i99—i100. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Barcelona-2018> (Accessed 23.03.2022).
12. Awtani M., Kapoor G.K., Kaur P., Saha J., Crasta D., Banker M. Anxiety and stress at different stages of treatment in women undergoing in vitro fertilization — intracytoplasmic sperm injection. *Journal of Human Reproductive Sciences*, 2019. Vol. 12, no. 1, pp. 47—52. DOI:10.4103/jhrs.JHRS_23_18
13. Berg C. ART children-long term reassurance? [Elektronnyi resurs]. In Lambalk Cornelis (Nils) (ed.), *Abstracts of the 35th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Vienna, Austria: 24 to 26 June 2019. Volume 34*. Oxford: Oxford University Press, 2019, pp. 42. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Vienna-2019> (Accessed 25.03.2022).
14. Boivin J., Sofia G. Evolution of psychology and counseling in infertility. *Fertility and Sterility*, 2015. Vol. 104, no. 2, pp. 251—259. DOI:10.1016/j.fertnstert.2015.05.035
15. Renzi A., Spoletini R., Di Trani M., Scaravelli G. Characteristics of psychological services for couples undergoing ART treatment in Italy [Elektronnyi resurs]. In Eshre committees. European Society of Human Reproduction and Embryology (eds.), *Abstracts 37th Virtual Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: 5 to 8 July 2021*. Oxford: Oxford University Press, 2021, pp. 511—511. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/ESHRE-2021/Searchable#!abstractdetails/0000661720> (Accessed 23.03.2022).
16. Dural O., Yasa C., Kcyif B., Celiksoy H., Demiral I., Ozgor B.Y., Ugurlucan F.G., Bastu E. Effect of infertility on quality of life of women: a validation study of the Turkish FertiQoL. *Human Fertility*, 2016. Vol. 19, no. 3, pp. 186—191. DOI:10.1080/14647273.2016.1214754
17. Karaca N., Karabulut A., Ozkan S., Aktun H., Oengul F., Yilmaz R., Ates S., Batmaz G. Effect of IVF failure on quality of life and emotional status in infertile couples. *European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology*, 2016. Vol. 206, pp. 158—163. DOI:10.1016/j.ejogrb.2016.09.017
18. Gameiro S., Boivin J., Dancet E., de Klerk C., Emery M., Lewis-Jones C., Thorn P., Van den Broeck U., Venetis C., Vershaak C.M. et al. ESHRE guideline: routine psychosocial care in infertility and medically assisted reproduction—a guide for fertility staff. *Human Reproduction*, 2015. Vol. 3, no. 11, pp. 2476—2485. DOI:10.1093/humrep/dev177

19. Hanevik H. Yes, IVF can influence human evolution [Elektronnyi resurs]. In Cornelis (Nils) Lambalk (ed.), *Abstracts of the 35th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Vienna, Austria: 24 to 26 June 2019. Volume 34*. Oxford: Oxford University Press, 2019, pp. i124— i124. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Vienna-2019> (Accessed 23.03.2022).
20. Massarotti C., Gentile G., Ferreccio C., Scaruffi P., Remorgida V., Anserini P. Impact of infertility and infertility treatments on quality of life and levels of anxiety and depression in women undergoing in vitro fertilization. *Gynecol Endocrinol*, 2019. Vol. 35, no. 6, pp. 485—489. DOI:10.1080/09513590.2018.1540575
21. Nicoloso-SantaBarbara J., Busso C., Moyer A., Lobel M. Just relax and You'll get pregnant? Meta-analysis examining Women's emotional distress and the outcome of assisted reproductive technology. *Social Science & Medicine*, 2018. Vol. 213, pp. 54—62. DOI:10.1016/j.socscimed.2018.06.033
22. Klock S. Psychological issues related to infertility [Elektronnyi resurs]. In von Dadelszen P. (ed.), *The global library of women's medicine*. 2011. URL: <https://www.glowm.com/section-view/heading/Psychological%20Issues%20Related%20to%20Infertility/item/412#.Yj15oTVn2UI> (Accessed 23.03.2022). DOI:10.3843/GLOWM.10413
23. Miok K., J.-E. Hong, Minkyung B. Mediating Effects of Emotional Self-Disclosure on the Relationship between Depression and Quality of Life for Women Undergoing In-Vitro Fertilization. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021. Vol. 18, no. 12, article ID 6247, 9 p. DOI:10.3390/ijerph18126247
24. So Y.K.G., Chan C.H.Y., Guo D.Y., Fung Y.L., Lau B.H.P., Yin X.C. Out of sync: A qualitative examination of male and female partners' role in decision-making in in vitro fertilization [Elektronnyi resurs]. In Cornelis (Nils) Lambalk (eds.), *Abstracts of the 35th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Vienna, Austria: 24 to 26 June 2019. Volume 34*. Oxford: Oxford University Press, 2019, pp. i369—i370. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Vienna-2019> (Accessed 23.03.2022).
25. Lablanche O., Salle B., Perie M.-A., Labrune E., Langlois-Jacques C., Fraison E. Psychological effect of COVID-19 pandemic among women undergoing infertility care, a French cohort — PsyCovART Psychological effect of COVID-19: PsyCovART. *Journal of Gynecology Obstetrics and Human Reproduction*, 2022. Vol. 51, no. 1, article ID 102251, 8 p. DOI:10.1016/j.jogoh.2021.102251
26. Freeman E.W., Boxer A.S., Rickels K., Tureck R., Mastroianni L. Psychological evaluation and support in a program of in vitro fertilization and embryo transfer. *Fertility and Sterility*, 1985. Vol. 43, no. 1, pp. 48—53. DOI:10.1016/s0015-0282(16)48316-0
27. Madero S., Gameiro S., García D., Cirera D., Vassena R., Rodríguez A. Quality of life, anxiety and depression of German, Italian and French couples undergoing cross-border oocyte donation in Spain. *Human reproduction*, 2017. Vol. 32, no. 9, pp. 1862—1870. DOI:10.1093/humrep/dex247
28. Ono E., Braga D.P.A.F., Zanetti B.F., Melamed R.M.M., Iaconelli A., Borges E. Religion, spirituality and faith: What is the real impact on assisted reproduction? [Elektronnyi resurs]. In Eshre committees (eds.), *Abstracts of the 34th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Barcelona Spain: 1 to 4 July 2018. Volume 33*. Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. i389-i390. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Barcelona-2018> (Accessed 23.03.2022).
29. Rooney K., Domar A. The relationship between stress and infertility. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 2018. Vol 20, no. 1, pp. 41—46. DOI:10.31887/DCNS.2018.20.1/klooney
30. Sutcliffe A.G. Reproductive Technology and Its Impact on Psychosocial Child Development [Elektronnyi resurs]. In Tremblay R., Boivin M., Peters R.D. (eds.), *Encyclopedia on Early Childhood Development*. Montreal, Quebec: CEECD, 2007. 6 p. URL: <https://www.child-encyclopedia.com/assisted-reproductive-technology/according-experts/reproductive-technology-and-its-impact> (Accessed 22.10.2021).
31. Szkodziak F., Krzyzanowski J., Szkodziak P. Psychological aspects of infertility: A systematic review. *Journal of International Medical Research*, 2020. Vol. 48, no. 6, pp. 1—13. DOI:10.1177/0300060520932403
32. Boivin J., Domar A.D., Shapiro D.B., Wischmann T.H., Fauser B.C.J.M., Verhaak C. Tackling burden in ART: an integrated approach for medical staff. *Human Reproduction*, 2012. Vol. 27, no. 4, pp. 941—950. DOI:10.1093/humrep/der467
33. Liu Y.-F., Fu Z., Chen S.-W., He X.-P., Fan L.Y. The Analysis of Anxiety and Depression in Different Stages of in vitro Fertilization-Embryo Transfer in Couples in China. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, 2021. Vol. 17, pp. 649—657. DOI:10.2147/NDT.S287198
34. Simionescu G., Doroftei B., Maftai R., Obreja B.-E., Anton E., Grab D., Ilea C., Anton C. The complex relationship between infertility and psychological distress (Review). *Experimental and Therapeutic Medicine*, 2021. Vol. 21, no. 4, article Number 306, pp. 1—6. DOI:10.3892/etm.2021.9737
35. Aimagambetova G., Issanov A., Terzic S., Bapayeva G., Ukybassova T., Baikoskarova S., Aldiyarova A., Shauyen F., Terzic M. The effect of psychological distress on IVF outcomes: Reality or speculations? *PLoS ONE*, 2020. Vol. 15, no. 12, article ID e0242024, 14 p. DOI:10.1371/journal.pone.0242024
36. Haemmerli Keller K., Alder G., Loewer L., Faeh M., Rohner S., von Wolff M. Treatment-related psychological stress in different in vitro fertilization therapies with and without gonadotropin stimulation. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*, 2018. Vol. 97, no. 3, pp. 269—276. DOI:10.1111/aogs.13281

37. Wennerholm U. Health of ICSI children [Elektronnyi resurs]. In Eshre committees (eds.), *Abstracts of the 34th Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: Barcelona Spain: 1 to 4 July 2018. Volume 33*. European Society of Human Reproduction and Embryology, 2018, pp. i21—i22. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Barcelona-2018> (Accessed 23.03.2022).
38. Donarelli Z., Lo Coco G., Gullo S., Oieni V., Marino A., Allegra A. What happens in the counsellor's room? A qualitative study on the aims of psychological intervention in Italy [Elektronnyi resurs]. In Lambalk C.B. (ed.), *Abstracts 36th Virtual Annual Meeting of the European Society of Human Reproduction and Embryology: 26 June to 1 July 2020. Volume 35*. Oxford: Oxford University Press, 2020, pp. i347—i347. URL: <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/ESHRE-2020> (Accessed 23.03.2022).
39. González-Rodríguez A., Cobo J., Soria V., Usall J., Garcia-Rizo C., Bioque M., Monreal J.A., Labad J. Women Undergoing Hormonal Treatments for Infertility: A Systematic Review on Psychopathology and Newly Diagnosed Mood and Psychotic Disorders. *Frontiers in Psychiatry*, 2020. Vol. 11, article ID 479, 12 p. DOI:10.3389/fpsyt.2020.00479
40. Verhaak C.M., Smeenk J.M.J., Evers A.W.M., Kremer J.A.M., Kraaijmaat F.W., Braat D.D.M. Women's emotional adjustment to IVF: a systematic review of 25 years of research. *Human Reproduction*, 2007. Vol. 13, no. 1, pp. 27—36. DOI:10.1093/humupd/dml040
41. Ying L., Wu L., Loke, A. The effects of psychosocial interventions on the mental health, pregnancy rates, and marital function of infertile couples undergoing in vitro fertilization: a systematic review. *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*, 2016. Vol. 33, no. 6, pp. 689—701. DOI:10.1007/s10815-016-0690-8

Информация об авторах

Филлипова Галина Григорьевна, доктор психологических наук, ректор, Институт перинатальной и репродуктивной психологии (ЧУ ДПО «ИППП»), Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4177-3566>, e-mail: filippova_galina@mail.ru

Information about the authors

Galina G. Filippova, Doctor of Psychology, Rector, Institute of Perinatal and Reproductive Psychology, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-4177-3566>, e-mail: filippova_galina@mail.ru

Получена 18.01.2022

Received 18.01.2022

Принята в печать 16.03.2022

Accepted 16.03.2022

Зарубежные исследования сепарационной тревоги

Кочетова Ю.А.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru*

Климакова М.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>, e-mail: klimakovamv@mgppu.ru*

Работа направлена на изучение феномена сепарационной тревоги в разных возрастах. В настоящее время становится все более актуальным изучение сепарационной тревоги на разных этапах развития человека. В настоящей статье представлен анализ феномена сепарационной тревоги, его проявления и клиническая картина, а также рассмотрены диагностические критерии и методы психотерапии, в частности, применение недирективной игровой терапии, методов когнитивно-поведенческой терапии (программа «The Coping Cat»). Проведен анализ зарубежных исследований, показывающих связь уровня сепарационной тревоги родителей младенцев с уровнем тревожности их детей, с личностным ростом самих родителей, а также исследований, посвященных влиянию сепарационной тревоги на психическое развитие детей. Полученные в исследованиях данные позволяют увидеть роль тревожного расстройства, вызванного разлукой, в формировании личности, что является важным условием для создания терапевтических и коррекционных мероприятий.

Ключевые слова: тревожное расстройство; тревожное расстройство, вызванное разлукой; сепарационная тревога; детско-родительские отношения; тип привязанности; диагностика и психотерапия тревоги.

Для цитаты: Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Зарубежные исследования сепарационной тревоги [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 39—47. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110104>

Foreign Studies of Separational Anxiety

Yulia A. Kochetova

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru*

Maria V. Klimakova

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: klimakovamv@mgppu.ru*

The article aims to studying the phenomenon of separation anxiety in different ages. Currently separation anxiety studying its become more relevant at different stages of human development. This article presents an analysis of the phenomenon of separation anxiety, its manifestations and clinical picture, diagnostic criteria and methods of psychotherapy, in particular, the use of non-directive play therapy, methods of cognitive behavioral therapy (the program “The Coping Cat”). The analysis of foreign studies shows the relationship between the level of infant’s parents separation anxiety with the level of anxiety of their children, with the personal growth of the parents. Modern foreign studies shows the impact of separation anxiety on the mental development of children. The data obtained in the studies allow us to see the role of anxiety disorder caused by separation in the personality formation, which is an important condition for the therapeutic and corrective tools.

Keywords: anxiety disorder, separation anxiety disorder, child-parent relationship, type of attachment, diagnosis and psychotherapy of anxiety.

For citation: Kochetova Yu.A., Klimakova M.V. Foreign Studies of Separational Anxiety. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 39—47. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110104> (In Russ.).

Введение

На современном этапе развития общества тревожные расстройства занимают одно из центральных мест в психологической практике, в том числе это касается и детских возрастов. Как правило, большинство расстройств тревожного спектра, возникающих в детских возрастах, имеют достаточно схожие диагностические критерии, что и у взрослых. Однако в МКБ-10 и в Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам сепарационная тревога относится к детским и подростковым расстройствам. Такой диагноз, как тревожное расстройство, вызванное разлукой, обычно ставится, начиная с младенческого возраста. При этом отмечается, что значительная часть населения обращается к специалистам с симптомами тревожного расстройства, вызванного разлукой, и во взрослых возрастах [7].

Отмечается также, что тревога считается «нетипичной для ожидаемого уровня развития и возраста» [11]. Подобное состояние дезадаптирует ребенка, снижая качество жизни, проявляя себя как в социальной сфере (например, отказ от посещения детского сада, школы [13], так и в физическом и психическом здоровье (возникновение различных психосоматических расстройств).

Основной симптом, характеризующий данное расстройство, связан с тем, что ребенок испытывает тревогу, которая возникает, в первую очередь, из-за разлуки с матерью или близким взрослым [2]. Также иногда тревожность ребенка связана с разлучением с неодушевленными предметами, например, любимыми игрушками, знакомыми местами (дом, своя комната и пр.) [1].

Несмотря на то, что определенный уровень сепарационной тревоги у детей младенческого, раннего и дошкольного возраста является нормативным [25], в ситуации реального или угрожающего расставания с близким взрослым, тем не менее, уровень тревоги, переходящий в невротический и дезадаптирующий ребенка, приравнивается к тревожному расстройству. Дифференциация нормального уровня тревоги от тревожного расстройства проводится по уровню ее выраженности, «включая аномальную стойкость свыше обычного возрастного периода, и сочетается со значительными проблемами в социальном функционировании» [17].

В Международной классификации болезней присутствуют диагностические критерии для выявления тревожного расстройства у детей, вызванного разлукой или, по-другому, сепарационной тревоги у детей. В первую очередь, к таким критериям можно отнести высокий уровень тревоги в ситуации отделения от близких взрослых, к которым у ребенка присутствует привязанность; при этом такая тревога не должна являться частью генерализованной тревоги относительно других ситуаций.

Данная тревога может проявляться в страхе ребенка потерять близкого взрослого, при этом может возникнуть страх потеряться самому, остаться в одиночестве без близкого взрослого, к которому привязан ребенок. Подобные страхи сопровождаются отказом от посеще-

ния детского сада или школы, возникают проблемы со сном, когда ребенок отказывается спать без близкого взрослого рядом, при этом могут возникать повторяющиеся ночные кошмары [17].

Помимо прочего, сепарационная тревога проявляет себя в дистрессе и психосоматических расстройствах, проявляющихся в физических симптомах. Так, при разлуке с близким взрослым или при предчувствии разлуки ребенок может ощущать тошноту, боль в животе, головную боль, у него могут проявляться различные тики [21].

В DSM-IV для постановки диагноза, связанного с сепарационной тревогой, должны присутствовать следующие диагностические критерии: «... тревога должна выходить за пределы ожидаемой для соответствующей стадии развития ребенка, продолжаться больше четырех недель, возникать в возрасте до 18 лет и приводить к значительному дистрессу или нарушениям» [23].

Проявления сепарационной тревоги и клиническая картина зависят от возраста. Ночные кошмары, содержание которых связано с разлукой, чаще встречаются у детей ранних возрастов, нежели у подростков, которые также реже демонстрируют дистресс при разлуке. Подростки чаще проявляют протестное поведение, сопровождающееся вспышками гнева, раздражения в ситуации вынужденной разлуки.

Сепарационная тревога усиливается в психотравмирующих ситуациях — смена места жительства, смена школы или детской компании, начало учебного года, а также в ситуациях, связанных с буллингом, одиночеством в коллективе и пр.

Пиковые значения симптомов приходятся на возраст от 9 до 13 месяцев и в норме снижаются к 2—3 годам, когда ребенок приближается к возрастному кризису трех лет, который проявляет себя в возрастающей самостоятельности ребенка и желании отделиться от взрослых. Усиление симптомов возникает к периоду посещения школы [8; 12; 13]. В подростковом возрасте у трети детей сохраняются симптомы сепарационной тревоги, если она не подвергалась психотерапии. Последствия сепарационной тревоги в детских возрастах проявляют себя в нарушении социального функционирования у взрослых, которые часто остаются одиночками или переживают конфликт в семье [24].

Несмотря на то, что сепарационная тревога в DSM-IV представлена как расстройство детского возраста, некоторые исследования показали наличие данного расстройства у взрослых респондентов — распространенность тревожного расстройства, вызванного разлукой, среди взрослых составляет 6%, при этом более 70% случаев проявления начинаются в подростковом возрасте [24].

Диагностические методики и оценочные шкалы

С целью комплексной и системной оценки проблемы сепарационной тревоги необходимо привлекать к

диагностике как детей, так и родителей, а также при необходимости — учителей и других значимых взрослых.

Наиболее распространенными методами диагностики сепарационной тревоги выступают как структурированные, так и полуструктурированные клинические интервью. К подобным методикам можно отнести опросный лист «The Anxiety Disorder Interview Schedule for DSM-IV Child and Parent Version (ADIS-IV-C/P), который был разработан для детей от 6 до 17 лет с целью оценки тревожных и общих расстройств психологического развития, а также расстройств настроения, включенных в DSM-IV.

Также, с целью диагностики сепарационной тревоги, используется шкала «The Kiddie Schedule of Affective Disorders and Schizophrenia for School age children, Present and Lifetime version» (K-SADS-PL). Данную методику можно использовать в возрасте от 6 до 18 лет.

С целью оценки уровня тревожности у детей дошкольного возраста применяется шкала PAS (Preschool Anxiety Scale). Данную шкалу необходимо заполнять родителям, оценивая приведенные в ней ситуации с точки зрения того, как часто они проявляются у их детей.

Для диагностики родителей также можно использовать структурированное интервью «The Preschool Age Psychiatric Assessment» (PAPA). Родители оценивают особенности развития детей в возрасте от 2 до 5 лет.

Диагностический инструментарий позволяет оценить сепарационную тревогу во взрослых возрастах, например: опросник сепарационной тревоги взрослых (Adult Separation Anxiety Questionnaire, ASA-27); шкалу Гамильтона для оценки тревоги (Hamilton anxiety rating scale, HARS) — клиническая рейтинговая шкала, которая соответствует критериям TPC в DSM-V и проекте МКБ-11 оценки тяжести тревоги; структурированное клиническое интервью для оценки симптомов сепарационной тревоги (Structured Clinical Interview for Separation Anxiety Symptoms, SCI-SAS) и пр.

Также проявление тревоги у детей можно оценить с помощью следующих методик.

- Тест уровня школьной тревожности Филлипса (School Anxiety Scale, SAS) — выявляет общий уровень школьной тревожности.
- Шкала явной тревожности для детей (The Children's Form of Manifest Anxiety Scale, CMAS) — предназначена для диагностики тревожности как устойчивого образования у детей в возрасте 7—12 лет.
- Шкала личностной тревожности учащихся (А.М. Прихожан) — позволяет диагностировать детскую и подростковую тревожность, связанную со школьными ситуациями.
- Шкала тревоги Спилбергера (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) — представляет собой опросник для самооценки уровня тревожности (как реактивной, так и личностной).
- Шкала проявлений тревоги Тейлора (Taylor Manifest Anxiety Scale, TMAS) — измеряет проявления тревожности, утверждения для теста отобраны из опросника MMPI.

Таким образом, тема сепарационной тревоги является крайне актуальной, поскольку берет свое начало в младенческом и раннем возрастах и оказывает существенное влияние на психическое благополучие в дальнейшем. Среди российской выборки данная тема изучена недостаточно, что открывает поле для дальнейших исследований. В зарубежной психологической науке и практике проблема сепарационной тревоги активно разрабатывается; с одной стороны рассматривается как отдельный феномен, с другой — в контексте детско-родительских отношений.

Так, в исследовании 2021 г., проведенном О. Таубман-Бен-Ари (Университет имени Бар-Илана, Рамат-Гане), изучалась связь личностного роста родителей маленьких детей (до 24 мес.) в связи с сепарационной тревогой родителей. Участие в нем приняли 315 родителей, воспитывающих детей в возрасте до 24 месяцев. Из них — 234 матери в возрасте от 20 до 45 лет и 81 отец в возрасте в возрасте от 21 до 45 лет. В качестве методик использовались: шкала PTGI (The Post-Traumatic Growth Inventory), измеряющая личностный рост; шкала Maternal Separation Anxiety Scale, измеряющая уровень сепарационной тревоги. Обе шкалы были адаптированы для родителей Израиля [27]. С помощью процедуры анализа PROCESS было выявлено, что более высокий уровень сепарационной тревоги родителей связан с более активным личностным ростом обоих родителей, причем у отцов данная связь выражена сильнее, чем у матерей ($b = 0,97$, $p < 0,001$; $b = 0,42$, $p = 0,014$ соответственно). Регрессионный анализ показал, что высокий уровень сепарационной тревоги вносит значимый вклад (10,9%) в более активный личностный рост родителей. Таким образом, автор оценивает стресс перехода к родительству и связанную с ним сепарационную тревогу как положительный опыт для матерей и отцов.

Дж. Кольхофф, Б. Барнетт и В. Ипен в 2015 г. провели исследование, посвященное связи сепарационной тревоги матерей младенцев с привязанностью к ребенку и стилями воспитания детей [19]. В исследовании приняли участие 83 женщины, только что родившие детей и находящиеся с ними в стационаре. Методами исследования выступили клиническое интервью и шкала сепарационной тревоги ASA. Кроме того, особенности поведения младенцев фиксировались медсестрами 24 часа в сутки. Эксперимент показал, что в данной выборке распространенность сепарационной тревоги среди матерей составила 19,3%. У женщин с высоким уровнем сепарационной тревоги чаще, чем у женщин с низким уровнем, отмечались депрессивные и тревожные расстройства. Эти же женщины сообщали о негативном опыте детско-родительских отношений в своем детстве, небезопасном типе привязанности. У детей этих женщин были зафиксированы проявления беспокойства и тревожности. Таким образом, негативный ранний детский опыт воспитания связан с сепарационной тревогой во взрослом возрасте, который, в свою очередь,

связан с проявлениями тревожности у новорожденных детей.

Группа исследователей под руководством С. Пини (Пизанский университет, Пиза), изучала связь сепарационной тревоги, диагностированной в детстве, со способностью к регуляции собственного поведения во взрослом возрасте [26]. С этой целью были отобраны 377 пациентов амбулаторных психиатрических клиник, из которых: 168 человек не имели установленного тревожного расстройства, вызванного разлукой (т. е. сепарационной тревоги); 81 человек имели установленное во взрослом возрасте тревожное расстройство, вызванное разлукой; 97 человек имели данное расстройство; у 31 человека было установлено данное расстройство в детском возрасте. В эксперименте использовались шкала RSRI (оценка поведенческого торможения) и шкала ASA-27 (оценка уровня сепарационной тревоги). У 242 пациентов было диагностировано паническое расстройство, у 143 — биполярное, у 133 — депрессивное, у 71 — обсессивно-компульсивное и у 43 — социальная тревожность. Среди респондентов было 255 женщин и 122 мужчины. Было обнаружено, что испытуемые, имевшие установленное тревожное расстройство, вызванное разлукой, имели более высокие баллы по параметру «поведенческое торможение», вне зависимости от возраста, в котором этот диагноз был поставлен. Была выявлена умеренная корреляционная связь между показателем поведенческого торможения и показателями тревожного расстройства, вызванного разлукой ($r=0,436$; $p<0,001$). Регрессионный анализ показал значительную прогностическую ценность оценок шкалы RSRI (поведенческое торможение) по общему показателю шкалы ASA-27 (сепарационная тревога) ($p < 0,01$), однако связи с возрастом начала сепарационной тревоги выявлено не было. Таким образом, поведенческое торможение является фактором риска возникновения сепарационной тревоги, как в детских, так и во взрослых возрастах. Похожие результаты были получены в более раннем исследовании, проведенном в 2020 г. А. Таном и др. (Мэрилендский университет в Колледж-Парке). Поведенческое торможение младенцев предсказывало появление тревожного и депрессивного расстройства у 30-летних взрослых [18].

В исследовании У. Астути и др., которое было проведено в 2020 г., изучалась связь сепарационной тревоги детей 5—6 лет с привязанностью родителей [5]. В нем приняли участие 185 детей (87 мальчиков и 98 девочек). Для измерения привязанности родителей к детям использовалась анкета Parental-Child Attachment-Child Survey, а для измерения сепарационной тревожности — шкала CSAS, которую экспериментаторы зачитывали детям вслух. Регрессионный анализ показал, что более сильная привязанность родителей к детям связана с более низким уровнем сепарационной тревожности ($F_{\text{count}} = 15,26 < F_{\text{table}} = 3,045$ со значением $\text{Sig } 0,000 < 0,05$). Близость между ребенком и родителем поддерживает способность ребенка адаптироваться в группе сверстников.

В исследовании Г. Ростами и других (2020 г.), которое является частью Квебекского лонгитюдного исследования развития детей, оценивались показатели бруксизма во сне у детей в возрасте от 1,5 до 7 лет. Респондентами являлись матери детей (1946 человек). Бруксизм измерялся с помощью опросника The Self-Administered Questionnaire for Mother, а сепарационная тревога — с помощью опросника Interviewer-Completed Computerized Questionnaire. Бруксизм во сне и уровень сепарационной тревоги показали значимые, но слабые связи ($X^2 = 37,84$; $p < 0,001$). Однако, у детей с более высоким уровнем сепарационной тревоги риск развития бруксизма был в два раза выше, чем у детей с низким уровнем (95% CI = 1,25 — 3,22; $p = 0,04$) [15].

В рамках этого же лонгитюдного исследования, под руководством М. Батталья в 2017 г. были оценены траектории развития детей с высоким уровнем сепарационной тревоги. В исследовании приняли участие 1290 детей, у которых с помощью опросника Interviewer-Completed Computerized Questionnaire была установлена сепарационная тревожность в возрасте от 1,5 лет. Сами дети (от 8 лет), а также их семьи и учителя оценивали такие параметры, как физическое здоровье, академическая успеваемость и др. Дисперсионный анализ MANCOVA позволил выявить, что дети с высоким уровнем сепарационной тревожности, установленной в младенчестве, склонны к более высокому уровню интернальности — т. е. к более высокому уровню субъективного контроля, имеют более слабые академические достижения, более высокие показатели агорафобии, а также более слабое физическое здоровье (головные боли до 12 лет, хроническая астма в возрасте от 10 до 13 лет). Все это — по сравнению с детьми с низким уровнем сепарационной тревоги [10].

В настоящее время сепарационная тревога исследуется и в контексте COVID-19. Многие ученые отмечают, что ситуация пандемии влияет на эмоциональное состояние и психологическое благополучие людей любых возрастов. С целью изучить влияние пандемии на эмоциональное состояние и сепарационную тревогу детей в актуальных условиях, исследователи К. Колджакоглу и Г. Юджел (Университет Эрджиес, Кайсери) провели эксперимент, в котором использовали авторскую анкету, направленную на изучение привычек детей, и шкалу SPAS для оценки тревожности детей. В исследовании приняли участие 405 родителей, воспитывающих детей дошкольного возраста. Было выявлено, что в условиях пандемии сепарационная тревога у дошкольников была выражена сильнее, чем общий уровень тревоги ($M \pm SD$: 10,10 \pm 3,92 и 17,92 \pm 4,41; $p < 0,010$). Кроме того, родители сообщили о наличии истерик ($p = 0,010$), приступов плача ($p = 0,010$) и агрессии ($p = 0,010$) у детей. Также было обнаружено, что привычки сосать палец ($p = 0,010$), кусать ногти ($p = 0,040$) и кусать губы ($p = 0,010$), которые отмечались до комендантского часа, введенного в связи с COVID-19, значительно уменьшились после введения комендантского часа. Можем предположить,

что данные поведенческие проявления связаны с возросшим уровнем сепарационной тревоги, что требует дальнейшего изучения [20].

В другом исследовании, проведенном в 2020 г. (Столичный медицинский университет, Пекин, Китай), сепарационная тревога также выступила одним из основных расстройств, которым подвержены дети во время пандемии COVID-19 [9]. Также сообщалось, что сепарационная тревога была одной из самых распространенных проблем среди детей, лежащих в больнице с диагнозом COVID-19 [16]. Эти проявления сепарационной тревоги объяснимы реальной разлукой с родителями, а также стрессом в связи с заболеванием, плохим самочувствием, происшествием [3]. Таким образом, изучение сепарационной тревоги с целью последующей разработки психотерапевтических методов очень актуально в наши дни.

Методы психотерапии

В исследовании Б. Хатели (Исфаханский университет, Исфахан, Иран) было доказано, что одним из наиболее эффективных методов психотерапии сепарационной тревоги у детей является метод недирективной игровой терапии, которая также известна как игра, ориентированная на ребенка. Недирективная игра — это подход, при котором ребенку предоставляется максимальная свобода в выборе сюжета игры, игровых материалов и пр.

Целью данного исследования была оценка эффективности недирективной игровой терапии для снижения уровня тревожности у детей. Для реализации поставленной цели использовалась шкала детской тревожности Спенса (SCAS). Выборка состояла из 20 учащихся начальных классов, у которых был диагностирован высокий уровень сепарационной тревоги. Респонденты были разделены на экспериментальную и контрольную группу. Экспериментальная группа приняла участие в 10 сеансах игровой терапии. После окончания занятий с детьми вновь проводилась анкета SCAS в качестве инструмента посттестирования. Для анализа данных был использован ковариационный анализ.

Результаты проведенного исследования показали, что баллы по шкале тревожности значительно снизились в экспериментальной группе. Это свидетельствовало о том, что недирективная игровая терапия являлась эффективным методом снижения детской тревожности и гармонизации детско-родительских отношений. Однако авторы исследования замечают, что тема является крайне актуальной и для подтверждения полученных результатов необходимы дополнительные исследования [14].

Эффективность применения программы «The Coping Cat» с целью уменьшения у детей симптомов тревожного расстройства, вызванного разлукой, была измерена А. Ягуби др. (Университет Бу-Али Сина, Хамедан, Иран) [28]. Данная программа предназна-

на для детей и подростков и представляет собой запатентованную методику, включающую в себя последовательность шагов совладания с тревожными расстройствами, в том числе и с сепарационной тревогой. Психолог Ф. Кендалл был первым, кто предложил использовать методы когнитивно-поведенческой терапии с детьми. Он разработал первый пошаговый метод лечения детской тревожности, основанный на когнитивно-поведенческом подходе, который назвал «The Coping Cat». Программа включает когнитивное реструктурирование, релаксационный тренинг, а также постепенное помещение ребенка в ситуации, провоцирующие тревогу с применением сформированных навыков ее преодоления.

Авторы указывают на то, что ранняя диагностика и лечение психических расстройств в детском возрасте крайне важны. Одним из наиболее распространенных детских психических расстройств является тревожное расстройство при разлуке. Эпидемиологические исследования показали, что от 2,1 до 6,6% детей страдают данным расстройством. Для диагностики сепарационной тревоги необходимо наличие трех признаков: высокий уровень дискомфорта при разлуке с близким взрослым, постоянная тревога по поводу расставания, страх и беспомощность перед разлукой, физические жалобы, повторяющиеся ночные кошмары, проблемы со сном, которые длятся не менее 4 недель, страх перед школой. Авторы замечают, что три четверти детей, не посещающих школу, страдают тревожным расстройством, вызванным разлукой, и, если не включать таких детей в процесс психотерапии, в будущем у них может возникнуть генерализованное тревожное расстройство. Поэтому крайне важно уделять особое внимание терапии данного расстройства, особенно в дошкольном и младшем школьном возрастах.

Результаты клинических испытаний подтверждают применение когнитивно-поведенческой терапии для детей и подростков с тревожностью.

Целью данного исследования была оценка эффективности использования метода «The Coping Cat» для уменьшения симптомов сепарационной тревоги у детей. В выборку исследования входили 7-летняя девочка и 8-летний мальчика, у которых было диагностировано тревожное расстройство, вызванное разлукой (использовалось диагностическое интервью).

Далее с испытуемыми была проведена базовая часть программы и 10 индивидуальных сеансов, согласно протоколу лечения Кендалла. Терапевтические изменения, процент выздоровления и оценка эффективности программы были получены с помощью методики «Индекс клинических симптомов» (SCI-4). Данная методика имеет две формы: родительская (97 пунктов) и учительская (77 пунктов). Методика SCI-4 применяется для скрининга тринадцати поведенческих и эмоциональных расстройств, среди которых такие, как СДВГ, вызывающее оппозиционное расстройство, генерализованное тревожное расстройство, социальная тревожность, сепарационная тревога (тревожное

расстройство, вызванное разлукой), обсессивно-компульсивное расстройство, специфическая тревога и др. В данном исследовании использовались только шкалы, связанные с тревожными расстройствами.

Результаты показали, что применение протокола преодоления тревожности по программе «The Coping Cat» является эффективным средством уменьшения симптомов сепарационной тревоги у детей: уменьшает тяжесть, частоту и сложность симптомов тревожного расстройства, вызванного разлукой.

Поскольку данный метод показал большую эффективность у испытуемой женского пола, авторы сделали вывод, что программа преодоления тревожности более результативна для девочек школьного возраста, чем для мальчиков.

Через месяц после проведения программы было предпринято дальнейшее наблюдение и тестирование респондентов, т. е. оценивался отсроченный эффект программы. Авторы указывают на сохранение терапевтического эффекта от программы.

Согласно результатам исследования, можно судить о том, что применение протокола преодоления тревожного расстройства, вызванного разлукой, по программе «The Coping Cat», является одним из успешных методов психотерапии. Использование данного метода уменьшает такие симптомы тревоги, как беспокойство, стресс, страхи и др.

Эффективность применения когнитивно-поведенческой терапии подтверждается и в других исследованиях [6; 22]. Так, было выявлено, что групповая когнитивно-поведенческая игровая терапия оказывает значительное влияние на повышение психологической гибкости ($p < 0,05$; $F = 1/031$) и эффективна в большей степени, чем игровая терапия [22].

Вывод

Результаты рассмотренных зарубежных исследований позволяют предположить, что, начинаясь в младенческом и раннем возрастах [17; 25], сепарационная тревога обостряется в стрессовых ситуациях [3; 9; 16; 21], оказывает воздействие на дальнейшее развитие эмоциональной и личностной сфер ребенка [10] и может приводить к появлению вредных привычек [21], ухудшению школьной успеваемости, прогулам, фобиям и проблемам со здоровьем [10], а также связана с особенностями проявления тревоги у детей [19]. В то же время сепарационная тревога связана с более активным личностным ростом родителей после рождения

детей, особенно у отцов [27]. Можем предположить, что это связано с переоценкой жизни, изменениями в самовосприятии, и т. п.

Подводя итоги обзору зарубежных исследований, посвященных феномену сепарационной тревоги, отметим, что многие исследования проводятся с учетом анализа отношений в диаде мать—ребенок. Однако отмечается, что особенности взаимодействия ребенка с отцом также являются важным фактором устойчивости ребенка к возникновению тревоги [4].

Одним из ограничений представленных исследований является использование методов самоотчета, что может снижать достоверность полученных результатов. Не во всех методиках, используемых в рассмотренных эмпирических исследованиях, имеется шкала лжи, позволяющая оценить социальную желательность испытуемых.

Кроме того, в части исследований выборку испытуемых можно охарактеризовать как недостаточно репрезентативную. Так, в одном из исследований, выборка насчитывает всего 2 человека. С одной стороны, такое количество испытуемых не позволяет переносить полученные данные на всю генеральную совокупность, с другой — исследование проводилось скорее в форме обучающего эксперимента, где автор описывает процесс и результат психотерапии методом КПТ, используя метод case-study.

Следует заметить, что проявления сепарационной тревоги могут быть связаны с социальными факторами, характерными для определенной культуры или определенных условий жизни, поэтому интерес представляют кросс-культурные исследования, позволяющие оценить вероятные различия. Это может стать перспективой дальнейшего изучения феномена сепарационной тревоги.

Отметим, что в исследованиях, оценивающих эффективность психотерапии тревожных расстройств, вызванных разлукой, в основном используются методы работы с детьми. Тем не менее, необходимо подчеркнуть эффективность методов преодоления тревоги у детей, ориентированных на гармонизацию детско-родительских отношений [14; 22; 28].

В заключение еще раз подчеркнем, что проблема сепарационной тревоги крайне актуальна и изучается на разных этапах онтогенеза. Полученные в проанализированных исследованиях данные позволяют увидеть роль тревожного расстройства, вызванного разлукой, в формировании личности, что является важным условием для создания терапевтических и коррекционных мероприятий.

Литература

1. Жихарева Л.В. Теория привязанности, теоретические и практические аспекты [Электронный ресурс] // Перспективы Науки и Образования. 2013. № 4(4). С. 134—154. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20195377> (дата обращения: 22.03.2022).
2. Роженко В.А. Сепарация и тревога в детско-родительских отношениях [Электронный ресурс] // Семья в гештальт-терапии: материалы научно-практической конференции: Казань, 24—25 ноября 2018 года. Казань:

- Университет управления «ТИСБИ», 2019. С. 14—20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44215221> (дата обращения: 22.03.2022).
3. A 3-year retrospective study of 866 children and adolescent outpatients followed in the Nice Pediatric Psychotrauma Center created after the 2016 mass terror attack / M. Gindt, A. Fernandez, M. Ménard, O. Nachon, A. Richez, P. Auby, M. Battista, F. Askenazy // Research Square. 2022. P. 1—15. DOI:10.21203/rs.3.rs-1388007/v1
 4. Al-Yagon M., Garbi L., Rich Y. Children's resilience to ongoing border attacks: the role of father, mother, and child resources // Child Psychiatry & Human Development. 2022. 12 p. DOI:10.1007/s10578-021-01303-6
 5. Astuti U., Hartono H., Sunawan S. The Influence of Parental Attachment toward Early Childhood Children's Separation Anxiety [Электронный ресурс] // Journal of Primary Education. 2020. Vol. 9. № 5. P. 501—510. URL: <https://journal.unnes.ac.id/sju/index.php/jpe/article/view/43210> (дата обращения: 22.03.2022).
 6. Bertelsen T.B., Himle J.A., Håland Å.T. Bidirectional Relationship Between Family Accommodation and Youth Anxiety During Cognitive-Behavioral Treatment // Child Psychiatry & Human Development. 2022. 8 p. DOI:10.1007/s10578-021-01304-5
 7. Cartwright-Hatton S. Anxiety of childhood and adolescence: Challenges and opportunities // Clinical Psychology Review. 2006. Vol. 26. № 7. P. 813—816. DOI:10.1016/j.cpr.2005.12.001
 8. Costello E.J., Egger H.L., Angold A. The developmental epidemiology of anxiety disorders: phenomenology, prevalence, and comorbidity // Child and Adolescent Psychiatric Clinics. 2005. Vol. 14. № 4. P. 631—648. DOI:10.1016/j.chc.2005.06.003
 9. Cui Y., Li Y., Zheng Y. Mental health services for children in China during the COVID-19 pandemic: results of an expert-based national survey among child and adolescent psychiatric hospitals // European child & adolescent psychiatry. 2020. Vol. 29. № 6. P. 743—748. DOI:10.1007/s00787-020-01548-x
 10. Early childhood trajectories of separation anxiety: Bearing on mental health, academic achievement, and physical health from mid-childhood to preadolescence / M. Battaglia, G. Garon-Carrier, S.M. Côté, G. Dionne, E. Touchette, F. Vitaro, R.E. Tremblay, M. Boivin // Depression and anxiety. 2017. Vol. 34. № 10. P. 918—927. DOI:10.1002/da.22674
 11. Ehrenreich J.T., Santucci L.C., Weiner C.L. Separation anxiety disorder in youth: phenomenology, assessment, and treatment // Psicologia conductual. 2008. Vol. 16. № 3. P. 389—412. DOI:10.1901/jaba.2008.16-389
 12. Elliott J. G., Place M. Practitioner review: school refusal: developments in conceptualisation and treatment since 2000 // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2019. Vol. 60. № 1. P. 4—15. DOI:10.1111/jcpp.12848
 13. Functional profiles of school refusal behavior and their relationship with depression, anxiety, and stress / C. González, C.A. Kearney, C.E. Jiménez-Ayala, R. Sanmartín, M. Vicent, C.J. Inglés, J.M. García-Fernández // Psychiatry research. 2018. Vol. 269. P. 140—144.
 14. Hateli B. The effect of non-directive play therapy on reduction of anxiety disorders in young children // Counselling and Psychotherapy Research. 2022. Vol. 22. № 1. P. 140—146. DOI:10.1002/capr.12420
 15. High separation anxiety trajectory in early childhood is a risk factor for sleep bruxism at age 7 / E.G. Rostami, É. Touchette, N. Huynh, J. Montplaisir, R.E. Tremblay, M. Battaglia, M. Boivin // Sleep. 2020. Vol. 43. № 7. 9 p. DOI:10.1093/sleep/zsz317
 16. How is COVID-19 pandemic impacting mental health of children and adolescents? / D.M. de Miranda, B. da Silva Athanasio, A.C.S. Oliveira, A.C. Simoes-e-Silva // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2020. Vol. 51. Article ID 101845. 8 p. DOI:10.1016/j.ijdr.2020.101845
 17. ICD-11: International Classification of Diseases 11th Revision [Электронный ресурс] // World Health Organization. 2022. URL: <https://icd.who.int/en> (дата обращения: 11.03.2022).
 18. Infant behavioral inhibition predicts personality and social outcomes three decades later / A. Tang, H. Crawford, S. Morales, K.A. Degnan, D.S. Pine, N.A. Fox // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117. № 18. P. 9800—9807. DOI:10.1073/pnas.1917376117
 19. Kohlhoff J., Barnett B., Eapen V. Adult separation anxiety and unsettled infant behavior: associations with adverse parenting during childhood and insecure adult attachment // Comprehensive psychiatry. 2015. Vol. 61. P. 1—9. DOI:10.1016/j.comppsy.2015.05.004
 20. Kolcakoglu K., Yucel G. Anxiety and harmful oral habits in preschool children during the 2020 first-wave COVID-19 lockdown in Turkey // Dental and Medical Problems. 2021. Vol. 58. № 4. P. 433—439. DOI:10.17219/dmp/142284
 21. Leisman G., Sheldon D. Tics and Emotions // Brain Sciences. 2022. Vol. 12. Article ID 242. 14 p. DOI:10.3390/brainsci12020242
 22. Mohammadi G., Pirani Z., Motlag F.Z. Comparison of the effectiveness of philosophy program for children and group play therapy with cognitive-behavioral method on psychological flexibility in children with separation anxiety disorder [Электронный ресурс] // Thinking and Children. 2022. Articles in Press. URL: https://fabak.ihcs.ac.ir/article_7563.html?lang=en (дата обращения: 11.03.2022).
 23. Namlı Z., Özbay A., Tamam L. Adult Separation Anxiety Disorder: A Review // Psikiyatride Guncel Yaklasimler. 2022. Vol. 14. № 1. P. 46—56. DOI:10.18863/pgy.940071

24. Prevalence and correlates of estimated DSM-IV child and adult separation anxiety disorder in the National Comorbidity Survey Replication / K. Shear, R. Jin, A.M. Ruscio, E.E. Walters, R.C. Kessler // *American Journal of Psychiatry*. 2006. Vol. 163. № 6. P. 1074—1083. DOI:10.1176/ajp.2006.163.6.1074
25. Psychometric Properties of Scared-C Scale in a Romanian Community Sample and Its Future Utility for Dental Practice / S.M. Bucur, A. Moraru, B. Adamovits, E.S. Bud, C.D. Olteanu, L.L. Vaida // *Children*. 2022. Vol. 9. № 1. Article ID 34. 17 p. DOI:10.3390/children9010034
26. Relationship of Behavioral Inhibition to Separation Anxiety Disorder [Электронный ресурс] / S. Pini, M. Abelli, B. Costa, M.A. Schiele, K. Domschke, D.S. Baldwin, G. Massimetti, B. Milrod. Pisa: University of Pisa, 2022. 19 p. // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4030392 (дата обращения: 11.03.2022).
27. *Taubman-Ben-Ari O.* First-time parents' personal growth: Role of parental separation anxiety // *Health & Social Care in the Community*. 2022. P. 1—8. DOI:10.1111/hsc.13729
28. *Yaghoubi A., Khosro Rashid, Bayat A.* The Effectiveness of Applying the Coping Cat Protocol on Reducing Symptoms of Separation Anxiety Disorder in the Children (A Case Study) [Электронный ресурс] // *Razi Journal of Medical Sciences*. 2021. Vol. 28. № 9. 11 p. URL: <http://rjms.iuims.ac.ir/article-1-6254-en.html> (дата обращения: 11.03.2022).

References

1. Zhikhareva L.V. Teoriya privyazannosti, teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Attachment theory, theoretical and practical aspects] [Elektronnyi resurs]. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2013, no. 4, pp. 134—154. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20195377> (Accessed 22.03.2022). (In Russ.).
2. Rozhenko V.A. Separatsiya i trevoga v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh [Separation and anxiety in parent-child relationships] [Elektronnyi resurs]. *Sem'ya v gestal't-terapii: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii [Family in Gestalt Therapy: Proceedings of the Scientific and Practical Conference]: Kazan', 24—25 noyabrya 2018 goda*. Kazan: Universitet upravleniya "TISBI", 2019, pp. 14—20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44215221> (Accessed 22.03.2022). (In Russ.).
3. Gindt M., Fernandez A., Ménard M., Nachon O., Richez A., Auby P., Battista M., Askenazy F. A 3-year retrospective study of 866 children and adolescent outpatients followed in the Nice Pediatric Psychotrauma Center created after the 2016 mass terror attack. *Research Square*, 2022, pp. 1—15. DOI:10.21203/rs.3.rs-1388007/v1
4. Al-Yagon M., Garbi L., Rich Y. Children's resilience to ongoing border attacks: the role of father, mother, and child resources. *Child Psychiatry & Human Development*, 2022. 12 p. DOI:10.1007/s10578-021-01303-6
5. Astuti U., Hartono H., Sunawan S. The Influence of Parental Attachment toward Early Childhood Children's Separation Anxiety [Elektronnyi resurs]. *Journal of Primary Education*, 2020. Vol. 9, no. 5, pp. 501—510. URL: <https://journal.unnes.ac.id/sju/index.php/jpe/article/view/43210> (Accessed 22.03.2022).
6. Bertelsen T.B., Himle J.A., Håland Å.T. Bidirectional Relationship Between Family Accommodation and Youth Anxiety During Cognitive-Behavioral Treatment. *Child Psychiatry & Human Development*, 2022. 8 p. DOI:10.1007/s10578-021-01304-5
7. Cartwright-Hatton S. Anxiety of childhood and adolescence: Challenges and opportunities. *Clinical Psychology Review*, 2006. Vol. 26, no. 7, pp. 813—816. DOI:10.1016/j.cpr.2005.12.001
8. Costello E.J., Egger H.L., Angold A. The developmental epidemiology of anxiety disorders: phenomenology, prevalence, and comorbidity. *Child and Adolescent Psychiatric Clinics*, 2005. Vol. 14, no. 4, pp. 631—648. DOI:10.1016/j.chc.2005.06.003
9. Cui Y., Li Y., Zheng Y. Mental health services for children in China during the COVID-19 pandemic: results of an expert-based national survey among child and adolescent psychiatric hospitals. *European child & adolescent psychiatry*, 2020. Vol. 29, no. 6, pp. 743—748. DOI:10.1007/s00787-020-01548-x
10. Battaglia M., Garon-Carrier G., Côté S.M., Dionne G., Touchette E., Vitaro F., Tremblay R.E., Boivin M. Early childhood trajectories of separation anxiety: Bearing on mental health, academic achievement, and physical health from mid-childhood to preadolescence. *Depression and anxiety*, 2017. Vol. 34, no. 10, pp. 918—927. DOI:10.1002/da.22674
11. Ehrenreich J.T., Santucci L.C., Weiner C.L. Separation anxiety disorder in youth: phenomenology, assessment, and treatment. *Psicologia conductual*, 2008. Vol. 16, no. 3, pp. 389—412. DOI:10.1901/jaba.2008.16-389
12. Elliott J. G., Place M. Practitioner review: school refusal: developments in conceptualisation and treatment since 2000. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2019. Vol. 60, no. 1, pp. 4—15. DOI:10.1111/jcpp.12848
13. González C., Kearney C.A., Jiménez-Ayala C.E., Sanmartín R., Vicent M., Inglés C.J., García-Fernández J.M. Functional profiles of school refusal behavior and their relationship with depression, anxiety, and stress. *Psychiatry research*, 2018. Vol. 269, pp. 140—144.
14. Hateli B. The effect of non-directive play therapy on reduction of anxiety disorders in young children. *Counselling and Psychotherapy Research*, 2022. Vol. 22, no. 1, pp. 140—146. DOI:10.1002/capr.12420
15. Rostami E.G., Touchette É., Huynh N., Montplaisir J., Tremblay R.E., Battaglia M., Boivin M. High separation anxiety trajectory in early childhood is a risk factor for sleep bruxism at age 7. *Sleep*, 2020. Vol. 43, no. 7, 9 p. DOI:10.1093/sleep/zsz317

16. de Miranda D.M., da Silva Athanasio B., Oliveira A.C.S., Simoes-e-Silva A.C. How is COVID-19 pandemic impacting mental health of children and adolescents? *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 2020. Vol. 51, article ID 101845, 8 p. DOI:10.1016/j.ijdr.2020.101845
17. ICD-11: International Classification of Diseases 11th Revision [Elektronnyi resurs]. *World Health Organization*, 2022. URL: <https://icd.who.int/en> (Accessed 11.03.2022).
18. Tang A., Crawford H., Morales S., Degnan K.A., Pine D.S., Fox N.A. Infant behavioral inhibition predicts personality and social outcomes three decades later. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2020. Vol. 117, no. 18, pp. 9800—9807. DOI:10.1073/pnas.1917376117
19. Kohlhoff J., Barnett B., Eapen V. Adult separation anxiety and unsettled infant behavior: associations with adverse parenting during childhood and insecure adult attachment. *Comprehensive psychiatry*, 2015. Vol. 61, pp. 1—9. DOI:10.1016/j.comppsy.2015.05.004
20. Kolcakoglu K., Yucel G. Anxiety and harmful oral habits in preschool children during the 2020 first-wave COVID-19 lockdown in Turkey. *Dental and Medical Problems*, 2021. Vol. 58, no. 4, pp. 433—439. DOI:10.17219/dmp/142284
21. Leisman G., Sheldon D. Tics and Emotions. *Brain Sciences*, 2022. Vol. 12, article ID 242, 14 p. DOI:10.3390/brainsci12020242
22. Mohammadi G., Pirani Z., Motlag F.Z. Comparison of the effectiveness of philosophy program for children and group play therapy with cognitive-behavioral method on psychological flexibility in children with separation anxiety disorder [Elektronnyi resurs]. *Thinking and Children*, 2022. Articles in Press. URL: https://fabak.ihcs.ac.ir/article_7563.html?lang=en (Accessed 11.03.2022).
23. Namlı Z., Özbay A., Tamam L. Adult Separation Anxiety Disorder: A Review. *Psikiyatride Guncel Yaklasimlar*, 2022. Vol. 14, no. 1, pp. 46—56. DOI:10.18863/pgy.940071
24. Shear K., Jin R., Ruscio A.M., Walters E.E., Kessler R.C. Prevalence and correlates of estimated DSM-IV child and adult separation anxiety disorder in the National Comorbidity Survey Replication. *American Journal of Psychiatry*, 2006. Vol. 163, no. 6, pp. 1074—1083. DOI:10.1176/ajp.2006.163.6.1074
25. Bucur S.M., Moraru A., Adamovits B., Bud E.S., Olteanu C.D., Vaida L.L. Psychometric Properties of Scared-C Scale in a Romanian Community Sample and Its Future Utility for Dental Practice. *Children*, 2022. Vol. 9, no. 1, article ID 34, 17 p. DOI:10.3390/children9010034
26. Pini S., Abelli M., Costa B., Schiele M.A., Domschke K., Baldwin D.S., Massimetti G., Milrod B. Relationship of Behavioral Inhibition to Separation Anxiety Disorder [Elektronnyi resurs]. Pisa: University of Pisa, 2022. 19 p. SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4030392 (Accessed 11.03.2022).
27. Taubman-Ben-Ari O. First-time parents' personal growth: Role of parental separation anxiety. *Health & Social Care in the Community*, 2022, pp. 1—8. DOI:10.1111/hsc.13729
28. Yaghoubi A., Khosro Rashid, Bayat A. The Effectiveness of Applying the Coping Cat Protocol on Reducing Symptoms of Separation Anxiety Disorder in the Children (A Case Study) [Elektronnyi resurs]. *Razi Journal of Medical Sciences*, 2021. Vol. 28, no. 9, 11 p. URL: <http://rjms.iuims.ac.ir/article-1-6254-en.html> (Accessed 11.03.2022).

Информация об авторах

Кочетова Юлия Андреевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обухова факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Климакова Мария Вячеславовна, преподаватель кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обухова факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>, e-mail: klimakovamv@mgppu.ru

Information about the authors

Yulia A. Kochetova, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Maria V. Klimakova, lecturer, Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>, e-mail: klimakovamv@mgppu.ru

Получена 11.02.2022

Received 11.02.2022

Принята в печать 17.03.2022

Accepted 17.03.2022

Женщина и ее новорожденный в ситуации рисков заражения коронавирусом

Ермолова Т.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: yermolova@mail.ru*

Флорова Н.Б.

*кандидат биологических наук, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3309-7860>, e-mail: ninaflorova@yandex.ru*

В статье обсуждаются последствия пандемии COVID-19 для материнства и новорожденных и проблема психологической безопасности в период гестации. Информационный поиск показал, что следует крайне аккуратно работать с сообщениями о прямых ассоциациях вирусной инфекции с неблагоприятными постнатальными проявлениями. В то же время сегодня налицо резкое увеличение неблагоприятных исходов родоразрешения, вплоть до внутриутробной гибели и асфиксии плода, реанимации новорожденных и других последствий у женщин, отказавшихся от вакцинирования. Приводятся работы транснациональных исследовательских команд о необходимости разобщения инфицированной матери и слабого новорожденного, прекращения прямого вскармливания, длительного совместного пребывания в режиме кенгуру. Большинство исследователей считают, что вероятность вертикальной передачи вируса от матери плоду мала и риск инфицирования новорожденного связан скорее с осуществляющими уход. Показаны зарубежные исследования психологических проблем беременных и родивших. Представлен огромный пласт проблем психологического благополучия инфицированной молодой матери, равно как и здоровых беременных на фоне пандемии.

Ключевые слова: пандемия, ковид-19; новорожденные, качество информации, рождаемость в пандемию, гестация, инфицированность матерями-носителями, вакцинация, психологическое благополучие.

Для цитаты: Ермолова Т.В., Флорова Н.Б. Женщина и ее новорожденный в ситуации рисков заражения коронавирусом [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 48—57. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110105>

A woman and her newborn in a situation at risk of contracting coronavirus

Tatiana V. Ermolova

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, yermolova@mail.ru*

Nina B. Florova

*Candidate of Biological Sciences, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3309-7860>, e-mail: ninaflorova@yandex.ru*

The article discusses the effects of the COVID-19 pandemic on motherhood and newborns and the issue of psychological safety during gestation. Information search showed that it is necessary to work very carefully with reports of direct associations of viral infection with adverse postnatal manifestations. At the same time, at present one can observe a sharp increase in adverse outcomes of delivery, up to intrauterine death and fetal asphyxia, resuscitation of newborns and other consequences in women who refuse vaccination. The works of transnational research teams on the need to separate an infected mother and a weak newborn, to stop direct feeding, to stay together for a long time in kangaroo mode are presented. Most researchers believe that the probability of vertical transmission of the virus from mother to fetus is low and the risk of infection of the newborn is associated mainly with caregivers. Foreign studies of psychological problems of pregnant women and delivered women are presented. A huge layer of problems of the psychological well-being of an infected young mother, as well as healthy pregnant women against the background of the pandemic, is being introduced.

Keywords: pandemic, COVID-19, newborns, information quality, childbirth in pandemic, gestation, infected by COVIDmothers, vaccination, psychological well-being.

For citation: Ermolova T.V., Florova N.B. A woman and her newborn in a situation at risk of contracting coronavirus. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 48—57. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110105> (In Russ.).

Длющаяся уже не первый год пандемия COVID-19 подчинила себе практически все сферы жизнедеятельности человека, включая репродуктивную функцию. Высокие риски от инфицирования для женщин репродуктивного возраста, неопределенность перспектив течения пандемии, всплеск антипрививочной кампании, возрастающая психологическая напряженность позволяют считать, что опасность близкого и отсроченного вреда качеству физического и ментального благополучия последующих поколений существует. Поэтому проблема оценки и контроля состояния новорожденных, рожденных инфицированными матерями, а также охрана неинфицированных остро актуальна.

Информация, касающаяся этой группы проблем, очень быстро обновляется и часто содержит поспешные суждения. Совершенно очевидно, что следует остерегаться прямых ассоциаций отклонений в состоянии зараженных коронавирусом матери и новорожденного именно с воздействием обсуждаемой инфекции.

Состояние проблемы

В директивных документах ВОЗ 2020—2021 гг. по стратегиям действий в период пандемии коронавируса и по эпидемиологическому надзору за вариантами SARS-CoV-2 [12] дается сводная характеристика неотложных мер со стороны системы здравоохранения, связанных с пандемией, и указано, что ввиду глобального характера пандемии необходимы обновления «вспомогательной» информации о клинической картине заражения и точная и быстрая оценка рисков здоровью. Подразумевается, что необходимы сочетание информации о клинических проявлениях и результатах детальных эпидемиологических расследований, оценка ресурсов и рисков. В то же время в документах не выделены группы особого риска и лишь акцентируется необходимость поддержания психического здоровья инфицированных; беременные женщины и новорожденные не выделены в автономную группу риска.

ЮНИСЕФ в своем пресс-релизе от 08 мая 2020 года призвала правительства поддерживать специализированные службы для беременных женщин и новорожденных [19]. ЮНИСЕФ предупредила, что меры по сдерживанию распространения COVID-19 могут нарушить работу жизненно важных медицинских услуг, таких как родовспоможение, и страны должны обеспечить доступ к дородовым, родовым и послеродовым услугам.

Опубликованный в начале 2021 г. тематический обзор проблемы инфицирования во время гестации, выполненный специалистами университетских клиник Тайваня и Великобритании [14], построен на допущении, что в силу естественных физиологических и иммунных изменений во время гестации беременные

могут тяжелее переносить заражение коронавирусом и история родов у них может быть осложнена выкидышем или гибелью плода, но в разной степени в зависимости от штамма вируса (в обзоре это SARS и MERS) и в целом в такой же мере, как у неинфицированных. Отмечена более частая встречаемость воспалительных процессов разной этиологии, самопроизвольного прерывания беременностей и преждевременных родов у инфицированных женщин. Наряду с этим, делается акцент на отсутствии прямой передачи вируса от матери плоду по данным об отсутствии вируса в пуповинных пробах и в грудном молоке. Авторы указали на ограниченность данных о влиянии разных штаммов коронавируса на течение и исход гестации на примере клинической картины атипичных пневмоний.

Стратегическая консультативная группа ВОЗ по иммунизации (SAGE) пришла к выводу, что вакцинация от коронавируса для беременных женщин намного важнее, чем принято было считать [24]. По имеющимся данным, беременные подвержены повышенному риску тяжелой формы коронавирусной инфекции; инфицирование COVID-19 повышает у них риск преждевременных родов, а новорожденные часто нуждаются в реанимационной протокольной терапии. В то же время статистика подтверждает, что прививка не представляет какой-либо опасности для данной категории женщин и их новорожденных и, более того, вакцинация не является поводом для прекращения лактации и грудного вскармливания.

Анализ исследований влияния COVID-19 на исходы беременности и состояние новорожденных, проведенных российскими учеными, показал, что в их представлении вертикальная передача вируса от матери к плоду маловероятна, хотя и возможна. Намного опаснее, по их мнению, прямой контакт новорожденного с инфицированным человеком. Практически все авторы подчеркивают, что трансплацентарная составляющая важна для потенциальной защиты новорожденного от инфекции, вызванной SARS-CoV-2, а грудное вскармливание важно для пассивной иммунизации. Однако, по мнению ученых, сегодня все еще недостаточно данных для разработки конкретных рекомендаций по организации ухода инфицированных матерей за своими новорожденными. По мере уточнения данных, регламенты могут быть изменены [1; 2; 3; 4].

На фоне неполноты регламентирующих документов по охране здоровья в пандемию, доказательно обоснованные требования к здоровьесберегающему патронажу новорожденного, родившегося у зараженной ковидом матери, и о психологическом портрете зараженной матери, имеющей больного новорожденного, а также информация о психологическом состоянии беременной женщины в условиях стационара становятся все более востребованными.

Тенденция снижения рождаемости на фоне пандемии COVID-19

Группа итальянских и американских специалистов оценила взаимосвязь коронавирусной атаки на человечество с рождаемостью спустя 9 месяцев после официального заявления ВОЗ о начале пандемии и показала, что тенденция демографического спада действительно имеет место, однако это снижение неоднородно по краткосрочным и долгосрочным проявлениям и зависит от культурно-исторических особенностей развития и государственной политики вмешательств. В целом, тенденция снижения рождаемости была выявлена в 18 странах, а значительное снижение сверх прогнозируемого уровня — в семи странах мира из 22 [8].

Противоречивость информации о рисках инфицирования новорожденных матерями-вирусоносителями

Практика показывает, что в некоторых странах не выполняются требования ВОЗ по уходу за слабыми новорожденными. ВОЗ предусматривает, что даже при наличии подозреваемой или подтвержденной инфекции COVID-19 мать должна оставаться в одном помещении с младенцем после родов и иметь возможность кормить его грудью, поддерживать с ним контакт по принципу кенгуру; естественно, она должна соблюдать все требования по безопасности контакта.

Преимущество метода кенгуру (kangaroo mother care — КМС) в том, что контакт «кожа к коже» реально снижает риск смертности недоношенных. Его в случае необходимости может применить отец или бабушка, то есть эффект кенгуру связан с созданием зоны психоэмоционального комфорта и защиты между новорожденным и родным человеком [20].

Преимущество КМС многократно превышает вероятный риск смерти такого ребенка от инфицирования. Авторы протестировали выживаемость детей с массой тела ниже 2000 г. и максимальный вред, который может быть причинен от матери с COVID-19, и оценили количество происшедших по этой причине детских смертей. Оказалось, что — при условном допущении, что передача инфекции имела место в 100% случаев, — количество детских жизней, достоверно потерянных из-за заражения ковидом, минимально, согласно примененной расчетной формуле. Иными словами, инфицирование матери может не быть значимым фактором риска вреда ребенку. По сравнению с незначительным риском смертности младенца из-за COVID-19, преимущество выживания, предоставляемое КМС как «спасительного вмешательства», огромно [23].

Данные скрининга, проведенного большой группой испанских ученых [18], подтверждают эту особенность и свидетельствуют, что нет необходимости в отделении матерей от новорожденных и следует сохра-

нять прямое грудное вскармливание даже при высоком проценте родов от матерей с COVID-19, соблюдая при этом правила безопасности и анализируя носоглоточные пробы новорожденных вплоть до выписки.

Междисциплинарная группа врачей университетских клиник в Марокко сообщили о своем опыте ведения тяжелого течения COVID-19 у беременных [16]. Авторы отметили, что данные о неонатальной смертности у инфицированных рожениц (изначально здоровых соматически) крайне ограничены и противоречивы и невозможно с уверенностью связывать летальные исходы родоразрешения именно с инфицированием матери и ее тяжелым состоянием. Они приняли во внимание результаты других исследований, в которых инфекция COVID-19 связывалась с повышенной частотой преждевременных родов, кесарева сечения и перинатальных смертей, а также с внутриутробными нарушениями кровообращения у плода, с явлениями тромбоза. Обобщая литературный материал и свои наблюдения, авторы допустили, что в принципе COVID-19 не является противопоказанием к вагинальным родам. Однако, поскольку во время родов женщина активно выделяет респираторные субстанции, механическое заражение новорожденного и персонала возможно. Поэтому в своем предварительном заключении ученые соотнесли нарушения кровообращения плода с материнским инфицированием. Они подчеркнули, что необходим протокол ведения рожениц, инфицированных SARS-CoV-2, а акушерская команда должна быть обучена мерам предосторожности.

Однако Американская Академия Педиатрии (AAP) в своем Руководстве от апреля 2020 г. по ведению новорожденных, чьи матери инфицированы COVID [15], подчеркивает противоречивость сведений и выводов о тяжести последствий передачи вируса новорожденному трансплацентарно за время гестации, особенно в третьем семестре. В ее Рекомендациях приведены данные клинических наблюдений за инфицированными женщинами с COVID, диагностированным в разное время дородового периода. Отмечается, что у незначительного числа новорожденных (в среднем у десятой части выборки) действительно могут быть обнаружены вирусы с сопутствующей пневмонией и воспалительными маркерами, притом что роды проводились как кесаревым сечением, так и естественно. В этом документе жестко оговаривается вынужденная необходимость физического разобщения матери и новорожденного по соображениям безопасности последнего. Вместе с тем авторы оговаривают, что эти данные не могут быть применены в каждой клинической ситуации. Клиницисты должны понимать, что данные рекомендации будут пересматриваться по мере появления новых доказательств. Документ прописывает регламент ухода за новорожденными и матерями с инфекционными статусами и тестирования на наличие вируса.

Вакцинация в третьем семестре гестационного периода и исходы родоразрешения

В одном из Еженедельных отчетов о заболеваемости и смертности Министерства здравоохранения и социальных служб США и Центров по контролю и профилактике заболеваний указано на необходимость информирования беременных о рисках от COVID-19 во время беременности, преимуществах вакцинации и о безопасности и эффективности COVID-19-вакцинации во время беременности [22]. Авторы отчета, масштабная группа специалистов, полагают, что, хотя данные о состоянии новорожденных у матерей, неоднократно вакцинированных на протяжении гестации, все еще мало, практически все они говорят о безопасности вакцинации беременных против COVID-19 для профилактики осложнений в преждевременных родах и по исходам родов. Вакцинация необходима также всем женщинам, готовящимся к зачатию.

К аналогичным выводам приходят и специалисты ряда университетов Израиля, которые продемонстрировали, что прививка в третьем семестре беременности частично снижает риск неблагоприятных неонатальных исходов. Они предоставили данные клинического наблюдения за исходом родов привитых двумя дозами вакцины Pfizer-BioNTech BNT162b2 и отказавшихся от вакцинации женщин 29—30 лет. Среди новорожденных, родившихся у непривитых женщин, чаще наблюдались симптомы разлитой желтухи, асфиксия в родах, судороги, критическая гипогликемия, они чаще попадали на госпитализацию в интенсивную терапию, но частота внутриутробной гибели плода и вес при рождении были такими же, как в группе привитых [6]. Энцефалопатий и внутричерепных кровоизлияний в родах в наблюдаемой выборке не отмечалось. Авторы подчеркивают, что эффективность вакцинации беременных в стране снижается неполнотой перечня противопоказаний по перенесенным ранее заболеваниям и сведений о побочных эффектах и поствакцинальных реакциях, трудностями реализации массовых просветительских программ, работы в религиозных общинах, высокой плотностью населения, создающей очаги инфекции. В целом, в Израиле уровень инфицирования COVID-19 среди беременных на 70% превышает заболеваемость среди взрослых женщин того же возраста.

Психологические аспекты проблемы беременности на фоне пандемии

На фоне многих проблем, связанных с психологическим благополучием инфицированной матери и новорожденного, одной из наиболее ранних работ на эту тему было исследование китайских авторов, содержащее контурное описание влияния инфицирования во время беременности на психологическое состояние матерей и нейроповеденческих отклонений раннего развития у их младенцев [13].

Наблюдались 72 беременные пациентки с разным исходом гестации — роды или аборт в первых семестрах. Были собраны данные медицинских карт с описанием режима ухода (разобшение, кормление, сконстатацией психоэмоциональных расстройств у матерей и нарушения поведенческих навыков у младенцев). Среди 57 живорожденных только у одного был положительный анализ первичного мазка из зева на РНК вируса и отрицательный результат при повторных тестах. После материнского карантина (16—52 дня) 49,1% матерей предпочли продлить разобшение с ребенком, опасаясь рисков инфицирования и тревожась неопределенностью ситуации. Нейропсихические показатели развития детей и проявления угнетенности психоэмоциональной сферы у матерей фиксировались в трех временных точках: спустя 1 неделю, 1 месяц и 3 месяца после родов. Оказалось, что длительность разобнения матери и ребенка негативно сказывается преимущественно на четырех сферах: освоение младенцами крупной моторики (движение глаз и головы, повороты на бок и на живот), мелкой моторики (захват игрушки), коммуникативности детей, выраженности депрессий у матерей.

На фоне пандемии стали заполняться пробелы в научном знании о психологическом статусе женщин на фоне экстремальных ситуаций с кумулятивными рисками. Длительная эпидемиологическая ситуация, отсутствие надежных сведений о последствиях заражений и неопределенность в плане эффективности вакцинации от Ковид-19 предполагают адекватное информирование психологов, работающих в медицинских учреждениях, и специалистов реабилитационных центров. Требуется постоянный приток новых данных об особенностях психологического статуса женщин, оказавшихся под угрозой здоровью, своему и новорожденного. Исследования в этом направлении активно ведутся.

Масштабная исследовательская группа, объединившая ученых университетов и клиник Ирана, провела первый метаанализ распространенности тревожных состояний и депрессии у беременных во время пандемии COVID-19 [5]. Удалось установить, что в разных странах показатели тревожности достигают 15,8%, депрессивности — 25,8% от общей численности беременных, с допущениями возможных тяжелых состояний, учитывая, что у беременной женщины всегда меняется гормональный фон, особенно в последнем триместре.

Выполнившие метаанализ исследователи подчеркнули значение психологических вмешательств для уязвимых групп беременных на фоне пандемии. Они указали на многочисленные свидетельства того, что беременных в ситуации пандемии беспокоят риски заражения вирусом, передачи вируса плоду, ограниченного доступа к медицинской помощи, боязнь контактов с членами семьи из-за опасений заражения. Особенно опасны такие тревожные состояния на фоне имеющейся ишемической болезни сердца и сосудов и слабой иммунной системы. Метаанализ показал, что в

крови беременных обнаруживаются уровни интерлейкинов (иммунного ответа на проникновение чужеродного агента), связанные с депрессивными расстройствами, хотя это может быть и артефактом.

Иранские авторы подчеркнули, что назрела острая необходимость создания ряда ресурсов для смягчения беспокойства и депрессивности у беременных, в частности, онлайн-курсов для мам по обучению саморегуляции и самоконтролю и по когнитивно-поведенческой терапии. Спрос на такую информацию огромен.

Университеты Савойи-Монблан и Гренобль-Альпы (Франция) также отмечают ухудшение психологического состояния беременных на фоне пандемии коронавируса [10]. Специалисты этих университетов сообщили о результатах пилотного, лонгитюдного и многовекторного, исследования, предпринятого с целью составить совокупное представление о посттравматическом психоэмоциональном статусе женщины в пренатальном (до родоразрешения) и постнатальном (спустя месяц после родов) периодах, о мерах ее психологической защиты, о деструктивных факторах воздействия, о стратегиях выживания и обеспечения психологического благополучия. Авторы также придают значение способности женщины адекватно оценивать обстоятельства и принимать решения. К их исследованию были привлечены 90 женщин, заполнявших опросники по психоэмоциональному состоянию.

В данной выборке только у двух женщин изначально в анамнезе были отмечены расстройства личности (депрессия и тревожность) и только две были одиночками. Только 42% из них прошли родовую подготовку. У одной женщины был ранее диагностирован COVID-19.

Индекс ранговой корреляции Спирмена показал, что распространенность послеродового посттравматического стрессового расстройства в исследуемой выборке составила около 3%, но в то же время симптоматика пренатальной тревожности во время эпидемии COVID-19 оказалась более выраженной по сравнению с данными на момент начала пандемии. Тревожность положительно коррелировала с обеспокоенностью судьбой плода/новорожденного. При этом уровень перинатального стресса не превышал обычных статистических параметров.

Авторы пришли к выводу, что действительно существует положительная корреляционная связь между социальной поддержкой и уровнем беспокойства о плоде и затем ребенке во время пандемии COVID-19. Также подтвердилась положительная корреляционная связь беспокойства за ребенка с уровнем тревожности и депрессивности. Эти данные согласуются с имеющимися в литературе.

Выявленная в лонгитуде распространенность послеродового посттравматического стресса была очень близка к показателю в контрольной выборке. По мнению авторов, распространенность послеродового ПТСР оказалась индифферентным показателем на фоне пандемии; не было выявлено ни деструктивного, ни защитного влияния пандемии на распространенность ПТСР,

хотя среднее значение уровня беспокойства было повышено. Достоверных выводов о регуляции эмоций (в том числе межличностной), а также об усугублении посттравматического стресса сделать не удалось.

В ориентированном на государственную политику охраны материнства и детства концептуально-эмпирическом материале «Встречаем новую жизнь в условиях самоизоляции: изучение опыт первородящих матерей во время пандемии COVID-19», опубликованном психологами Батского университета (Великобритания) [11], отмечено, что впервые родившие молодые матери испытывают обостренное на фоне пандемии чувство ответственности за своего новорожденного. При этом они настороженно относятся к любой информации о ходе пандемии и требованиях в связи с ней. Более того, впервые родившие испытали на себе разобщенность с семьей и близкими и больше склонялись к партнерским родам. Авторы материала обращают внимание властей на необходимость особо продуманной защиты этой уязвимой группы населения, причем не только в текущую пандемию, но в любую потенциально возможную для защиты тех, кто подвергается наибольшему риску.

Авторы призывают помнить, что каждая пятая женщина испытывает проблемы с психическим здоровьем в первый год после рождения ребенка, и первый опыт материнства может быть под угрозой социального неодобрения при несоответствии образу «идеальной матери». Ссылаясь на литературный материал о теории социальных ролей (Wood&Eagly, 2000), авторы обзора подчеркивают, что женщина в этот период жизни психологически очень уязвима и может неадекватно реагировать на предъявляемые ей требования социальных норм и установок (во многих странах широкая полемика сегодня затронула морально-этические аспекты грудного вскармливания).

Поэтому методологически важно, что в данном материале затронут принципиальный момент психологического статуса первородившей. Он заключается в том, что молодая мать может — на фоне «нарушенной нормы социального поведения» и прессинга от дрящей пандемии — даже испытать облегчение от этих, казалось бы негативных, факторов. Она находится в режиме самоизоляции, нацелена на ребенка и соответственно меньше думает о неоправданных социальных ожиданиях и больше уверена в себе.

В этом обзоре авторы также указывают на то, что не выявленные вовремя проблемы с психологическим благополучием угрожают качеству материнства: ухудшают связь «мать—ребенок», активность иммунной системы ребенка, увеличивают материнскую тревожность и депрессивность. Эти риски усугубляются неопределенностью перспектив пандемии.

Ученые отмечают, что изменения психологического статуса женщин (ее адаптация к состоянию материнства), и в целом, и в связи с пандемией, происходят не сразу, хотя могут проявляться уже после первой волны. Например, масштабная группа педиатров и

психологов — представителей высшей школы Гамбурга сравнила ранние ожидания материнства у женщин в северогерманских землях до пандемии и во время первой волны [9] и пришла к выводу, что психологическое благополучие матери, ее отношение к новорожденному и осознание необходимости заботы о ребенке во время первой волны COVID-19 и до нее существенно не отличались.

Авторы этого исследования сообщили, что не обнаружили также различий в уровне острых стрессовых состояний, связанных с родами, в том числе стратегий избегания. Они пришли к выводу о переменном влиянии фактора пандемии на состояние матери, в зависимости от индивидуального и социального контекста, и опираются на литературные данные о том, что у беременных женщин меньше уровень тревоги, депрессивности. Также авторы привлекли к обсуждению сведения о тяжелых жизненных событиях как факторах риска послеродовой депрессии, в том числе о качестве отношений и отсутствии поддержки со стороны мужа/партнера. Отдельно рассматривается участие партнера в родах, более важное для женщин в период пандемии, чем до нее.

В течение первых недель после родов идут интенсивные процессы адаптации к новому жизненному этапу, в том числе регулирование своих эмоций, укрепление привязанности к новорожденному, снятие нервного напряжения. Эти авторы, так же, как и упомянутые выше, говорят о повышении уверенности в себе у женщины, находящейся наедине с новорожденным в карантине, о неудовлетворенности и об устойчивости.

Научная школа Италии внесла свой вклад в создание доказательной базы проблематики психологии беременных и родивших во время пандемии и активно развивает это направление.

Итальянские психологи католического университета в Милане, университета в Бергамо, университета в Пизе и ряда профильных исследовательских учреждений совместно выступили с сообщением о состоянии беременных в локдауне, оцененном по результатам опроса [7].

Подтверждено, что на протяжении гестационного периода с параллельным локдауном многие женщины подвержены рискам развития психопатологических состояний, крайне нежелательных ни для матери, ни для плода. Однако восприятие рисков может различаться в разных географических и административных локусах. Так, было сопоставлено влияние факта пандемии на беременных в Ломбардии и Тоскане. Оказалось, что беременные женщины в Ломбардии считают пандемию значимым и даже поворотным событием в своей жизни, меняющим их идентичность и ход повседневной жизни. Авторы связывают такое отношение с тем, что на Ломбардию пришелся первый удар пандемии с первыми в Италии зараженными COVID-19. Более того, СМИ представляли Ломбардию как центр пандемии, локус повышенного риска, в связи с чем для защиты беременных здесь была оперативно

создана неотложная акушерско-гинекологическая помощь, хотя занятия по подготовке к родам были приостановлены.

В другой публикации итальянских ученых [21] специалисты миланского католического университета рассматривают рождение ребенка как критический и потенциально стрессовый опыт в жизни женщины, благодаря которому она приобретает опыт качественных изменений личности. Внезапное введение принудительных ограничений и новые риски в связи с пандемией могут быть чреваты дистрессами разной интенсивности и длительности посттравматических симптомов. Итальянские специалисты считают, что в реальности уровень психологического благополучия беременных и родивших отличается от указанного в литературе. Они отметили существование множества переменных, влияющих на психологическое благополучие женщин в данный период жизни и на вероятность упущения некоторых из них в сравнительно-аналитических исследованиях.

Миланский университет участвовал также в концептуальном обобщении проблем, связанных с психологическим благополучием беременных женщин в Италии, совместно с университетами Пизы и Флоренции и Департаментом ментального здоровья в Бергамо [17].

Эта исследовательская группа, объединившая психологов, психиатров, хирургов, специалистов в области соматической и молекулярной патологии, реаниматологов, анализировала на выборке беременных в третьем триместре гестации риски психическому здоровью на фоне пандемии и возможности охраны психического здоровья до и после родов. Было установлено, что в условиях госпитализации основные тревожные состояния относились к рискам заражения и страхам за исход родов. У женщин с беременностью, наступившей в начале пандемии, эти страхи усугубляются и могут быть выражены различными состояниями, вплоть до депрессии, гнева и открытой враждебности. У женщин, забеременевших до начала пандемии, эти симптомы проявлялись намного реже.

Анализ страхов беременных позволил понять, что женщины опасаются прежде всего за то, как пройдут роды и как они будут растить ребенка без поддержки партнера. Также беременные не были уверены, что смогут обойтись без обезболивания в родах и опасались, что анестезиологи могут заразить их, придя из палат, где лежат инфицированные, или совсем не придут. Страхи и сопутствующий душевный дискомфорт побуждают женщин интуитивно искать поддержки у значимого лица, в том числе у будущего отца. Действительно, есть мнение, что непосредственно воспринимаемая поддержка близкого человека защищает психологическое благополучие роженицы.

Авторы считают свое исследование инновационным, поскольку они показали, что сама атмосфера принудительного карантина представляет собой опасность для беременных женщин, лишая их обычных

источников социальной поддержки (в данном случае семьи или партнера). В критический момент жизни женщина оказывается без поддержки со стороны, поэтому авторы видят проблему в отсутствии заменителей такой поддержки, предлагая вспомогательные форматы, в том числе специальные образовательные курсы, чтобы смягчить ощущения одиночества и изолированности.

Заключение

Поисковые научные исследования диады «зараженная ковидной инфекцией или переболевшая женщина — ее новорожденный ребенок», «здоровая женщина — ее новорожденный» сегодня выполняются масштабными командными составами специалистов: либо транснациональным, либо междисциплинарным, либо сочетают в себе оба подхода. По существу, все они ори-

ентированы на обеспечение психологической безопасности и женщины, и ребенка в условиях пандемии.

Необходимо подчеркнуть, что проблема ведения инфицированных беременных и их новорожденных и соматически здоровых женщин с психологическими проблемами не может рассматриваться исключительно с позиций медицины и эпидемиологии и должна базироваться на новейших данных о психологии женщины в гестационном периоде жизни. С течением времени в мире повышается исследовательская активность, направленная на анализ особенностей психологического статуса беременных и родивших в условиях пандемии, позволяющий выйти на системный уровень оказания психологической помощи и социальной поддержки.

Инфицированным ковидными штаммами женщинам с глубокой психотравмой, в состоянии тревожности, депрессий, агрессивности, с чувством вины остро необходимы целевые реабилитационные программы и другие меры поддержки в период пандемии.

Литература

1. Влияние COVID-19 на исходы беременности и состояние новорожденных: Обзор литературы) / Ю.А. Косолапова, Л.А. Морозов, Е.В. Инвиева, М.И. Макиева, В.В. Зубков, Д.Н. Дегтярев // *Акушерство и гинекология: новости, мнения, обучение*. 2021. Том 9. № 4. Р. 63—70. DOI:10.33029/2303-9698-2021-9-4-63-70
2. Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Версия 5 (08.04.2020) (утв. Министерством здравоохранения РФ) [Электронный ресурс] / Министерство здравоохранения РФ. 2020 // ГАРАНТ.РУ: Информационно-правовой портал. Москва: ГАРАНТ-СЕРВИС, 2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73753942/> (дата обращения: 18.03.2022).
3. Организация оказания медицинской помощи беременным, роженицам, родильницам и новорожденным при новой коронавирусной инфекции COVID-19 [Электронный ресурс]: Методические рекомендации. 2021. 131 р. // Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/057/311/original/05072021_MR_Preg_v4.pdf?1625512556 (дата обращения: 18.03.2022).
4. Рекомендации для населения в отношении инфекции, вызванной новым коронавирусом (COVID-19) [Электронный ресурс]. 2020 // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения: 18.03.2022).
5. Becoming a mother during the COVID-19 national lockdown in Italy: Issues linked to the wellbeing of pregnant women / M. Smorti, L. Ponti, C. Ionio, M. Gallese, A. Andreol, L. Bonassi // *International Journal of Psychology*. 2022. Vol. 57. № 1. P. 146—152. DOI:10.1002/ijop.12806
6. Covid-19 vaccination during the third trimester of pregnancy: rate of vaccination and maternal and neonatal outcomes, a multicentre retrospective cohort study / M. Rottenstreich, H.Y. Sela, R. Rotem, E. Kadish, Y. Wiener-Well, S. Grisaru-Granovsky // *BJOG An International Journal of Obstetrics and Gynaecology*. 2022. Vol. 129. № 2. P. 248—255. DOI:10.1111/1471-0528.16941
7. COVID-19: what about pregnant women during first lockdown in Italy? / C. Ionio, M. Gallese, V. Fenaroli, M. Smorti, A. Greco, I. Testa, A. Zilioli, L. Bonassi // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 2021. Ahead-of-print. P. 1—13. DOI:10.1080/02646838.2021.1928614
8. Early assessment of the relationship between the COVID-19 pandemic and births in high-income countries / A. Aassve, N. Cavalli, L. Mencarinia, S. Placha, S. Sanders // *PNAS*. 2021. Vol. 118. № 36. 3 p. DOI:10.1073/pnas.2105709118
9. Experience of early motherhood during the first wave of the COVID-19 pandemic in Northern Germany: a single-centre before and after comparison / A. Perez, S. Schepanski, A. Göbel, L.Y. Stuhmann, D. Singer, C. Bindt, S. Mudra // *Journal of reproductive and infant psychology*. 2021. Ahead-of-print. P. 1—17. DOI:10.1080/02646838.2021.2013458
10. Gonzalez-Garcia V., Exertier M., Denis A. Anxiety, post-traumatic stress symptoms, and emotion regulation: A longitudinal study of pregnant women having given birth during the COVID-19 pandemic // *European Journal of Trauma & Dissociation*. 2021. Vol. 5. № 2. 6 p. DOI:10.1016/j.ejtd.2021.100225
11. Gray A., Barnett J. Welcoming new life under lockdown: Exploring the experiences of first-time mothers who gave birth during the COVID-19 pandemic // *British Journal of Health Psychology*. 2021. 19 p. DOI:10.1111/bjhp.12561

12. Guidance for surveillance of SARS-CoV-2 variants: Interim guidance, 9 August 2021 [Электронный ресурс] / World Health Organization. Geneva: World Health Organization, 2021. 18 p. URL: https://www.who.int/publications/i/item/WHO_2019-nCoV_surveillance_variants (дата обращения: 18.03.2022).
13. Impact of Covid-19 in pregnancy on mother's psychological status and infant's neurobehavioral development: a longitudinal cohort study in China / Y. Wang, L. Chen, T. Wu, H. Shi, Q. Li, H. Jiang, D. Zheng, X. Wang, Y. Wei, Y. Zhao, J. Qiao // *BMC Medicine*. 2020. Vol. 18. Article ID 347. 10 p. DOI:10.1186/s12916-020-01825-1
14. Impact of COVID-19 on Pregnancy / Chiu-Lin Wang, Yi-Yin liu, Chin-Hu Wu, Chun-Yu Wang, Chun-Hung Wang, Cheng-Yu Long // *International Journal of Medical Sciences*. 2021. Vol. 18. № 3. P. 763—767. DOI:10.7150/ijms.49923
15. INITIAL GUIDANCE: Management of Infants Born to Mothers with COVID-19 Date of Document: April 2, 2020 [Электронный ресурс] / K.M. Puopolo, M.L. Hudak, D.W. Kimberlin, J. Cummings. American Academy of Pediatrics Committee on Fetus and Newborn, Section on Neonatal Perinatal Medicine, and Committee on Infectious Diseases. 2020. 18 p. // *SIGO: Societa' Italiana di ginecologia e ostetricia*. URL: <https://www.sigo.it/comunicati-covid-19/initial-guidance-management-of-infants-born-to-mothers-with-covid-19/> (дата обращения: 18.03.2022).
16. Management of Severe COVID-19 in Pregnancy / Y. Abourida, H. Rebahi, I. Oussayeh, H. Chichou, B. Fakhir, A. Soummani, H. Jalal, F. Bennaoui, N. El Idrissi Slitine [et al.] // *Case Reports in Obstetrics and Gynecology*. 2020. Vol. 2020. Article ID 8852816. 5 p. DOI:10.1155/2020/8852816
17. *Molgora S., Accordini M.* Motherhood in the Time of Coronavirus: The Impact of the Pandemic Emergency on Expectant and Postpartum Women's Psychological Well-Being // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Article ID 567155. 16 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.567155
18. Neonates Born to Mothers With COVID-19: Data From the Spanish Society of Neonatology Registry / M. Sánchez-Luna, B.F. Colomer, C. de Alba Romero, A. Alarcón Allen, A.B. Souto, F.C. Longueira, M.C. Badía, Z.G. Pradell, M. González López, M.C. López Herrera [et al.] // *Pediatrics*. 2021. Vol. 147. № 2. Article ID e2020015065. 10 p. DOI:10.1542/peds.2020-015065
19. Pregnant mothers and babies born during COVID-19 pandemic threatened by strained health systems and disruptions in services: Press release № 75 [Электронный ресурс] // Unicef for every child. 2020. URL: <https://www.unicef.org/romania/press-releases/pregnant-mothers-and-babies-born-during-covid-19-pandemic-threatened-strained-health> (дата обращения: 19.03.2022).
20. Preterm care during the COVID-19 pandemic: A comparative risk analysis of neonatal deaths averted by kangaroo mother care versus mortality due to SARS-CoV-2 infection / N. Minckas, M.M. Medvedev, E.A. Adejuyigbe, H. Brotherton, H. Chellani, A.S. Estifanos, C. Ezeaka, A.G. Gobezeayehu, G. Irimu, K. Kawaza [et al.] // *EClinicalMedicine*. 2021. Vol. 33. Article ID 100733. 8 p. DOI:10.1016/j.eclinm.2021.100733
21. Prevalence of anxiety and depression among pregnant women during the COVID-19 pandemic: a meta-analysis / M. Ghazanfarpour, F. Bahrami, F.R. Fakari, F. Ashrafinia, M. Babakhanian, M. Dordeh, F. Abdi // *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*. 2021. Ahead-of-print. 13 p. DOI:10.1080/0167482X.2021.1929162
22. Receipt of COVID-19 Vaccine During Pregnancy and Preterm or Small-for-Gestational-Age at Birth — Eight Integrated Health Care Organizations, United States, December 15, 2020—July 22, 2021 / H.S. Lipkind, G. Vazquez-Benitez, M. DeSilva, K.K. Vesco, C. Ackerman-Banks, J. Zhu, T.G. Boyce, M.F. Daley, C.C. Fuller, D. Getahun [et al.] // *Morbidity and Mortality Weekly Report*. 2022. Vol. 71. № 1. P. 26—30. DOI:10.15585/mmwr.mm7101e1
23. Small and sick newborn care during the COVID-19 pandemic: global survey and thematic analysis of healthcare providers' voices and experiences / S.P.N. Rao, N. Minckas, M.M. Medvedev, D. Gathara, Y.N. Prashantha, A.S. Estifanos, A.C. Silitonga, A.S. Jadaun, E.A. Adejuyigbe, H. Brotherton [et al.] // *BMJ Glob Health*. 2021. Vol. 6. № 3. Article ID e004347. 11 p. DOI:10.1136/bmjgh-2020-004347
24. WHO SAGE roadmap for prioritizing use of COVID-19 vaccines: An approach to optimize the global impact of COVID-19 vaccines, based on public health goals, global and national equity, and vaccine access and coverage scenarios (Version 21 January 2022) [Электронный ресурс] / World Health Organization. Geneva: World Health Organization, 2022. 23 p. URL: <https://reliefweb.int/report/world/who-sage-roadmap-prioritizing-uses-covid-19-vaccines-approach-optimize-global-impact> (дата обращения: 19.03.2022).

References

1. Kosolapova Yu.A., Morozov L.A., Inviyaeva E.V., Makieva M.I., Zubkov V.V., Degtyarev D.N. Vliyanie COVID-19 na iskhody beremennosti i sostoyanie novorozhdennykh: obzor literatury [Impact of COVID-19 on pregnancy outcomes and neonatal health (literature review)]. *Akusherstvo i ginekologiya: novosti, mneniya, obuchenie = Obstetrics and gynecology: news, opinions, training*, 2021. Vol. 9, no. 4, pp. 63—70. DOI:10.33029/2303-9698-2021-9-4-63-70 (In Russ.).
2. Vremennye metodicheskie rekomendatsii “Profilaktika, diagnostika i lechenie novoi koronavirusnoi infektsii (COVID-19)”. Versiya 5 (08.04.2020) (utv. Ministerstvom zdravookhraneniya RF) [Interim Guidelines on Prevention, Diagnosis and Treatment of Novel Coronavirus Infection (COVID-19). Version 5 (04/08/2020) (approved by the Ministry of Health of the Russian Federation)] [Elektronnyi resurs]. Ministry of Health of the Russian Federation. 2020 *GARANT.RU: informatsionno-*

- pravovoi portal [GARANT.RU: information and legal portal]*. Moscow: GARANT-SERVIS, 2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73753942/> (Accessed 18.03.2022). (In Russ.).
3. Organizatsiya okazaniya meditsinskoi pomoshchi beremennym, rozhenitsam, roditel'nitsam i novorozhdennym pri novoi koronavirusnoi infektsii COVID-19 [Organization of medical care for pregnant women, women in childbirth, puerperas and newborns with a new coronavirus infection COVID-19] [Elektronnyi resurs]: Metodicheskie rekomendatsii. 2021. 131 p. *Ministry of Health of the Russian Federation*. URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/057/311/original/05072021_MR_Preg_v4.pdf?1625512556 (Accessed 18.03.2022). (In Russ.).
 4. Rekomendatsii dlya naseleniya v otnoshenii infektsii, vyzvannoi novym koronavirusom (COVID-19) [Recommendations for the population regarding infection caused by the novel coronavirus (COVID-19)] [Elektronnyi resurs]. 2020. *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (Accessed 18.03.2022). (In Russ.).
 5. Smorti M., Ponti L., Ionio C., Gallese M., Andreol A., Bonassi L. Becoming a mother during the COVID-19 national lockdown in Italy: Issues linked to the wellbeing of pregnant women. *International Journal of Psychology*, 2022. Vol. 57, no. 1, pp. 146—152. DOI:10.1002/ijop.12806
 6. Rottenstreich M., Sela H.Y., Rotem R., Kadish E., Wiener-Well Y., Grisaru-Granovsky S. Covid-19 vaccination during the third trimester of pregnancy: rate of vaccination and maternal and neonatal outcomes, a multicentre retrospective cohort study. *BJOG An International Journal of Obstetrics and Gynaecology*, 2022. Vol. 129, no. 2, pp. 248—255. DOI:10.1111/1471-0528.16941
 7. Ionio C., Gallese M., Fenaroli V., Smorti M., Greco A., Testa I., Zilioli A., Bonassi L. COVID-19: what about pregnant women during first lockdown in Italy? *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 2021. Ahead-of-print, pp. 1—13. DOI:10.1080/02646838.2021.1928614
 8. Aassve A., Cavalli N., Mencarinia L., Placha S., Sanders S. Early assessment of the relationship between the COVID-19 pandemic and births in high-income countries. *PNAS*, 2021. Vol. 118, no. 36, 3 p. DOI:10.1073/pnas.2105709118
 9. Perez A., Schepanski S., Göbel A., Stuhmann L.Y., Singer D., Bindt C., Mudra S. Experience of early motherhood during the first wave of the COVID-19 pandemic in Northern Germany: a single-centre before and after comparison. *Journal of reproductive and infant psychology*, 2021. Ahead-of-print, pp. 1—17. DOI:10.1080/02646838.2021.2013458
 10. Gonzalez-Garcia V., Exertier M., Denis A. Anxiety, post-traumatic stress symptoms, and emotion regulation: A longitudinal study of pregnant women having given birth during the COVID-19 pandemic. *European Journal of Trauma & Dissociation*, 2021. Vol. 5, no. 2, 6 p. DOI:10.1016/j.ejtd.2021.100225
 11. Gray A., Barnett J. Welcoming new life under lockdown: Exploring the experiences of first-time mothers who gave birth during the COVID-19 pandemic. *British Journal of Health Psychology*, 2021, 19 p. DOI:10.1111/bjhp.12561
 12. Guidance for surveillance of SARS-CoV-2 variants: Interim guidance, 9 August 2021 [Elektronnyi resurs]. World Health Organization (ed.). Geneva: World Health Organization, 2021. 18 p. URL: https://www.who.int/publications/i/item/WHO_2019-nCoV_surveillance_variants (Accessed 18.03.2022).
 13. Wang Y., Chen L., Wu T., Shi H., Li Q., Jiang H., Zheng D., Wang X., Wei Y., Zhao Y., Qiao J. Impact of Covid-19 in pregnancy on mother's psychological status and infant's neurobehavioral development: a longitudinal cohort study in China. *BMC Medicine*, 2020. Vol. 18. Article ID 347. 10 p. DOI:10.1186/s12916-020-01825-1
 14. Chiu-Lin Wang, Yi-Yin liu, Chin-Hu Wu, Chun-Yu Wang, Chun-Hung Wang, Cheng-Yu Long Impact of COVID-19 on Pregnancy. *International Journal of Medical Sciences*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 763—767. DOI:10.7150/ijms.49923
 15. Puopolo K.M., Hudak M.L., Kimberlin D.W., Cummings J. INITIAL GUIDANCE: Management of Infants Born to Mothers with COVID-19 Date of Document: April 2, 2020 [Elektronnyi resurs]. American Academy of Pediatrics Committee on Fetus and Newborn, Section on Neonatal Perinatal Medicine, and Committee on Infectious Diseases, 2020. 18 p. *SIGO: Societa' Italiana di ginecologia e ostetricia*. URL: <https://www.sigo.it/comunicati-covid-19/initial-guidance-management-of-infants-born-to-mothers-with-covid-19/> (Accessed 18.03.2022).
 16. Abourida Y., Rebahi H., Oussayeh I., Chichou H., Fakhir B., Soummani A., Jalal H., Bennaoui F., El Idrissi Slitine N. et al. Management of Severe COVID-19 in Pregnancy. *Case Reports in Obstetrics and Gynecology*, 2020. Vol. 2020, article ID 8852816. 5 p. DOI:10.1155/2020/8852816
 17. Molgora S., Accordini M. Motherhood in the Time of Coronavirus: The Impact of the Pandemic Emergency on Expectant and Postpartum Women's Psychological Well-Being. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11. Article ID 567155. 16 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.567155
 18. Sánchez-Luna M., Colomer B.F., de Alba Romero C., Alarcón Allen A., Souto A.B., Longueira F.C., Badía M.C., Pradell Z.G., González López M., López Herrera M.C. et al. Neonates Born to Mothers With COVID-19: Data From the Spanish Society of Neonatology Registry. *Pediatrics*, 2021. Vol. 147, no. 2, article ID e2020015065, 10 p. DOI:10.1542/peds.2020-015065
 19. Pregnant mothers and babies born during COVID-19 pandemic threatened by strained health systems and disruptions in services: Press release № 75 [Elektronnyi resurs]. *Unicef for every child*, 2020. URL: <https://www.unicef.org/romania/press-releases/pregnant-mothers-and-babies-born-during-covid-19-pandemic-threatened-strained-health> (Accessed 19.03.2022).

20. Minckas N., Medvedev M.M., Adejuyigbe E.A., Brotherton H., Chellani H., Estifanos A.S., Ezeaka C., Gobezaeyehu A.G., Irimu G., Kawaza K. et al. Preterm care during the COVID-19 pandemic: A comparative risk analysis of neonatal deaths averted by kangaroo mother care versus mortality due to SARS-CoV-2 infection. *EClinicalMedicine*, 2021. Vol. 33. Article ID 100733. 8 p. DOI:10.1016/j.eclinm.2021.100733
21. Ghazanfarpour M., Bahrami F., Fakari F.R., Ashrafinia F., Babakhanian M., Dordeh M., Abdi F. Prevalence of anxiety and depression among pregnant women during the COVID-19 pandemic: a meta-analysis. *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*, 2021. Ahead-of-print. 13 p. DOI:10.1080/0167482X.2021.1929162
22. Lipkind H.S., Vazquez-Benitez G., DeSilva M., Vesco K.K., Ackerman-Banks C., Zhu J., Boyce T.G., Daley M.F., Fuller C.C., Getahun D. et al. Receipt of COVID-19 Vaccine During Pregnancy and Preterm or Small-for-Gestational-Age at Birth — Eight Integrated Health Care Organizations, United States, December 15, 2020—July 22, 2021. *Morbidity and Mortality Weekly Report*, 2022. Vol. 71, no. 1, pp. 26—30. DOI:10.15585/mmwr.mm7101e1
23. Rao S.P.N., Minckas N., Medvedev M.M., Gathara D., Prashantha Y.N., Estifanos A.S., Silitonga A.C., Jadaun A.S., Adejuyigbe E.A., Brotherton H. et al. Small and sick newborn care during the COVID-19 pandemic: global survey and thematic analysis of healthcare providers' voices and experiences. *BMJ Glob Health*, 2021. Vol. 6, no. 3, article ID e004347, 11 p. DOI:10.1136/bmjgh-2020-004347
24. WHO SAGE roadmap for prioritizing use of COVID-19 vaccines: An approach to optimize the global impact of COVID-19 vaccines, based on public health goals, global and national equity, and vaccine access and coverage scenarios (Version 21 January 2022) [Elektronnyi resurs]. World Health Organization (ed.). Geneva: World Health Organization, 2022. 23 p. URL: <https://reliefweb.int/report/world/who-sage-roadmap-prioritizing-uses-covid-19-vaccines-approach-optimize-global-impact> (Accessed 19.03.2022).

Информация об авторах

Ермолова Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: yermolova@mail.ru

Флорова Нина Борисовна, кандидат биологических наук, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3309-7860>, e-mail: ninaflorova@yandex.ru

Information about the authors

Tatiana V. Ermolova, PhD in Psychology, Professor, Head of the Chair of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: yermolova@mail.ru

Nina B. Florova, Candidate of Biological Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3309-7860>, e-mail: ninaflorova@yandex.ru

Получена 08.02.2022

Received 08.02.2022

Принята в печать 15.03.2022

Accepted 15.03.2022

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ SOCIAL PSYCHOLOGY

Современное родительство: новые исследовательские подходы

Шаповаленко И.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: shapovalenkoiv@mgppu.ru

Статья представляет собой обзор современных зарубежных психологических и социологических исследований родительства, актуальность которых связана с теми существенными изменениями, которые произошли в последние десятилетия в условиях реализации родительства и в самих представлениях о родительских функциях по отношению к детям. Продемонстрирована широчайшая палитра исследовательских вопросов, поднимаемых в работах по родительству. Особое внимание уделено двум проблемам, особенно активно обсуждаемым в зарубежной научной литературе: 1) связь родительства и трудовой деятельности, особенно на этапе перехода к родительству; 2) связь родительства и психологического благополучия личности. Проанализированы подходы к становлению родительской сферы, основанные на теории ролей и на теории идентичности. Обозначены перспективные направления и методы дальнейших исследований материнства и нового, «вовлеченного» отцовства.

Ключевые слова: родительство, переход к родительству, материнская сфера, материнство, материнская идентичность, отцовство, вовлеченный отец.

Для цитаты: Шаповаленко И.В. Современное родительство: новые исследовательские подходы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 58—67. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110106>

Modern parenthood: new research approaches

Irina V. Shapovalenko

*Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: shapovalenkoiv@mgppu.ru*

The article is a review of modern foreign psychological and sociological studies of parenthood, the relevance of which is associated with those significant changes that have occurred in recent decades in the conditions of parenthood and in the very ideas about parental functions in relation to children. The widest palette of research questions raised in the works on parenthood is demonstrated. Particular attention is paid to two problems that are especially discussed in foreign scientific literature: 1) the relationship between parenthood and work, especially at the stage of transition to parenthood; 2) the relationship of parenthood and the psychological well-being of the individual. Approaches to the formation of the parental sphere based on the theory of roles and on the theory of identity are analyzed. Perspective directions and methods for further research into motherhood and new, “involved” fatherhood are outlined.

Keywords: parenthood, transition to parenthood, maternal sphere, motherhood, maternal identity, fatherhood, involved father.

For citation: Shapovalenko I.V. Modern Parenthood: New Research Approaches. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 58—67. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110106> (In Russ.).

Введение

Рождение ребенка, больше, чем любое другое человеческое начинание, влечет длительные обязательства и последствия для широкого круга лиц. Рождение первого ребенка как жизненное событие знаменует собой начало нового периода перехода к родительству (transition to parenthood). В этот период кардинально перестраивается система семейных отношений, возникает задача преобразования личности новоявленных родителей.

Первоначально, в 20-е годы XX века, внимание исследователей к материнству было привлечено фрейдистским подходом к детству, психоаналитическим анализом детских переживаний, при этом, однако, сама личность матери воспринималась психоаналитиками лишь как элемент неразрывной связи с младенцем [5]. Психологические концепции материнства до середины прошлого столетия строились на принципах биологического детерминизма, материнство рассматривалось как природно-предопределенная репродуктивная функция женщины. Начиная с 1960 годов, складываются новые представления о материнстве как социальном конструкте, и одним из основных контекстов разностороннего анализа материнства как социального феномена становится феминизм. И наконец, с 1980 годов, на волне постструктурализма и постмодернизма, возникает выраженный интерес к переживаниям самой матери, к ее представлениям о себе, включая так называемую материнскую идентичность [5]. Наряду с этим возникают и новые идеи об отцовстве, дополняющие научный анализ феномена родительства.

В последние несколько десятилетий существенно изменились социальные, экономические, психологические условия реализации родительства, как и сами представления о родительских функциях по отношению к детям, что требует более глубокого понимания [2; 3; 4].

Направления зарубежных исследований современного родительства

В зарубежной психологии родительства широко используют понятия «материнство», «материнская сфера», «социальная роль матери» и «материнская идентичность» [27]. Материнство понимается как биопсихосоциальный феномен, который находит свое отражение в психической жизни женщины, образуя так называемую материнскую сферу. Начало формирования материнской сферы относится к раннему детству девочки. Стержнем материнской сферы является материнская идентичность женщины, которая устанавливается при условии принятия женщиной социальной роли матери.

Американский психолог и специалист по уходу за беременными и новорожденными Рева Рубин, начиная с 1960 годов, расширила представление о необходимом уходе за матерью, включив в него заботу о пси-

хическом благополучии матери до и после родов. Она также подчеркивала значимость принятия женщиной материнства как идентичности и налаживания ее связи с ребенком. Обобщением этих ее идей стала книга 1984 года «Материнская идентичность и материнский опыт» [19].

Наиболее полное развитие идеи о материнстве, как прежде всего психологической и духовной проблеме, представлено в монографии «Экзистенциальный кризис материнства» (2020 г.), написанной психологом-консультантом, специализирующейся на работе с матерями в Великобритании, Клэр Арнольд-Бэйкер [6]. Опираясь на экзистенциальную философию и феноменологические исследования, Арнольд-Бэйкер рассматривает различные аспекты материнства, анализируя понятия и проблемы «экзистенциальный кризис», «кризис психического здоровья матери», «социальный кризис», «работа с экзистенциальным кризисом». Утверждается, что осознание экзистенциальных проблем, с которыми сталкиваются женщины в переходе к материнству, позволит им глубже понять себя и этот важный жизненный переход.

Палитра исследовательских вопросов, поднимаемых в современных эмпирических работах по родителству/материнству, очень широка. Приведем примеры нескольких исследований, выявляющих роль различных факторов в становлении материнства, чтобы продемонстрировать их чрезвычайное разнообразие и многоаспектность:

— факторы «хронологического» и «социального» возраста у матерей 13—25 лет в контексте достижения ими ответственной зрелости (психологической зрелости) в исследовании в Швеции [29];

— связь материнства и противоправного поведения: возможности совершения и преодоления в Нью-Йорке (США) [12];

— роль предоставления беременным женщинам специальных знаний и социальной поддержки в переходный период к материнству, осложненный разными обстоятельствами (по данным исследователей из Ирана) [11];

— влияние материнства на научную и академическую карьеру женщин-исследователей в Бразилии [23];

— особенности конструирования материнской идентичности у еврейских матерей, проживающих раздельно с детьми, которые воспитываются отцом, в Израиле, в социокультурном контексте, высоко ценящем материнскую роль в жизни женщин [31];

— фактор сложной жизненной ситуации, связанной с отсутствием документов, политической, социальной и медицинской изоляцией, в становлении материнской идентичности (на примере мексиканских матерей, находящихся на нелегальном положении в США) [10];

— сдвиг в представлениях о компетентности матерей: от образа потребителя советов специалистов к образу матери-эксперта в повседневной жизни (с 1950 по 2010 год) (по результатам анализа рекламных образов матерей в Австралии и Великобритании [32];

— историческая трансформация материнства на Тайване, специфика материнства в разных слоях общества в японский колониальный период (1895—1945) [8] и т. д.

В данном обзоре мы остановимся подробнее на двух проблемах, особенно активно обсуждаемых в научной литературе:

1. Связь родительства и трудовой деятельности, особенно на этапе «перехода к родительству».

2. Связь родительства и психологического благополучия личности.

Проблема связи родительства и работы

Переход к материнству/родительству. В большом числе современных работ основное внимание уделяется работающим родителям. Термин «работающая мать» представляется как столкновение понятий «отличная мать» и «идеальный работник», при котором подразумеваемые обязанности и вовлеченность матери находятся в прямом противоречии с ожиданиями усилий, компетентности и авторитета профессионала. Когда женщины возвращаются на работу после рождения ребенка, они часто встречаются с внутренним конфликтом и конкуренцией ценностей; они пытаются разрешить дилемму: как справиться с возросшей напряженностью, как быть одновременно хорошей матерью и хорошим работником.

Как основа для анализа изменений семьи в период перехода к родительству используются различные теории: теория семейных систем, экологическая модель развития, теория семейного жизненного цикла, теория привязанности, теория социального научения, концепция связи семейного жизненного цикла и семейного стресса [17]. Большинство исследований столкновения интересов работы и семьи основываются на теории ролей, делается акцент на противостоянии рабочих и семейных ролей, их взаимном давлении; при этом почти не уделяется внимания переживаниям самих работающих родителей.

Другой подход, с позиции теории идентичности, напротив, делает акцент на личностной перестройке женщины во время беременности и после рождения ребенка [13]. Идентичность понимается как самоосознание, ответ на вопрос «Кто я?». Большинство людей в любой момент времени считают важными в своей Я-концепции от четырех до семи идентичностей, основанных на ощущении принадлежности к различным социальным группам и статусам. С течением времени Я-концепция личности изменяется, и это нормально и неизбежно. В периоды смены идентичности человек часто испытывает тоску, тревогу, неясность, неопределенность, поскольку оказывается как бы «между идентичностями».

Так, американские исследователи Гринберг, Клэр и Ладж провели обширное качественное исследование, базирующееся на интервьюировании 30 беременных женщин-специалистов [13]. Все участницы опроса, в

возрасте от 29 до 40 лет, были беременны своим первым ребенком. Полуструктурированные интервью продолжались от 60 до 90 минут. Женщин просили поразмышлять о своем прошлом, настоящем и будущем и по возможности детально сообщить о мыслях, чувствах и образах, связанных с различающимися социальными позициями: 1) работника-профессионала, 2) женщины в состоянии беременности и 3) работающей матери.

На основании анализа интервью, авторы сделали вывод, что уже во время беременности женщины переживают «сквозные переходы идентичности»: от их существующей профессиональной идентичности — к временной идентичности беременной женщины, и далее — к формирующейся материнской идентичности. Возникновение идентичности «беременной» влечет за собой обдумывание, а зачастую и пересмотр прежней профессиональной идентичности и становление новой, материнской идентичности.

Временная идентичность беременной. Центральный аспект в конструировании женщинами своей идентичности беременной женщины — физический аспект беременности, связанный с изменениями тела. Как заявила Бетина, одна из участниц: «Ну, если честно, мне странно видеть, как мое тело так меняется. Я все время чувствую себя толстой. Но в то же время я люблю прикасаться к своему животу и чувствовать, как он двигается и толкается, и даже наблюдать, как он растет. Так что это опять противоречиво...» [13, р. 41].

Следующий аспект — соотнесение физического состояния беременности и профессиональных обязанностей. Испытывая неприятные ощущения, связанные с беременностью (утренняя тошнота, телесный дискомфорт, утомляемость и т. д.), женщины считали необходимым тщательно контролировать их проявления на рабочем месте, чтобы они не были восприняты коллегами и начальством как нарушение профессионализма и признак слабости. Большинство беременных женщин стремились разделить (сегментировать) свою профессиональную идентичность и идентичность «беременной».

Изменяющаяся профессиональная идентичность. Большая часть женщин сообщили в интервью, что до того, как забеременеть, они были сосредоточены на своей карьере, упорно работали, чтобы утвердить свою профессиональную идентичность и соответствовать реальным или воображаемым нормам «идеального работника».

По мере принятия идентичности «беременной», происходит смена приоритетов. Участница исследования Элейн пояснила: «Я действительно рвала свою задницу, я работала по двенадцать часов в день и уходила только тогда, когда меня выгоняли. Но больше я этого не делаю. Примерно в пять часов мне нужно идти домой. У меня есть ноутбук, поэтому я думаю, что закончу остальную часть своей работы дома, но я этого не выполняю. Я возвращаюсь домой, и мне неинтересно работать, понимаете» [13, р. 43—44]. В самоощущении многих женщин их профессиональная идентичность сокращалась по мере того, как расширялась их «идентичность беременности».

Предвосхищаемая материнская идентичность. Параллельно описанным выше процессам, женщины начинают также задумываться о том, какими они хотели бы быть матерями и как это у них получится, и все это с учетом своей профессиональной занятости. Социальные нормы, определяющие, что значит быть хорошей матерью, служат основой подобных размышлений. Участница интервью Мариса сформулировала это так: «Я действительно хочу быть хорошей матерью, но я не думаю, что я из тех матерей, которые на работе думают только о том, чтобы побыстрее оказаться дома со своим ребенком. Я думаю, что для меня нужны обе сферы. Итак, я предполагаю, что моя цель будет заключаться в том, чтобы действительно разделить их. Когда я дома, я — дома. А когда я на работе, я — на работе... Но я не знаю, буду ли я хорошей матерью, понимаете? Я не знаю, я еще не разобралась» [13, р. 45].

Как правило, для концептуализации процесса перехода к новой идентичности используется модель, предложенная французским этнографом Арнольдом ван Геннепом, состоящая из 3 ключевых этапов: 1) «отделение» (от предыдущей идентичности, статуса), 2) «грань» (или лиминальность, то есть период, когда человек экспериментирует со своей новой идентичностью) и 3) «включение» (интеграция новой социальной роли в свою идентичность) [1]. Гринберг и соавторы описывают переход впервые беременной женщины к новой идентичности как уникальный сквозной процесс трансформации, более сложный, чем описанный ван Геннепом, поскольку несколько идентичностей одновременно находятся в разных фазах перехода [13]. Сначала женщины стремятся сориентироваться в новом физическом и психологическом состоянии, выстраивая «идентичность беременной». И хотя эта идентичность имеет временный, промежуточный характер, она прокладывает путь к предвосхищаемой материнской идентичности и к формирующейся идентичности работающей матери. Речь идет о многомерном процессе сосуществования и одновременного изменения, взаимодействия рабочей и «нерабочей» идентичностей женщины.

Взгляды на отцовство и переход к отцовству. В европейской и северо-американской культуре основные обязанности по уходу за младенцем традиционно выполняют женщины, но в последние несколько десятилетий культурные ожидания и идеология отцовства значительно изменились [24]. В рамках традиционного представления мужчина как отец должен был быть прежде всего «кормильцем», экономически обеспечивать свою семью [33]. На современном этапе, когда все больше матерей работают и продвигаются по карьерной лестнице, ожидается, что мужчины будут более активно участвовать в жизни семьи, заботиться о детях, эмоционально разделять значимые для них события.

Образ «нового отца» или «вовлеченного отца», более включенного в жизнь своих детей и более заботливого, постепенно сменяет представления об отцах предыдущих поколений, ориентированных прежде всего на работу и профессиональную самореализацию

[18]. В новой модели «вовлеченного отцовства» предполагается, что идеальный отец — это тот, кто умеет совместить зарабатывание денег, помощь в домашних делах и общение с детьми. Мужчины теперь также сталкиваются с проблемой ролевого конфликта, поскольку они хотят быть реализованы и как работники, и как отцы. Такие отцы эмоционально взаимодействуют со своими детьми и активнее участвуют в домашних делах. Вовлеченный отец несет ответственность как за быт своей семьи, так и за ее экономическое благополучие. Таким образом, вовлеченные отцы сегодня, вероятно, испытывают большую ролевою нагрузку на работе и в семейной сфере. Важно отметить, что этот дискурс «вовлеченного отцовства» имеет отношение прежде всего к определенной социальной группе — белых мужчин среднего класса, хорошо образованных, работающих профессионалов.

Исследование американских ученых Хумберда, Ладж, Харрингтона показало, что молодые отцы интегрируют несколько образов в рамках их отцовской идентичности (кормильца, образца для подражания, партнера и воспитателя), которые соотносятся с различными нормами и ожиданиями от работы и семейной жизни [15]. Например, отец хочет активно участвовать в уходе за своим ребенком, но требования его работы (например, долгий рабочий день, разъезды и/или задержка в офисе) не позволяют ему быть таким отцом. Напротив, некоторые матери осознанно ограничивают участие своих мужей в уходе за детьми, что обозначается как «материнский контроль». Это тоже может быть фактором, влияющим на идентичность мужчины как отца.

По данным исследователей из трех университетов США, показано (на выборке более 18000 человек), что выполнение родительских обязанностей оказалось связано с более высоким благополучием отцов, чем матерей [24].

Проанализированные работы показывают, что структура исследований, использованные методы, выборки пока не способны охватить все факторы, оказывающие влияние на успешность и переживание родительства, и полученные результаты пока далеки от совершенства и ясности.

Проблема связи родительства и психологического благополучия

Одна из активно обсуждаемых в научной психологической и социологической литературе проблем — проблема взаимосвязи между родительством и психологическим благополучием личности [20; 25; 26; 28; 35].

В обзорной работе американских авторов Нельсона, Кушлев, Любомирски представлены подходы, сложившиеся при изучении этой проблемы, и полученные в них результаты [21]. Для оценки родительского благополучия в разных работах были использованы такие конструкты, как субъективное благополучие (по Э. Динеру), психологическое благополучие с позиции

теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, шкала психологического благополучия К. Рифф, показатели удовлетворенности жизнью, также учитывались самооценка, выраженность депрессии и психологического дистресса. Авторы обзора оговариваются, что эмпирические данные, положенные в его основу, получены на выборках, принадлежащих к западной культуре, поэтому для полноты картины необходимы кросс-культурные исследования.

Выделен ряд направлений организации психологических исследований связи родительства и благополучия:

- 1) сравнение психологического благополучия (счастья) родителей и бездетных взрослых;
- 2) выявление изменений психологического благополучия в период перехода к родительству;
- 3) сравнительная оценка удовольствия родителей от совместных занятий с детьми и их удовольствия от других видов деятельности;
- 4) факторы, опосредующие отношения между родительством и психологическим благополучием.

1) *Сравнение психологического благополучия (счастья) родителей и бездетных взрослых.* «Кто более счастлив — родители или их бездетные сверстники?» — первоначально доминировала эта довольно простая постановка вопроса, однако результаты подобных исследований были неоднозначны. Некоторые исследования показали, что родительство связано с более высоким уровнем благополучия [21], а другие утверждают обратное [9]. Трудность состоит в том, что полученные данные оказываются трудно сравнимы между собой, поскольку не всегда используются контрольные группы, зачастую недостаточно последовательно проводится статистический контроль.

Также важный вопрос при проведении групповых сравнений — это характеристики группы сравнения (в данном случае «не родители»). Кто такие «не родители»? Здесь очень значимым оказывается фактор возраста. Если рассмотреть лиц старшего возраста (старше 45 лет), не являющихся родителями, то среди них могут оказаться разные люди: искренне сожалеющие о том, что им не довелось иметь детей, или же скорее испытывающие эмоциональный дискомфорт просто от того, что они не вполне соответствуют социальной норме, «оказались в меньшинстве». Причины бездетности и отношение к ней у более молодых людей могут отличаться от таковых у старших взрослых; кроме того, многие бездетные 20—30-летние молодые люди, возможно, станут родителями позже.

Также требует учета следующий фактор: был ли выбор родительства/бездетности добровольным или вынужденным, запланированным или случайным? Например, именно вынужденно бездетные люди могут испытывать сожаление, страдание и разочарование из-за того, что им не удалось осуществить свое желание стать родителями.

Таким образом, в исследованиях, которые сравнивают благополучие родителей и лиц без детей, важно учесть, чем обусловлен тот или иной родительский статус.

2) *Выявление изменений психологического благополучия в период перехода к родительству.* Этот подход заключается в сравнении уровня счастья исследуемых лиц до и после рождения ребенка. Результаты таких измерений неоднозначны. Иногда удовлетворенность жизнью у супругов возрастает в период беременности и сразу после рождения ребенка, но постепенно возвращается к прежнему уровню благополучия, зафиксированному до беременности. По другим данным, переход к родительству сопровождается повышенными показателями личного и семейного стресса, которые снижаются в течение первого года жизни ребенка. Или после рождения ребенка обнаруживается рост уровня удовлетворенности жизнью, который затем снижается, но при этом объем положительных эмоций возрастает [30]. То есть в зависимости от выделяемого аспекта благополучия в период перехода к родительству варьируют и результаты измерения.

Описанный выше вариант исследовательского плана, направленный на обнаружение динамики изменений благополучия в период перехода к родительству, также имеет недостатки, связанные с выбором времени и этапов проведения тестирования. В идеале это должен быть лонгитюдный дизайн, включающий определение исходного уровня благополучия на основе нескольких оценок, в том числе еще до беременности или усыновления; желательно учитывать также конкретный этап семейной жизни («медовый месяц», 2 года после свадьбы и т. п.). Оценивать родительское благополучие необходимо не только в короткие промежутки времени (чаще всего это делается в течение 1 года до родов и до 5-летнего возраста ребенка) [30]. Например, уход за маленькими детьми часто приводит к недосыпанию и напряжению; и исследования, охватывающие только период младенчества, могут серьезно исказить общую картину психологического благополучия родителей за счет выпячивания временных трудностей. Родители и дети обычно живут вместе в течение примерно 20 лет, поддерживают контакты на протяжении всей своей жизни, поэтому исследования психологического благополучия родителей должны иметь более протяженный характер, включать и старшие возрасты детей [7].

3) *Сравнительная оценка удовольствия родителей от совместных занятий с детьми и от других видов деятельности.* Этот подход к оценке благополучия родителей заключается в оценивании взрослым своего эмоционального состояния в процессе ухода за ребенком или в общении с детьми и в других видах повседневной деятельности: родителя просили регулярно отмечать в дневнике, ощущает ли он себя счастливым, дружелюбным, расстроенным, обеспокоенным в процессе тех или иных занятий. Далее виды деятельности родителей ранжировались по уровню их удовольствия. Обнаружено, что забота о детях воспринимается такой же приятной, как и работа по дому или серфинг в Интернете, и несколько менее приятной, чем шопинг или просмотр телевизионных передач. Однако в другом случае забота и уход за детьми оказались связаны с большим положительным эффектом, чем другие

повседневные занятия [21]. Однако, не исключено, что вероятны социально-желательные ответы, связанные с высокой ценностью родительской роли, а также может встречаться мотивация к снижению когнитивного диссонанса (например, «Я так многим пожертвовал ради своих детей, так что это должно того стоить»).

4) *Факторы, опосредующие отношения между родительством и психологическим благополучием.* Авторами аналитического обзора С. Нельсоном, К. Кушлев, С. Любомирски предложена более сложная модель благополучия родителей, которая призвана учесть многочисленные и разнообразные факторы, опосредующие отношения между родительством и благополучием [21] (рис. 1).

Прежде всего различают факторы, повышающие уровень благополучия родителей, и понижающие его (обозначены как «+» и «-» на рис.1).

Факторы, повышающие уровень благополучия родителей:

— *Цели/смыслы жизни.* Наличие детей делает жизнь родителей более насыщенной важными целями (например, обеспечение своих детей питанием, жильем, уходом, любовью и образованием), способствует пониманию родителями смысла своей жизни.

— *Фундаментальные человеческие потребности.* Воспитание детей признается одной из высших человеческих потребностей, не только выше первичных биологических потребностей, но и значимее таких потребностей, как привязанность, принадлежность и самоуважение. Речь идет о выполнении общей эволюционной задачи передачи генов в будущее, для чего и служит воспитание успешных детей, которые будут в состоянии это сделать, и постепенное решение этой задачи (например, дети делают свои первые шаги, учатся читать, получают высшее образование и т. п.).

Также, согласно теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, обозначены три базовые потребности личности (автономия, компетентность, чувство связи с другими), без удовлетворения которых нельзя достичь благополучия. Таким образом, в той мере, в какой родительство усиливает чувство автономии, компетентность и связи с

другими, оно повышает психологическое благополучие родителей. Например, дети могут служить постоянным источником любви и близости, которые являются важными компонентами связанности. Родители получают новые способы установить взаимоотношения с членами расширенной семьи, соседями и друзьями детей. Напротив, конфликты с детьми могут поставить под угрозу чувство близости и обусловить более низкий уровень благополучия родителей. Таким образом, и эволюционная теория, и теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана дают представление о том, как наличие детей может быть связано с удовлетворением фундаментальных человеческих потребностей и будет способствовать психологическому благополучию родителей; но однако требуется гораздо больше исследований, чтобы установить взаимосвязь между воспитанием детей и удовлетворением значимых потребностей родителей.

— *Позитивные эмоции.* Сами дети могут быть прямым источником положительных эмоций, вызывая у родителей глубокие чувства радости и гордости от наблюдения их первых шагов или слов, школьных успехов или свадебного торжества [16]. Дети также могут усиливать положительные эмоции, внося большее разнообразие переживаний в жизнь их родителей.

— *Социальные роли.* Исследования социальных ролей показывают, что одновременное исполнение нескольких социальных ролей полезно, как для психического, так и для физического здоровья, хотя бы потому, что успехи в одной роли могут компенсировать стрессы или разочарования от другой. Социальные роли могут быть особенно значимыми, когда человек чувствует призвание исполнять эти роли: родительство может быть призванием, оно связано с переживанием жизненных целей и смысла, с обогащением своей идентичности.

Факторы, снижающие уровень благополучия родителей:

— *Отрицательные эмоции.* Воспитание ребенка может дать множество поводов для положительных эмоций, но точно так же оно может приводить к многочисленным разочарованиям, тревоге, страху, беспокойству, гневу из-за капризов малыша, лени школьника, протестов подростка и др.

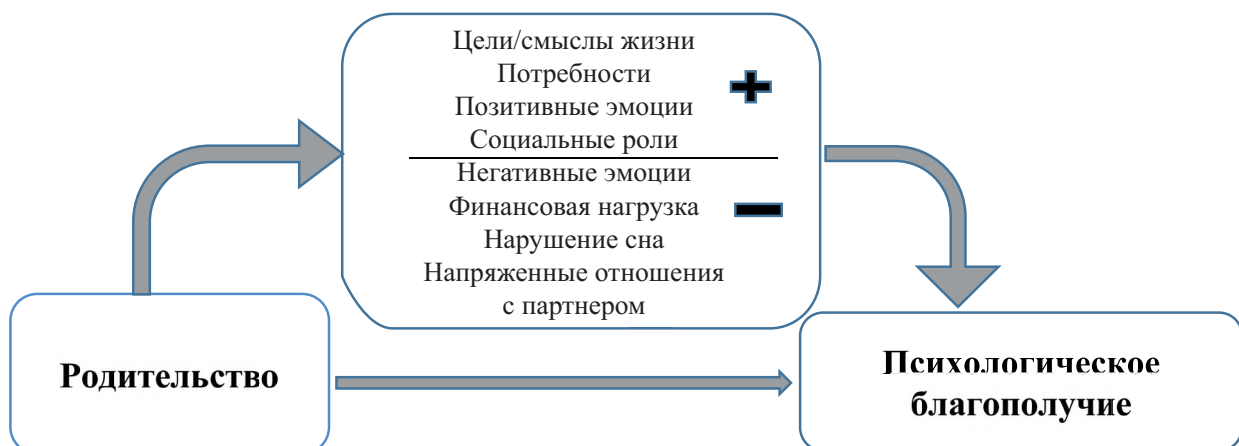

Рис. 1. Модель родительского благополучия

— *Нарушения сна и усталость.* Родители подвержены нарушениям сна чаще, чем бездетные. Недостаток сна сопровождается повышением уровня раздражительности и враждебности, снижается дружелюбие, страдают когнитивные способности, внимание, возникает усталость как основной барьер для активности.

— *Натянутые партнерские отношения.* Стресс и напряжение родительства также распространяются на супружеские отношения. К числу факторов, которые могут способствовать уменьшению уровня семейного счастья, относится снижение супружеской поддержки и времени, качественно проведенного супругами вместе, более частые конфликты после рождения детей.

— *Финансовая нагрузка.* В сравнении со своими бездетными сверстниками, родители испытывают увеличившуюся финансовую нагрузку (оплата еды, одежды, медицинского обслуживания, обучения детей) и неудовлетворенность своим финансовым положением [22].

Заключительный вывод по проблеме связи родительства и счастья заключается в том, что общий и однозначный ответ дать в принципе невозможно. Взаимосвязь между родительством и благополучием очень сложна [21]. Предикторами более высокого уровня благополучия родителей служат насыщенность жизни целями и смыслами, возможность удовлетворения фундаментальных человеческих потребностей, большое количество положительных эмоций и взаимное дополнение социальных ролей. Родители оказываются менее счастливы в той мере, в какой они сталкиваются с относительно выраженными негативными эмоциями, усиливающимися финансовыми проблемами, нарушениями сна, беспокойством и усталостью, напряженными отношениями с партнером. Нельсон и др. подчеркивают имеющиеся ограничения модели родительского благополучия и невозможность прямого переноса результатов на отличающиеся выборки.

Перспективы дальнейших исследований связаны с учетом большого числа индивидуальных характеристик женщин и мужчин, культурных и социальных факторов (возраста, стадии карьеры, семейного статуса, уровня

образования, государственных мер по поддержке беременных и работающих матерей и др.) [14; 21; 34].

Выводы

Обобщим некоторые методологические соображения в изучении феномена родительства, которые осознаются и стоят на повестке дня научных исследований в зарубежной психологии и социологии:

— стоит задача выявления кросс-культурных различий феномена родительства;

— необходимо определение различий в переходе к родительству лиц из разных демографических слоев и профессий;

— необходимо синтезировать информацию из различных контекстов самореализации личности родителя (как на работе, так и дома); важно учитывать роль различных сценариев работы отцов и матерей, тип работы (полный рабочий день, неполный рабочий день, работа из дома) в развитии материнской и отцовской сфер личности;

— необходимо понять факторы, формирующие идеалы материнства и отцовства, проанализировать повседневный опыт родительства в условиях конкурирующих идеалов и различий между поколениями, расами, сексуальной ориентацией и др.;

— рекомендуется использовать лонгитюдный план исследования, который поможет проследить эволюцию различных стадий перехода к родительству и собственно родительства, как на индивидуальном, так и на социальном уровне;

— необходимы качественные исследования, чтобы зафиксировать личный опыт перехода женщин и мужчин к родительству, а затем и переживание ими последующих переходов (например, при появлении последующих детей и при их взрослении);

— количественные исследования можно использовать в качестве дополнения для отслеживания демографических тенденций и вклада объективных и субъективных факторов, влияющих на различные модели родительства.

Литература

1. Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература РАН, 1999. 198с.
2. Захарова Е.И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2015. Том 11. № 1. С. 44—49. URL: https://psyjournals.ru/files/75465/kip_1_2015_zaharova.pdf (дата обращения: 28.02.2022).
3. Ланицбург М.Е. Родительство в современном мире — новые тренды // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 62—66. DOI:10.17759/jmfp.2016050208
4. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Том 7. № 3. С. 1—11. DOI:10.17759/psyedu.2015070301
5. Пушкарева Н.Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история [Электронный ресурс] // Запад — Восток. 2014. № 7. С. 103—118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22897664> (дата обращения: 14.03.2022).
6. Arnold-Baker C. The Existential Crisis of Motherhood. Cham: Springer Nature, 2020. 309p. DOI:10.1007/978-3-030-56499-5_1
7. Becker C., Kirchmaier I., Trautmann S.T. Marriage, parenthood and social network: Subjective well-being and mental health in old age // PLoS ONE. 2019. Vol. 14. № 7. P. 1—20. DOI:10.1371/journal.pone.0218704

8. *Chen Y.* Family Livelihood, Social Class and Mothers' Self-cognition: The Transformation of "Mothering" in Japanese Colonial Taiwan (1895—1945) // *Journal of Family History*. 2021. Vol. 46. № 2. P. 154—167. DOI:10.1177/0363199020945730
9. *Evenson R.J., Simon R.W.* Clarifying the relationship between parenthood and depression // *Journal of Health and Social Behavior*. 2005. Vol. 46. № 4. P. 341—358. DOI:10.1177/002214650504600403
10. *Farfán-Santos E.* Undocumented Motherhood: Gender, Maternal Identity, and the Politics of Health Care // *Medical Anthropology Cross-Cultural Studies in Health and Illness*. 2019. Vol. 38. P. 523—536. DOI:10.1080/01459740.2019.1587421
11. *Fasanghari M., Kordi M., Asgharipour N.* Effect of maternal role training program based on Mercer theory on maternal self-confidence of primiparous women with unplanned pregnancy // *Journal of Education and Health Promotion*. 2019. Vol. 8. № 4. 8 p. DOI:10.4103/jehp.jehp_202_17
12. *Garcia-Hallett J.* Maternal Identities and Narratives of Motherhood: A Qualitative Exploration of Women's Pathways Into and Out of Offending // *Feminist Criminology*. 2019. Vol. 14. № 2. P. 214—240. DOI:10.1177/1557085118769741
13. *Greenberg D.N., Clair J.A., Ladge J.J.* Identity and the Transition to Motherhood: Navigating Existing, Temporary, and Anticipatory Identities // *Research perspectives on work and the transition to motherhood* / Eds. C. Spitzmueller, R.A. Matthews. New York: Springer International Publishing, 2016. P. 33—57. DOI:10.1007/978-3-319-41121-7
14. *Guzzo K.B., Hayford S.R.* Pathways to Parenthood in Social and Family Contexts: Decade in Review // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82. № 1. P. 117—144. DOI:10.1111/jomf.12618
15. *Humberd B., Ladge J., Harrington B.* The "new" dad: Navigating fathering identity within organizational contexts // *Journal of Business and Psychology*. 2015. Vol. 30. № 2. P. 249—266. DOI:10.1007/s10869-014-9361-x
16. In defense of parenthood: Children are associated with more joy than misery / S.K. Nelson, K. Kushlev, T. English, E.W. Dunn, S. Lyubomirsky // *Psychological Science*. 2013. Vol. 24. № 1. P. 3—10. DOI:10.1177/0956797612447798
17. *Kuersten-Hogan R., McHale J.P.* The Transition to Parenthood: A Theoretical and Empirical Overview [Электронный ресурс] // *Prenatal Family Dynamics* / Eds. R. Kuersten-Hogan, J.P. McHale. Cham: Springer Nature, 2021. P. 3—21. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-51988-9_1 (дата обращения: 15.03.2022).
18. *Ladge J.J., Humberd B.K., McNett J.* The Other Half: Views of Fatherhood in the Organization // *Research perspectives on work and the transition to motherhood* / Eds. C. Spitzmueller, R.A. Matthews. New York: Springer International Publishing, 2016. P. 267—287. DOI:10.1007/978-3-319-41121-7
19. *Mercer R.T.* A Tribute to Reva Rubin [Электронный ресурс] // *MCN: The American Journal of Maternal. Child Nursing*. 1995. Vol. 20. № 4. P. 184. URL: https://journals.lww.com/mcnjournal/citation/1995/07000/a_tribute_to_reva_rubin.2.aspx (дата обращения: 15.03.2022).
20. *Mikucka M., Rizzi E.* The Parenthood and Happiness Link: Testing Predictions from Five Theories // *European Journal of Population*. 2020. Vol. 36. P. 337—361. DOI:10.1007/s10680-019-09532-1
21. *Nelson S.K., Kushlev K., Lyubomirsky S.* The Pains and Pleasures of Parenting: When, Why, and How Is Parenthood Associated With More or Less Well-Being? // *Psychological Bulletin*. 2014. Vol. 140. № 3. P. 846—895. DOI:10.1037/a0035444
22. *Nomaguchi K., Milkie M.A.* Parenthood and Well-Being: A Decade in Review // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82. № 1. P. 198—223. DOI:10.1111/jomf.12646
23. Parent in Science: The Impact of Parenthood on the Scientific Career in Brazil / L.S. Machado, M. Perlin, R.C. Soletti, L.K.R. e Silva, I.V. Doerderlein Schwartz, A. Seixas, F.K. Ricachenevsky, A.T. Neis, F. Staniscuaski // *2019 IEEE/ACM 2nd International Workshop on Gender Equality in Software Engineering (GE)*. Montréal, QC, Canada, 2019. Montréal: The Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2019. P. 37—40. DOI:10.1109/GE.2019.00017
24. Parenthood Is Associated With Greater Well-Being for Fathers Than Mothers / S.K. Nelson-Coffey, M. Killingsworth, K. Layous, S.W. Cole, S. Lyubomirsky // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2019. Vol. 45. № 9. P. 1378—1390. DOI:10.1177/0146167219829174
25. Parenting and Relational Well-being During the Transition to Parenthood: Challenges for First-time Parents / S. Lévesque, V. Bisson, L. Charton, M. Fernet // *Journal of Child and Family Studies*. 2020. Vol. 29. P. 1938—1956. DOI:10.1007/s10826-020-01727-z
26. *Ryan R.M., Padilla C.M.* Transition to parenthood // *Handbook of parenting: Being and becoming a parent* / Ed. M.H. Bornstein. New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2019. P. 513—555. DOI:10.4324/9780429433214-15
27. *Shrestha S., Adachi K., Petrini M.A.* Maternal Role: A Concept Analysis // *Journal of Midwifery and Reproductive Health*. 2019. Vol. 7. № 3. P. 1742—1752. DOI:10.22038/jmrh.2019.31797.1344
28. *Simpson J.A., Rholes W.S.* Adult attachment orientations and well-being during the transition to parenthood // *Current Opinion in Psychology*. 2019. Vol. 25. P. 47—52. DOI:10.1016/j.copsy.2018.02.019
29. *Sjöberg M., Bertilsdotter-Rosqvist H.* Youthful mothering? Exploring the meaning of adulthood and youthfulness within the maternal identity work of young Swedish mothers // *Feminism & Psychology*. 2018. Vol. 28. № 3. P. 355—372. DOI:10.1177/0959353518784614
30. Subjective well-being and adaptation to life events: A meta-analysis / M. Luhmann, W. Hofmann, M. Eid, R.E. Lucas // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 102. № 3. P. 592—615. DOI:10.1037/a0025948
31. *Tangir G., Cohen O., Peled E.* The Construction of Maternal Identity Among Nonresidential Mothers in Israel // *Affilia*. 2017. Vol. 32. № 4. P. 517—530. DOI:10.1177/0886109917708967

32. The knowing mother: Maternal knowledge and the reinforcement of the feminine consuming subject in magazine advertisements / T. Davis, M.K. Hogg, D. Marshall, A. Petersen, T. Schneider // *Journal of Consumer Culture*. 2019. 21 p. DOI:10.1177/1469540519889990
33. *Townsend N.W.* Package deal: Marriage, work and fatherhood in men's lives. Philadelphia: Temple University Press, 2002. 248 p.
34. *Warsiti W., Nurjannah I., Lusmilasari L.* The Effect of Maternal Role Intervention with Increased Maternal Role Identity Attainment in Pregnancy and Infant Growth: A Meta-analysis // *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*. 2020. Vol. 8. № F. P. 287—292. DOI:10.3889/oamjms.2020.5442
35. *Young C., Roberts R., Ward L.* Application of resilience theories in the transition to parenthood: a scoping review // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 2019. Vol. 37. № 2. P. 139—160. DOI:10.1080/02646838.2018.1540860

References

1. Gennep A. van. *Obryady perekhoda: sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rites of passage: a systematic study of rites]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1999. 198 p. (In Russ.).
2. Zakharova E.I. *Usloviya stanovleniya negativnogo otnosheniya sovremennykh zhenshchin k materinskoj roli* [Negative Attitude towards Motherhood in Modern Women: Settings and Conditions] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural Historical Psychology*, 2015. Vol. 11, no. 1, pp. 44—49. URL: https://psyjournals.ru/files/75465/kip_1_2015_zaharova.pdf (Accessed 28.02.2022). (In Russ.).
3. Lantsburg M.E. *Roditel'stvo v sovremennom mire — novye trendy* [Parenting in today's world — new trends]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016. Vol. 5, no. 2, pp. 62—66. DOI:10.17759/jmfp.2016050208 (In Russ.).
4. Polivanova K.N. *Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovaniya* [Parenting and parenthood as research domains]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru = Psychological Science and Education PSYEDU.ru*, 2015. Vol. 7, no. 3, pp. 1—11. DOI:10.17759/psyedu.2015070301 (In Russ.).
5. Pushkareva N.L. *Materinstvo kak sotsiobiologicheskoe yavlenie: psikhologiya, filosofiya, istoriya* [Motherhood as a sociobiological phenomenon: psychology, philosophy, history] [Elektronnyi resurs]. *Zapad — Vostok [West East]*, 2014, no. 7, pp. 103—118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22897664> (Accessed 14.03.2022). (In Russ.).
6. Arnold-Baker C. *The Existential Crisis of Motherhood*. Cham: Springer Nature, 2020. 309 p. DOI:10.1007/978-3-030-56499-5_1
7. Becker C., Kirchmaier I., Trautmann S.T. *Marriage, parenthood and social network: Subjective well-being and mental health in old age*. *PLoS ONE*, 2019. Vol. 14, no. 7, pp. 1—20. DOI:10.1371/journal.pone.0218704
8. Chen Y. *Family Livelihood, Social Class and Mothers' Self-cognition: The Transformation of "Mothering" in Japanese Colonial Taiwan (1895—1945)*. *Journal of Family History*, 2021. Vol. 46, no. 2, pp. 154—167. DOI:10.1177/0363199020945730
9. Evenson R.J., Simon R.W. *Clarifying the relationship between parenthood and depression*. *Journal of Health and Social Behavior*, 2005. Vol. 46, no. 4, pp. 341—358. DOI:10.1177/002214650504600403
10. Farfán-Santos E. *Undocumented Motherhood: Gender, Maternal Identity, and the Politics of Health Care*. *Medical Anthropology Cross-Cultural Studies in Health and Illness*, 2019. Vol. 38, pp. 523—536. DOI:10.1080/01459740.2019.1587421
11. Fasanghari M., Kordi M., Asgharipour N. *Effect of maternal role training program based on Mercer theory on maternal self-confidence of primiparous women with unplanned pregnancy*. *Journal of Education and Health Promotion*, 2019. Vol. 8, no. 4, 8 p. DOI:10.4103/jehp.jehp_202_17
12. Garcia-Hallett J. *Maternal Identities and Narratives of Motherhood: A Qualitative Exploration of Women's Pathways Into and Out of Offending*. *Feminist Criminology*, 2019. Vol. 14, no. 2, pp. 214—240. DOI:10.1177/1557085118769741
13. Greenberg D.N., Clair J.A., Ladge J.J. *Identity and the Transition to Motherhood: Navigating Existing, Temporary, and Anticipatory Identities*. In Spitzmueller C., Matthews R.A. (eds.), *Research perspectives on work and the transition to motherhood*. New York: Springer International Publishing, 2016, pp. 33—57. DOI:10.1007/978-3-319-41121-7
14. Guzzo K.B., Hayford S.R. *Pathways to Parenthood in Social and Family Contexts: Decade in Review*. *Journal of Marriage and Family*, 2020. Vol. 82, no. 1, pp. 117—144. DOI:10.1111/jomf.12618
15. Humbert B., Ladge J., Harrington B. *The "new" dad: Navigating fathering identity within organizational contexts*. *Journal of Business and Psychology*, 2015. Vol. 30, no. 2, pp. 249—266. DOI:10.1007/s10869-014-9361-x
16. Nelson S.K., Kushlev K., English T., Dunn E.W., Lyubomirsky S. *In defense of parenthood: Children are associated with more joy than misery*. *Psychological Science*, 2013. Vol. 24, no. 1, pp. 3—10. DOI:10.1177/0956797612447798
17. Kuersten-Hogan R., McHale J.P. *The Transition to Parenthood: A Theoretical and Empirical Overview* [Elektronnyi resurs]. In Kuersten-Hogan R., McHale J.P. (eds.), *Prenatal Family Dynamics*. Cham: Springer Nature, 2021, pp. 3—21. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-51988-9_1 (Accessed 15.03.2022).
18. Ladge J.J., Humbert B.K., McNett J. *The Other Half: Views of Fatherhood in the Organization*. In Spitzmueller C., Matthews R.A. (eds.), *Research perspectives on work and the transition to motherhood*. New York: Springer International Publishing, 2016, pp. 267—287. DOI:10.1007/978-3-319-41121-7

19. Mercer R.T. A Tribute to Reva Rubin [Elektronnyi resurs]. *MCN: The American Journal of Maternal. Child Nursing*, 1995. Vol. 20, no. 4, pp. 184. URL: https://journals.lww.com/mcnjournal/citation/1995/07000/a_tribute_to_reva_rubin.2.aspx (Accessed 15.03.2022).
20. Mikucka M., Rizzi E. The Parenthood and Happiness Link: Testing Predictions from Five Theories. *European Journal of Population*, 2020. Vol. 36, pp. 337—361. DOI:10.1007/s10680-019-09532-1
21. Nelson S.K., Kushlev K., Lyubomirsky S. The Pains and Pleasures of Parenting: When, Why, and How Is Parenthood Associated With More or Less Well-Being? *Psychological Bulletin*, 2014. Vol. 140, no. 3, pp. 846—895. DOI:10.1037/a0035444
22. Nomaguchi K., Milkie M.A. Parenthood and Well-Being: A Decade in Review. *Journal of Marriage and Family*, 2020. Vol. 82, no. 1, pp. 198—223. DOI:10.1111/jomf.12646
23. Machado L.S., Perlin M., Soletti R.C., e Silva L.K.R., Doerderlein Schwartz I.V., Seixas A., Ricachenevsky F.K., Neis A.T., Staniscuaski F. Parent in Science: The Impact of Parenthood on the Scientific Career in Brazil. *2019 IEEE/ACM 2nd International Workshop on Gender Equality in Software Engineering (GE). Montréal, QC, Canada, 2019*. Montréal: The Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2019, pp. 37—40. DOI:10.1109/GE.2019.00017
24. Nelson-Coffey S.K., Killingsworth M., Layous K., Cole S.W., Lyubomirsky S. Parenthood Is Associated With Greater Well-Being for Fathers Than Mothers. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019. Vol. 45, no. 9, pp. 1378—1390. DOI:10.1177/0146167219829174
25. Lévesque S., Bisson V., Charton L., Fernet M. Parenting and Relational Well-being During the Transition to Parenthood: Challenges for First-time Parents. *Journal of Child and Family Studies*, 2020. Vol. 29, pp. 1938—1956. DOI:10.1007/s10826-020-01727-z
26. Ryan R.M., Padilla C.M. Transition to parenthood. In Bornstein M.H. (ed.), *Handbook of parenting: Being and becoming a parent*. New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2019, pp. 513—555. DOI:10.4324/9780429433214-15
27. Shrestha S., Adachi K., Petrini M.A. Maternal Role: A Concept Analysis. *Journal of Midwifery and Reproductive Health*, 2019. Vol. 7, no. 3, pp. 1742—1752. DOI:10.22038/jmrh.2019.31797.1344
28. Simpson J.A., Rholes W.S. Adult attachment orientations and well-being during the transition to parenthood. *Current Opinion in Psychology*, 2019. Vol. 25, pp. 47—52. DOI:10.1016/j.copsyc.2018.02.019
29. Sjöberg M., Bertilsdotter-Rosqvist H. Youthful mothering? Exploring the meaning of adulthood and youthfulness within the maternal identity work of young Swedish mothers. *Feminism & Psychology*, 2018. Vol. 28, no. 3, pp. 355—372. DOI:10.1177/0959353518784614
30. Luhmann M., Hofmann W., Eid M., Lucas R.E. Subjective well-being and adaptation to life events: A meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012. Vol. 102, no. 3, pp. 592—615. DOI:10.1037/a0025948
31. Tangir G., Cohen O., Peled E. The Construction of Maternal Identity Among Nonresidential Mothers in Israel. *Affilia*, 2017. Vol. 32, no. 4, pp. 517—530. DOI:10.1177/0886109917708967
32. Davis T., Hogg M.K., Marshall D., Petersen A., Schneider T. The knowing mother: Maternal knowledge and the reinforcement of the feminine consuming subject in magazine advertisements. *Journal of Consumer Culture*, 2019, 21 p. DOI:10.1177/1469540519889990
33. Townsend N.W. *Package deal: Marriage, work and fatherhood in men's lives*. Philadelphia: Temple University Press, 2002. 248 p.
34. Warsiti W., Nurjannah I., Lusmilasari L. The Effect of Maternal Role Intervention with Increased Maternal Role Identity Attainment in Pregnancy and Infant Growth: A Meta-analysis. *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*, 2020. Vol. 8, no. F, pp. 287—292. DOI:10.3889/oamjms.2020.5442
35. Young C., Roberts R., Ward L. Application of resilience theories in the transition to parenthood: a scoping review. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 2019. Vol. 37, no. 2, pp. 139—160. DOI:10.1080/02646838.2018.1540860

Информация об авторах

Шаповаленко Ирина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: shapovalenkoiv@mgppu.ru

Information about the authors

Irina V. Shapovalenko, PhD in Psychology, associate professor, Head of Chair of Age Psychology Named after Obukhova L.F., Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: shapovalenkoiv@mgppu.ru

Получена 01.03.2022

Received 01.03.2022

Принята в печать 14.03.2022

Accepted 14.03.2022

*Вне тематики номера
Outside of the theme rooms*

**ОТРАСЛЕВАЯ ПСИХОЛОГИЯ
SPECIAL (BRANCH) PSYCHOLOGY**

Методы диагностики экстремистских тенденций личности в зарубежных исследованиях

Эльзессер А.С.

*Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»),
г. Владивосток, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru*

Капустина Т.В.

*Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»),
г. Владивосток, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>, e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru*

Жданова Д.Е.

*Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»),
г. Владивосток, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0003-1173-0124>; e-mail: melissa2000@bk.ru*

Кадыров Р.В.

*Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»),
г. Владивосток, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>, e-mail: russl-kad@yandex.ru*

Угроза экстремистского поведения является одной из важных проблем современного мира. Теоретический аспект психологии экстремизма и его проявлений недостаточно разработан, что порождает методологические сложности в изучении и измерении экстремистских тенденций личности. Изложены результаты работы авторов по систематизации сведений о современных методах выявления тенденций к экстремизму и идентификации лиц, лояльных к экстремистской идеологии. Также проанализированы существующие критерии экстремизма как поведенческого, когнитивного и характерологического феномена. Проанализированы методы, применяемые для диагностики ассоциируемых с экстремизмом факторов, выявлена общая специфика. Авторы приводят методологическое обоснование каждой методики, описывают особенности их применения на практике, рассматривают психометрические параметры методик, выявляют преимущества и ограничения. Согласно выделенным критериям, разработан аналитический инструмент — сравнительная таблица анализируемых методик.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские тенденции, радикализм, авторитарность, метод, опросник.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства Приморского края в рамках проекта № 11-06-00241 «Способ диагностики экстремистских тенденций личности в образовательных учреждениях Приморского края».

Для цитаты: Методы диагностики экстремистских тенденций личности в зарубежных исследованиях [Электронный ресурс] / А.С. Эльзессер, Т.В. Капустина, Д.Е. Жданова, Р.В. Кадыров // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 68—79. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110107>

Methods for diagnosing tendencies towards to extremism in foreign studies

Anastasiya S. Elzesser

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

Tatyana V. Kapustina

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>, e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Darya E. Zhdanova

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1173-0124>, e-mail: melissa2000@bk.ru

Ruslan V. Kadyrov

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>, e-mail: rusl-kad@yandex.ru

The threat of extremist behavior is one of the important problems of the modern world. The theoretical aspect of the psychology of extremism and its manifestations has not been sufficiently developed, which gives rise to methodological difficulties in the study and measurement of extremist personality tendencies. The article presents the results of the authors' work on the systematization of information about modern methods of revealing a propensity to extremism and identifying persons loyal to extremist ideology. The existing criteria of extremism as a behavioral, cognitive and characterological phenomenon are also analyzed. The methods used to diagnose the factors associated with extremism are analyzed, and the general specificity is revealed. The authors provide a methodological rationale for each technique, describe the features of their application in practice, consider the psychometric parameters of the techniques, identify the advantages and limitations. An analytical tool has been developed — a comparative table of the analyzed methods according to the selected criteria.

Keywords: extremism, tendencies towards to extremism, radicalism, authoritarianism, method, questionnaire.

Funding. The reported study was funded by the Government of Primorsky Krai, project number 11-06-00241 «Method for diagnosing extremist tendencies of the person in educational institutions of the Primorsky Krai».

For citation: Elzesser A.S., Kapustina T.V., Zhdanova D.E., Kadyrov R.V. Methods for diagnosing tendencies towards to extremism in foreign studies. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 68—79. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110107> (In Russ.).

Введение

Экстремизм и связанные с ним проявления нетерпимости — угроза международной и внутригосударственной безопасности, характерная для XXI века. Впечатлительная и внушаемая аудитория воспринимает экстремистские идеи наиболее благодатно. Так, в группу риска попадают лица, переживающие кризис мировоззрения, для преодоления которого необходима выработка новых ценностных ориентиров. В этом случае психологически комфортным выходом может стать усвоение экстремистской идеологии и самоидентификация с сильной группой [7]. Экстремизм объединяет множество идеологических течений, имеющих целью дискриминацию, отделение или уничтожение других лиц по признаку расы, национальности, религии, пола. Так, среди подростков сегодня распространена субкультура неонацистов, признанная экстремистской идеология арестантского уголовного единства («АУЕ»).

Другим примером могут служить признанная экстремистской организация «Мужское государство» и противостоящие ей интернет-сообщества радикальных феминисток; в обоих случаях ненависть является системообразующим началом и основным идентификационным отличием.

Фактически у любого гражданина, имеющего доступ к Интернету, есть возможность столкнуться с экстремистской идеологией, что означает потенциальную легкость привлечения целевой аудитории для той или иной экстремистской структуры. При этом сохранение анонимности, ослабление социального контроля и чувство безнаказанности пользователя будут способствовать усвоению антиобщественных установок. В данном контексте проблема выявления лиц, подверженных экстремистской пропаганде, требует подробного изучения.

Клинические исследования экстремизма и терроризма являются относительно молодой и недифференцированной областью, включающей как маломас-

штабные количественные исследования, которым не хватает глубокого клинического анализа, так и качественные исследования отдельных случаев (кейсов) без достаточно масштабной и научно-доказательной эмпирической и концептуальной базы [2].

В диагностике экстремистских тенденций личности существует ряд сложностей.

Во-первых, при отсутствии доказательств совершения противоправных действий затруднительно достоверно определить степень исходящей от личности потенциальной угрозы.

Во-вторых, формально не стандартизированы паттерны поведения для выявления так называемой когнитивной радикализации, приводящей к насильственным действиям.

В-третьих, попытки оценить риски с помощью экспертов отягощены субъективными интерпретациями кейсов со стороны последних. Так, специалисты по безопасности во многом обосновывают свои оценки риска собственными «внутренними ощущениями» или интуицией [28].

Следует отметить, что исследование данного феномена осложняется тем, что носители идеологии — экстремисты и террористы — представляют собой группу, неоднородную по составу и мотивам. В настоящее время на основе изучения разных экстремистских групп накоплен внушительный эмпирический материал, однако выявленные признаки, объединяющие экстремистов, можно назвать неспецифическими. Так, психологическая готовность оправдывать насилие, нарушение правил связывается исследователями с условиями жизни: длительным пребыванием в вооруженных конфликтах, подверженности репрессиям, — то есть, гетерогенную группу вовлеченных в экстремизм лиц объединяет социальное положение и соответствующие настроения [17]. Другими неспецифическими признаками экстремиста названы психологическая уязвимость [9], негативизм [25] и готовность личности к насильственным радикальным актам [20].

Столь же косвенным подтверждением гетерогенности личностных свойств экстремистов является внушительное разнообразие движущих мотивов насильственных актов, совершаемых смертниками, поддающееся только самым поверхностным обобщениям, но и позволяющее выделить мотивы социальных обязательств, идеологические и личные мотивы [3].

Однако проблемы диагностики экстремистских тенденций распространяются и на область методологии. В настоящее время определение экстремизма в зарубежной психологии отличается высокой степенью неопределенности и дискуссионности [26]. Так, в части работ объектом исследования является «насильственный экстремизм», определение которого, как правило, не дается в явном виде, но описывается как «участие в социальных движениях, бунтах и достижение индивидуальных целей при помощи насилия» [27]. Более того, термин «экстремизм» может использоваться как синоним терроризма и радикализации [9].

Психологические теории экстремизма представляют собой крайне редкое явление. Однако А.В. Круглански и соавторы ставят перед собой задачу построения такой теории и определяют экстремизм как мотивированное отклонение от общих поведенческих норм, являющееся результатом перехода от умеренности (сбалансированного удовлетворения основных человеческих потребностей) к мотивационному дисбалансу, при котором данная потребность доминирует над другими [27].

В последнее десятилетие внимание исследователей привлекает взаимодействие между психологическими факторами и экстремизмом [9]. Как правило, в качестве объекта исследования выступает экстремизм (или насильственный экстремизм), тогда как предметом исследования оказываются факторы экстремизма, составляющие те или иные психологические категории: психологическая уязвимость [9], относительная депривация [14], иррациональные убеждения, черты личности [12] и другие. В целом, при изучении факторов экстремизма рассматривают психологические [9; 20; 25], социальные и политические факторы [17; 25], а также их сочетания [9].

В некоторых работах предметом исследования выступает радикализация. В определении радикализации также существуют разночтения. Так, Р. Борум подчеркивает, что экстремизм не всегда влечет за собой насильственные действия, поэтому делает акцент на его когнитивном компоненте: радикализация — это «... процесс развития экстремистских идеологий и убеждений» [6, с. 2]. В то же время, осуществляя концептуализацию данного понятия в терминах рационально-эмотивно-поведенческой терапии (РЭПТ), С. Трип определяет радикализацию как «процесс развития экстремистских убеждений, эмоций и поведения» [20]. Как видим, в данном случае рассматриваются когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты явления, что позволяет наметить направления профилактики или, при необходимости, психологической коррекции в русле РЭПТ.

С позиций социальной психологии Л. Смит и соавторы определяют радикализацию как «... процесс групповой социализации, посредством которого люди развивают отождествление с набором норм», уточняя, что данные нормы могут быть насильственными или ненасильственными». Специфику радикализации опосредуют «... определенные социальные взаимодействия, усиливающие общие представления и опыты» [23].

Как видим, исследования экстремизма через радикализацию сталкиваются с разночтениями, обусловленными разнонаправленностью психологических подходов. При этом использование термина «радикализация» позволяет сделать акцент на том, что исследуется психологический механизм, за счет которого личность постепенно приходит к одобрению насильственных действий или участию в них.

В целом, устоявшегося определения понятия «экстремизм» нет, при этом методологию будет определять

сфера применения результатов исследования. По мнению авторов настоящей статьи, высокую практическую значимость имеет профилактическое направление: выявление групп риска, которые с высокой вероятностью могут быть вовлечены в ту или иную экстремистскую идеологию. Определение психологических факторов, связанных с экстремизмом, позволит составить программы для оказания психологической помощи. Поскольку авторы планируют диагностировать экстремистские тенденции в первую очередь у старших школьников, то в определении экстремизма следуют за А.Н. Харпиквен, изучающей подростковый и юношеский экстремизм. Таким образом, в настоящем исследовании авторы будут опираться на нижеследующие определения. **Экстремизм** — результат, к которому привели определенные факторы, связанные с психологической уязвимостью личности [9]. Для личности, не вовлеченной в экстремизм, но находящейся в группе риска, по нашему мнению, уместно использовать термин «экстремистские тенденции». **Экстремистские тенденции личности** — это мера выраженности психологических факторов экстремизма, которые включают: одиночество; признаки депрессивности; декларирование превосходства; дегуманизацию окружающих; привлекательность темы насилия; антиобщественные настроения. Задача диагностики экстремистских тенденций требует рассмотреть уже существующие методики, которые отвечают определенным нами критериям и применяются в исследованиях экстремизма или радикализации. Разработано множество психодиагностических инструментов для выявления лиц, подверженных риску участия в террористических и экстремистских актах насилия [22]. Данные инструменты различаются по количеству и типу тестируемых потенциальных факторов риска.

Цель исследования, результаты которого обсуждаются в этой статье, — проанализировать имеющиеся в зарубежных источниках психологические методы измерения экстремистских тенденций, дать описание этим методам, определить и сформулировать их преимущества и ограничения, выделить базовые критерии определения экстремистских тенденций.

Анализ методов диагностики экстремистских тенденций

Анкетирование и интервьюирование распространены в наибольшей степени. Структура данных методов меняется в зависимости от специфики организации, проводящей тестирование, и от возрастных, этнокультурных, иных особенностей респондентов [11].

Основные недостатки анкеты — сложность проверки информации на достоверность, легкость обмана со стороны исследуемого. Так, при анкетировании респонденту не составляет труда догадаться, как следует отвечать, чтобы не вызвать подозрений.

Как показывает практика, **Анкеты** подходят для использования в анонимных исследованиях, имеющих

целью оценку распространенности в определенной группе экстремистских идей, но малоэффективны при индивидуальном применении. Возможность широко варьировать вопросы и круг затрагиваемых тем позволяют учитывать данный метод как полностью отвечающий критериям экстремистских тенденций.

Интервьюирование (в том числе, с элементами допроса) более совершенно с точки зрения оценки правдивости информации, получаемой от респондента: у интервьюера есть возможность проверить респондента на ложь, варьируя список вопросов, повторяя вопросы, обращая внимание на вегетативные и моторные реакции сильного волнения, беспокойства. Однако проводимые интервью подвержены известным недостаткам, привносимым субъективностью исследователя: восприятие ответов респондентов как абсолютно правдивых, упущение важных теоретических выводов, нивелирование значимости одних данных и преувеличение других [13]. Метод позволяет получить богатый эмпирический материал при работе с рядовыми гражданами [10] и имеет свою специфику при работе с лицами, осужденными за преступления экстремистской направленности [13].

Таким образом, интервью имеет преимущества перед анкетированием, когда проводится очно, и респондент заранее не знает список вопросов, однако данный метод предъявляет высокие требования к исследователю, которому необходимо критически относиться к ответам респондента и научной строгости анализа данных.

Не менее популярным в зарубежной психологии для диагностики психологических характеристик, связанных с экстремизмом, является метод тестирования в разных его проявлениях. Обратимся к анализу конкретных методик.

Шкала правого авторитаризма The Right-Wing Authoritarianism Scale (RWA Scale)

Опросник «Шкала правого авторитаризма» Б. Альтемейер (Канада, 2006) достаточно часто применяется в психологической практике и представляет собой измерение трех взаимосвязанных черт авторитаризма: 1) конвенционализма — степени приверженности индивида традициям и социальным нормам, установленным властями или принятыми в обществе; 2) авторитарной агрессии — склонности индивида к агрессивности против всех, кто неугоден власти; 3) авторитарного подчинения — склонности индивида подчиняться легитимной власти [21]. Опросник соответствует следующим критериям экстремистских тенденций: декларирование превосходства, дегуманизация окружающих. При заполнении опросника респонденты отвечают на ряд утверждений по девятибалльной шкале в диапазоне от категорического несогласия (-4) до категорического согласия (+4). Шкала обладает высокой ретестовой надежностью и надежностью-

согласованностью, а также конструктивной валидностью. Подтверждены положительные корреляции между правым авторитаризмом и ригидностью у мужчин, групповым доминированием, поддержкой иерархических социальных структур, догматизмом, нетерпимостью к двусмысленности и отсутствием открытости к опыту [21]. По другим данным, правый авторитаризм личности коррелирует с доверием к правым лидерам, склонностью оправдывать злоупотребления и нелегальные действия власти; при этом были получены высокие показатели корреляционных связей, которые варьируются в пределах 0,7—0,85, что подтверждает внутреннюю валидность методики [1].

Таким образом, опросник «Шкала правого авторитаризма» предназначен в первую очередь для выявления тенденций к политическому экстремизму у личности, стремления к доминированию и социальному превосходству, что ограничивает сферу его применения (например, в выявлении склонности к религиозному экстремизму).

Шкала намерений активизма и радикализма Activism-Radicalism Intentions Scale (ARIS)

Разработанная С. Москаленко и К. МакКоли (США, 2009) шкала намерений активизма и радикализма (ARIS) измеряет готовность идти на жертвы ради группы или дела, что позволяет изучать процесс перехода от политических установок и убеждений к политическим действиям, включая политическое насилие и терроризм [16]. Данная шкала соответствует следующим критериям экстремистских тенденций: привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения.

Шкала намерений активизма оценивает готовность участвовать в легальных и ненасильственных политических акциях, шкала намерений радикализма оценивает готовность участвовать в незаконных или насильственных политических акциях. В методике представлено 4 вопроса для диагностики активизма и 6 вопросов — для радикализма. Каждый вопрос оценивается по шкале Лайкерта от 1 до 7, где 1 — совсем не важно, а 7 — чрезвычайно важно. Отмечается, что придание значимости групповым жалобам усиливает индивидуальное намерение участвовать в будущем активистском поведении, при этом ни одна из демографических переменных, включая возраст, пол, уровень образования и расу, не связана с показателями активности или радикализма [15].

По результатам измерения психометрических параметров методики и выраженности активизма и радикализма в условиях тюремного заключения, шкала обладает хорошей ретестовой надежностью, конструктивной и критериальной валидностью [5]. Выборка для проверки психометрических свойств была представлена количеством около 700 человек разного пола, возраста и расы. Важно подчеркнуть, что основная группа

исследуемых (заключенные) сама по себе уже является критерием для подтверждения критериальной валидности, поскольку они участвовали в нарушении закона, а группа сравнения была представлена студентами. Показатели корреляционных связей, подтверждающих конструктивную валидность методики, являются достаточно высокими и варьируются в пределах 0,59—0,91. Согласно проведенному нами анализу недостатком данной методики можно считать узкую политическую направленность, предполагающую, прежде всего, оценку политических намерений респондентов и не уделяющей должного внимания иным проявлениям нетерпимости. Другим недостатком являются достаточно прозрачные и очевидные вопросы, которые могут исказить реальную картину выраженности активизма и радикализма.

Рекомендации по рискам экстремизма Extremism Risk Guidelines (ERG22+)

Национальная Служба по борьбе с правонарушителями Великобритании в 2011 г. создала методику Extremism Risk Guidelines (ERG22+), предназначенную для использования с людьми, осужденными за любое экстремистское или связанное с экстремизмом преступление [18]. ERG22+ отвечает следующим критериям экстремистских тенденций: привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения.

Методика состоит из 22 факторов, сгруппированных по трем сферам: 1) Engagement / Вовлеченность (участие) — факторы, указывающие на вовлеченность человека в идеологию и усиление заинтересованности в принадлежности к экстремистской группе («потребность в исправлении несправедливости», «потребность доминировать над другими», «восприимчивость к идеологической проработке» и др., всего 13 факторов); 2) Intent / Намерение — факторы, характеризующие готовность человека использовать насилие или незаконные средства для достижения экстремистских целей («дегуманизация врага», «опасные методы для достижения цели», «взгляды, оправдывающие правонарушения», и др., всего 6 факторов); 3) Capability / Способность (возможность) — факторы, определяющие способность человека причинить вред другим от имени группы (3 фактора: «личные знания, навыки, компетенции», «доступ к сетям (связям), финансированию, оборудованию», «криминальная история»). Каждый фактор оценивается и регистрируется как «сильно присутствующий», «частично присутствующий» и «не присутствующий» [19].

Таким образом, ERG22+ анализирует личные, ситуационные факторы и обстоятельства, способствующие вовлечению индивида в экстремистскую группу, идеологию и его способность к правонарушениям. Недостатком ERG22+ является обязательное наличие у респондента судимости, что ограничивает круг применения методики: нет возможности определить тенден-

ции к экстремизму, выявляя группы риска. Кроме того, применение метода возможно только квалифицированным экспертом в области судебной деятельности.

В настоящее время ERG22+ совершенствуется, 22 фактора прорабатываются и подробно изучаются экспертами, улучшающими содержательную валидность методики. Также ряд исследований выявил уровень показателей надежности и конструктивной валидности от среднего до высокого, но не для всех факторов. Вероятно, в дальнейшем ERG22+ расширит свои возможности, а выделенные 22 фактора могут стать основой для разработки опросника [18; 19]. ERG 22+ является перспективным инструментом формулирования рисков и потребностей для экстремистских преступников, который может быть адаптирован под специфику исследуемого контингента.

Руководство для выявления лиц, уязвимых к насильственному экстремизму Identifying Vulnerable People (IVP) Guidance

Еще одним вариантом оценки экстремистских тенденций по разработанному руководству является Identifying Vulnerable People (IVP) Guidance (Руководство для выявления лиц, уязвимых к насильственному экстремизму), состоящее из 16 критериев (Великобритания, 2009). Данные критерии соответствуют сформулированным авторами признакам экстремистских тенденций, за исключением признака «признаки депрессивности», который является специфичным для выборки молодежи, не вовлеченной в экстремизм.

Критерии основаны на анализе материалов из открытых источников о британских мусульманах, задействованных в террористических преступлениях. Данное руководство было разработано с целью профилактики экстремизма и выявляет тенденции к уязвимости, внушаемости и возможности вступления в экстремистские организации. Основная цель такой диагностики — профилактика, чтобы эти люди смогли получить поддержку и помощь при проблемах во взаимодействии с семьей, сверстниками, религиозными организациями. По мнению авторов документа, наличие даже одного признака/критерия (фактора риска) уже служит поводом для профилактической работы.

16 критериев разделены в зависимости от выраженности уязвимости личности к насильственному экстремизму. Так, «красными» критериями, указывающими на необходимость особого внимания, являются: тема смерти в речи, членство в экстремистской группе, контакты с известными вербовщиками/экстремистами, продвинутый уровень военизированной подготовки, участие в боевых действиях за рубежом. Примеры других критериев — культурная и/или религиозная изоляция, изоляция от семьи, рискованное поведение, внезапное изменение религии, агрессивная (жесткая) речь, отрицательное влияние сверстников, изолированная группа сверстников, риторика ненависти,

политическая активность, базовая военизированная подготовка, поездка/проживание за границей.

Исследование на выборке лиц, совершивших противоправные действия экстремистского характера, показало невысокий уровень прогностической валидности [4]. Так, на основе анализа литературы по экстремизму авторами Руководства были выделены критерии IVP, после чего они были сопоставлены с данными выборки из 89 человек, о которых было достоверно известно, что они участвовали или совершали акты насильственного экстремизма. Был сделан вывод, что критерии не прошли валидизацию в качестве психометрической меры риска насильственного экстремизма. Однако исследователи располагали только информацией об испытуемых, которая была доступна в сети Интернет, что могло сказаться на результатах.

В настоящее время применение метода требует строгого контроля соответствующими структурами, поскольку возможны неэтичные и некорректные действия, например, соотнесение респондента с террористом и применение к нему карательных мер. С другой стороны, В. Иган и соавторы считают IVP единственным идеологически нейтральным инструментом для выявления подобной уязвимости, доступным для общестественности. Как полагают исследователи, если цель применения IVP — превентивные меры, он может применяться как специалистами, так и школьными учителями, медицинскими работниками, полицейскими [4].

Шкала «Воинствующее экстремистское мировоззрение» Militant Extremist Mindset (MEM) Scale

Методика Militant Extremist Mindset (MEM) Scale разработана группой авторов для диагностики радикального экстремистского мировоззрения (Австралия, 2010). Данный опросник отвечает таким критериям экстремистских тенденций, как декларирование превосходства, дегуманизация окружающих, привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения [24].

Опросник прошел тщательную процедуру разработки, первичная версия методики имела 56 айтемов, построенных на основе 20 тем, отобранных из первичного (труды различных экстремистских и террористических групп) и вторичного (психологические, исторические и литературные описания поведения экстремистов) материалов. Примеры таких тем — «пуританство», «готовность к самопожертвованию», «вера в жизнь и вознаграждение после смерти», «нетерпимость к разным взглядам», «цинизм по отношению к традиционной этике» и т. д. Впоследствии данные темы были объединены в 3 основных фактора: Nastiness/Озлобленность (утверждения связаны с насилием, войной, вооруженной борьбой, террором и убийством), Grudge / Недовольство (айтемы отражают общую неудовлетворенность условиями в современном мире, «мир гнусен и несчастен», «мир движется к разрушению») и Excuse /

Оправдание (утверждения, направленные на оправдания жестоких поступков, снисходительное к ним отношение, «божественная сила»). В дальнейшем 56 утверждений, пройдя тщательный факторный анализ, преобразовались в 24 айтема. Полученные результаты свидетельствуют о хорошем уровне содержательной валидности, над которой работали не только группа разработчиков методики, но и представители исследователей экстремистских тенденций в других странах (США, Сербия, Норвегия) [8]. Объем выборки для проверки психометрических данных опросника составил более 2000 человек из разных стран, что позволило изучить подробно не только конструктивную, но и критериальную валидность (сопоставить данные не только с такими критериями, как пол, возраст, но и национальность, религия, политическая обстановка в разных странах). Разработчиками приводятся умеренные показатели конвергентной валидности, в рамках определения которой изучались социальные установки, социальные нормы и социальные ценности респондентов и их корреляции со шкалами MEM. В дальнейшем методика вновь подтвердила свою конструктивную валидность в ходе исследования, проведенного на выборке более 500 человек. Показатели по шкалам MEM были сопоставлены с методиками, измеряющими экстремистские тенденции и особенности личности в целом (Ten Item Personality Inventory, являющейся одной из версий Большой Пятерки (Big Five), Self-Monitoring Scale, Personality Disorders Questionnaire, Self-Evaluations) [8].

Одним из явных достоинств MEM Scale является ее разнонаправленность: она затрагивает сразу несколько видов экстремизма, расширяя область ее применения.

И все же недооценка культурного аспекта приводит к тому, что респонденты, проживающие в странах, где влияние религии на общество крайне велико, наберут высокий балл по фактору «божественной силы» (Excuse). Также следует отметить, что утверждения в опроснике являются достаточно прямыми, что может исказить реальную картину мнений респондентов о мыслях и действиях экстремального характера. В целом, данная методика является хорошим и тщательно проработанным психодиагностическим инструментом, способным выявить лиц разного возраста с экстремистским мышлением и поведением.

Заключение

Данный обзор был направлен на систематизацию имеющихся в зарубежной практике методов выявления экстремистских тенденций, лояльности и готовности к экстремизму. Полученные на основании проведенного теоретического анализа данные обобщены в виде сводной таблицы (табл. 1). Основными критериями ее формирования выступили: *предмет исследования* (что конкретно измеряет методика и каким образом, вообще и в контексте экстремистских тенденций); *форма вопросов* (как выглядит методика, какие в ней заложены виды вопросов по форме, относится ли вообще методика к опросным методам); *информация о психометрических параметрах методики* (какие виды надежности и валидности определены и насколько полно и корректно); *ограничения психодиагностического инструмента* (недостатки методики при использовании ее на практике).

Таблица 1

Анализ зарубежных методик для диагностики экстремистских тенденций

Методика	Описание методики: предмет исследования, количество утверждений, система оценки	Форма вопросов / утверждений	Психометрические параметры	Ограничения методики
RWA-Scale	<i>Предмет:</i> авторитаризм в трех чертах: конвенционализм, авторитарная агрессия, авторитарное подчинение в рамках политического экстремизма. <i>Исследуемые критерии экстремистских тенденций:</i> декларирование превосходства, дегуманизация окружающих. <i>Количество утверждений:</i> long form — 30, short form — 22. <i>Система оценки:</i> Оценивается исследуемыми по шкале Лайкерта от -4 до +4	Прямые и косвенные утверждения, не всегда понятно в утверждениях, чего именно хочет знать исследователь, с каким конструктом соотносится то или иное утверждение	Высокие показатели надежности, содержательной и конструктивной валидности; низкий уровень конкурентной валидности	Вероятна социальная желательность при ответах на вопросы, узконаправленность измерения экстремистских тенденций; экстремизм = авторитаризм
ARIS	<i>Предмет:</i> активизм и радикализм (готовность жертвовать ради группы или дела, готовность участвовать в незаконных или насильственных политических акциях); <i>Исследуемые критерии экстремистских тенденций:</i> привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения. <i>Количество утверждений:</i> 10. <i>Система оценки:</i> оценивается исследуемыми по шкале Лайкерта от 1 до 7	Вопросы очень прямые, конструкт методики прозрачен и очевиден	Хорошие показатели надежности, конструктивной и критериальной валидности	Возможна неискренность даваемых ответов, ввиду прямых форм вопросов, узконаправленность измерения экстремистских тенденций, выраженная политическая направленность, оценка политических намерений

Методика	Описание методики: предмет исследования, количество утверждений, система оценки	Форма вопросов / утверждений	Психометрические параметры	Ограничения методики
ERG22+	<i>Предмет:</i> экстремизм и его проявления в вовлеченности намерениях и способности к противоправным действиям. <i>Исследуемые критерии экстремистских тенденций:</i> привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения. <i>Количество критериев:</i> 22. <i>Система оценки:</i> оценивается квалифицированными экспертами по наличию или отсутствию критерия: «сильно присутствующие», «частично присутствующие» и «не присутствующие»	Отсутствие вопросов и утверждений, наличие критериев в оценке поведения	Высокие показатели надежности—согласованности, средние показатели конструктивной и содержательной валидности, но не по всем факторам. Методика находится в процессе валидации	Не выявляет тенденции к экстремизму, направлена на диагностику людей, уже совершивших экстремистское правонарушение
IVP	<i>Предмет:</i> уязвимость к насильственному экстремизму, тенденции к экстремизму. <i>Исследуемые критерии экстремистских тенденций:</i> одиночество, декларирование превосходства, дегуманизация окружающих, привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения. <i>Количество критериев:</i> 16. <i>Система оценки:</i> по наличию или отсутствию критерия, оценивается специалистами	Отсутствие вопросов и утверждений, наличие критериев в оценке поведения	Невысокие показатели психометрических свойств, ввиду недостатка информации о личности испытуемых, осужденных за противоправные действия экстремистского характера, что осложняет их проверку	Размытые данные о психометрических параметрах
MEMS	<i>Предмет:</i> экстремистское мировоззрение. <i>Исследуемые критерии экстремистских тенденций:</i> декларирование превосходства, дегуманизация окружающих, привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения. <i>Количество утверждений:</i> 24. <i>Система оценки:</i> шкала Лайкерта от 1 до 5	Прямые утверждения, но соотносятся не с исследуемым, а с его мнением относительно чего-то или кого-то	Методика прошла тщательную процедуру разработки, хорошие показатели содержательной, критериальной и конструктивной валидности	Отсутствие шкалы лжи

Разумеется, представленный нами перечень методик не является исчерпывающим для современной зарубежной психодиагностики экстремистских тенденций. Существуют методы, посвященные оценке факторов риска предрасположенности к терроризму (Horgan's predisposing risk factors for involvement in terrorism, VERA-2), опросники со шкалами, направленными на конкретную группу респондентов и выявляющими отдельные проявления экстремизма (Intra-Textual Fundamentalism scale — ITFS, разработана Вильямсом и Ахмадом; Islamic fundamentalism scale — IFS, разработана Putra, Sucabdi), и протоколы, используемые в судебной практике для допросов подозреваемых и обвиняемых в экстремизме лиц. Тем не менее, вышеперечисленные методики определяют не все критерии экстремистских тенденций, что не позволяет правильно делать диагностические выводы.

На основании проведенного теоретического анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, авторами настоящей статьи были разведены и тщательно проанализированы понятия экстремизма и радикализации личности, что показало их размытость и отсутствие полного понимания личного профиля экстремиста, что ставит под сомнение возможность его диагностики. Поэтому мы предлагаем определение экстремистских тенденций, которое, в отличие от понятия экстремизма, имеет критериальную основу, увеличивающую потенциальность их измерения.

Во-вторых, основной проблемой проанализированных методик является наличие прямых по форме вопросов, это искажает получаемую с их помощью информацию об исследуемых. Прямой вопрос является малоэффективным средством, поскольку его прямота, прозрачность и очевидность позволяют респондентам (в том числе лицам, симпатизирующим экстремистам) избегать честных ответов, не раскрывая свои мысли, чувства и действия, что снижает диагностические возможности таких способов оценки.

В-третьих, составлена таблица, в которой представлен сравнительный критериальный анализ методик. Как показало сравнение, в данных методиках предмет измерения представлен не всеми критериями экстремистских тенденций личности, только Identifying Vulnerable People (IVP) Guidance диагностирует большее количество критериев. Однако данная методика является руководством для специалистов и имеет очень размытую информацию о психометрических свойствах. Такой способ оценки является перспективным для осуществления превентивных мер экстремизма; но представленные в руководстве критерии оценивания поверхностны, при этом специалист (или школьный учитель, преподаватель, медицинский работник, полицейский) не всегда может располагать всей информацией об исследуемом. Таким образом, полученные результаты указывают на острую необходимость разработки интегративной методики психологической диагностики экстремистских тенденций личности.

Литература

1. *Бызов А.А.* Шкала правого авторитаризма личности: оценка психометрических свойств на примере студенческой выборки [Электронный ресурс] // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. № 45. С. 72—102. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/5919> (дата обращения: 17.02.2022).
2. *Al-Attar Z.* Extremism, radicalisation & mental health [Электронный ресурс]: Handbook for Practitioners. RAN Mental Health Working Group, 2019. 43 p. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/ran-hsc-handbook-extremism-radicalisation-mental-health-handbook-practitioners-november-2019_en (дата обращения: 12.07.2021).
3. *Bélanger J.J.* The Rise and Fall of Violent Extremism: The Science behind Community-based Interventions // The Motivation-Cognition Interface / Eds. C.E. Kopetz, A. Fishbach. New York: Routledge, 2017. P. 152—177. DOI:10.4324/9781315171388-8
4. Can you identify violent extremists using a screening checklist and open-source intelligence alone? / V. Egan, J. Cole, B. Cole, L. Alison, E. Alison, S. Waring, S. Elntib // Journal of Threat Assessment and Management. 2016. № 3 (1). P. 21—36. DOI:10.1037/tam0000058
5. *Decker S.H., Pyrooz D.C.* Activism and Radicalism in Prison: Measurement and Correlates from a Large Sample of Inmates in Texas // Justice Quarterly. 2019. Vol. 36. № 5. P. 787—815. DOI:10.1080/07418825.2018.1462396
6. Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror — the German Contribution in a Context / D. Pisou, A. Zick, F. Srowig, V. Roth, K. Seewald // International Journal of Conflict and Violence. 2020. Vol. 14. № 2. P. 1—12. DOI:10.4119/ijcv-3803
7. *Ferguson N., McCauley J.W.* Dedicated to the cause: Identity development and violent extremism // European Psychologist. 2021. № 26(1). P. 6—14. DOI:10.1027/1016-9040/a000414
8. *Furnham A., Horne G., Grover S.* Correlates of the Militant Extremist Mindset // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. Article ID 2250. 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.02250
9. *Harpviken A.N.* Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review // Adolescent Research Review. 2020. № 5. P. 1—26. DOI:10.1007/s40894-019-00108-y
10. *Haugstvedt H.* Research Note: ‘How Can I Get Them Offstage?’ — Critical Reflections on a Researcher’s Approach to Qualitative Data Collection with Social Workers Involved in Preventing Violent Extremism in Norway [Электронный ресурс] // Journal for Deradicalization. 2020. № 23. P. 214—234. URL: <https://uis.brage.unit.no/uis-xmlui/handle/11250/2729301> (дата обращения: 17.02.2022).
11. Identifying Groups Vulnerable to Violent Extremism and Reducing Risks of Radicalisation [Электронный ресурс] / J. Stickings, M. Abaida, M. Nikolaishvili, S. Bakrania, A. Fisher. London: Department for International Development, 2019. 56 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5d7f5b7c40f0b61c7cd6ffe9/VE_REA_Identifying_and_intervening_with_at_risk_groups_Sept_2019_FINAL_with_Annex.pdf (дата обращения: 18.02.2022).
12. Irrational Beliefs and Personality Traits as Psychological Mechanisms Underlying the Adolescents’ Extremist Mind-Set / S. Trip, M.I. Marian, A. Halmajan, M.I. Drugas, C.H. Bora, G. Roseanu // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Article ID 1184. 12 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01184
13. *Khalil J.* A Guide to Interviewing Terrorists and Violent Extremists // Studies in Conflict & Terrorism. 2019. Vol. 42. № 4. P. 429—443. DOI:10.1080/1057610X.2017.1385182
14. *Kunst J.R., Obaidi M.* Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 35. P. 55—59. DOI:10.1016/j.copsy.2020.03.010
15. *McCauley C.* Predictors of Activism and Radicalism: past activism, past radicalism and grievance against the government [Электронный ресурс]. Charlottesville: Center for Open Science, 2015. 429 p. URL: <https://archive.org/details/osf-registrations-xnh73-v1> (дата обращения: 18.02.2022).
16. *Moskalenko S., McCauley C.* Measuring Political Mobilization: The Distinction Between Activism and Radicalism // Terrorism and Political Violence. 2009. Vol. 21. № 2. P. 239—260. DOI:10.1080/09546550902765508
17. *Nivette A., Eisner M., Ribeaud D.* Developmental Predictors of Violent Extremist Attitudes: A Test of General Strain Theory // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2017. Vol. 54. № 6. P. 755—790. DOI:10.1177/0022427817699035
18. *Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D.* An Examination of the Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): A Structured Formulation Tool for Extremist Offenders // Terrorism and Political Violence. 2019. Vol. 33. № 6. P. 1141—1159. DOI:10.1080/09546553.2019.1598392
19. *Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D.* The Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): a structured formulation tool for extremist offenders [Электронный ресурс] / Ministry of Justice. 2019. 17 p. (Ministry of Justice Analytical Series). // GOV.UK. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/816507/the-structural-properties-of-the-extremism-risk-guidelines-ERG22.pdf (дата обращения: 18.02.2022).
20. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization / S. Trip, C.H. Bora, M. Marian, A. Halmajan, M.I. Drugas // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Article ID 437. 8 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00437

21. Saunders B., Ngo J. The Right-Wing Authoritarianism Scale // Encyclopedia of Personality and Individual Differences / Eds. V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. Berlin: Springer International Publishing, 2017. P. 1—4. DOI:10.1007/978-3-319-28099-8_1262-1
22. Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments // Plos One. 2016. Vol. 11. № 12. Article ID e0166947. 19 p. DOI:10.1371/journal.pone.0166947
23. Smith L.G.E., Blackwood L., Thomas E.F. The Need to Refocus on the Group as the Site of Radicalization // Perspectives on Psychological Science. 2019. Vol. 15. № 2. P. 327—352. DOI:10.1177/1745691619885870
24. Stankov L., Saucier G., Knezevic G. Militant Extremist MindSet: Proviolence, Vile World, and Divine Power // Psychological assessment. 2010. Vol. 22. № 1. P. 70—86. DOI:10.1037/a0016925
25. The biological roots of political extremism: Negativity bias, political ideology, and preferences for political news / J.R. Keene, H. Shoenberger, C.K. Berke, P.D. Bolls // Politics and the Life Sciences. 2017. Vol. 36. № 2. P. 37—48. DOI:10.1017/pls.2017.16
26. The Three Ps of Radicalization: Push, Pull and Personal. A Systematic Scoping Review of the Scientific Evidence about Radicalization Into Violent Extremism / M. Vergani, M. Iqbal, E. Ilbahar, G. Barton // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. Vol. 43. № 10. P. 1—10. DOI:10.1080/1057610X.2018.1505686
27. To the fringe and back: Violent extremism and the psychology of deviance [Электронный ресурс] / A.W. Kruglanski, K. Jasko, M. Chernikova, M. Dugas, D. Webber // American Psychologist. 2017. Vol. 72. № 3. P. 217—230. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315175867-9/fringe-back-arie-kruglanski-katarzyna-jasko-marina-chernikova-michelle-dugas-david-webber> (дата обращения: 18.02.2022).
28. Van de Weert A., Eijkman Q.A.M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2019. Vol. 11. № 3. P. 191—214. DOI:10.1080/19434472.2018.1457069

References

1. Byzov A.A. Shkala pravogo avtoritarizma lichnosti: otsenka psikhometricheskikh svoistv na primere studencheskoi vyborki [Elektronnyi resurs] [Right-wing authoritarianism: the estimation of the scale's psychometric qualities on a college student sample]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie = Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*, 2017, no. 45, pp. 72—102. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/5919> (Accessed 17.02.2022). (In Russ.).
2. Al-Attar Z. Extremism, radicalisation & mental health [Elektronnyi resurs]: *Handbook for Practitioners*. RAN Mental Health Working Group, 2019. 43 p. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/ran-hsc-handbook-extremism-radicalisation-mental-health-handbook-practitioners-november-2019_en (Accessed 12.07.2021).
3. Bélanger J.J. The Rise and Fall of Violent Extremism: The Science behind Community-based Interventions [Elektronnyi resurs]. In Kopetz C.E., Fishbach A. (eds), *The Motivation-Cognition Interface*. C.E. New York: Routledge, 2017, pp. 152—177. DOI:10.4324/9781315171388-8
4. Egan V., Cole J., Cole B., Alison L., Alison E., Waring S., Elntib S. Can you identify violent extremists using a screening checklist and open-source intelligence alone? *Journal of Threat Assessment and Management*, 2016, no. 3 (1), pp. 21—36. DOI:10.1037/tam0000058
5. Decker S.H., Pyrooz D.C. Activism and Radicalism in Prison: Measurement and Correlates from a Large Sample of Inmates in Texas. *Justice Quarterly*, 2019. Vol. 36, no. 5, pp. 787—815. DOI:10.1080/07418825.2018.1462396
6. Pisou D., Zick A., Srowig F., Roth V., Seewald K. Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror — the German Contribution in a Context. *International Journal of Conflict and Violence*, 2020. Vol. 14, no. 2, pp. 1—12. DOI:10.4119/ijcv-3803
7. Ferguson N., McCauley J.W. Dedicated to the cause: Identity development and violent extremism. *European Psychologist*, 2021, no. 26(1), pp. 6—14. DOI:10.1027/1016-9040/a000414
8. Furnham A., Horne G., Grover S. Correlates of the Militant Extremist Mindset. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11, article ID 2250, 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.02250
9. Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review [Elektronnyi resurs]. *Adolescent Research Review*, 2020, no. 5, pp. 1—26. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40894-019-00108-y> (Accessed 17.02.2022).
10. Haugstvedt H. Research Note: 'How Can I Get Them Offstage?' — Critical Reflections on a Researcher's Approach to Qualitative Data Collection with Social Workers Involved in Preventing Violent Extremism in Norway [Elektronnyi resurs]. *Journal for Deradicalization*, 2020, no. 23, pp. 214—234. URL: <https://uis.brage.unit.no/uis-xmlui/handle/11250/2729301> (Accessed 17.02.2022).
11. Stickings J., Abaida M., Nikolaishvili M., Bakrania S., Fisher A. Identifying Groups Vulnerable to Violent Extremism and Reducing Risks of Radicalisation [Elektronnyi resurs]. London: Department for International Development, 2019,

- 56 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5d7f5b7c40f0b61c7cd6ffe9/VE_REA_Identifying_and_intervening_with_at_risk_groups_Sept_2019_FINAL_with_Annex.pdf (Accessed 18.02.2022).
12. Trip S., Marian M.I., Halmajan A., Drugas M.I., Bora C.H., Roseanu G. Irrational Beliefs and Personality Traits as Psychological Mechanisms Underlying the Adolescents' Extremist Mind-Set. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. Article 1184. 12 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01184
13. Khalil J. A Guide to Interviewing Terrorists and Violent Extremists. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2019. Vol. 42, no. 4, pp. 429—443. DOI:10.1080/1057610X.2017.1385182
14. Kunst J.R., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation. *Current Opinion in Psychology*, 2020. Vol. 35, pp. 55—59. DOI:10.1016/j.copsyc.2020.03.010
15. McCauley C. Predictors of Activism and Radicalism: past activism, past radicalism and grievance against the government [Elektronnyi resurs]. Charlottesville: Center for Open Science, 2015. 429 p. URL: <https://archive.org/details/osf-registrations-xnh73-v1> (Accessed 18.02.2022).
16. Moskalenko S., McCauley C. Measuring Political Mobilization: The Distinction Between Activism and Radicalism. *Terrorism and Political Violence*, 2009. Vol. 21, no. 2, pp. 239—260. DOI:10.1080/09546550902765508
17. Nivette A., Eisner M., Ribeaud D. Developmental Predictors of Violent Extremist Attitudes: A Test of General Strain Theory. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2017. Vol. 54, no. 6, pp. 755—790. DOI:10.1177/0022427817699035
18. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. An Examination of the Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): A Structured Formulation Tool for Extremist Offenders. *Terrorism and Political Violence*, 2019. Vol. 33, no. 6, pp. 1141—1159. DOI:10.1080/09546553.2019.1598392
19. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. The Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): a structured formulation tool for extremist offenders [Elektronnyi resurs]. Ministry of Justice Analytical Series, 2019, 17 p. (Ministry of Justice Analytical Series). *GOV.UK*. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/816507/the-structural-properties-of-the-extremism-risk-guidelines-ERG22.pdf (Accessed 18.02.2022).
20. Trip S., Bora C.H., Marian M., Halmajan A., Drugas M.I. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10, article ID 437. 8 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00437
21. Saunders B., Ngo J. The Right-Wing Authoritarianism Scale. In Zeigler-Hill V., Shackelford T.K. (eds.), *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Berlin: Springer International Publishing, 2017, pp. 1—4. DOI:10.1007/978-3-319-28099-8_1262-1
22. Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments. *Plos One*, 2016. Vol. 11, no. 12, article ID e0166947, 19 p. DOI:10.1371/journal.pone.0166947
23. Smith L.G.E., Blackwood L., Thomas E.F. The Need to Refocus on the Group as the Site of Radicalization. *Perspectives on Psychological Science*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 327—352. DOI:10.1177/1745691619885870
24. Stankov L., Saucier G., Knezevic G. Militant Extremist MindSet: Proviolence, Vile World, and Divine Power. *Psychological assessment*, 2010. Vol. 22, no. 1, pp. 70—86. DOI:10.1037/a0016925
25. The biological roots of political extremism / J.R. Keene, H. Shoenberger, C.K. Berke, P.D. Bolls. *Politics and the Life Sciences*, 2017. Vol. 36, no. 2, pp. 37—48. DOI:10.1017/pls.2017.16
26. Vergani M., Iqbal M., Ibbahar E., Barton G. The Three Ps of Radicalization: Push, Pull and Personal. A Systematic Scoping Review of the Scientific Evidence about Radicalization Into Violent Extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2020, Vol. 43, no. 10, pp. 1—10. DOI:10.1080/1057610X.2018.1505686
27. Kruglanski A.W., Jasko K., Chernikova M., Dugas M., Webber D. To the fringe and back: Violent extremism and the psychology of deviance [Elektronnyi resurs]. *American Psychologist*, 2017, Vol. 72, no. 3, pp. 217—230. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315175867-9/fringe-back-arie-kruglanski-katarzyna-jasko-marina-chernikova-michelle-dugas-david-webber> (Accessed 18.02.2022).
28. Van de Weert A., Eijkman Q.A.M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2019, Vol. 11, no. 3, pp. 191—214. DOI:10.1080/19434472.2018.1457069

Информация об авторах

Эльзесер Анастасия Сергеевна, преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

Капустина Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>, e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Жданова Дарья Евгеньевна, студентка 3-го курса факультета общественного здоровья, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1173-0124>, e-mail: melissa2000@bk.ru

Кадыров Руслан Васитович, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>, e-mail: rusl-kad@yandex.ru

Information about the authors

Anastasiya S. Elzesser, Lecturer at the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

Tatyana V. Kapustina, PhD in Psychology, Lecturer at the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>, e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Darya E. Zhdanova, 3rd year student of the Faculty of Public Health, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1173-0124>, e-mail: melissa2000@bk.ru

Ruslan V. Kadyrov, PhD in Psychology, Associate professor, Head of the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>, e-mail: rusl-kad@yandex.ru

Получена 09.02.2021

Принята в печать 15.07.2021

Received 09.02.2021

Accepted 15.07.2021

Как узнать, кто и почему (не)одобряет войну? Современные исследования отношения к войне

Неврюев А.Н.

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
(ФГОБУ ВО «Финуниверситет»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru*

Сариева И.Р.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru*

В статье представлен обзор современных исследований отношения к войне у жителей разных стран. Дано определение отношения к войне, описаны история и методы (психологические и социологические, количественные, качественные и экспериментальные) его изучения, а также показана взаимосвязь с социально-демографическими, средовыми и психологическими переменными. Выделены индивидуально-психологические (личностные черты, мотивация, психологическое благополучие) и социально-психологические (идеологические предпочтения, социальные верования и гражданская идентичность) корреляты отношения к войне. Приводятся выводы, демонстрируются ограничения и перспективы будущих исследований.

Ключевые слова: отношение к войне, методы исследования, индивидуально-психологические корреляты, социально-психологические корреляты.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-113-50270.

Для цитаты: Неврюев А.Н., Сариева И.Р. Как узнать, кто и почему (не)одобряет войну? Современные исследования отношения к войне [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110108>

How do you know who (dis)approves of war and why? Modern Studies of Attitudes to War

Andrey N. Nevryuev

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru*

Irena R. Sarieva

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru*

The article provides an overview of contemporary research on attitudes towards war among residents of different countries. The definition of the attitude to war is given, history and methods (psychological and sociological, quantitative, qualitative and experimental) of the study are described, as well as the relationship with socio-demographic, environmental and psychological variables. The individual psychological (personality traits, motivation, psychological well-being) and socio-psychological (ideological preferences, social beliefs and national identity) correlates of attitudes towards war are distinguished. Conclusions are given, limitations and prospects for future research are demonstrated.

Keywords: attitude toward war, research methods, individual psychological correlates, social psychological correlates.

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 20-113-50270.

For citation: Nevryuev A.N., Sarieva I.R. How do you know who (dis)approves of war and why? Modern Studies of Attitudes to War. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110108> (In Russ.).

CC BY-NC

Введение

На протяжении всей истории человечества конфликты являются неотъемлемой частью взаимодействия между различными социальными группами. Люди, которые проживают в разных странах или внутри одной страны, используют разные способы взаимодействия друг с другом для разрешения таких конфликтов. Это могут быть как мирные переговоры, так и военные действия. Участие в военном конфликте или наблюдение за ним может стать для человека значимым травмирующим событием в жизни, которое запоминается лучше других и закладывает определенное отношение к войне [33]. Такое отношение может быть как отрицательным, так и положительным, в том числе у широких масс людей [8]. Вопрос о том, как формируются и с чем связаны положительное и отрицательное отношение к войне, является важным объектом изучения в социальных науках. Изучение отношения к войне помогает лучше понимать психологические особенности людей, которые ее одобряют или, напротив, выступают против нее.

Первые исследования, связанные с изучением отношения к войне, начали появляться в 30-е годы XX века. В одном из таких исследований [например: 52] доказывалась возможность использования метода шкалирования для изучения отношения к различным социальным явлениям и проблемам. Изучались различные последствия Первой мировой войны, необходимость расформирования или сохранения военных частей, службы в армии, сознательного отказа от войны, связи войны с преступлениями людей. Следующий заметный рост подобного рода исследований приходится на 80—90-е годы. В этот период рассматривались последствия Второй мировой войны, холодной войны между США и СССР и перспективы использования новых видов ядерного оружия.

Несмотря на почти вековую историю, изучение отношения к войне среди различных возрастных, этнических, гендерных групп остается актуальной проблемой в психологической науке. Военные способы разрешения конфликта практикуются и в настоящее время, их количество, по данным ООН, только растет [2]. Эти данные подтверждаются и результатами исследований. Так, в рамках ACLED (проекта США, в котором ученые собирают данные о конфликтах, их участниках и последствиях) было показано, что за период с 2016 по 2021 год количество военных конфликтов увеличивается: в 2016 году их было зарегистрировано 839, в 2017 году — уже 8 045, в 2018 их количество резко выросло — до 49 364. В последующие годы их число лишь незначительно снижалось: в 2019-м их было зарегистрировано 44 252, в 2020-м — 34 264, за первую половину 2021 года — 15 826 [7]. Из этих данных следует, что существует заметная динамика в увеличении и незначительная динамика в уменьшении количества военных конфликтов. Военные конфликты не проходят незаметно — они влекут за собой определенные

последствия, которые также являются объектом изучения. Например, в исследовании [14] было показано, что после окончания войны в обществе снижается уважение к правам человека.

Основная цель данного аналитического материала — обзор актуальных исследований отношения к войне, методов его изучения, а также установления взаимосвязи с другими социально-демографическими, средовыми и психологическими переменными. Непосредственно под *отношением к войне* подразумевается оценка войны с точки зрения ее влияния на жизнь людей, ее эффективности как способа разрешения конфликтов и ее нравственности. Сам обзор разделен на четыре основных раздела. В первом разделе описаны методы изучения отношения к войне. Во втором представлены средовые и социально-демографические переменные (пол, возраст, образование, средства массовой информации, страна проживания, особенности военного конфликта) и их связь с отношением к войне. В третьем и четвертом разделах рассмотрены индивидуально-психологические (черты личности: «Большая пятерка» и «Темная триада», мотивация, психологическое благополучие: эмпатия и стресс, ценности) и социально-психологические (идеологические предпочтения (правый авторитаризм, ориентация на социальное доминирование), социальные верования (вера в опасный и конкурентный, а также справедливый мир)), гражданская идентичность (национализм и патриотизм) переменные соответственно. В конце обзора сделаны общие выводы, описаны ограничения и обозначены перспективы данного направления исследований.

Методы исследования аттитюдов к войне

Для лучшего понимания результатов различных исследований отношения к войне необходимо проанализировать способы его измерения, поэтому первый раздел обзора посвящен методам изучения отношения к войне. В целом, их можно разделить на количественные опросные исследования, качественные исследования и экспериментальные исследования.

Количественные опросные исследования: глобальные и локальные опросы. В рамках двух основных глобальных проектов (World Values Survey (WVS) — изучение мировых ценностей и European Values Study (EVS) — изучение ценностей европейцев) изучается отношение к войне (например, насколько человек испытывает беспокойство о войне (гражданской войне), считает ли он ее справедливой, как оценивает вероятность будущих войн [24; 56]). Кроме того, проводятся опросы для изучения взглядов жителей конкретной страны. Например, в проекте Pew Global Attitudes Project (США), который ориентирован на изучение общественного мнения жителей США, людей просили оценить, насколько правильным было применение военной силы в Ираке [43]. В психологическом исследовании, где одним из мето-

дов изучения отношения к формам участия России в сирийском конфликте выступал социологический опрос, было обнаружено, что люди, которые одобряют войну, готовы оказать военную помощь Сирии, но не готовы оказывать политическую и гуманитарную помощь этой стране [1].

Количественные опросные исследования: психологические шкалы. Отношение к войне в социальной психологии исследователи изучают с двух различных позиций: ряд исследователей считают, что отношение к войне является лишь частью более крупного объекта для изучения — отношения к насилию в целом (наравне с отношением к насилию над детьми, партнерами, другими людьми в целом). Вторая позиция — рассматривать отношение к войне как отдельный объект для изучения (опросники и шкалы должны затрагивать только эту тему, не касаться других форм насилия). Ниже эта позиция будет рассмотрена более подробно.

В соответствии с идеей Л. Тернстоуна о возможности применения шкал для изучения отношения людей к разного рода явлениям [52] исследователи начали использовать опросники для изучения отношения к войне. Со временем их число лишь увеличивалось, и теперь они сильно отличаются друг от друга: например, некоторые опросники могут включать в себя лишь утверждения об отношении к конкретной войне [например: 51]. Другие опросники направлены на изучение войны вообще как способа разрешения международных конфликтов [12; 8].

Таким образом, можно сделать вывод, что в психологических количественных исследованиях, изучающих отношение к войне, сочетаются как социологическая традиция изучения явления методом постановки определенным образом сформулированных вопросов или утверждений (в разных исследованиях — от одного до пяти), так и традиция психологических шкал и субшкал, состоящих из множества вопросов и фиксирующих разные аспекты отношения.

Качественные исследования. Такие исследования позволяют обнаружить особенности дискурса [29], в котором, например, показано, насколько полезным или вредным можно считать военное вмешательство в дела другой страны. Кроме того, для исследования используют открытые вопросы (исследователи спрашивают, например, о том, считает ли человек, что можно прожить без войны, каким образом война отражается на его жизни, что он считает агрессией в социальной сфере и в повседневной жизни [11]).

Таким образом, использование качественных методов позволяет понять, как именно проявляется отношение к войне и как оно может различаться у разных групп людей.

Исследование отношения к войне с помощью экспериментальных методов. Эксперименты, в рамках которых также изучалось отношение к войне, были проведены в США и странах Европейского союза (Франция, Германия, Великобритания, Италия, Польша).

В одном из исследований испытуемым предлагалось оценить поведение солдат (с точки зрения его моральной составляющей) в зависимости от типа войны: нападающая, защитная, гуманитарная, справедливая, несправедливая. Исследователи предполагали, что испытуемые будут оценивать солдат, исходя из тезиса, что они воюют не по своей воле и не могут нести ответственность за приказы своих командиров (принцип боевого равенства). Они ответственны лишь за свое поведение. Результаты исследования не подтвердили данное предположение: оказалось, что испытуемые были склонны к оценке солдат в зависимости от того, воюют они на «справедливой» или «несправедливой» стороне. То есть испытуемые оценивали действия солдат асимметрично [55].

В другом исследовании авторы изучали, каким образом напоминание людям о крупных военных конфликтах (например, о Второй мировой войне) может повлиять на их отношение к войне вообще. Для этого людей разделили случайным образом на две группы и попросили ответить на вопросы об отношении к возможной финансовой помощи другой стране Европейского Союза, если она столкнется с экономическими проблемами, к свободному передвижению между странами — членами ЕС на постоянной основе, к помощи в процессе создания армии ЕС. Испытуемые в экспериментальной группе читали виньетку (описание войны с акцентом на разрушительных последствиях, количестве погибших и ее влиянии на Европу в целом) до ответов на вопросы, испытуемые контрольной группы — после ответов на них. В результате было установлено, что значительно увеличивается при предварительном прочтении виньетки только желание оказать финансовую помощь [19].

Среди экспериментов встречаются и эксперименты, связанные с нейронауками. Так, в современных (2021 г.) исследованиях используются методы нейронаук (например, электроэнцефалографии [34]) для изучения отношения к войне.

Таким образом, в количественных опросах можно условно выделить два подхода: социологический (содержит одно—два утверждения, относится к конкретной войне/войне в целом, используется на больших выборках) и психологический (война рассматривается как частный случай насилия либо как отдельное явление). Применение количественных методов не дает понимания причин того или иного отношения к войне. Качественные методы применяются для анализа медиаматериалов и в кейсовых исследованиях, однако ограничены в статистической обработке. Классические экспериментальные методы наиболее результативны, однако сложны в плане организации и проведения (возникают этические и ресурсные сложности). К примеру, напоминание о войне во время такого исследования может вызывать у некоторых испытуемых негативные чувства и эмоции и повысить уровень их агрессии.

Социально-демографические и средовые переменные, связанные с аттитюдами к войне

При изучении отношения людей к различным событиям или группам и способам формирования такого отношения немаловажную роль играют социально-демографические и средовые параметры. К социально-демографическим факторам, которые связаны с отношением к войне, исследователи относят возраст, пол, уровень образования респондентов. К средовым же относятся различные средства массовой информации, место проживания и особенности конкретного военного конфликта.

Возраст. Исследование, которое было проведено с участием подростков из четырех разных стран (Бразилия (ср. возраст — 14,37), Чили (ср. возраст — 14,4), Германия (ср. возраст — 12,8), Португалия (ср. возраст — 13,3)), показало, что ответы подростков из Бразилии об отношении к войне были более однозначными и простыми, чем у подростков из других стран. Подростки из Германии признавали, что война неизбежна, а из Бразилии и Чили — что войны можно избежать [11]. Результаты исследований, которые проведены в Секторе Газа, где прошла военная операция «Нерушимая скала», показали, что подростки не верили, что ХАМАС будет уничтожен, а эта война прекратит давний конфликт [37].

Можно сделать вывод, что представления у детей и подростков о войне более упрощенные, чем у взрослых, и в процессе социализации подвержены влиянию внешних факторов, таких как поведение родителей, программы обучения и медиа.

Пол. В исследованиях о связи пола и отношения к войне (которые начались еще в конце 90-х годов) выделяют две основные позиции: мужчины демонстрируют более позитивное отношение к войне по сравнению с женщинами [16; 27], женщины демонстрируют негативное отношение [21, 22]. Согласно другой точке зрения, отношение к войне у мужчин и женщин может быть любым и не зависит от пола [6].

Однако такая связь может появляться при определенных обстоятельствах: у женщин может быть более выраженное позитивное отношение к войне, если они ощущают опасность за жизнь детей [3], а у мужчин — если обладают высоким уровнем веры в «мужскую честь» [35].

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент нет однозначного ответа на вопрос о том, какова сила и направленность связи между полом и отношением к войне. Можно предположить, что одной из причин такого результата является развитие и пересмотр некоторых аспектов гендерных ролей. В связи с наличием исследований, подтверждающих различные точки зрения, данный вопрос требует отдельного изучения.

Образование. Недавние исследования, в которых изучался вопрос связи уровня образования и отношения к войне, продемонстрировали, что существует связь между знаниями международных законов и отно-

шением к войне. Например, в исследовании [53] было установлено, что высокий уровень знания таких законов коррелирует с низким уровнем одобрения неоправданного насилия во время войны.

В контексте взаимосвязи знаний в сфере международного законодательства и отношения к войне будут играть роль дополнительные факторы, такие как ситуация в стране или особенности культуры. Так, например, религиозный фундаментализм прямо пропорционально связан с враждебным отношением к аутгруппам [47].

Средства массовой информации. Исследователи, которые изучают отношение к войне, часто обращают внимание на особенности различных средств массовой информации, с которыми может быть связано это отношение. В том числе изучается связь рекламы в процессе трансляции новостей о военных действиях с отношением к ним. В одном из таких исследований люди, которые прочли газетные статьи о гражданских жертвах войны в Афганистане, сопровождающиеся рекламой люксовых товаров, впоследствии были меньше озабочены этими потерями (только консерваторы, но не либералы) [28]. Кроме того, люди, которые негативно оценивают войну, хуже относятся к политической рекламе, меньше поддерживают любых политиков и не планируют идти на выборы [46].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что люди, которые интересуются темой войны в средствах массовой информации, оценивают войны по-разному: те, кто обращает внимание на рекламу предметов роскоши во время чтения новостей о жертвах войны и относит себя к консерваторам, оценивают число жертв в военных действиях более толерантно, по сравнению с либералами, которые также смотрели эту рекламу. Кроме того, те, кто считают, что война влияет на них, относятся хуже к сфере политики в целом.

Страна проживания. В своих исследованиях некоторые авторы рассматривают такую переменную, как страна проживания. В частности, было установлено, что у жителей США превалирует позитивное отношение к войне в целом, по сравнению с жителями остальных стран [9]. То есть жители США в большей степени оправдывают войну как способ разрешения конфликтов и демонстрируют позитивное отношение к военным действиям.

Таким образом, страна проживания влияет на отношение к войне. Люди, живущие в странах, которые инициируют военные действия, демонстрируют более позитивное отношение к войне.

Особенности военного конфликта. Отношение к войне можно рассматривать на общем уровне (как к способу разрешения конфликта) и на частном (как к конкретной войне). Исследования отношения к конкретным войнам были проведены в США и Европе и касались известных конфликтов XX века — в Ираке и Персидском заливе.

Исследования отношения к войне в Ираке продемонстрировали, что позитивное отношение демон-

стрировали немецкие студенты, которые верили в высокий уровень угрозы терроризма и низко оценивали человеческие потери [44]. Также было показано, что респонденты, которые придерживались крайних взглядов на религию и считали, что необходимо жить в соответствии только с данными убеждениями, больше поддерживали военное вмешательство в данный конфликт, в то время как люди, которые были ориентированы на поиск не различий, а общего между собой и жителями Ирака, напротив, демонстрировали негативное отношение к этой военной операции [49].

Изучение отношения к войне в Персидском заливе продемонстрировало следующие результаты. Позитивное отношение к войне, в частности к поведению США, то есть применению силы в этом конфликте, чаще было у представителей республиканских партий, чем демократических [10]. Отношение к действиям сторон в ходе данной войны было связано также с двумя видами атрибуции, которыми могли пользоваться участники конфликта: ситуационной (объяснение причин поведения внешними обстоятельствами) и диспозиционной (объяснение причин поведения личностными чертами). Большинство арабских респондентов считали, что поведение США (как представителя многонациональных сил) связано с желанием не освобождения Кувейта, а борьбы с Ираком (68% — ситуационная, 32% — диспозиционная). Поведение Ирака в основном объяснялось с точки зрения анализа решений Саддама Хусейна (импульсивных и неподготовленных), а также исторических предпосылок конфликта между Ираком и Кувейтом (36% — ситуационная, 64% — диспозиционная). Респонденты из Магриба отдавали скорее предпочтение ситуативной (87%) атрибуции (при объяснении поведения многонациональных сил), в то время как респонденты из Египта выбирали как ситуативную (56%), так и диспозиционную (44%) атрибуцию [32].

Другим направлением изучения отношения к войне стало изучение отношения к войне как к способу разрешения международных конфликтов. Выделяют несколько основных способов разрешения таких конфликтов. Во-первых, это смена политического лидера. В одном из исследований было установлено, что приход к власти Б. Обамы изменил отношения между США и НАТО. До этого (в период президентства Дж. Буша) между США и некоторыми странами, которые входят в НАТО, были конфликты (например, связанные со способами борьбы с терроризмом) [50]. Некоторые способы разрешения международного конфликта рассматривают в контексте продолжающихся и трудноразрешимых конфликтов (например, арабско-израильский конфликт) — например, дипломатическое урегулирование путем переговоров. Так, было установлено, что те, кто участвовал в боевых действиях как представитель Армии обороны Израиля, в дальнейшем демонстрировали негативное отношение к переговорам с палестинцами [30]. Кроме того, способом разрешения также является достижение компромисса. Так, в исследовании было установлено,

что позитивное отношение к компромиссу в арабско-израильском конфликте было связано с чувством симпатии по отношению к палестинцам, но не с чувством страха перед ними [41]. Еще одним способом разрешения конфликта является война. Результаты исследований, которые были проведены в США, Дании и Бельгии, продемонстрировали, что позитивное отношение к войне связано с желанием участвовать в действиях, направленных на решение разногласий между странами путем войны [12; 8].

Таким образом, на данный момент существует достаточно большое количество исследований, в которых изучаются отношение к войне и социально-демографические и средовые переменные. Они позволяют сделать выводы о том, как средства массовой информации влияют на отношение к войне, а также то, как особенности конкретного военного конфликта связаны с отношением к нему. Кроме того, можно отметить и различные способы (помимо войны) разрешения военного конфликта, которые также связаны с отношением к нему. Однако необходимо увеличение кросс-культурных и универсальных исследований, поскольку такие исследования позволили бы уверенно ответить на вопросы о взаимосвязи пола, образования и особенностей восприятия военного конфликта с отношением к войне в целом, а также выявили бы характеристики различных способов разрешения международных конфликтов.

Индивидуально-психологические корреляты отношения к войне

К индивидуально-психологическим коррелятам относят черты личности («Большая пятерка», «Темная триада»), а также особенности мотивации. Кроме того, к данным характеристикам относят также связанные с психологическим благополучием склонность к эмпатии и наличие (отсутствие) стресса (чаще всего они описываются в модели М. Девиса); также исследователи часто обращаются к изучению ценностей (в рамках теории ценностей Ш. Шварца). Они будут описаны далее в тексте.

«Большая пятерка» и ее связь с отношением к войне

«Большая пятерка» — совокупность пяти черт личности, с помощью которых исследователи описывают ее. Эта модель пользуется большой популярностью среди исследователей [13] и описывает такие характеристики, как открытость новому опыту, добросовестность, доброжелательность, эмоциональная стабильность и экстраверсия. В одном из исследований было установлено, что позитивное отношение к войне обратно пропорционально коррелирует с доброжелательностью и открытостью новому опыту [45].

«Темная триада» и ее связь с отношением к войне

«Темная триада» — совокупность трех негативных черт личности, которые описывают ее «темные» сторо-

ны. К ним относятся такие личностные особенности, как нарциссизм, макиавеллизм и психопатия. В одном из исследований [4] было установлено, что все черты «Темной триады» связаны с демонстрацией позитивного отношения к войне во время несения военной службы (например, выполнение приказов, даже если человек с ними не согласен) и только психопатия (как единственная из черт триады) связана с демонстрацией позитивного отношения к войне непосредственно во время войны (например, желание прибегнуть к пыткам).

Мотивация и ее связь с отношением к войне

Мотивация — это импульс, который направляет человека к достижению поставленной цели. Опираясь на теорию Макклеланда, который выделял три основных мотива (достижение, власть и аффилиация), психологи в одном из исследований составили опросник, связанный с изучением мотивации к войне у политических лидеров, затем этот опросник заполняли студенты из Франции и Алжира. Было установлено, что студенты из Франции считали, что позитивное отношение к войне чаще проявляется у политических лидеров, которые стремятся к защите групп меньшинств, борьбе с диктатурой и терроризмом, а также за демократию. В то же время молодые люди из Алжира считали, что позитивное отношение к войне характерно для людей, которые хотят продемонстрировать собственную безжалостность, доказать свою способность привести народ к победе, превзойти мировых лидеров, а также присоединить к своему государству новые земли или вернуть старые и не дать врагам захватить свою территорию [20].

Эмпатия и ее связь с аттитюдами к войне

Эмпатия — эмоциональная реакция, вызванная опытом наблюдения за другим человеком [12]. Исследования, которые были посвящены изучению эмпатии и отношению к войне, продемонстрировали следующие результаты. Было обнаружено, что высокий уровень диспозиционной эмпатии имеет прямую корреляцию с мирными способами разрешения конфликта [39] и обратную — с военными способами [23].

Исследователи рассматривали и другие эмоциональные состояния. Так, в одном из исследований было показано, что люди, которые испытывают после просмотра роликов в лаборатории позитивные переживания (состояние умиротворения, расслабленности и спокойствия), более терпимо относятся к нарушителям социальных норм (военные действия рассматриваются достаточно часто в этом контексте), чем те, кто испытывает негативные переживания (состояние страха, ужаса и беспомощности) [48].

Стресс и его связь с аттитюдами к войне

Стресс (personal distress) — это ощущение тревоги во взаимодействии с другими людьми [12]. В исследовании, где изучалась связь стресса и отношения к войне, было продемонстрировано, что высокий уровень стрес-

са связан с негативным отношением к войне [17]. Однако такая связь носит противоречивый характер: так, у респондентов из США и Дании данная связь была обнаружена [12], но во время аналогичного исследования в Бельгии она отсутствовала [8]. Авторы объяснили это тем, что люди, которые переживают стресс и акцентируют внимание на последствиях войны, имеют более сильное влияние этих переменных на свое отношение к войне [8]. В то же время в исследовании [12] указывалось, что в отличие от других конструкторов стресс напрямую был связан с отношением к войне. Поэтому в данной связи возможно наличие еще одной переменной (например, отношение между личностью и обществом, которое ее окружает), которая бы ее опосредовала и придавала ей стабильность.

Ценности и их связь с аттитюдами к войне

Ценности — образ желаемых целей у человека, на которые он ориентируется и к достижению которых стремится [44]. Так, в одном из исследований изучалась связь между ценностями людей и их отношением к войне. Оно проводилось после 11 сентября 2001 года (с сентября 2002-го по март 2003-го года) на территории Германии. В результате респонденты, у которых были выражены ценности самоутверждения («власть» и «достижение») и сохранения («безопасность» и «конформизм»), имели позитивное отношение к войне в Ираке (которая происходила на момент опроса). Для таких респондентов также были характерны низкие значения ценностей самоопределения («благожелательность», «универсализм») и открытости изменению («самостоятельность») [44].

Таким образом, позитивное отношение связано с низким уровнем доброжелательности и открытости новому опыту, а также в целом с чертами «Темной триады» (в условиях службы) и с психопатией (в условиях войны). Кроме того, позитивное отношение к войне имели те политические лидеры, у которых была мотивация, связанная с повышением авторитета, а также те, кто стремился защищать ущемленные группы людей и кого интересовали вопросы, связанные с территориальной целостностью страны. Что касается характеристик, связанных с психологическим благополучием, то позитивное отношение к войне демонстрируют люди с низким уровнем эмпатии и высоким значением ценностей самоутверждения и сохранения.

Социально-психологические корреляты отношения к войне

Как было отмечено выше, война (в рамках изучения в политической и социальной психологии) рассматривается как феномен, связанный с отношением к другим людям и к группам, в состав которых они входят. На основании этого в разделе будут рассмотрены переменные, которые связаны с представлениями человека о мире и положении в нем своей и чужой группы, а

именно социальные верования, идеологические предпочтения и гражданская идентичность.

Социальные верования. Социальные верования — это образ того, как устроен мир вокруг людей, а также тех, кто их окружает. В качестве наиболее распространенных верований отмечают веру в опасный мир, веру в конкурентный мир и веру в справедливый мир. Вера в опасный мир — это множество мнений человека о том, насколько мир вокруг него может быть опасным и непредсказуемым. Низкий уровень веры в опасный мир предполагает, что мир безопасный и предсказуемый. Исследования, которые были посвящены изучению связи веры в опасный мир и отношения к войне, продемонстрировали, что высокий уровень веры в опасный мир позитивно связан с отношением к войне [18].

Вера в конкурентный мир — это совокупность взглядов человека на то, насколько люди, которые его окружают, могут его обмануть и обойти в гонке за место под солнцем. Низкий уровень веры в конкурентный мир предполагает, что каждому в мире можно доверять и люди вокруг благородны и гуманны [31]. В исследованиях, в которых изучалась связь между верой в конкурентный мир и отношением к войне, было установлено, что высокий уровень веры в конкурентный мир прямо коррелирует с отношением к войне [18; 31; 35].

Вера в справедливый мир — это представление человека о том, что мир вокруг него рационален и логичен, а поведение человека связано последствиями. Если человек совершает социально одобряемый поступок, то он получает вознаграждение, если дурной, то его ждет возмездие [1]. Результаты исследования этой веры и отношения к войне продемонстрировали противоречивые результаты: так, в исследовании [49] было показано, что она имеет позитивную связь с отношением к войне, но в исследовании [1] такой связи установлено не было. Вероятно, такие противоречивые результаты могут объясняться тем, что операционализации этого понятия в контексте разных видов войн (общих или локальных, нападающих или защитных, с другими государствами или с терроризмом) должны рассматриваться в каждом случае с учетом специфики конкретной войны.

Идеологические предпочтения. Под идеологическими предпочтениями в данном случае понимается то, на что обращают внимание люди, когда речь идет об отношении к социальным нормам и традициям, а также положению в обществе в целом. К ним относятся правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование. Далее они будут рассмотрены более подробно.

Правый авторитаризм и его связь с отношением к войне. Правый авторитаризм определяется как совокупность установок, связанных с социальными нормами, властью и обычаями. Он состоит из трех элементов, которые связаны между собой: конвенционализм — принятие распространенных социальных норм, которые, как считается, характерны для всего общества; авторитарное подчинение — согласие с тем,

что людям, которые имеют власть в социальной группе, необходимо демонстрировать повиновение; авторитарная агрессия — неодобрение всех тех, кто не согласен с действиями власти, а также тех, кого власть рассматривает как собственных врагов [18].

Исследования связи правого авторитаризма и отношения к войне продемонстрировали следующие результаты. Высокий уровень правого авторитаризма позитивно коррелировал с отношением к войне. При этом данная связь была характерна как для конфликтов, которые происходили на территории конкретных стран [21], так и для войны как глобального явления [12; 26; 8]. Проведенный метаанализ подтверждает полученные данные: установлена сильная связь между «правыми» взглядами людей и их агрессивным поведением по отношению к другим группам [5].

Ориентация на социальное доминирование и ее связь с отношением к войне. Ориентация на социальное доминирование отражает отношение личности к изначально существующему неравному положению различных социальных групп в обществе и к тому, что одни группы имеют больше возможностей, в то время как другие, напротив, имеют их меньше. Если у человека такая ориентация выражена сильнее, то он демонстрирует позитивное отношение к иерархии в обществе, если слабее, то негативное [18]. Необходимо подчеркнуть, что ориентация на социальное доминирование — это одобрение социального неравенства вообще, оно не зависит от того, по какому признаку (пол, возраст, раса, этнос, политические, религиозные взгляды и др.) проявляется.

Исследования связи ориентации на социальное доминирование и отношения к войне продемонстрировали следующие результаты. Некоторые из проведенных исследований выявили прямую связь между ориентацией на социальное доминирование и позитивным отношением к конкретным войнам [44] и к военным действиям в целом [8]. В то же время в другом исследовании такой связи установлено не было [12].

В качестве объяснения таких противоречивых результатов можно выдвинуть предположение, что ориентация на социальное доминирование понимается чаще респондентами как иерархия внутри страны, но не между странами (как в случае с войной).

Социальная (гражданская) идентичность и ее связь с отношением к войне. Идентичность в данном случае описывается как восприятие себя как участника социальной группы [1] (в рамках теории социальной идентичности). Помимо малых социальных групп (семья, работа) люди могут воспринимать себя как членов больших социальных групп (страна, нация).

Люди, которые демонстрируют крайне высокий уровень идентификации с большой социальной группой, могут считать ее автономной и враждебно вести себя по отношению к другим группам. Такой феномен получил название трибализм (tribalism). Война в рамках такого подхода рассматривается как крайняя форма его выражения, а члены группы склонны демонстрировать негативное поведение к членам других групп [15].

Исследователи также изучали, каким образом связаны различные виды идентичности (социальная, личная, национальная) и отношение к войне. Так, например, приверженцы сионизма (движения, которое было направлено на возрождение еврейского народа на его исторической территории) рассматривали Холокост как коллективную катастрофу. Они обращали внимание на героизм людей, которые оказались его жертвами, подчеркивали факты активного сопротивления и считали, что создание еврейского государства положит начало безопасному взаимодействию между странами. В дальнейшем это привело к формированию идентичности, в которой превалировала ее социальная часть (описывает характеристики, делающие человека похожим на членов группы) над личной (описывает уникальные характеристики человека) [38]. После Евромайдана и конфликта с Россией украинская национальная идентичность стала более выраженной (по сравнению с самоидентификацией с конкретной частью страны). Она стала включать в себя элементы отчуждения от России (хоть респонденты и отмечают, что те люди, которые живут в России, и те, которые ответственны за конфликт с Россией, могут быть разными группами людей) [40]. Исследования, в которых принимали участие люди, бывшие свидетелями (или участниками) войны, а также их дети, позволили установить следующее. Дети (18—20 лет) родителей, которые жили в период войны в Хорватии, оценивали воспоминания о ней как те, которые повлияли на формирование их идентичности в большей степени, чем остальные воспоминания. Этот эффект был сильнее у выборки из восточной Хорватии, которая пострадала в войне сильнее, чем западная [36].

Для изучения отношения к войне значительный интерес представляет один из видов идентичности — гражданская идентичность, то есть восприятие себя как гражданина собственной страны. В рамках теории социальной идентичности исследователи выделяют два основных ее проявления — патриотизм и национализм. Различие между ними заключается в том, что национализм рассматривается как межгрупповая дифференциация (различия в оценке членов ингруппы и аутгруппы), а патриотизм является частью позитивной ингрупповой оценки [42]. Дальнейшие исследования привели к пониманию патриотизма как позитивного отношения к своей стране, не связанного с ее сравнением с другими странами. В отличие от него национализм определяют как позитивное отношение к своей стране, которое базируется на чувстве превосходства над другими странами [1].

Результаты отдельных исследований, посвященных изучению связи патриотизма и национализма с отношением к аутгруппам и к войне, получились следующими. Было установлено, что высокий уровень патриотизма слабо коррелирует с отношением к войне [25]. В то же время высокий уровень национализма был

связан с позитивным отношением к войне против других стран [49].

Однако позиция, согласно которой идентичность рассматривается как неизменная психологическая переменная, постепенно ослабевает. Так, в ходе анализа 47 статей (размещались на официальных сайтах Китая), которые были посвящены торговой войне между США и Китаем, было выявлено следующее. Было выделено четыре типа идентичности: жертва торговой войны, защитник права на свободу продаж, инициатор переговоров и получающий выгоду от взаимного сотрудничества. Для ее формирования использовались четыре основные стратегии: конструктивные, трансформационные (которые описывают сходство и взаимозависимость стран) и деструктивные, оправдания (которые описывают различия и противоположность двух стран). В своих репортажах журналисты рассказывали об отношениях между странами и таким образом формировали у людей определенную гражданскую идентичность [54]. То есть результаты этого исследования показывают, что гражданская идентичность также обладает определенной мобильностью и гибкостью, она может формироваться под влиянием ситуативных факторов.

Таким образом, высокий уровень веры в опасный и конкурентный мир, мир правого авторитаризма, ориентации на социальное доминирование и национализма связаны с позитивным отношением к войне.

Обсуждение результатов и выводы

Проведенный анализ материалов по изучению отношения к войне позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, изучение отношения к войне до сих пор является актуальным в науке. Число международных конфликтов, в ходе которых люди прибегают к военным действиям, возрастает. Война приводит к различным последствиям: экономическим, социальным и политическим. Она меняет и личность человека. Изучение отношения к войне и к ее последствиям даст возможность исследователям лучше понимать причины возникновения международных конфликтов, а также разрабатывать программы по сокращению числа таких конфликтов.

Во-вторых, существует потребность в метаанализах и кросс-культурных исследованиях. Результаты анализа социально-демографических и средовых переменных позволили однозначно резюмировать важность роли средств массовой информации в контексте формирования отношения к войне. Однако такие переменные, как пол, образование, культурные особенности и характеристики стран, требуют отдельного глубокого международного исследования для уточнения полученных данных. Стоит подчеркнуть отдельную важность исследований в постсоветских странах и, в

частности, в России, поскольку эти страны долгое время были исключены из научного дискурса по данной проблеме.

В-третьих, исследователи недостаточно часто обращаются к изучению индивидуально-психологических особенностей, связанных с отношением к войне. В подобных проведенных исследованиях больше изучаются последствия участия в военных действиях (например, ПТСР, связь жизнестойкости и успешной послевоенной адаптации), но не отношение к войне. На данный момент можно констатировать, что позитивное отношение к войне обратно пропорционально связано с чертами «Большой пятерки» и позитивно с чертами «Темной триады». Политические лидеры, которые, как считали респонденты, хотели повысить свой авторитет, демонстрировали демократические ценности и были заинтересованы в решении территориальных вопросов, демонстрировали позитивное отношение к войне. Кроме того, позитивное отношение к войне демонстрируют люди с низким уровнем эмпатии, испытывающие позитивные переживания, а также с высоким уровнем ценностей самоутверждения

и сохранения и низким уровнем самоопределения и открытости изменениям.

В-четвертых, позитивное отношение к войне связано с социальными верованиями — такими как вера в опасный и конкурентный мир, а также с такими идеологическими предпочтениями, как правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование. Кроме того, позитивное отношение к войне связано с таким видом гражданской идентичности, как национализм. Однако ввиду того, что большинство таких исследований корреляционные, остается потребность в изучении стабильности и направленности связи. Для этого было бы полезно сфокусироваться на экспериментальных (в том числе и лонгитюдных) исследованиях.

Таким образом, изучение отношения к войне остается одной из важных задач в современной психологии. Данный обзор может быть полезен специалистам в области социальных наук. Поиск ответов на вопросы, которые были поставлены выше, будет существенным вкладом исследователей, как в российскую, так и в мировую психологическую науку.

Литература

1. Неврюев А.Н., Гулевич О.А., Некрасова Е.А. Вера в справедливый мир, гражданская идентичность и социальная установка по отношению к войне (на примере гражданской войны в Сирии) // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 4. С. 17—26. DOI:10.31857/S020595920000066-8
2. Новая эра конфликтов и насилия [Электронный ресурс] / ООН. 2020. URL: <https://www.un.org/ru/un75/new-era-conflict-and-violence> (дата обращения: 17.02.2022).
3. Фурманов И.А. Аттитюды студентов в отношении насилия // Интеграция образования. 2020. Том 24. № 4. С. 622—640. DOI:10.15507/1991-9468.101.024.202004.622-640
4. A latent core of dark traits explains individual differences in peacekeepers' unethical attitudes and conduct / M. Lindén, F. Björklund, M. Bäckström, D. Messervey, D. Whetham // Military Psychology. 2019. Vol. 31. № 6. P. 499—509. DOI:10.1080/08995605.2019.1671095
5. A meta-analytic integration of research on the relationship between right-wing ideological attitudes and aggressive tendencies / A. Van Hiel, E. Onraet, D.H. Bostyn, J. Staeus, T. Haesevoets, J. Van Assche, A. Roets // European Review of Social Psychology. 2020. Vol. 31. № 1. P. 183—221. DOI:10.1080/10463283.2020.1778324
6. Abduljaber M., Kaln Ī. An Empirical Analysis of the Women and Peace Hypothesis // All Azimuth. 2021. Vol. 10. № 1. P. 5—21. DOI:10.20991/allazimuth.612487
7. ACLED [Электронный ресурс] / ACLED. 2022. URL: <https://acleddata.com/dashboard/#/dashboard/F813D9A90741E509131A76C9687A3BD1> (дата обращения: 14.07.2021).
8. Are attitudes toward peace and war the two sides of the same coin? Evidence to the contrary from a French validation of the Attitudes Toward Peace and War Scale / N. Van der Linden, C. Leys, O. Klein, P. Bouchat // PloS one. 2017. Vol. 12. № 9. Article ID e0184001. 18 p. DOI:10.1371/journal.pone.0184001
9. Attitudes towards war, killing, and punishment of children among young people in Estonia, Finland, Romania, the Russian Federation, and the USA / A. McAlister, P. Sandström, P. Puska, A. Veijo, R. Chereches, L.-T. Heidmets // Bulletin of the World Health Organization. 2001. Vol. 79. № 5. P. 382—387. DOI:10.1590/S0042-96862001000500003
10. Bennett S.E. The Persian Gulf War's Impact on Americans' Political Information // Political Behavior. 1994. Vol. 16. № 2. P. 179—201. DOI:10.1007/BF01498876
11. Biaggio A.M.B., Souza L.K. De, Martini R.M.F. Attitudes toward peace, war and violence in five countries // Journal of Peace Education. 2004. Vol. 1. № 2. P. 179—189. DOI:10.1080/1740020042000253730
12. Bizumic B. On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war // Political Psychology. 2013. Vol. 34. № 5. P. 673—693. DOI:10.1111/pops.12032
13. Boyatzis R.E. McClelland, David C. // Encyclopedia of Personality and Individual Difference / Eds. V. Zeigler-Hill, T. Shackelford. Springer, Cham, 2017. DOI:10.1007/978-3-319-28099-8_2230-1
14. Carey S.C., González B. The legacy of war: The effect of militias on postwar repression // Conflict Management and Peace Science. 2020. Vol 38. № 3. P. 1—23. DOI:10.1177/0738894219899006

15. Clark C.J., Winegard B.M. Tribalism in War and Peace: The Nature and Evolution of Ideological Epistemology and Its Significance for Modern Social Science // *Psychological Inquiry*. 2020. Vol. 31. № 1. P. 1—22. DOI:10.1080/1047840x.2020.1721233
16. Clauss N., Rankin A., Byrd-Craven J. Meta-analysis of Sex Differences in Aggression // *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science* / Eds. T.K. Shackelford, V.A. Weekes-Shackelford. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 1—5. DOI:10.1007/978-3-319-16999-6_846-1
17. Conflict will Harden your Heart: Exposure to Violence, Psychological Distress, and Peace Barriers in Israel and Palestine / S. Hirsch-Hoefler, D. Canetti, C. Rapaport, S.E. Hobfoll // *British Journal of Political Science*. 2016. Vol. 46. № 4. P. 845—859. DOI:10.1017/S0007123414000374
18. Crowson H.M. Right-wing authoritarianism and social dominance orientation: As mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror // *Social Psychology*. 2009. Vol. 40. № 2. P. 93—103. DOI:10.1027/1864-9335.40.2.93
19. De Vries C.E. Don't Mention the War! Second World War Remembrance and Support for European Cooperation // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2020. Vol. 58. № 1. P. 138—154. DOI:10.1111/jcms.12981
20. Djeriouat H., Mullet E. Public perception of the motives that lead political leaders to launch interstate-armed conflicts: a structural and cross-cultural study // *Universitas Psychologica*. 2013. Vol. 12. № 2. P. 327—346. DOI: 10.11144/Javeriana. UPSY12-2.plac
21. Eichenberg R.C. Public Opinion on Foreign Policy Issues // *Oxford Research Encyclopedia of Politics* / Ed. W.R. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2016. 20 p. DOI:10.1093/acrefore/9780190228637.013.78
22. Eichenberg R.C., Stoll R.J. The Acceptability of War and Support for Defense Spending: Evidence from Fourteen Democracies, 2004—2013 // *Journal of Conflict Resolution*. 2017. Vol. 61. № 4. P. 788—813. DOI:10.1177/0022002715600760
23. Empathy to action: Child and adolescent out-group attitudes and prosocial behaviors in a setting of intergroup conflict / L.K. Taylor, D. O'Driscoll, J.B. Dautel, S. McKeown // *Social Development*. 2020. Vol. 29. № 2. P. 461—477. DOI:10.1111/sode.12421
24. European Values Study 2008: Integrated Dataset (EVS 2008) / I. Gedeshi, P.M. Zulehner, D. Rotman, M. Swyngedouw, L. Voyé, G. Fotev, J. Baloban, V. Roudometof, L. Rabusic, P. Gundelach [et al.] // *GESIS Data Archive*, Cologne. ZA4800 Data file Version 4.0.0. GESIS Data Archive, 2016. Number of Units: 66281, Number of Variables: 477. DOI:10.4232/1.12458
25. Federico C.M., Golec A., Dial J.L. The Relationship Between the Need for Closure and Support for Military Action Against Iraq: Moderating Effects of National Attachment // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. № 5. P. 621—632. DOI:10.1177/0146167204271588
26. Felix G., Chaube N. Right-Wing Authoritarianism, Ethnocentrism and War Attitude among University Students of India // *Wutan Huatan Jisuan Jishu*. 2021. Vol. 17. № 2. P. 49—68. DOI:10.37896/whjj17.2/587
27. Ferguson R. Masculinity and War // *Current Anthropology*. 2020. Vol. 62. № S23. P. S108—S120. DOI:10.1086/711622
28. Friedman R.S., Sutton B. Selling the War? System-Justifying Effects of Commercial Advertising on Civilian Casualty Tolerance // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. № 3. P. 351—367. DOI:10.1111/pops.12001
29. Gibson S. 'I'm not a war monger but...': Discourse Analysis and Social Psychological Peace Research // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2012. Vol. 22. № 2. P. 159—173. DOI:10.1002/casp.1099
30. Grossman G., Manekin D., Miodownik D. The political legacies of combat: attitudes toward war and peace among israeli ex-combatants // *International Organization*. 2015. Vol. 69. № 4. P. 981—1009. DOI:10.1017/s002081831500020x
31. Gulevich O., Nevryuev A., Sarieva I. War as a method of conflict resolution: The link between social beliefs, ideological orientations, and military attitudes in Russia // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2020. Vol. 26. № 2. P. 192—201. DOI:10.1037/pac0000434
32. Heradstveit D., Bonham G. M. Attribution Theory and Arab Images of the Gulf War // *Political Psychology*. 1996. Vol. 17. № 2. P. 271—292. DOI:10.2307/3791811
33. Hirst W., Yamashiro J.K., Coman A. Collective Memory from a Psychological Perspective // *Trends in Cognitive Sciences*. 2018. Vol. 22. № 5. P. 438—451. DOI:10.1016/j.tics.2018.02.010
34. Hundrieser M., Mattes A., Stahl J. Predicting participants' attitudes from patterns of event-related potentials during the reading of morally relevant statements — An MVPA investigation // *Neuropsychologia*. 2021. Vol. 153. Article ID 107768. DOI:10.1016/j.neuropsychologia.2021.107768
35. Individual differences in masculine honor beliefs predict attitudes toward aggressive security measures, war, and peace / D.A. Saucier, R.J. Webster, J.L. McManus, T.L. Sonnentag, C.J. O'Dea, M.L. Strain // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2018. Vol. 24. № 1. P. 112—116. DOI:10.1037/pac0000303
36. Intergenerational transmission of historical memories and social-distance attitudes in post-war second-generation Croatians / C. Svob, N.R. Brown, V. Takšić, K. Katulić, V. Žauhar // *Memory & Cognition*. 2016. Vol. 44. № 6. P. 846—855. DOI:10.3758/s13421-016-0607-x
37. Kalagy T., Braun-Lewensohn O., Abu-Kaf S. Youth from Fundamentalist Societies: What are Their Attitudes Toward War and Peace and Their Relations with Anxiety Reactions? // *Journal of Religion and Health*. 2017. Vol. 56. № 3. P. 1064—1080. DOI:10.1007/s10943-017-0358-4

38. *Keynan I.* The Memory of the Holocaust and Israel's Attitude Toward War Trauma, 1948—1973: The Collective vs. the Individual // *Israel Studies*. 2018. Vol. 23. № 2. P. 95—117. DOI:10.2979/israelstudies.23.2.05
39. *Klimecki O.M.* The Role of Empathy and Compassion in Conflict Resolution // *Emotion Review*. 2019. Vol. 11. № 4. P. 310—325. DOI:10.1177/1754073919838609
40. *Kulyk V.* National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68. № 4. P. 588—608. DOI:10.1080/09668136.2016.1174980
41. *Maoz I., McCauley C.* Psychological correlates of support for compromise: a polling study of jewish-israeli attitudes toward solutions to the Israeli-Palestinian conflict // *Political Psychology*. 2005. Vol. 26. № 5. P. 791—808. DOI:10.1111/j.1467-9221.2005.00444.x
42. *Mummendey A., Klink A., Brown R.* Nationalism and patriotism: National identification and out-group rejection // *British Journal of Social Psychology*. 2001. Vol. 40. № 2. P. 159—172. DOI:10.1348/014466601164740
43. *Oliphant J.B.* The Iraq War continues to divide the U.S. public, 15 years after it began [Электронный ресурс] // Pew Research Center, 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/19/iraq-war-continues-to-divide-u-s-public-15-years-after-it-began/> (дата обращения: 28.02.2022).
44. Personal Values and Attitudes Toward War / J.C. Cohrs, B. Moschner, J. Maes, S. Kielmann // *Peace and Conflict*. 2005. Vol. 11. № 3. P. 293—312. DOI:10.1207/s15327949pac1103_5
45. Personality dimensions and attitudes towards peace and war / H.H. Blumberg, R. Zeligman, L. Appel, S. Tibon-Czopp // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2017. Vol. 9. № 1. P. 13—23. DOI:10.1108/jacpr-05-2016-0231
46. Political advertising effectiveness in war-time Syria / A.B. Mahmoud, N. Grigoriou, L. Fuxman, W.D. Reisel // *Media, War & Conflict*. 2020. Vol. 13. № 4. P. 375—398. DOI:10.1177/1750635219841356
47. *Rothschild Z.K., Abdollahi A., Pyszczynski T.* Does peace have a prayer? The effect of mortality salience, compassionate values, and religious fundamentalism on hostility toward out-groups // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 45. № 4. P. 816—827. DOI:10.1016/j.jesp.2009.05.016
48. *Sawada K., Nomura M.* Influence of Positive and Threatened Awe on the Attitude Toward Norm Violations // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00148
49. Seeking understanding or sending bombs: Beliefs as predictors of responses to terrorism / D. Henderson-King, E. Henderson-King, B. Bolea, K. Koches, A. Kauffman // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2004. Vol. 10. № 1. P. 67—84. DOI:10.1207/s15327949pac1001_5
50. *Silander D.* Transatlantic relations in a post-bush era — cooperation or conflict? // *American Studies in Scandinavia*. 2009. Vol. 41. № 2. P. 25—44. DOI:10.22439/asca.v41i2.4576
51. *Sundberg R.* Change and Stability in Attitudes Toward Violence During ISAF Service // *Military Psychology*. 2017. Vol. 29. № 5. P. 370—380. DOI:10.1037/mil0000174
52. *Thurstone L.L.* The measurement of social attitudes // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1931. Vol. 26. № 3. P. 249—269. DOI:10.1037/h0070363
53. *Wallace G. P.* Condemning or Condoning the Perpetrators? International Humanitarian Law and Attitudes Toward Wartime Violence // *Law & Social Inquiry*. 2019. Vol. 44. № 1. P. 192—226. DOI:10.1017/lsi.2018.22
54. *Wang H., Ge Y.* Negotiating national identities in conflict situations: The discursive reproduction of the Sino-US trade war in China's news reports // *Discourse & Communication*. 2020. Vol. 14. № 1. P. 65—83. DOI:10.1177/1750481319893406
55. *Watkins H.M., Goodwin G.P.* A fundamental asymmetry in judgments of soldiers at war // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2020. Vol. 149. № 3. P. 419—444. DOI:10.1037/xge0000666
56. World Values Survey Wave 6 (2010—2014) / R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin, B. Puranen. World Values Survey Association, 2018. DOI:10.14281/18241.8

References

1. Nevryuev A.N., Gulevich O.A., Nekrasova E.A. Vera v spravedlivyi mir, grazhdanskaya identichnost' i sotsial'naya ustanovka po otnosheniyu k voine (na primere grazhdanskoi voiny v Sirii) [Belief in a just world, national identity, and military attitudes: the case of syria war]. *Psikhologicheskii zhurnal = [Psychological Journal]*, 2018. Vol. 39, no. 4, pp. 17—26. DOI:10.31857/S020595920000066-8 (In Russ.).
2. A New Era of Conflict and Violence [Elektronnyi resurs]. *United Nations*, 2020. URL: <https://www.un.org/en/un75/new-era-conflict-and-violence> (Accessed 17.02.2022).
3. Furmanov I.A. Attityudy studentov v otnoshenii nasiliya [The Attitudes of Students towards Violence]. *Integratsiya obrazovaniya = Psychology of education*, 2020. Vol. 24, no. 4, pp. 622—640. DOI:10.15507/1991-9468.101.024.202004.622-640 (In Russ.).
4. Lindén M., Björklund F., Bäckström M., Messervey D., Whetham D. A latent core of dark traits explains individual differences in peacekeepers' unethical attitudes and conduct. *Military Psychology*, 2019. Vol. 31, no. 6, pp. 499—509. DOI:10.1080/08995605.2019.1671095

5. Van Hiel A., Onraet E., Bostyn D.H., Stadeus J., Haesevoets T., Van Assche J., Roets A. A meta-analytic integration of research on the relationship between right-wing ideological attitudes and aggressive tendencies. *European Review of Social Psychology*, 2020. Vol. 31, no. 1, pp. 183—221. DOI:10.1080/10463283.2020.1778324
6. Abduljaber M., Kalin İ. An Empirical Analysis of the Women and Peace Hypothesis. *All Azimuth*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 5—21. DOI:10.20991/allazimuth.612487
7. ACLED [Elektronnyi resurs]. *ACLED*, 2022. URL: <https://acleddata.com/dashboard/#/dashboard/F813D9A90741E509131A76C9687A3BD1> (Accessed 14.07.2021).
8. Van der Linden N., Leys C., Klein O., Bouchat P. Are attitudes toward peace and war the two sides of the same coin? Evidence to the contrary from a French validation of the Attitudes Toward Peace and War Scale. *PLoS one*, 2017. Vol. 12, no. 9, article ID e0184001, 18 p. DOI:10.1371/journal.pone.0184001
9. McAlister A., Sandström P., Puska P., Veijo A., Chereches R., Heidmets L.-T. Attitudes towards war, killing, and punishment of children among young people in Estonia, Finland, Romania, the Russian Federation, and the USA. *Bulletin of the World Health Organization*, 2001. Vol. 79, no. 5, pp. 382—387. DOI:10.1590/S0042-96862001000500003
10. Bennett S.E. The Persian Gulf War's Impact on Americans' Political Information. *Political Behavior*, 1994. Vol. 16, no. 2, pp. 179—201. DOI:10.1007/BF01498876
11. Biaggio A.M.B., Souza L.K.De, Martini R.M.F. Attitudes toward peace, war and violence in five countries. *Journal of Peace Education*, 2004. Vol. 1, no. 2, pp. 179—189. DOI:10.1080/1740020042000253730
12. Bizumic B. On the (in)compatibility of attitudes toward peace and war. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 5, pp. 673—693. DOI:10.1111/pops.12032
13. Boyatzis R.E. McClelland, David C. In Zeigler-Hill V., Shackelford T. (eds.), *Encyclopedia of Personality and Individual Difference*. Springer, Cham, 2017. DOI:10.1007/978-3-319-28099-8_2230-1
14. Carey S.C., González B. The legacy of war: The effect of militias on postwar repression. *Conflict Management and Peace Science*, 2020. Vol. 38, no. 3, pp. 1—23. DOI:10.1177/0738894219899006
15. Clark C.J., Winegard B.M. Tribalism in War and Peace: The Nature and Evolution of Ideological Epistemology and Its Significance for Modern Social Science. *Psychological Inquiry*, 2020. Vol. 31, no. 1, pp. 1—22. DOI:10.1080/1047840x.2020.1721233
16. Clauss N., Rankin A., Byrd-Craven J. Meta-analysis of Sex Differences in Aggression. In Shackelford T.K., Weekes-Shackelford V.A. (eds.), *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Cham: Springer International Publishing, 2017, pp. 1—5. DOI:10.1007/978-3-319-16999-6_846-1
17. Hirsch-Hoefler S., Canetti D., Rapaport C., Hobfoll S.E. Conflict will Harden your Heart: Exposure to Violence, Psychological Distress, and Peace Barriers in Israel and Palestine. *British Journal of Political Science*, 2016. Vol. 46, no. 4, pp. 845—859. DOI:10.1017/S0007123414000374
18. Crowson H.M. Right-wing authoritarianism and social dominance orientation: As mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror. *Social Psychology*, 2009. Vol. 40, no. 2, pp. 93—103. DOI:10.1027/1864-9335.40.2.93
19. De Vries C.E. Don't Mention the War! Second World War Remembrance and Support for European Cooperation. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2020. Vol. 58, no. 1, pp. 138—154. DOI:10.1111/jcms.12981
20. Djeriouat H., Mullet E. Public perception of the motives that lead political leaders to launch interstate-armed conflicts: a structural and cross-cultural study. *Universitas Psychologica*, 2013. Vol. 12, no. 2, pp. 327—346. DOI: 10.11144/Javeriana.UPSY12-2.plac
21. Eichenberg R.C. Public Opinion on Foreign Policy Issues. In Thompson W.R. (ed.), *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 20 p. DOI:10.1093/acrefore/9780190228637.013.78
22. Eichenberg R.C., Stoll R.J. The Acceptability of War and Support for Defense Spending: Evidence from Fourteen Democracies, 2004—2013. *Journal of Conflict Resolution*, 2017. Vol. 61, no. 4, pp. 788—813. DOI:10.1177/0022002715600760
23. Taylor L.K., O'Driscoll D., Dautel J.B., McKeown S. Empathy to action: Child and adolescent out-group attitudes and prosocial behaviors in a setting of intergroup conflict. *Social Development*, 2020. Vol. 29, no. 2, pp. 461—477. DOI:10.1111/sode.12421
24. Gedeshi I., Zulehner P.M., Rotman D., Swyngedouw M., Voyé L., Fotev G., Balaban J., Roudometof V., Rabusic L., Gundelach P. et al. European Values Study 2008: Integrated Dataset (EVS 2008). *GESIS Data Archive, Cologne. ZA4800 Data file Version 4.0.0. GESIS Data Archive*, 2016. Number of Units: 66281, Number of Variables: 477. DOI:10.4232/1.12458
25. Federico C.M., Golec A., Dial J.L. The Relationship Between the Need for Closure and Support for Military Action Against Iraq: Moderating Effects of National Attachment. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2005. Vol. 31, no. 5, pp. 621—632. DOI:10.1177/0146167204271588
26. Felix G., Chaube N. Right-Wing Authoritarianism, Ethnocentrism and War Attitude among University Students of India. *Wutan Huatan Jisuan Jishu*, 2021. Vol. 17, no. 2, pp. 49—68. DOI:10.37896/whjj17.2/587
27. Ferguson R. Masculinity and War. *Current Anthropology*, 2020. Vol. 62, no. S23, pp. S108—S120. DOI:10.1086/711622
28. Friedman R.S., Sutton B. Selling the War? System-Justifying Effects of Commercial Advertising on Civilian Casualty Tolerance. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 3, pp. 351—367. DOI:10.1111/pops.12001

29. Gibson S. 'I'm not a war monger but...': Discourse Analysis and Social Psychological Peace Research. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2012. Vol. 22, no. 2, pp. 159—173. DOI:10.1002/casp.1099
30. Grossman G., Manekin D., Miodownik D. The political legacies of combat: attitudes toward war and peace among israeli ex-combatants. *International Organization*, 2015. Vol. 69, no. 4, pp. 981—1009. DOI:10.1017/s002081831500020x
31. Gulevich O., Nevryuev A., Sarieva I. War as a method of conflict resolution: The link between social beliefs, ideological orientations, and military attitudes in Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2020. Vol. 26, no. 2, pp. 192—201. DOI:10.1037/pac0000434
32. Heradstveit D., Bonham G. M. Attribution Theory and Arab Images of the Gulf War. *Political Psychology*, 1996. Vol. 17, no. 2, pp. 271—292. DOI:10.2307/3791811
33. Hirst W., Yamashiro J.K., Coman A. Collective Memory from a Psychological Perspective. *Trends in Cognitive Sciences*, 2018. Vol. 22, no. 5, pp. 438—451. DOI:10.1016/j.tics.2018.02.010
34. Hundrieser M., Mattes A., Stahl J. Predicting participants' attitudes from patterns of event-related potentials during the reading of morally relevant statements — An MVPA investigation. *Neuropsychologia*, 2021. Vol. 153. Article ID 107768. DOI:10.1016/j.neuropsychologia.2021.107768
35. Saucier D.A., Webster R.J., McManus J.L., Sonnentag T.L., O'Dea C.J., Strain M.L. Individual differences in masculine honor beliefs predict attitudes toward aggressive security measures, war, and peace. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2018. Vol. 24, no. 1, pp. 112—116. DOI:10.1037/pac0000303
36. Svob C., Brown N.R., Takšić V., Katulić K., Žauhar V. Intergenerational transmission of historical memories and social-distance attitudes in post-war second-generation Croats. *Memory & Cognition*, 2016. Vol. 44, no. 6, pp. 846—855. DOI:10.3758/s13421-016-0607-x
37. Kalagy T., Braun-Lewensohn O., Abu-Kaf S. Youth from Fundamentalist Societies: What are Their Attitudes Toward War and Peace and Their Relations with Anxiety Reactions? *Journal of Religion and Health*, 2017. Vol. 56, no. 3, pp. 1064—1080. DOI:10.1007/s10943-017-0358-4
38. Keynan I. The Memory of the Holocaust and Israel's Attitude Toward War Trauma, 1948—1973: The Collective vs. the Individual. *Israel Studies*, 2018. Vol. 23, no. 2, pp. 95—117. DOI:10.2979/israelstudies.23.2.05
39. Klimecki O.M. The Role of Empathy and Compassion in Conflict Resolution. *Emotion Review*, 2019. Vol. 11, no. 4, pp. 310—325. DOI:10.1177/1754073919838609
40. Kulyk V. National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War. *Europe-Asia Studies*, 2016. Vol. 68, no. 4, pp. 588—608. DOI:10.1080/09668136.2016.1174980
41. Maoz I., McCauley C. Psychological correlates of support for compromise: a polling study of jewish-israeli attitudes toward solutions to the Israeli-Palestinian conflict. *Political Psychology*, 2005. Vol. 26, no. 5, pp. 791—808. DOI:10.1111/j.1467-9221.2005.00444.x
42. Mummendey A., Klink A., Brown R. Nationalism and patriotism: National identification and out-group rejection. *British Journal of Social Psychology*, 2001. Vol. 40, no. 2, pp. 159—172. DOI:10.1348/014466601164740
43. Oliphant J.B. The Iraq War continues to divide the U.S. public, 15 years after it began [Elektronnyi resurs]. *Pew Research Center*, 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/19/iraq-war-continues-to-divide-u-s-public-15-years-after-it-began/> (Accessed 28.02.2022).
44. Cohrs J.C., Moschner B., Maes J., Kielmann S. Personal Values and Attitudes Toward War. *Peace and Conflict*, 2005. Vol. 11, no. 3, pp. 293—312. DOI:10.1207/s15327949pac1103_5
45. Blumberg H.H., Zeligman R., Appel L., Tibon-Czopp S. Personality dimensions and attitudes towards peace and war. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, 2017. Vol. 9, no. 1, pp. 13—23. DOI:10.1108/jacpr-05-2016-0231
46. Mahmoud A.B., Grigoriou N., Fuxman L., Reisel W.D. Political advertising effectiveness in war-time Syria. *Media, War & Conflict*, 2020. Vol. 13, no. 4, pp. 375—398. DOI:10.1177/1750635219841356
47. Rothschild Z.K., Abdollahi A., Pyszczynski T. Does peace have a prayer? The effect of mortality salience, compassionate values, and religious fundamentalism on hostility toward out-groups. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2009. Vol. 45, no. 4, pp. 816—827. DOI:10.1016/j.jesp.2009.05.016
48. Sawada K., Nomura M. Influence of Positive and Threatened Awe on the Attitude Toward Norm Violations. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11, 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00148
49. Henderson-King D., Henderson-King E., Bolea B., Koches K., Kauffman A. Seeking understanding or sending bombs: Beliefs as predictors of responses to terrorism. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2004. Vol. 10, no. 1, pp. 67—84. DOI:10.1207/s15327949pac1001_5
50. Silander D. Transatlantic relations in a post-bush era — cooperation or conflict? *American Studies in Scandinavia*, 2009. Vol. 41, no. 2, pp. 25—44. DOI:10.22439/asca.v41i2.4576
51. Sundberg R. Change and Stability in Attitudes Toward Violence During ISAF Service. *Military Psychology*, 2017. Vol. 29, no. 5, pp. 370—380. DOI:10.1037/mil0000174
52. Thurstone L.L. The measurement of social attitudes. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1931. Vol. 26, no. 3, pp. 249—269. DOI:10.1037/h0070363

53. Wallace G, pp. Condemning or Condoning the Perpetrators? International Humanitarian Law and Attitudes Toward Wartime Violence. *Law & Social Inquiry*, 2019. Vol. 44, no. 1, pp. 192—226. DOI:10.1017/lsi.2018.22
54. Wang H., Ge Y. Negotiating national identities in conflict situations: The discursive reproduction of the Sino-US trade war in China's news reports. *Discourse & Communication*, 2020. Vol. 14, no. 1, pp. 65—83. DOI:10.1177/1750481319893406
55. Watkins H.M., Goodwin G.P. A fundamental asymmetry in judgments of soldiers at war. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2020. Vol. 149, no. 3, pp. 419—444. DOI:10.1037/xge0000666
56. Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. World Values Survey Wave 6 (2010-2014). World Values Survey Association, 2018. DOI:10.14281/18241.8

Информация об авторах

Неврюев Андрей Николаевич, старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, (ФГОБУ ВО «Финуниверситет»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Сариева Ирена Ремаевна, старший преподаватель департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Information about the authors

Andrey N. Nevryuev, Senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Irena R. Sarieva, Senior lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Получена 24.04.2021

Received 24.04.2021

Принята в печать 21.07.2021

Accepted 21.07.2021

Проблема эффективности коучинга: исследования в рамках психологии коучинга (coaching psychology)

Антонова Н.В.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-1388>, e-mail: nvantonova@hse.ru

Наумцева Е.А.

*Консалтинговая компания Intend,
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8058-6774>, e-mail: coachingv@gmail.com

В статье анализируется проблема эффективности коучинга с точки зрения психологии коучинга — молодой развивающейся дисциплины, в фокусе которой находятся психологические механизмы эффективности коучинга. Коучинг как помогающая практика активно развивается в последние годы, однако ее эффективность до сих пор подвергается сомнению. В статье анализируются различные теоретические подходы к коучингу, делается вывод о том, что когнитивно-бихевиоральный коучинг (СВС) обладает наиболее разработанной доказательной базой эффективности. Анализируются также методы и подходы к оценке эффективности коучинга как в организациях, так и в индивидуальной работе. Описана многоуровневая модель оценки эффективности коучинга — «модель часовой башни», включающая как объективные, так и субъективные методы оценки, а также методологии оценки «по процессу» и «по результату» коучинга. Делается вывод о необходимости увеличения доли количественных и объективных методов оценки эффективности коучинга.

Ключевые слова: коучинг, психология коучинга, когнитивно-бихевиоральный коучинг, эффективность коучинга, методы оценки эффективности коучинга коучинг на основе ОРКТ, мотивационное интервью.

Финансирование. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г. (№ проекта 22-00-014).

Для цитаты: Антонова Н.В., Наумцева Е.А. Проблема эффективности коучинга: исследования в рамках психологии коучинга (coaching psychology) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 94—103. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110109>

The Problem of Coaching Effectiveness: Research in the Framework of Coaching Psychology

Natalia V. Antonova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-1388>, e-mail: nvantonova@hse.ru*

Elena A. Naumtseva

*Intend, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8058-6774>, e-mail: coachingv@gmail.com*

The article analyzes the problem of coaching effectiveness in the framework of coaching psychology, which is the young developing discipline that focuses on the psychological mechanisms of coaching. Coaching as a helping practice has been actively developing during recent years, but its effectiveness is still under debate. The article analyzes various theoretical approaches to coaching and concludes that cognitive-behavioral coaching (CBC) has the most developed evidence-based methodology. The methods and approaches for assessing the coaching effectiveness both in organizations and in individual work are analyzed. A multilevel model for assessing the effectiveness of coaching “a clock tower model” is also described. It includes both objective and subjective methods of assessment, as well as “process oriented” and “result oriented” methodologies for assessing coaching. The conclusion about the need to increase the share of quantitative and objective methods for assessing the effectiveness of coaching is made.

Keywords: coaching, coaching psychology, cognitive-behavioral coaching, coaching effectiveness, methods for evaluating the effectiveness of coaching, coaching based on Solution Focused Brief Therapy, motivational interview.

Funding. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant № 22-00-014).

For citation: Antonova N.V., Naumtseva E.A. The Problem of Coaching Effectiveness: Research in the Framework of Coaching Psychology. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 94—103. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110109> (In Russ.).

Введение

Коучинг как помогающая практика приобретает все большую популярность, однако в научном отношении все еще остается областью с недостаточной доказательной базой. Тем не менее, последние исследования коучинга, проводимые преимущественно англоязычными исследователями, позволяют выделить вполне научные основания и превратить коучинг в evidence based практику. Такая область исследований сформировалась в последние годы в основном благодаря усилиям британских и австралийских психологов под руководством профессора Энтони Гранта, которые назвали новую дисциплину Coaching Psychology (психология коучинга), по аналогии с Counselling Psychology (консультативной психологией).

Пальмер дал психологии коучинга следующее определение: «Психология коучинга направлена на повышение психологического благополучия и результативности в сфере личной жизни и работы, опирается на модели коучинга, технологии обучения взрослых или психологические подходы» [39, с. 8]. Таким образом, психология коучинга объединяет различные подходы к коучингу как помогающей практике на основе теории психологии и педагогики (андрагогики). Центральной проблемой исследований в психологии коучинга стала проблема эффективности коучинга [26]. Появилось множество качественных и количественных исследований, посвященных качеству коучинговых отношений и различным инструментам коучинга как факторам его эффективности. Возник также вопрос о сравнительной эффективности того или иного теоретического подхода, на который опирается коучинг. В России данное направление исследований практически не представлено, что является большим упущением для развития коучинга как помогающей практики.

Методы оценки эффективности коучинга

Отсутствие систематических исследований эффективности коучинга приводит к скептическому отношению к нему как к помогающей практике. В немногочисленных российских исследованиях, посвященных эффективности коучинга, используются в основном социологические или экономические инструменты. Так, ежегодные исследования ICF проводятся в виде социологических опросов и основываются на субъек-

тивной оценке руководителем эффективности проведенного в организации коучинга. Например, в исследовании ICF 2012 года [3] было опрошено 358 респондентов из различных регионов России. 52,7% из них указали, что в их организациях коучинг используется и чаще всего его проводят внутренние коучи. Выявлены также запросы, в связи с которыми проводится коучинг. Однако содержательного анализа эффективности коучинга в данном исследовании не проводилось. Исследований эффективности индивидуального коучинга еще меньше, так как собрать статистически значимую выборку для таких исследований достаточно сложно. Исследования, анализируемые в данной статье, в основном проводились на материале коучинга в организациях, однако методология может быть экстраполирована и на исследования индивидуального коучинга.

При оценке эффективности коучинга в организации разделяют экономическую и психологическую эффективность коучинга, последняя представляет для психологов наибольший интерес. Эффективность коучинга также рассматривается на индивидуальном и организационном уровнях, так как коучинг проводится с отдельными сотрудниками индивидуально, но влияет на организацию в целом. Методы, применяемые для оценки эффективности коучинга на индивидуальном уровне, могут применяться и в индивидуальном коучинге.

Среди психологических переменных, используемых для оценки эффективности коучинга, наиболее популярны вовлеченность персонала, снижение уровня стресса, рост жизнестойкости и психологического благополучия у сотрудников [24; 33]. Однако владельцы бизнеса обычно хотят видеть более «объективные» параметры эффективности. В качестве экономического показателя эффективности коучинга чаще всего используется ROI (return of investment [15]. Грант [23] критиковал экономический подход к оценке эффективности коучинга, так как из-за обилия побочных переменных сложно доказать причинно-следственную связь между коучингом и финансовыми результатами компании. Клаттербак [11] указывал на такие проблемы применения ROI, как критерии эффективности коучинга в организации, фокусирование на краткосрочных эффектах вместо долгосрочных и более трудно измеримых, а также на то, что в процессе коучинга цели могут меняться, поэтому методология, основанная на сравнении параметров «до» и «после», может быть неприменима к оценке коучинга. В метааналитическом исследовании [28] изучались формальные кри-

терии эффективности коучинга. Наиболее значимыми медиаторами оказались использование обратной связи и тип коучинга. При этом коучинг без использования обратной связи оказался более эффективен, а внутренний коучинг, вопреки ожиданиям, оказался эффективнее внешнего. Довольно много исследований, использующих опросники для оценки эффективности коучинга на уровне организационных переменных (организационная культура, организационная структура, коммуникации и т. д.) [47].

Лидхам [32] разработал систему показателей эффективности коучинга, которая включает четыре уровня: 1) базовые показатели: процесс коучинга, методы коучинга, навыки коуча, коучинговое пространство; 2) внутренние изменения клиента: более ясное видение и фокус на цели у клиента; уверенность и мотивация; 3) внешние изменения клиента: приобретенные навыки и поведенческие изменения; 4) бизнес-результаты.

Лоуренс и Уайт [31] разработали модель оценки организационного коучинга, которую назвали «Модель часовой башни для оценки коучинга первых лиц организации» (Clocktower Model of executive coaching evaluation, табл. 1).

Модель следует анализировать снизу вверх. Первый «этаж» башни — уровень целей коучинга, соотнесенных с бизнес-целями компании. Выверка целей на начальных этапах коучинга уже является методом оценки коучинга, так как от того, насколько точно сформулирована цель, зависит результат коучинга и его ценность для компании. В этом процессе обязательно участвуют все стейкхолдеры коучинга. Второй уровень — мотивация коуча и его вовлеченность в процесс коучинга. Третий уровень — методология коучинга — включает в себя создание особой развивающей атмосферы для коучи с помощью инструментов коучинга. Четвертый уровень — поведение — это уже критерий, который можно наблюдать со стороны и оценивать. Пятый уровень модели — результаты компании. Шестой уровень — ROI, этот показатель подсчитывается по специальным формулам и показывает финансовую эффективность применения коучинга в компании.

Формирующее оценивание коучинга означает, таким образом, процесс оценки эффективности коучинга не по оценке разницы между тем «что было» и

«что стало», а по процессу, начиная от первой встречи с коучем. На каждом этапе коучинга заказчик, следуя данной модели, может оценить эффективность процесса. При этом снизу вверх «башни» усиливается объективность и внешний характер оценки.

«Процессуальный» подход к анализу эффективности коучинга рассматривается также в обзоре Граф и Дион [21]. Авторы выделили несколько типов дизайна исследований эффективности коучинга: 1) исследования связи процесса и результата, когда берется какая-то переменная процесса коучинга и смотрится результат на выходе, используются преимущественно количественные методы; 2) исследования факторов эффективности, которые фокусируются на факторах изменения клиента (со стороны коуча, со стороны клиента, со стороны процесса), здесь чаще используются качественные методы; 3) микроанализ последовательности процесса — в таких исследованиях сочетаются количественные и качественные методы; 4) анализ ключевых событий в процессе коучинга и их влияния на результат. Авторы приходят к выводу о необходимости сочетать количественный и качественный подходы в исследованиях эффективности коучинга.

В приведенных исследованиях эффективность организационного коучинга рассматривалась с точки зрения организации (работодателя) или самого коуча. Другой подход к анализу эффективности коучинга — взгляд с точки зрения коучи (проходящего коучинг сотрудника). Исследования эффективности коучинга на индивидуальном уровне проводятся в основном с помощью опросников. Например, разработанный для этих целей опросник International Coaching Effectiveness Survey [44] включает в себя 6 блоков вопросов, которые позволяют оценить процесс коучинга: какую поддержку получил коучи, с какими барьерами он сталкивался. Таким образом, эффективность коучинга оценивается с помощью субъективной самооценки коучи. Однако, так как коучинг — процесс индивидуальный и каждая сессия уникальна и ориентирована на конкретный запрос, результаты таких опросов довольно сложно обобщать. Исследователи из Испании [4] на основе модели Киркпатрика разработали и проверили эмпирически собственную модель эффективности коучинга. В данной модели выделены три критерия эффективности коучинга: удовлетворенность коучи, его обу-

Таблица 1

Модель оценки эффективности коучинга в организации

	Уровень «башни»	Способ оценки
Формирующее оценивание эффективности коучинга	Возврат инвестиций (ROI)	Подсчет по формулам
	Результаты компании	Измерения показателей
	Поведение	Обратная связь, наблюдение, 360 градусов
	Коучинговая методология	Ведение коучем процесса
	Мотивация	Планирование коучем интервенций
	Цель	Выверка цели

чение и поведение, а также четыре группы факторов: фактор коуча, клиента, процесса и отношений. Построена структурная модель, которая продемонстрировала взаимовлияние данных переменных, среди которых основной оказалась «удовлетворенность» коучи взаимодействием с коучем, а удовлетворенность, в свою очередь, определила эффективность обучения и изменения в поведении. Авторами разработана и валидизирована методика оценки эффективности коучинга, которая может быть использована как в организационном, так и в индивидуальном формате.

Еще один подход к исследованию эффективности коучинга — модель формирующего эксперимента или квазиэксперимента (оценка выбранных переменных до и после коучинга). Чтобы доказать психологическую эффективность коучинга, исследователи используют такие переменные, как уровень стресса, самочувствие, рефлексия, внимательность, организационная приверженность и другие [45]. Однако такие переменные часто выбираются произвольно, в зависимости от предпочтений автора.

Таким образом, в работах прослеживаются две основные стратегии дизайна исследований оценки эффективности коучинга: 1) оценка «по процессу» — последовательная оценка эффективности процесса коучинга и его составляющих на каждом из его этапов; 2) оценка «по результату» — оценка результативности коучинга с использованием субъективных и объективных переменных, в этом случае замер производится до и после проведения коучинга. Чаще всего для измерения используются опросники и субъективная обратная связь коучи, количественные методы применяются в основном для оценки экономической эффективности коучинга. Достоверность исследований ограничена сложностями оценки в условиях длительного коучинга и трудностями обобщения полученных результатов.

Нам представляется, что модель «часовой башни» может быть основой для разработки более глобальной модели оценки эффективности коучинга. При этом она должна включать в себя переменные и процесса, и результата. Сочетание качественных и количественных методов поможет получить валидные результаты, не потеряв при этом содержательных переменных.

Основные теоретические подходы в коучинге и их эффективность

Значительное место в исследованиях эффективности коучинга занимают исследования эффективности различных теоретических подходов. По мнению Улановского [2, с. 61], коучинг в настоящее время представляет собой «синтез развивающих практик, новаторских идей в психотерапии и оригинальных авторских методов». При этом большинство из объяснительных моделей коучинг заимствует из психологии или смежных наук. Виноградова [1] отмечает определенное сходство практик психотерапии и коучинга, и

одно из них — общность теоретических подходов. По сути, коучинг не имеет собственной теоретической базы, и основные теоретические подходы и соответственно инструменты были заимствованы из психотерапевтических школ.

Масштабный опрос Henley Business School и European Coaching & Mentoring Council (EMCC), проведенный в 2017 году для 45 европейских стран показал, что коучи работают в 10 концептуальных подходах. В общей сложности в исследовании приняли участие 2898 специалистов. Перечислим концептуальные подходы в порядке убывания степени распространенности: поведенческий коучинг (модель GROW), ориентированный на решение коучинг, НЛП-коучинг, когнитивно-поведенческий коучинг, транзактно-аналитический коучинг, коучинг с опорой на мотивационное интервью, гештальт-коучинг, психодинамический коучинг, трансперсональный и экзистенциальный коучинг [26].

Одним из самых распространенных подходов, таким образом, является когнитивно-бихевиоральный коучинг. В центре CBC (Cognitive-Behavioral Coaching) находится идея о том, что причина наших эмоциональных реакций на события — это наши представления о них, но не сами события. В этом подходе принято разделять мысли, препятствующие производительности (PITS, performance interfering thoughts) и мысли, повышающие производительность (PETS, performance enhancing thoughts) [37]. В CBC применяются модели ABCDE и SPACE. ABCDE — это самая широко используемая модель в CBC, она применяется тогда, когда продуктивности клиента мешает эмоциональный блок, или препятствие [46]. Модель SPACE применяется в программах executive-коучинга и в программах управления стрессом [17]. Модель SPACE может применяться параллельно с GROW.

Исследования эффективности CBC облегчаются наличием строгих протоколов и планов проведения коучинга, аналогичных протоколам в КПТ. Несколько исследований показывают эффективность когнитивно-поведенческого коучинга в организационном контексте. Так, программа СВ-ориентированного коучинга в глобальной консалтинговой компании на примере 38 руководителей среднего звена показала следующие результаты: у участников возросла уверенность в достижении цели, мышлении, ориентированном на решение, готовности к переменам, самоэффективности и лидерстве. Измерения производились дважды (до старта коучинговой программы и через 4 месяца после старта), для них использовались как количественные, так и качественные методы. Шкалы «Достижение цели» (GAS), «Сфокусированное на решение мышление» (SFI), «Совладание с изменениями» (CCS), «Самоэффективность», «Шкала депрессии, тревоги и стресса» обладают приемлемыми психометрическими свойствами [24].

Боузер и Саррос провели исследование с квазиэкспериментальным дизайном на базе израильских ком-

паний. 9-месячная программа executive-коучинга повысила удовлетворенность собственной карьерой у подопечных. В исследовании участвовали 4 коучинговых компании, предоставлявших услуги коучинга 72-м менеджерам среднего звена. К сильным сторонам исследования можно отнести следующее: процесс коучинга проходил по единой модели, была контрольная группа и использовались валидные и надежные инструменты измерения. Но при этом стиль коучей, их методы и инструменты в каждой конкретной сессии могли различаться, и влияние этих факторов не было учтено. Кроме этого, авторы сфокусированы на краткосрочных эффектах коучинга (измерения на основе самоотчетов руководителей проводились через 6—9 месяцев), и не исследуют долгосрочные и объективно наблюдаемые результаты [8].

Еще одним подходом из семейства СВС является рационально-эмотивный коучинг. В его основе лежит REBT Эллиса. REBT — это научно обоснованный подход, показавший свою эффективность в различных клинических исследованиях [13; 29]. К базовым моделям этого подхода можно отнести модели GRAPE, PRACTICE и ABC(DEF)G [7]. Модель ABCDE Эллиса была расширена Драйденом до ABCDEF)G специально для коучинга [16]. Эта модель используется в случае, если у клиента есть эмоциональные затруднения. Если же затруднения касаются поведения, то автор рекомендует применять модель PRACTICE. Модель PRACTICE разработана Палмером на основе теории решения проблем и предназначена для решения практических трудностей [36]. Она включает в себя идентификацию проблемы, постановку реалистичной цели, генерацию альтернатив, рассмотрение последствий возможных решений, разработку плана действий, реализацию и консолидацию выбранного решения, оценку успеха и контроль потерь.

В REBC используются специальные шкалы для оценивания: шкала управленческих рациональных и иррациональных убеждений [13], шкала рациональных и иррациональных убеждений сотрудников [18], сократический опрос, фокус на устранение вторичных эмоций (например, беспокойства о беспокойстве), способных усиливать эмоциональные проблемы, совместный эмпиризм, экспериментальная рамка [6]. Сравнительное исследование Комса и Дэвид показало, что модели PRACTICE и GROW одинаково эффективны в коучинге [14].

В исследовании с квазиэкспериментальным дизайном на примере 31 работника из британской финансовой организации Гилленстен и Палмер показали, что применение REBC приводит к снижению тревоги и стресса на рабочем месте [26]. Сильные стороны этого исследования — это квази-экспериментальный дизайн с претестами и посттестами, исследование эффектов коучинга на рабочем месте и надежные и валидные шкалы для измерения. Однако выборка недостаточно крупная для статистически мощного анализа. В следующем квазиэкспериментальном исследовании на при-

мере уже более объемной выборки (108 работников технических колледжей в Нигерии) показано, что в результате прохождения программы REBC у испытуемых отмечается снижение уровня профессионального стресса и повышение работоспособности [38]. В исследовании использовались методы самоотчета, не все психометрические свойства шкал измерения указаны (только альфа Кронбаха).

Дэвид с коллегами выяснили, что программа повышения управленческой эффективности, включающая сессию коучинга на базе REBC для 59 руководителей, оказывает позитивный эффект на производительность, стресс, лидерство и рациональное мышление [12]. Замеры производились до старта и через 6 месяцев. Отметим, что производительность измерялась объективными показателями без использования самоотчетов, что довольно редко встречается в такого рода исследованиях. Однако исследование не включало замеры для контрольной группы, и выборка в нем также, как и в других работах, довольно скромная.

Таким образом, когнитивно-поведенческий коучинг имеет хорошее обоснование, наиболее близкое к научным стандартам, используется квазиэкспериментальный дизайн, однако исследования часто ограничены количеством респондентов.

Еще один популярный и близкий СВС подход — мотивационное интервью, ориентированное на повышение мотивации к изменениям [34; 40]. Он хорошо дополняет когнитивно-ориентированные подходы, показывая свою результативность в работе с клиентами, испытывающими сопротивление или амбивалентное отношение к новым целям [41; 42; 43]. Мотивационное интервью опирается на трансформационную модель изменения ДиКлементе—Проходки из психологии и психотерапии здоровья, однако продуктивно используется в организационной психологии [49]. Предметом работы коуча в этом подходе является амбивалентность клиента в отношении изменений своего поведения. Для работы с амбивалентностью в отношении изменения поведения коуч вместе с коучи могут использовать как широко известные инструменты, например, технику шкалирования (от 1 до 10), так и специфические для этого подхода техники, например, «Повестка» («Agenda Mapping»), «Беседа о признании перемен» («Recognising change talk») и «Баланс перемен» («Change balance Sheet») [40; 41; 42; 43]. Эта амбивалентность рассматривается в качестве отправной точки для работы. Эффективность мотивационного интервью для формирования новых привычек и изменения поведения в отношении здоровья многократно подтверждена исследованиями. Эффективность МИ на рабочем месте пока представлена качественными исследованиями отдельных кейсов коучинга для британских топ-менеджеров. Несколько количественных исследований показали пользу от применения МИ в организационной практике. На примере 99 руководителей Э. Грант показал, что

уровень готовности к применению навыков коучинга растет с переходом от стадии pre-contemplation к стадии preparation/planning [22].

В основе другого подхода, SF коучинга, лежит краткосрочная терапия, ориентированная на решение (Solution Focused Brief Therapy, SFBT) американских психотерапевтов Берга и де Шейзера [5; 35]. Это хорошо структурированный подход, ориентированный на будущее. Принципы коучинга, ориентированного на решение, представляют собой адаптированные принципы из SFBT [5; 35]. Предметом работы менеджера-коуча, использующего SF-подход на встрече с подопечным, являются прояснение ожиданий от совместной работы, выявление областей неудовлетворенности в работе, обзор того, что уже было предпринято подопечным или предпринимается сейчас для достижения целей, поиск того, что можно сделать иначе [27]. Эффективность краткосрочной терапии, ориентированной на решение, научно обоснована, это отражено в исследованиях [19; 20]. Что же касается SF коучинга, мы обнаружили преимущественно методические статьи с описанием отдельных инструментов, моделей сессий, но недостаточно эмпирических исследований в рамках этого подхода [48; 25]. Таким образом, эффективность коучинга, сфокусированного на решении, нуждается в эмпирической проверке.

Психодинамический подход в коучинге вообрал в себя представления из трех основных теорий: работ Фрейда, теории объектных отношений Кляйн—Винникота и теории самости Кохута [10]. Он отличается долгосрочностью и ориентацией на глубокий анализ эмоций, опирающийся на классические представления из области психоанализа. Предметом работы психоаналитически ориентированного коуча становится динамика взаимоотношений лидера и работников организации в свете моделей взаимоотношений и тех, и других, сложившихся в раннем детстве. Для анализа организационной реальности применяются понятия «нарциссизм» (в отношении лидера) и «перенос» [30]. Внимание коуча и клиента сосредоточено на связи настоящего с прошлым, анализе защитных механизмов, влияющих на актуальную рабочую ситуацию [9]. Однако, как отмечает Сэндлер, анализ прошлых взаимосвязей не является основным путем работы коуча [45]. Эффективность психоаналитически-ориентированного коучинга к настоящему моменту недостаточно обоснована. Количественные исследования, эмпирически подтверждающие эффективность подхода, с экспериментальным или квазиэкспериментальным дизайном, пока не были нами обнаружены.

Таким образом, когнитивно-бихевиоральный подход в коучинге и его вариации являются наиболее проработанными с точки зрения доказанной эффективности. Достоверность результатов исследований в рамках других подходов ограничена применением преимущественно качественных и опросных методов, небольшими выборками, трудностями контролирования побочных переменных.

Выводы

1. Эффективность коучинга может оцениваться на индивидуальном и организационном уровнях. Выделяют также экономическую и психологическую эффективность коучинга, которые могут рассматриваться как уровни эффективности.

2. Существуют две основные модели оценки эффективности коучинга: по результату и по процессу. При оценке «по результату» сравнивается состояние системы до и после коучинга по заданным заранее параметрам. При оценке «по процессу» оценивается эффективность самого процесса коучинга начиная от первой встречи коуча с заказчиком. Для такой оценки могут использоваться уровневые модели (например, модель «часовой башни»).

3. Существует значительное количество исследований эффективности коучинга в рамках отдельных теоретических подходов, однако сравнительные исследования эффективности различных подходов все еще остаются вопросом дальнейших исследований.

4. Исследования эффективности коучинга чаще всего представлены в рамках когнитивно-бихевиорального подхода, что очевидно связано с наличием формализованной методологии. Активно развиваются также исследования в рамках модальностей, однако исследования эффективности затрудняются здесь значительной вариативностью, как процессуальных, так и побочных переменных.

5. Исследования эффективности коучинга имеют ряд ограничений, обусловленных особенностями самой практики: 1) небольшие выборки респондентов (достаточно сложно обеспечить большие выборки при длительной индивидуальной работе); 2) среди методов преобладают опросные методы и субъективная обратная связь коуча, в лучшем случае — квазиэкспериментальный план исследования; 3) в исследованиях эффективности коучинга затруднен контроль побочных переменных.

6. Для более достоверных результатов необходимо развитие количественных и объективных методов оценки. Несмотря на то, что коучи-практики часто опираются на предположение о наличии психофизиологических оснований эффективности коучинга, таких исследований среди опубликованных работ нами не обнаружено. По-видимому, это одно из перспективных направлений исследований в данной области.

Проведенный анализ позволяет предложить перспективные направления исследований эффективности коучинга: 1) использование сочетания количественных и качественных методов исследования; 2) сравнительные исследования эффективности различных теоретических подходов и школ коучинга; 3) исследование психофизиологических механизмов эффективности коучинга с помощью инструментальных методов; 4) поиск переменных, наиболее точно отвечающих целям измерения эффективности коучинга. Перспективным направлением представляется также разработка общей модели исследования эффективности коучинга, включающей все проанализированные выше уровни и методологии.

Литература

1. Виноградова Е.Л. Коучинг и психотерапия: возможности пересечения практик [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 1. С. 200—219. URL: <https://psyjournals.ru/mpj/2010/n1/27896.shtml> (дата обращения: 01.03.2022).
2. Улановский А.М. Коучинг с оглядкой на науку: практики позитивной жизни [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Том 9. № 4. С. 59—80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kouching-s-oglyadkou-na-nauku-praktiki-pozitivnoy-zhizni> (дата обращения: 01.03.2022).
3. Чухно Ю.А. Рынок коучинга в России: исследование ICF-Россия 2012 [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2014. № 1. С. 25—32. URL: [https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2014/07/22/1310875940/2014_1_4\(Чухно\)25-32.pdf](https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2014/07/22/1310875940/2014_1_4(Чухно)25-32.pdf) (дата обращения: 01.03.2022).
4. Analysis of executive coaching effectiveness: A study from the coachee perspective. *Management Letters* / E. Albizu, I. Rekalde, J. Landeta, P. Ferrín // *Cuadernos de Gestión*. 2019. Vol. 19. № 2. P. 33—52. DOI:10.5295/cdg.170876ea
5. Berg I., De Jong P. Interviewing for solutions. California: Brooks/Cole, 2002. 336 p.
6. Bernard M., David O. Coaching for Rational Living: Theory, Techniques and Applications. Springer International Publishing AG, 2018. 483 p. DOI:10.1007/978-3-319-74067-6
7. Bernard M., Dryden W. Advanced in REBT: Theory, Practice, Research, Measurement, Prevention and Promotion. Cham: Springer International Publishing, 2019. 391 p. DOI:10.1007/978-3-319-93118-0
8. Bozer G., Sarros J. Examining the effectiveness of executive coaching on coachees' performance in the Israeli context [Электронный ресурс] // *International Journal of Evidence Based Coaching and Mentoring*. 2012. Vol. 10. № 1. P. 14—32. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2012-08455-003> (дата обращения: 01.03.2022).
9. Brunning H. Executive Coaching: Systems — psychodynamic perspectives. London: Karnac, 2006. 304 p. DOI:10.4324/9780429474385
10. Christopoulou G. The Psychodynamic Approach to Executive Coaching // *Journal of Regional Socio-Economic Issues*. 2018. Vol. 8. Special Issue 1. P. 39—45.
11. Clutterbuck D., Megginson D. Making Coaching Work: Creating a Coaching Culture. London: Chartered Institute of Personnel and Development, 2005. 180 p.
12. Coaching banking managers through the financial crisis: Effects on stress, resilience, and performance / O. David, I. Ionicioiu, C. Imbarus, F. Sava // *Journal of Rational-Emotive and Cognitive-Behavioral Therapy*. 2016. Vol. 34. № 4. P. 267—281. DOI:10.1007/s10942-016-0244-0
13. David D., Freeman A., DiGiuseppe R. Rational and irrational beliefs. Implications for research, theory, and practice [Электронный ресурс] // *Rational and irrational beliefs: Research, theory, and clinical practice* / Eds. D. David, S.J. Lynn, A. Ellis. New York: Oxford University Press, 2010. P. 195—217. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2009-13412-010> (дата обращения: 01.03.2022).
14. David O. REBT in coaching // *Advances in REBT: Theory, practice, research, measurement, prevention and promotion* / Eds. M.E. Bernard, W. Dryden. Springer Nature Switzerland AG, 2019. P. 267—287. DOI:10.1007/978-3-319-93118-0_12
15. De Meuse K., Dai G., Lee R. Evaluating the effectiveness of executive coaching: Beyond ROI. *Coaching: An International Journal of Theory // Research and Practice*. 2009. Vol. 2. № 2. P. 117—134. DOI:10.1080/17521880902882413
16. Dryden W. Rational emotive behavioural coaching: Distinctive features. London: Routledge, 2017. 206 p. DOI:10.4324/9781315159737
17. Edgerton N., Palmer S. SPACE: A psychological model for use within cognitive behavioural coaching, therapy and stress management // *The Coaching Psychologist*. 2005. Vol. 2. № 2. P. 25—31.
18. Gavița O., Duță T. The employee rational and irrational beliefs scale: Preliminary validation // *Transylvanian Journal of Psychology*. 2013. Vol. 14. № 1. P. 19—39.
19. Gong H., Hsu W. A meta-analysis on the effectiveness of solution-focused brief therapy: evidences from mainland and Taiwan // *Studies of Psychology and Behaviors (CSSCI)*. 2015. Vol. 13. № 6. P. 709—803.
20. Gong H., Hsu W. The effectiveness of solution-focused group therapy in ethnic Chinese school settings: a meta-analysis // *International Journal of Group Psychotherapy*. 2017. Vol. 67. № 3. P. 383—409. DOI:10.1080/00207284.2016.1240588
21. Graf E-M., Dionne F. Coaching research in 2020. About destinations, journeys and travelers // *International Coaching Psychology Review*. 2021. Vol. 16. № 2. P. 6—21.
22. Grant A. It takes time: A stages of change perspective on the adoption of workplace coaching skills // *Journal of Change Management*. 2010. Vol. 10. № 1. P. 61—77. DOI:10.1080/14697010903549440
23. Grant A. ROI is a poor measure of coaching success: towards a more holistic approach using a well-being and engagement framework // *Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice*. 2012. Vol. 5. № 2. P. 74—85. DOI:10.1080/17521882.2012.672438
24. Grant A. The efficacy of executive coaching in times of organisational change // *Journal of Change Management*. 2014. Vol. 14. № 2. P. 258—280. DOI:10.1080/14697017.2013.805159
25. Grant A., Green L., Rynsaardt J. Developmental coaching for high school teachers: executive coaching goes to school // *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 2010. Vol. 62. № 3. P. 151—168. DOI:10.1037/a0019212

26. Handbook of coaching psychology. A guide for practitioners / Ed. S. Palmer, A. Whybrow. New York: Routledge, 2019. 599 p.
27. Iveson C., George E., Ratner H. Brief coaching: A solution focused approach. London: Routledge, 2012. 216 p. DOI:10.4324/9780203144411
28. Jones R., Woods S., Guillaume Y. The effectiveness of workplace coaching: A meta-analysis of learning and performance outcomes from coaching // Journal of Occupational & Organizational Psychology. 2016. Vol. 89. № 2. P. 249—277. DOI:10.1111/joop.12119
29. Katsikis D. Evidence-based research: The importance for the present and future of evidence-based practice [Электронный ресурс] // Journal of Evidence-Based Psychotherapies. 2014. Vol. 14. № 2. P. 259—270. URL: <https://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=aph&AN=98776731&lang=ru&site=ehost-live> (дата обращения: 01.03.2022).
30. Kilburg R. When Shadows Fall: Using Psychodynamic Approaches in Executive Coaching // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 2004. Vol. 56. № 4. P. 246—268. DOI:10.1037/1065-9293.56.4.246
31. Lawrence P., Whyte A. Return on investment in executive coaching: a practical model for measuring ROI in organizations // Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice. 2014. Vol. 7. № 1. P. 4—17. DOI:10.1080/17521882.2013.811694
32. Leedham M. The coaching scorecard: A holistic approach to evaluating the benefits of business coaching // International Journal of Evidence Based Coaching and Mentoring. 2005. Vol. 3. № 2. P. 30—44.
33. Mackie D. Evaluating the effectiveness of executive coaching: Where are we now and where do we need to be? // Australian Psychologist. 2007. Vol. 42. № 4. P. 310—318. DOI:10.1080/00050060701648217
34. Miller W., Rollnick S. Motivational Interviewing: Preparing people for change. 2nd ed. New York: Guilford Press. Passmore, 2007. 428 p.
35. More Than Miracles: The State of the Art of Solution-Focused Brief Therapy / S. Shazer, Y. Dolan, H. Korman, T. Trepper, E. Mccollum, I. Berg. New York: Routledge, 2021. 200 p.
36. Neenan M., Palmer S. Cognitive behavioural coaching [Электронный ресурс] // Stress News. 2001. Vol. 13. № 3. P. 14—18. URL: <https://www.managingstress.com/cognitive-behavioural-coaching> (дата обращения: 01.03.2022).
37. Neenan M., Palmer S. Cognitive behavioural coaching in practice: An evidence-based approach. London: Routledge, 2012. 272 p. DOI:10.4324/9780203144404
38. Palmer S., Whybrow A. Handbook of Coaching Psychology. London: Routledge, 2019. 599 p. DOI:10.4324/9781315820217
39. Palmer S., Whybrow A. The coaching psychology movement and its development within the British Psychological Society // International Coaching Psychology Review. 2006. Vol. 1. № 1. P. 5—11.
40. Passmore J. Coaching Psychology Techniques section MI techniques: Agenda Mapping // The Coaching Psychologist. 2013. Vol. 9. № 1. P. 32—35.
41. Passmore J. MI — Balance sheet technique // The Coaching Psychologist. 2011. Vol. 7. № 2. P. 151—153.
42. Passmore J. MI techniques — Recognizing change talk // The Coaching Psychologist. 2012. Vol. 8. № 2. P. 107—110.
43. Passmore J. MI techniques: The typical day // The Coaching Psychologist. 2012. Vol. 8. № 1. P. 50—52.
44. Perspectives on effective coaching by those who have been coached / A. Carter, A. Blackman, B. Hicks, M. Williams, R. Hay // International Journal of Training and Development. 2017. Vol. 21. № 2. P. 73—91. DOI:10.1111/ijtd.12098
45. Sandler K. This way out // Coaching at work. 2011. Vol. 6. № 6. P. 31—35.
46. Skews R., Palmer S. Coaching psychology approaches and models // Introduction to Coaching Psychology / Eds. S. O’Riordan, S. Palmer. London: Routledge, 2021. 248 p.
47. Smirnova M., Silinevica I. Coaching effectiveness study // Latgale National Economy Research. 2018. Vol 1. P. 146—158. DOI:10.17770/lner2018vol1.10.3597
48. Spence G.B., Cavanagh M.J., Grant A.M. The Integration of Mindfulness Training and Health Coaching: An exploratory study // Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice. 2008. Vol. 1. № 2. P. 145—163. DOI:10.1080/17521880802328178
49. Stages of Change / P. Krebs, J. Norcross, J. Nicholson, J. Prochaska // Psychotherapy relationships that work: Evidence-based therapist responsiveness / Eds. J.C. Norcross, B.E. Wampold. Oxford University Press, 2019. P. 296—328. DOI:10.1093/med-psych/9780190843960.003.0010

References

1. Vinogradova E.L. Kouching i psikhoterapiya: vozmozhnosti peresecheniya praktik [Coaching and psychotherapy: the intersection possibilities of the practices] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2010, no. 1, pp. 200—219. URL: <https://psyjournals.ru/mpj/2010/n1/27896.shtml> (Accessed 01.03.2022). (In Russ.).
2. Ulanovskii A.M. Kouching s oglyadkoi na nauku: praktiki pozitivnoi zhizni [Science-Based Coaching: Positive Living Practices] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. Vol. 9, no. 4, pp. 59—80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kouching-s-oglyadkoy-na-nauku-praktiki-pozitivnoy-zhizni> (Accessed 01.03.2022). (In Russ.).

3. Chukhno Yu.A. Rynok kouchinga v Rossii: issledovanie ICF-Rossiya 2012 [Coaching market in Russia: ICF-Russia 2012 study] [Elektronnyi resurs]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2014, no. 1, pp. 25—32. URL: [https://orgpsjournal.hse.ru/data/2014/07/22/1310875940/2014_1_4\(Чухно\)25-32.pdf](https://orgpsjournal.hse.ru/data/2014/07/22/1310875940/2014_1_4(Чухно)25-32.pdf) (Accessed 01.03.2022). (In Russ.).
4. Albizu E., Rekalde I., Landeta J., Ferrin P. Analysis of executive coaching effectiveness: A study from the coachee perspective. *Management Letters. Cuadernos de Gestión*, 2019. Vol. 19, no. 2, pp. 33—52. DOI:10.5295/cdg.170876ea
5. Berg I., De Jong P. *Interviewing for solutions*. California: Brooks/Cole, 2002. 336 p.
6. Bernard M., David O. *Coaching for Rational Living: Theory, Techniques and Applications*. Springer International Publishing AG, 2018. 483 p. DOI:10.1007/978-3-319-74067-6
7. Bernard M., Dryden W. *Advanced in REBT*. Cham: Springer International Publishing, 2019. 391 p. DOI:10.1007/978-3-319-93118-0
8. Bozer G., Sarros J. Examining the effectiveness of executive coaching on coachees' performance in the Israeli context [Elektronnyi resurs]. *International Journal of Evidence Based Coaching and Mentoring*, 2012. Vol. 10, no. 1, pp. 14—32. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2012-08455-003> (Accessed 01.03.2022).
9. Brunning H. *Executive Coaching: Systems — psychodynamic perspectives*. London: Karnac, 2006. 304 p. DOI:10.4324/9780429474385
10. Christopoulou G. The Psychodynamic Approach to Executive Coaching. *Journal of Regional Socio-Economic Issues*, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 39—45.
11. Clutterbuck D., Megginson D. *Making Coaching Work: Creating a Coaching Culture*. London: Chartered Institute of Personnel and Development, 2005. 180 p.
12. David O., Ionicioiu I., Imbarus C., Sava F. Coaching banking managers through the financial crisis: Effects on stress, resilience, and performance. *Journal of Rational-Emotive and Cognitive-Behavioral Therapy*, 2016. Vol. 34, no. 4, pp. 267—281. DOI:10.1007/s10942-016-0244-0
13. David D., Freeman A., DiGiuseppe R. Rational and irrational beliefs. Implications for research, theory, and practice [Elektronnyi resurs]. In David D., Lynn S.J., Ellis A. (eds.), *Rational and irrational beliefs: Research, theory, and clinical practice*. New York: Oxford University Press, 2010. P. 195—217. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2009-13412-010> (Accessed 01.03.2022).
14. David O. REBT in coaching. In Bernard M.E., Dryden W. (eds.), *Advances in REBT: Theory, practice, research, measurement, prevention and promotion*. Springer Nature Switzerland AG, 2019, pp.267—287. DOI:10.1007/978-3-319-93118-0_12
15. De Meuse K., Dai G., Lee R. Evaluating the effectiveness of executive coaching: Beyond ROI. *Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice*, 2009. Vol. 2, no. 2, pp. 117—134. DOI:10.1080/17521880902882413
16. Dryden W. *Rational emotive behavioural coaching: Distinctive features*. London: Routledge, 2017. 206 p. DOI:10.4324/9781315159737
17. Edgerton N., Palmer S. SPACE: A psychological model for use within cognitive behavioural coaching, therapy and stress management. *The Coaching Psychologist*, 2005. Vol. 2, no. 2, pp. 25—31.
18. Gavița O., Duță T. The employee rational and irrational beliefs scale: Preliminary validation. *Transylvanian Journal of Psychology*, 2013. Vol. 14, no. 1, pp. 19—39.
19. Gong H., Hsu W. A meta-analysis on the effectiveness of solution-focused brief therapy: evidences from mainland and Taiwan. *Studies of Psychology and Behaviors (CSSCI)*, 2015. Vol. 13, no. 6, pp. 709—803.
20. Gong H., Hsu W. The effectiveness of solution-focused group therapy in ethnic Chinese school settings: a meta-analysis. *International Journal of Group Psychotherapy*, 2017. Vol. 67, no. 3, pp. 383—409. DOI:10.1080/00207284.2016.1240588
21. Graf E-M., Dionne F. Coaching research in 2020. About destinations, journeys and travelers. *International Coaching Psychology Review*, 2021. Vol. 16, no. 2, pp. 6—21.
22. Grant A. It takes time: A stages of change perspective on the adoption of workplace coaching skills. *Journal of Change Management*, 2010. Vol. 10, no. 1, pp. 61—77. DOI:10.1080/14697010903549440
23. Grant A. ROI is a poor measure of coaching success: towards a more holistic approach using a well-being and engagement framework. *Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice*, 2012. Vol. 5, no. 2, pp. 74—85. DOI:10.1080/17521882.2012.672438
24. Grant A. The efficacy of executive coaching in times of organisational change. *Journal of Change Management*, 2014. Vol. 14, no. 2, pp. 258—280. DOI:10.1080/14697017.2013.805159
25. Grant A., Green L., Rynsaardt J. 2010. Developmental coaching for high school teachers: executive coaching goes to school. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 2010. Vol. 62, no. 3, pp. 151—168. DOI:10.1037/a0019212
26. Palmer S., Whybrow A. (eds.) *Handbook of coaching psychology. A guide for practitioners*. New York: Routledge, 2019. 599 p.
27. Iveson C., George E., Ratner H. *Brief coaching: A solution focused approach*. London: Routledge, 2012. 216 p. DOI:10.4324/9780203144411
28. Jones R., Woods S., Guillaume Y. The effectiveness of workplace coaching: A meta-analysis of learning and performance outcomes from coaching. *Journal of Occupational & Organizational Psychology*, 2016. Vol. 89, no. 2, pp. 249—277. DOI:10.1111/joop.12119

29. Katsikis D. Evidence-based research: The importance for the present and future of evidence-based practice [Elektronnyi resurs]. *Journal of Evidence-Based Psychotherapies*, 2014. Vol. 14, no. 2, pp. 259—270. URL: <https://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=aph&AN=98776731&lang=ru&site=ehost-live> (Accessed 01.03.2022).
30. Kilburg R. When Shadows Fall: Using Psychodynamic Approaches in Executive Coaching. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 2004. Vol. 56, no. 4, pp. 246—268. DOI:10.1037/1065-9293.56.4.246
31. Lawrence P., Whyte A. Return on investment in executive coaching: a practical model for measuring ROI in organizations. *Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice*, 2014. Vol. 7, no. 1, pp. 4—17. DOI:10.1080/17521882.2013.811694
32. Leedham M. The coaching scorecard: A holistic approach to evaluating the benefits of business coaching. *International Journal of Evidence Based Coaching and Mentoring*, 2005. Vol. 3, no. 2, pp. 30—44.
33. Mackie D. Evaluating the effectiveness of executive coaching: Where are we now and where do we need to be? *Australian Psychologist*, 2007. Vol. 42, no. 4, pp. 310—318. DOI:10.1080/00050060701648217
34. Miller W., Rollnick S. Motivational Interviewing: Preparing people for change. 2nd ed. New York: Guilford Press. Passmore, 2007. 428 p.
35. Shazer S., Dolan Y., Korman H., Trepper T., Mccollum E., Berg I. More than Miracles: The State of the Art of Solution-Focused Brief Therapy. New York: Routledge, 2021. 200 p.
36. Neenan M., Palmer S. Cognitive behavioural coaching [Elektronnyi resurs]. *Stress News*, 2001. Vol. 13, no. 3, pp. 14—18. URL: <https://www.managingstress.com/cognitive-behavioural-coaching> (Accessed 01.03.2022).
37. Neenan M., Palmer S. Cognitive behavioural coaching in practice: An evidence-based approach. London: Routledge, 2012. 272 p. DOI:10.4324/9780203144404
38. Palmer S., Whybrow A. Handbook of Coaching Psychology. London: Routledge, 2019. 599 p. DOI:10.4324/9781315820217
39. Palmer S., Whybrow A. The coaching psychology movement and its development within the British Psychological Society. *International Coaching Psychology Review*, 2006. Vol. 1, no. 1, pp. 5—11.
40. Passmore J. Coaching Psychology Techniques section MI techniques: Agenda Mapping. *The Coaching Psychologist*, 2013. Vol. 9, no. 1, pp. 32—35.
41. Passmore J. MI — Balance sheet technique. *The Coaching Psychologist*, 2011. Vol. 7, no. 2, pp. 151—153.
42. Passmore J. MI techniques — Recognizing change talk. *The Coaching Psychologist*, 2012. Vol. 8, no. 2, pp. 107—110.
43. Passmore J. MI techniques: The typical day. *The Coaching Psychologist*, 2012. Vol. 8, no. 1, pp. 50—52.
44. Carter A., Blackman A., Hicks B., Williams M., Hay R. Perspectives on effective coaching by those who have been coached. *International Journal of Training and Development*, 2017. Vol. 21, no. 2, pp. 73—91. DOI:10.1111/ijttd.12098
45. Sandler K. This way out. *Coaching at work*, 2011. Vol. 6, no. 6, pp. 31—35.
46. Skews R., Palmer S. Coaching psychology approaches and models. In O’Riordan S., Palmer S. (eds.), *Introduction to Coaching Psychology*. London: Routledge, 2021. 248 p.
47. Smirnova M., Silinevica I. Coaching effectiveness study. *Latgale National Economy Research*, 2018. Vol. 1, pp. 146—158. DOI:10.17770/lner2018vol1.10.3597
48. Spence G.B., Cavanagh M.J., Grant A.M. The Integration of Mindfulness Training and Health Coaching: An exploratory study. *Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice*, 2008. Vol. 1, no. 2, pp. 145—163. DOI:10.1080/17521880802328178
49. Krebs P., Norcross J., Nicholson J., Prochaska J. Stages of Change. In Norcross J.C., Wampold B.E. (eds.), *Psychotherapy relationships that work: Evidence-based therapist responsiveness*. Oxford University Press, 2019, pp. 296—328. DOI:10.1093/med-psych/9780190843960.003.0010

Информация об авторах

Антонова Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org//0000-0001-9009-1388>, e-mail: nvantonova@hse.ru

Наумцева Елена Александровна, профессиональный коуч, консультант, Консалтинговая компания Intend, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org//0000-0001-8058-6774>, e-mail: coachingv@gmail.com

Information about the authors

Natalia V. Antonova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org//0000-0001-9009-1388>, e-mail: nvantonova@hse.ru

Elena A. Naumtseva, Professional Coach, Consultant, Intend, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org//0000-0001-8058-6774>, e-mail: coachingv@gmail.com

Получена 30.06.2021

Received 30.06.2021

Принята в печать 10.01.2022

Accepted 10.01.2022

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ GENERAL PSYCHOLOGY

Методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка: возможности и ограничения для задач психологии личности

Кузьмина А.А.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0794-9131>, e-mail: kuzmina.alice@gmail.com

Лифшиц М.А.

Независимый исследователь, г. Нью-Йорк, США

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0079-0244>, e-mail: lifsh22m@ntholyoke.edu

Костенко В.Ю.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-3857>, e-mail: vasily.kostenko@gmail.com

Использование современных методов компьютерной лингвистики в психологических исследованиях открывает новые возможности, как для изучения вопросов личности и языка, так и для разработки методов психодиагностики. В данной статье рассматриваются основные возможные направления таких исследований, а также неочевидные нюансы, которые важны при их планировании. Максимально задействовать возможности методов компьютерной лингвистики позволит учет особенностей самих методов, системы языка, источников текстов и выборки их авторов, а также уровня теоретической проработки. Каждый из пунктов подробно рассмотрен на примерах уже проведенных исследований. Обзор не является исчерпывающим, однако позволяет создать общую картину методов для дальнейшего поиска решений конкретных исследовательских задач.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, обработка естественного языка, психология личности, анализ текстовых данных.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитаты: Кузьмина А.А., Лифшиц М.А., Костенко В.Ю. Методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка: возможности и ограничения для задач психологии личности [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 104—115. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110110>

Methods of Computational Linguistics and Natural Language Processing: Opportunities and Limitations for Personality Psychology Tasks

Alisa A. Kuzmina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0794-9131>, e-mail: kuzmina.alice@gmail.com

Maria A. Lifshits

Independent researcher, New York, USA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0079-0244>, e-mail: lifsh22m@ntholyoke.edu

Vasily Yu. Kostenko

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-3857>, e-mail: vasily.kostenko@gmail.com

The use of modern methods of computational linguistics in psychological research opens up new possibilities both for the study of personality and language and for the development of psychodiagnostics methods. This article discusses the main possible directions of such research, as well as non-obvious nuances that are important in their planning. Maximum use of the methods of computational linguistics will allow to consider the characteristics of the methods themselves, the language system, sources of texts and a sample of their authors, as well as the level of theoretical development. Each of the points will be considered in detail on the examples of studies already conducted. This review is not exhaustive but allows to create a general picture for the further search for solutions to specific research problems.

Keywords: computational linguistics, natural language processing, personality psychology, textual data analysis.

Funding. This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

For citation: Kuzmina A.A., Lifshits M.A., Kostenko V.Yu. Methods of Computational Linguistics and Natural Language Processing: Opportunities and Limitations for Personality Psychology Tasks. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 104—115. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110110> (In Russ.).

Введение

Запрос психологии на особые методы обработки текстовых данных исходит из самого факта активного использования этого типа данных в исследованиях. В настоящее время текст является частью исследований, привлекающих методы интервью, дневниковые записи, эссе, вербальные проективные методики, а также использующих публикации как источник данных для исторического и методологического анализа. При «ручной» обработке таких данных поднимаются вопросы ограниченности ресурсов исследователя, субъективности экспертов, размера выборки или обрабатываемого объема данных.

Существует мнение, что исследовательский проект Вальтера Вайнтрауба по изучению естественного языка методом подсчета слов и фраз [52] не был активно поддержан психологическим сообществом именно из-за трудоемкости и ограничений такой обработки данных [30].

Обращение к языку и лингвистическим характеристикам расширяет теоретический потенциал психологии. Так, базой для создания факторных моделей личности стало исследование словарей английского языка [4]. Р. Кеттел выделил из 4500 прилагательных 16 личностных факторов, на основе которых в дальнейшем была разработана пятифакторная модель личности — «Большая пятерка» [26]. Таким образом, анализ лингвистических единиц позволил разработать ряд моделей личности, которые значительно повлияли на развитие исследований устойчивых психологических черт.

Данная работа ставит своей задачей описать: 1) какими возможностями и ограничениями обладает перспектива привлечения методов компьютерной лингвистики в психологии; 2) каковы основные методы компьютерной лингвистики, которые уже были эффективно применены в теоретических, методических и эмпирических исследованиях в психологии личности. Особое внимание мы уделяем возможностям использования методов для русского языка, а также важным аспектам дизайна таких исследований — от формирования выборки до интерпретации результатов.

Компьютерная лингвистика и обработка естественного языка

Для понимания особенностей работы с методами обработки текстов, а также их сильных и слабых сторон важно определить поле их возникновения и применения.

Лингвистика в общем ее понимании — в первую очередь наука о языке, описывающая и изучающая его развитие и состояние, фокусирующаяся на языковой системе и языковой норме. Компьютерная же лингвистика занимается, в первую очередь, применением и изобретением вычислительных методов для решения задач лингвистики. В англоязычной литературе в качестве конкретных примеров основных задач компьютерной лингвистики чаще всего упоминаются машинный перевод, извлечение информации из текста и проблема коммуникации человека и компьютера [27]. Русскоязычная же литература определяет задачи несколько иначе, в первую очередь обозначая вопросы о компьютерном словообразовательном корпусе русского языка, статическом анализе синтаксических форм текста, формализацию делового разговора [2].

В данной статье мы фокусируемся на универсальном определении задач этой науки — в первую очередь на задаче извлечения информации из текста. Именно этот вектор развития методов расширяет возможности психологии, позволяя ученым работать с различным текстовым материалом на новом уровне доступных возможностей.

Задача компьютерной лингвистики по извлечению информации из текста и компьютерная лингвистика в целом напрямую соприкасаются с такой областью, как обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP).

Несмотря на то, что эти области часто считаются взаимозаменяемыми, это не соответствует действительному положению вещей. Граница между ними постепенно стирается, и задачи и цели становятся ближе друг к другу; однако главное различие этих двух областей состоит в задачах, которые перед ними стоят.

Компьютерная лингвистика в основном фокусируется на вопросах лингвистики и ответах на них в понятной человеку форме, тогда как обработка естественного языка до последнего времени была посвящена в первую очередь прикладной стороне вопроса, опираясь в этом на компьютерные науки, и мало внимания уделяла изучению теории языка [42].

Машинное обучение — третья область, часто упоминаемая вместе с компьютерной лингвистикой и обработкой естественного языка — появляется изначально отдельно от них и в первую очередь является набором методов, которые используются для решения определенных задач (рис. 1). Сочетая продвинутые статистические методы с теорией и возрастающей вычислительной мощностью компьютеров, машинное обучение оказывается способно моделировать закономерности, которые человек усмотреть не способен. Поэтому в последние годы, и особенно с распространением нейронных сетей, машинное обучение оказывается важной частью исследований, как в компьютерной лингвистике, так и в обработке естественного языка [13] (рис. 1).

Рис. 1. Взаимоотношения между компьютерной лингвистикой, обработкой естественного языка и машинным обучением

Основные методы анализа текстов и способы их применения

Главным достижением современных методов обработки текстовых данных является их разнообразие, в том числе в степени сложности применения. Для проведения успешного исследования необходимы навыки программирования на языке Python™, применения алгоритмов и структур данных и умение работать с технической документацией. Такие знания позволяют эффективно подбирать и применять методы

исследования (например, понимать, какой тип нейронной сети лучше всего подойдет для решения поставленной задачи), а также осмысленно интерпретировать полученные результаты. Однако применение отдельных методов возможно и при полном отсутствии навыков написания кода с использованием готовых удобных программ.

В данном разделе будут освещены основные методы обработки и анализа текстов по мере их усложнения с уточнением того, какие требования предъявляются к исследователю или его команде при переходе на следующий уровень сложности.

В табл. 1 приведены основные методы и инструменты для анализа и работы с текстовыми данными, которые уже активно использовались в психологических исследованиях или потенциально могли бы быть использованы для определенных исследовательских вопросов. Для каждого из методов и инструментов приводятся требования, необходимые навыки для применения, ссылка на техническую документацию и примеры использования для решения конкретных задач. Ниже мы разберем более подробно те методы, которые могут оказаться полезными для самого широкого круга исследователей.

Самым распространенным методом анализа текстов в психологии является LIWC (англ. Linguistic Inquiry and Word Count [46]). Метод представляет собой компьютерную программу, которая подсчитывает в текстовых файлах количество слов, относящихся к заданным категориям. Всего таких категорий слов в последней версии программы 2015 года более 50 [46]. Они состоят из грамматических категорий (например, части речи) и психологических лингвистических параметров (например, эмоциональные слова и слова, связанные с достижениями), которые выделялись группой экспертов на базе английского языка. LIWC широко используется для изучения различных феноменов на многих языках.

Основная критика метода относится к сложности интерпретации результатов в связи с отсутствием в алгоритме учета значения сочетаний слов. Так, предложения «Я никогда не был менее счастливым» и «Я самый счастливый человек на свете» могут быть закодированы программой как содержащие одинаковую долю слов с позитивными эмоциями [30]. Однако метод направлен именно на выявление тех особенностей использования языка, которые «ускользают» при чтении с пониманием смысла написанного.

Важно отметить особенности использования LIWC для русского языка. Отечественными исследователями отмечается серьезное ограничение русскоязычной версии словаря, которая была создана путем прямого перевода с английского [15]. В настоящее время предпринимаются попытки создания нового русскоязычного словаря [36]. Кроме того, подвергается сомнению эффективность использования для русского языка самого алгоритма программы [15]. Это связано с тем, что LIWC основан на анализе словарных основ слова,

Т а б л и ц а 1

Методы и инструменты компьютерной лингвистики применительно к задачам психологии личности

Метод	Требования	Использование	Тип
LIWC [46]	Программное обеспечение	Подсчет слов определенной категории	Метод
Тематическое моделирование [5]	Библиотеки Python™ и R, готовые модели [53], программное обеспечение	Выделение тем в тексте	Метод
Sentiment Analysis	Библиотека Python™, готовые модели [18], программное обеспечение	Анализ преобладающей эмоциональной составляющей	Метод
Анализ семантической связности текста [14]	Библиотека Python™, готовые модели	Анализ семантической связности	Метод
Оценка семантической сложности текста [8]	Библиотека Python™, готовые модели	Оценка семантической сложности	Метод
Классификация текстов [45]	Библиотека Python™, готовые модели	Разделение текстов по заданным категориям	Метод
PyMorphy [31]	Знание языка Python™	Лематизация, определение части речи и словоформ	Библиотека
Stylo [22]	Знание языка R	Идентификация автора, определение стилистики текста	Библиотека
Omnia Russica [43], Ruscorpora [1]	Умение работать с корпусом	Источник данных	Корпус
Slovnet [16]	Знание языка Python™	Морфологический анализ, синтаксис, распознавание понятий	Библиотека
Freeling [24]	Знание языка C++ или умение работать с командной строкой	Снятие омонимии, распознавание понятий, определение части речи	Библиотека
Gensim [41]	Знание языка Python™	Обработка текстов, тематическое моделирование, использование Word2Vec [3]	Библиотека
Google Cloud NLP [10]	Библиотека, готовые модели, программное обеспечение	Синтаксический анализ, определение эмоциональной составляющей, синтаксический анализ, создание моделей	Программное обеспечение, библиотека
Voyant tools [17]	Программное обеспечение	Облака слов, анализ текста, выделение главных тем и слов	Программное обеспечение
NLTK [9]	Библиотека	Методы естественной обработки языка	Библиотека

что полностью соответствует принадлежности английского к аналитической группе языков. Это языки, в которых отношения между словами во многом передаются через служебные слова [28]. Однако русский язык относится к синтетическим языкам, в которых важную роль играют зависимые морфемы (суффиксы, приставки и т. д.), способные полностью изменять словарные значения изначального слова.

Наличие в LIWC жесткого словаря относит его к методам с закрытым словарем (closed vocabulary). Примером методов с открытым словарем (open vocabulary), т. е. словарь которых создается на базе конкретных текстов, является тематическое моделирование.

Тематическое моделирование (англ. topic modeling) — это метод машинного обучения, основанный на кластеризации ключевых слов по близости их употребления. Метод позволяет разделить тексты на группы по темам и характерным для них термам. Примером термов для темы «спорт» могут быть такие слова, как «игрок», «счет» и «пенальти». Тексты, содержащие такие термы, с некоторой вероятностью относятся к одной группе. Так алгоритм анализирует каждый текст

из множества и выдает заданное количество тем, на которые эти тексты могут быть распределены.

Тематическое моделирование может быть использовано для автоматической классификации новостей или в рекомендательных системах. В случае же использования метода в исследовательских целях существенным ограничением является вероятностная основа результатов тематического моделирования, которые зачастую не поддаются интерпретации.

В связи с этим ограничением для реализации тематического моделирования мы рекомендуем использовать метод неотрицательной матричной факторизации (англ. non-negative matrix factorization, NMF; [35]), который превосходит, с точки зрения возможности интерпретации тем, более популярный метод латентного распределения Дирихле (англ. latent Dirichle allocation, LDA [12]).

Реализация методов тематического моделирования может осуществляться как на языках программирования с использованием специальных библиотек, т. е. сборников готовых подпрограмм, созданных для узких задач (например, Gensim (наиболее широко применя-

емая библиотека) или Scikit-learn для Python™ и Topicmodels для языка R), так и при помощи готовых решений с помощью таких программ и платформ, как MonkeyLearn™, Google Cloud NLP™, Aylien™, Meaning Cloud™ и BigML™.

Методы тематического моделирования успешно использовались в психологии в исследованиях Большой пятерки в целом [6] и черты открытости опыту — в частности [19], самоповреждающего поведения [50], публикациях о делирии [33] и многих других.

Как было отмечено выше, LIWC позволяет производить не только лексический, но и морфологический анализ, который также реализуется в программе с основой на заданный словарь. Альтернативой для анализа текстов на русском и украинском языках может служить **морфологический анализатор PyMorphu** [31], который представляет собой библиотеку для языка программирования Python™. Библиотека может быть использована как для лемматизации (то есть для процесса приведения слова к лемме, его словарной форме) для дальнейшего анализа другими методами, так и как самостоятельный метод морфологического анализа. Анализатор позволяет извлекать морфологические характеристики каждого слова: часть речи, падеж, род и т. д.

Примечательно, что анализатор позволяет определить характеристики как для существующих словарных слов, так и, например, для выдуманного слова (например, слово «бутявковедами» библиотека определяет как одушевленное существительное множественного числа, творительного падежа, мужского рода). Становится возможной работа с текстами с необычной лексикой, которая не входит в используемый библиотекой базовый словарь OpenCorpora. В психологических публикациях морфологический анализатор PyMorphu встречается, например, в исследованиях «Темных черт» [15] и субъективного благополучия [48].

Важно отметить, что омонимия в данном методе не снята полностью. К некоторым словам предлагаются несколько вариантов морфологического разбора с указанием вероятности правдоподобия каждого из них на основе частотности. Например, слово «стали» может быть как глаголом, так и существительным. При этом глагол является более общеупотребительным и такой разбор имеет больший вес.

Методы анализа текстов делают возможной автоматическую идентификацию авторства (automatic authorship identification). Из текста может быть извлечена такая информация об авторе, как, например, пол [7], возраст [29], родной язык [7], политическая ориентация [37] и даже результаты методики с сомнительной славой в области психодиагностики — теста Майерс-Брикс [34].

Подобные задачи относятся к **задаче классификации текстов**. Для классификации текстов существует множество подходов и готовых решений, но они, к сожалению, не универсальны, поэтому исследователю, вероятно, нужно будет подбирать и применять класси-

катор, ориентирующийся на особенности данных для каждой конкретной задачи. Существующие модели для более общих задач можно найти в библиотеках Tensorflow и PyTorch, а для имплементации собственной модели имеет смысл также использовать библиотеки Python™ Gensim и SciKit.

Возможные источники данных и требования к исследовательским текстам

Достоверность и надежность получаемых результатов во многом зависит от размера и содержания выборки. Ниже мы рассмотрим основные источники текстовых данных, их возможные альтернативы, а также затронем проблему репрезентативности выборки.

Публикации в социальных сетях являются самым популярным источником данных в психологических исследованиях с задачей классификации текстов. Изучение поведения в социальных сетях в целом и текстовых публикаций в частности, как объектов исследований, относится к области киберпсихологии. Однако отмечается, что данные, например, Facebook и Twitter используются в социальных науках даже в тех случаях, когда исследовательские вопросы напрямую не относятся к использованию социальных сетей [25, с. 11]. В таком случае социальная сеть выступает исключительно как источник данных.

Так, например, активно создаются методы оценки психологических характеристик по текстам в социальных сетях, которые потенциально могли бы конкурировать с методами самоотчета. Примером такой альтернативы является психодиагностическая модель оценки на основе языка (language-based assessment) черт Большой пятерки по данным социальной сети Facebook [6]. Схожим образом стало возможным определение у более 6,5 тысяч русскоговорящих пользователей Facebook черт «Темной триады» [15] и сильных сторон характера у более 4 тысяч англоговорящих пользователей Twitter из разных стран [47].

По мнению ряда исследователей, социальные сети, как источник данных, потенциально способны решить проблему нехватки респондентов в психологических исследованиях [25]. Пользователи социальных сетей ежедневно производят бесчисленное количество данных, которые могут быть проанализированы. Интерпретация и формулирование гипотез для такого рода анализа пересекается с исследовательскими задачами психологии.

Таким образом, междисциплинарное сотрудничество с компьютерной лингвистикой открывает новые возможности как для психологии, так и для других социальных наук, а также для общей науки о данных (data science).

Безусловно, в качестве источников данных для анализа текстов в психологических исследованиях могут использоваться не только публикации и сообщения в социальных сетях. Так, например, к созданию про-

граммы LIWC привел исследовательский проект Джеймса Пеннебейкера по изучению экспрессивного письма: респондентов просили писать в свободной форме о травматических событиях в течение 15—20 минут на протяжении трех—пяти дней [38]. Компьютерный анализ полученных эссе позволил выделить языковые паттерны, которые указывают на различные аспекты физического и психологического здоровья. Меньшее использование когнитивно нагруженных слов, большее количество слов о смерти и местоимений первого лица предсказывали увеличение симптомов посттравматического стрессового расстройства через 6 месяцев [21].

Исследования эссе направлены на изучение различных феноменов. Примером может служить исследование, посвященное сравнению речи преступников с выраженной психопатией и речи преступников без нее. В результате были выделены такие лингвистические маркеры, как высокая отстраненность (например, фраза «вы знаете»), большое количество личных местоимений, редкое упоминание других людей и низкая эмоциональная выразительность, особенно низкое число слов, связанных с тревогой [49]. Также встречаются исследования, направленные на изучение психических расстройств [32], феномена переживания приближения смерти [20], терроризма [51], музыкальных предпочтений [40] и многих других направлений.

В качестве данных могут также использоваться художественные тексты (например, созданные поэтами, совершившими суицид [44]), публикации в газетах [23], бланки проективных методик [39] и многие другие.

Объем текстовых данных может включать не только собственные данные исследователя, но и большие корпуса. Так сервис Google Books на момент 2010 года уже включал в себя 12% всех когда-либо опубликованных книг в оцифрованном виде и доступен для исследователей [30]. Особого внимания отечественных исследователей заслуживает Национальный корпус русского языка (НКРЯ), который включает в себя собрание различных текстов с подробной лингвистической разметкой: «от статьи современного музыкального критика до инструкции по уходу за кактусами, от рассказов Пелевина до справочника по физике» [1].

Множество технических инструментов различной сложности и источников данных разного объема потенциально становится мощным арсеналом психологических исследований и открывает широкие возможности, как для решения уже знакомых вопросов, так и для постановки методологически новых задач.

Однако в эмпирических исследованиях, связанных с анализом текстов, зачастую в недостаточной мере проработан аспект теоретического вклада.

В статье «Использование больших данных для развития теории личности» исследователи отмечают, что обращение к теории важно, как для повышения предсказательной силы методов машинного обучения, так и для интерпретации полученных результатов [11]. При этом нередко акцент ставится именно на предска-

зательной силе [54]. Авторы отмечают, что из-за недостаточной проработки конструктивной валидности методов компьютерной оценки становится затруднительной дальнейшая интерпретация результатов [11, с. 80].

Так, например, непонятно, как объяснить то, что люди с низким уровнем по шкале нейротизма чаще ставят лайки постам про способы заработка денег. Это приводит к тому, что большинство исследований в психологии личности, направленные на анализ текстовых данных, не вносят значительного теоретического вклада.

Таким образом, для того, чтобы исследование с использованием методов компьютерной лингвистики имело теоретический вес, необходимо учесть двойную модель (рис. 2): построить предположения на основе теории, а затем предложить подробную интерпретацию результатов с точки зрения выбранных теоретических позиций.

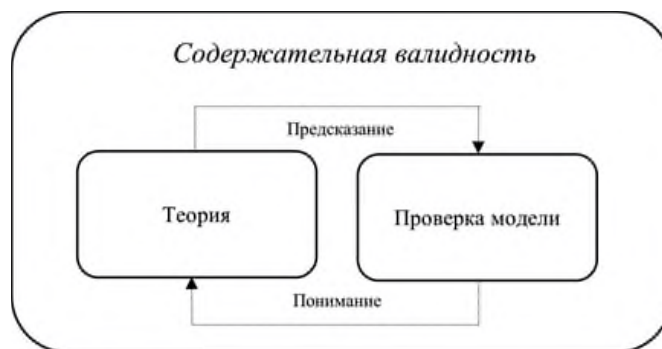

Рис. 2. Содержательная валидность результатов машинного обучения в социальных науках [адаптировано по: 11]

Заключение

Поисковые исследования, эмпирические проверки гипотез, построение теоретических моделей, методологические обзоры — каждое из возможных направлений психологического исследования допускает использование методов компьютерного анализа разнообразных текстовых данных.

Понимание различий и границ компьютерной лингвистики, естественной обработки языка и машинного обучения позволит психологу определить свой междисциплинарный исследовательский интерес относительно каждой из областей.

Проблемы, хорошо знакомые психологам и по другим областям исследований — репрезентативности выборки, адекватности источника данных целям исследования, теоретической проработки и интерпретации результатов — демонстрируют важность глубокого понимания не только технического аспекта, но и изучаемого феномена, а также методологии психологической науки в целом.

Подобные исследования, как правило, проводятся группами исследователей с привлечением специалистов по компьютерным наукам и компьютерной линг-

вистике. Даже базовые знания методов и инструментов в данной области знаний позволят психологу-исследователю строить междисциплинарное взаимодействие и предлагать сложные дизайны исследований.

В представленной статье освещены те инструменты и методы, которые одновременно современны и в достаточной степени проверены в работе с разнообраз-

ными текстовыми данными, что позволяет использовать их как надежную базу.

Безусловно, многие из технологий, которые также могут быть использованы в психологических исследованиях, не вошли в данный обзор. Новые модели и подходы продолжают создаваться и демонстрируют все большую предсказательную эффективность.

Литература

1. Плузьян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 6—20. URL: <https://ruscorpora.ru/new/sbornik2005/02plu.pdf> (дата обращения: 03.03.2022).
2. Ясулова Х.С., Шихиев Ш.Б. Прикладные задачи компьютерной лингвистики [Электронный ресурс] // Вестник Социально-педагогического института. 2015. Том 14. № 2. С. 46—49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26629630> (дата обращения: 03.03.2022).
3. Advances in pre-training distributed word representations [Электронный ресурс] / T. Mikolov, E. Grave, P. Bojanowski, C. Puhresch, A. Joulin // arXiv preprint arXiv:1712.09405. 2017. 4 p. URL: <https://arxiv.org/pdf/1712.09405.pdf> (дата обращения: 03.03.2022).
4. Allport G.W., Odbert H.S. Trait-names: A psycho-lexical study // Psychological monographs. 1936. Vol. 47. № 1. i-171. DOI:10.1037/h0093360
5. An analysis of the coherence of descriptors in topic modeling / D. O’Callaghan, D. Greene, J. Carthy, P. Cunningham // Expert Systems with Applications. 2015. Vol. 42. № 13. P. 5645—5657. DOI:10.1016/j.eswa.2015.02.055
6. Automatic personality assessment through social media language / G. Park, H.A. Schwartz, J.C. Eichstaedt, M.L. Kern, M. Kosinski, D.J. Stillwell, L.H. Ungar, M.E.P. Seligman // Journal of Personality and Social Psychology. 2015. Vol. 108. № 6. P. 934—952. DOI:10.1037/pspp0000020
7. Automatically profiling the author of an anonymous text / S. Argamon, M. Koppel, J.W. Pennebaker, J. Schler // Communications of the ACM. 2009. Vol. 52. № 2. P. 119—123. DOI:10.1145/1461928.1461959
8. Besharati M.R., Izadi M. DAST Model: Deciding About Semantic Complexity of Text by DAST Model [Электронный ресурс] // ArXiv. 2019. 40 p. URL: <http://arxiv.org/abs/1908.09080> (дата обращения: 03.03.2022).
9. Bird S., Loper E. NLTK: the natural language toolkit [Электронный ресурс] // COLING ACL 2006 : 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Proceedings of the Interactive Presentation Sessions Proceedings of the COLING/ACL 2006 Interactive Presentation Sessions. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics (ACL), 2006. P. 69—72. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/P04-3031.pdf> (дата обращения: 03.03.2022).
10. Bisong E. Google AutoML: Cloud Natural Language Processing // Building Machine Learning and Deep Learning Models on Google Cloud Platform / E. Bisong. Berkeley, CA: Apress, 2019. P. 599—612. DOI:10.1007/978-1-4842-4470-8_43
11. Bleidorn W., Hopwood C.J., Wright A.G. Using big data to advance personality theory // Current Opinion Behavioral Sciences. 2017. Vol. 18. P. 79—82. DOI:10.1016/j.cobeha.2017.08.004
12. Campbell J.C., Hindle A., Stroulia E. Latent Dirichlet Allocation // The Art and Science of Analyzing Software Data / C. Bird, T. Menzies, T. Zimmermann. Waltham, MA: Elsevier, 2015. P. 139—159. DOI:10.1016/B978-0-12-411519-4.00006-9
13. Clark A., Fox C., Lappin S. The handbook of computational linguistics and natural language processing [Электронный ресурс]. West Sussex, England : Wiley-Blackwell, 2013. 800 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=zBmom42eWPcC&lpq=PA3&hl=ru&pg=PA3#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 03.03.2022).
14. Crossley S.A., Kyle K., McNamara D.S. The tool for the automatic analysis of text cohesion (TAACO): Automatic assessment of local, global, and text cohesion // Behavior research methods. 2016. Vol. 48. № 4. P. 1227—1237. DOI:10.3758/s13428-015-0651-7
15. Dark personalities on Facebook: Harmful online behaviors and language / O. Bogolyubova, P. Panicheva, R. Tikhonov, V. Ivanov, Y. Ledovaya // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 78. P. 151—159. DOI:10.1016/j.chb.2017.09.032
16. Deep Learning based NLP modeling for Russian language [Электронный ресурс] / SloVNet // Github. 2020. URL: <https://github.com/natasha/slovnet> (дата обращения: 03.03.2022).
17. Dickerson M. A gentle introduction to text analysis with Voyant tools [Электронный ресурс] // eScholarship. 2018. 22 p. URL: https://escholarship.org/content/qt6jz712sf/supp/Dickerson_TextAnalysisVoyantTools_112018.pdf (дата обращения: 03.03.2022).
18. Dostoevsky: Sentiment analysis library for russian language [Электронный ресурс] / bureaucratic-labs // Github. 2022. URL: <https://github.com/bureaucratic-labs/dostoevsky> (дата обращения: 03.03.2022).

19. Drawing openness to experience from user generated contents: An interpretable data-driven topic modeling approach / Y. Zhang, H. Wei, Y. Ran, Y. Deng, D. Liu // *Expert Systems with Applications*. 2020. Vol. 144. Article ID 113073. 13 p. DOI:10.1016/j.eswa.2019.113073
20. Dying is unexpectedly positive / A. Goranson, R.S. Ritter, A. Waytz, M.I. Norton, K. Gray // *Psychological Science*. 2017. Vol. 28. № 7. P. 988—999. DOI:10.1177/0956797617701186
21. Early linguistic markers of trauma-specific processing predict post-trauma adjustment / B. Kleim, A.B. Horn, R. Kraehenmann, M.R. Mehl, A. Ehlers // *Frontiers in psychiatry*. 2018. Vol. 9. Article ID 645. 7 p. DOI:10.3389/fpsy.2018.00645
22. *Eder M., Rybicki J., Kestemont M.* Stylometry with R: a package for computational text analysis // *The R Journal*. 2016. Vol. 8. № 1. P. 119—121. DOI:10.32614/RJ-2016-007
23. *Ferraro F.R.* Males tend to die, females tend to pass away // *Death studies*. 2019. Vol. 43. № 10. P. 665—667. DOI:10.1080/07481187.2018.1515127
24. FreeLing: An Open-Source Suite of Language Analyzers [Электронный ресурс] / X. Carreras, I. Chao, L. Padro, M. Padro // *Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'04)*, Lisbon, Portugal / Ed. M.T. Lino, M.F. Xavier, F. Ferreira, R. Costa, R. Silva. Lisbon: European Language Resources Association (ELRA), 2004. P. 239—242. URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2004/pdf/271.pdf> (дата обращения: 03.03.2022).
25. Gaining insights from social media language: Methodologies and challenges / M.L. Kern, G. Park, J.C. Eichstaedt, H.A. Schwartz, M. Sap, L.K. Smith, L.H. Ungar // *Psychological methods*. 2016. Vol. 21. № 4. P. 507—525. DOI:10.1037/met0000091
26. *Goldberg L. R.* Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons // *Review of personality and social psychology*. 1981. Vol. 2. № 1. P. 141—165.
27. *Grishman R.* Computational linguistics: an introduction [Электронный ресурс]. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 193 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=Ar3-TXCXUkC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 03.03.2022).
28. *Haspelmath M., Michaelis S.M.* Analytic and synthetic: Typological change in varieties of European languages // *Language Variation — European Perspectives VI. Selected papers from the Eighth International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 8)* / Eds. I. Buchstaller, B. Siebenhaar. Leipzig: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 3—22. DOI:10.1075/silv.19.01has
29. “How Old Do You Think I Am?” A Study of Language and Age in Twitter [Электронный ресурс] / D. Nguyen, R. Gravel, D. Trieschnigg, T. Meder // *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2013. Vol. 7. № 1. P. 439—448. URL: <https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/14381> (дата обращения: 03.03.2022).
30. *Ireland M.E., Mehl M.R.* Natural language use as a marker [Электронный ресурс] // *The Oxford handbook of language and social psychology* / Ed. T.M. Holtgraves. New York: Oxford University Press, 2014. P. 201—218. URL: <https://books.google.ru/books?id=I2UJBAAQBAJ&lpg=PP1&hl=ru&pg=PA201#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 03.03.2022).
31. *Korobov M.* Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages // *Analysis of Images, Social Networks and Texts: International Conference on* / Eds. M.Yu. Khachay, N. Konstantinova, A. Panchenko, D. Ignatov, V.G. Labunets. New York: Springer, 2015. P. 320—332. DOI:10.1007/978-3-319-26123-2_31
32. *Lyons M., Aksayli N. D., Brewer G.* Mental distress and language use: Linguistic analysis of discussion forum posts // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 87. P. 207—211. DOI:10.1016/j.chb.2018.05.035
33. *McCoy T.H.* Mapping the Delirium Literature Through Probabilistic Topic Modeling and Network Analysis: A Computational Scoping Review // *Psychosomatics*. 2019. Vol. 60. № 2. P. 105—120. DOI:10.1016/j.psym.2018.12.003
34. *Noecker Jr J., Ryan M., Juola P.* Psychological profiling through textual analysis // *Literary and Linguistic Computing*. 2013. Vol. 28. № 3. P. 382—387. DOI:10.1093/lilc/fqs070
35. Novel Algorithm for Non-Negative Matrix Factorization / Tran Dang Hien, Do Van Tuan, Pham Van At, Le Hung Son // *New Mathematics and Natural Computation*. 2015. Vol. 11. № 02. P. 121—133. DOI:10.1142/S1793005715400013
36. *Panicheva P., Litvinova T.* Matching LIWC with Russian Thesauri: An Exploratory Study // *Artificial Intelligence and Natural Language: 9th Conference, AINL 2020: Helsinki, Finland, October 7—9, 2020: Proceedings* / Eds. A. Filchenkov, J. Kauttonen, L. Pivovarova. Cham: Springer, 2020. P. 181—195. DOI:10.1007/978-3-030-59082-6_14
37. *Pennacchiotti M., Popescu A.M.* Democrats, republicans and starbucks aficionados: user classification in twitter // *KDD '11: Proceedings of the 17th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining*. New York: Association for Computing Machinery, 2011. P. 430—438. DOI:10.1145/2020408.2020477
38. *Pennebaker J.W.* Putting stress into words: Health, linguistic, and therapeutic implications // *Behaviour research and therapy*. 1993. Vol. 31. № 6. P. 539—548. DOI:10.1016/0005-7967(93)90105-4
39. Personality development through natural language / K. Lanning, R.E. Pauletti, L.A. King, D.P. McAdams // *Nature human behaviour*. 2018. Vol. 2. № 5. P. 327—334. DOI:10.1038/s41562-018-0329-0

40. Personality predicts words in favorite songs / L. Qiu, J. Chen, J. Ramsay, J. Lu // *Journal of Research in Personality*. 2019. Vol. 78. P. 25—35. DOI:10.1016/j.jrp.2018.11.004
41. Řehůřek R., Sojka P. Gensim — statistical semantics in Python [Электронный ресурс]. Paris: EuroScipy, 2011. 1 p. URL: <https://www.fi.muni.cz/usr/sojka/posters/rehurek-sojka-scipy2011.pdf> (дата обращения: 03.11.2021).
42. Schubert L. Computational Linguistics [Электронный ресурс] // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. 2014. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/computational-linguistics/> (дата обращения: 03.11.2021).
43. Shavrina T.O., Benko V. Omnia russica: even larger russian corpus [Электронный ресурс] // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2019 / Под ред. В.П. Захарова. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. P. 94—102. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2019/corpora/corp_sborn.pdf (дата обращения: 03.11.2021).
44. Stirman S.W., Pennebaker J.W. Word use in the poetry of suicidal and nonsuicidal poets // *Psychosomatic medicine*. 2001. Vol. 63. № 4. P. 517—522. DOI:10.1097/00006842-200107000-00001
45. Text classification algorithms: A survey / K. Kowsari, K.J. Meimandi, M. Heidarysafa, S. Mendu, L. Barnes, D. Brown // *Information*. 2019. Vol. 10. № 4. Article ID 150. 68 p. DOI:10.3390/info10040150
46. The development and psychometric properties of LIWC2015 [Электронный ресурс] / J.W. Pennebaker, R.L. Boyd, K. Jordan, K. Blackburn. Austin, TX: University of Texas at Austin, 2015. 26 p. URL: https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/31333/LIWC2015_LanguageManual.pdf?Sequence=3 (дата обращения: 03.11.2021).
47. The language of character strengths: Predicting morally valued traits on social media / D. Pang, J.C. Eichstaedt, A. Buffone, B. Slaff, W. Ruch, L.H. Ungar // *Journal of personality*. 2020. Vol. 88. № 2. P. 287—306. DOI:10.1111/jopy.12491
48. The Language of Positive Mental Health: Findings From a Sample of Russian Facebook Users / O. Bogolyubova, P. Panicheva, Y. Ledovaya, R. Tikhonov, B. Yaminov // *SAGE Open*. 2020. Vol. 10. № 2. 8 p. DOI:10.1177/2158244020924370
49. The linguistic output of psychopathic offenders during a PCL-R interview / M.T. Le, M. Woodworth, L. Gillman, E. Hutton, R.D. Hare // *Criminal justice and behavior*. 2017. Vol. 44. № 4. P. 551—565. DOI:10.1177/0093854816683423
50. Using Topic Modeling to Detect and Describe Self-Injurious and Related Content on a Large-Scale Digital Platform / P.J. Franz, E.C. Nook, P. Mair, M.K. Nock // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2020. Vol. 50. № 1. P. 5—18. DOI:10.1111/sltb.12569
51. Vergani M., Bliuc A.M. The language of new terrorism: Differences in psychological dimensions of communication in Dabiq and Inspire // *Journal of Language and Social Psychology*. 2018. Vol. 37. № 5. P. 523—540. DOI:10.1177/0261927X17751011
52. Weintraub W. Verbal behavior: Adaptation and psychopathology. New York: Springer Publishing Company, 1981. 214 p. DOI:10.2307/3790837
53. ‘What is this corpus about?’: using topic modelling to explore a specialised corpus / A. Murakami, P. Thompson, S. Hunston, D. Vajn // *Corpora*. 2017. Vol. 12. № 2. P. 243—277. DOI:10.3366/cor.2017.0118
54. Wright A.G.C. Current directions in personality science and the potential for advances through computing // *IEEE Transactions on Affective Computing*. 2014. Vol. 5. № 3. P. 292—296. DOI:10.1109/TAFFC.2014.2332331

References

1. Plungyan V.A. Zachem nuzhen Natsional’nyi korpus russkogo yazyka? Neformal’noe vvedenie [Why do we need the National Corpus of the Russian Language? informal introduction] [Elektronnyi resurs]. *Natsional’nyi korpus russkogo yazyka: 2003—2005. Rezul’taty i perspektivy [National Corpus of the Russian Language: 2003-2005. Results and prospects]*. Moscow: Indrik, 2005. pp. 6—20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26629630> (дата обращения: 03.03.2022). (In Russ.).
2. Yasulova Kh.S., Shikhiev Sh.B. Prikladnye zadachi komp’yuternoi lingvistiki [Applied Problems of Computational Linguistics] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sotsial’no-pedagogicheskogo instituta [Bulletin of the Social and Pedagogical Institute]*, 2015. Vol. 14, no. 2, 3 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prikladnye-zadachi-kompyuternoy-lingvistiki> (Accessed 03.03.2022). (In Russ.).
3. Mikolov T., Grave E., Bojanowski P., Puhersch C., Joulin A. Advances in pre-training distributed word representations [Elektronnyi resurs]. *arXiv preprint arXiv:1712.09405*, 2017. 4 p. URL: <https://arxiv.org/pdf/1712.09405.pdf> (Accessed 03.03.2022).
4. Allport G.W., Odbert H.S. Trait-names: A psycho-lexical study. *Psychological monographs*, 1936. Vol. 47, no. 1, i-171. DOI:10.1037/h0093360
5. O’Callaghan D., Greene D., Carthy J., Cunningham P. An analysis of the coherence of descriptors in topic modeling. *Expert Systems with Applications*, 2015. Vol. 42, no. 13, pp. 5645—5657. DOI:10.1016/j.eswa.2015.02.055
6. Park G., Schwartz H.A., Eichstaedt J.C., Kern M.L., Kosinski M., Stillwell D.J., Ungar L.H., Seligman M.E.P. Automatic personality assessment through social media language. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2015. Vol. 108, no. 6, pp. 934—952. DOI:10.1037/pspp0000020

7. Argamon S., Koppel M., Pennebaker J.W., Schler J. Automatically profiling the author of an anonymous text. *Communications of the ACM*, 2009. Vol. 52, no. 2, pp. 119—123. DOI:10.1145/1461928.1461959
8. Besharati M.R., Izadi M. DAST Model: Deciding About Semantic Complexity of Text By DAST Model [Elektronnyi resurs]. *ArXiv*, 2019. 40 p. URL: <http://arxiv.org/abs/1908.09080> (Accessed 03.03.2022).
9. Bird S., Loper E. NLTK: the natural language toolkit [Elektronnyi resurs]. *COLING ACL 2006 : 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Proceedings of the Interactive Presentation Sessions Proceedings of the COLING/ACL 2006 Interactive Presentation Sessions*. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics (ACL), 2006, pp. 69—72. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/P04-3031.pdf> (Accessed 03.03.2022).
10. Bisong E. Google AutoML: Cloud Natural Language Processing. *Building Machine Learning and Deep Learning Models on Google Cloud Platform*. Berkeley, CA: Apress, 2019, pp. 599—612. DOI:10.1007/978-1-4842-4470-8_43
11. Bleidorn W., Hopwood C.J., Wright A.G. Using big data to advance personality theory. *Current Opinion Behavioral Sciences*, 2017. Vol. 18, pp. 79—82. DOI:10.1016/j.cobeha.2017.08.004
12. Campbell J.C., Hindle A., Stroulia E. Latent Dirichlet Allocation. In Bird C., Menzies T., Zimmermann T. (eds.), *The Art and Science of Analyzing Software Data*. Waltham, MA: Elsevier, 2015, pp. 139—159. DOI:10.1016/B978-0-12-411519-4.00006-9
13. Clark A., Fox C., Lappin S. The handbook of computational linguistics and natural language processing [Elektronnyi resurs]. West Sussex, England : Wiley-Blackwell, 2013. 800 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=zBmom42eWPcC&lpg=PA3&hl=ru&pg=PA3#v=onepage&q&f=false> (Accessed 03.03.2022).
14. Crossley S.A., Kyle K., McNamara D.S. The tool for the automatic analysis of text cohesion (TAACO): Automatic assessment of local, global, and text cohesion. *Behavior research methods*, 2016. Vol. 48, no. 4, pp. 1227—1237. DOI:10.3758/s13428-015-0651-7
15. Bogolyubova O., Panicheva P., Tikhonov R., Ivanov V., Ledovaya Y. Dark personalities on Facebook: Harmful online behaviors and language. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 78, pp. 151—159. DOI:10.1016/j.chb.2017.09.032
16. SloVNet Deep Learning based NLP modeling for Russian language [Elektronnyi resurs]. Github, 2020. URL: <https://github.com/natasha/sloVnet> (Accessed 03.03.2022).
17. Dickerson M. A gentle introduction to text analysis with Voyant tools [Elektronnyi resurs]. *eScholarship*. 2018. 22 p. URL: https://escholarship.org/content/qt6jz712sf/supp/Dickerson_TextAnalysisVoyantTools_112018.pdf (Accessed 03.03.2022).
18. bureaucratic-labs Dostoevsky: Sentiment analysis library for russian language [Elektronnyi resurs]. *Github*, 2022. URL: <https://github.com/bureaucratic-labs/dostoevsky> (Accessed 03.03.2022).
19. Zhang Y., Wei H., Ran Y., Deng Y., Liu D. Drawing openness to experience from user generated contents: An interpretable data-driven topic modeling approach. *Expert Systems with Applications*, 2020. Vol. 144. Article ID 113073, 13 p. DOI:10.1016/j.eswa.2019.113073
20. Goranson A., Ritter R.S., Waytz A., Norton M.I., Gray K. Dying is unexpectedly positive. *Psychological Science*, 2017. Vol. 28, no. 7, pp. 988—999. DOI:10.1177/0956797617701186
21. Kleim B., Horn A.B., Kraehenmann R., Mehl M.R., Ehlers A. Early linguistic markers of trauma-specific processing predict post-trauma adjustment. *Frontiers in psychiatry*, 2018. Vol. 9. Article ID 645, 7 p. DOI:10.3389/fpsy.2018.00645
22. Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: a package for computational text analysis. *The R Journal*, 2016. Vol. 8, no. 1, pp. 119—121. DOI:10.32614/RJ-2016-007
23. Ferraro F.R. Males tend to die, females tend to pass away. *Death studies*, 2019. Vol. 43, no. 10, pp. 665—667. DOI:10.1080/07481187.2018.1515127
24. Carreras X., Chao I., Padro, Padro M. FreeLing: An Open-Source Suite of Language Analyzers [Elektronnyi resurs]. In Lino M.T., Xavier M.F., Ferreira F., Costa R., Silva R. (eds.), *Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'04), Lisbon, Portugal*. Lisbon: European Language Resources Association (ELRA), 2004, pp. 239—242. URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2004/pdf/271.pdf> (Accessed 03.03.2022).
25. Kern M.L., Park G., Eichstaedt J.C., Schwartz H.A., Sap M., Smith L.K., Ungar L.H. Gaining insights from social media language: Methodologies and challenges. *Psychological methods*, 2016. Vol. 21, no. 4, pp. 507—525. DOI:10.1037/met0000091
26. Goldberg L. R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. *Review of personality and social psychology*, 1981. Vol. 2, no. 1, pp. 141—165.
27. Grishman R. Computational linguistics: an introduction [Elektronnyi resurs]. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 193 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=Ar3-TXCYXUkC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (Accessed 03.03.2022).
28. Haspelmath M., Michaelis S.M. Analytic and synthetic: Typological change in varieties of European languages. In Buchstaller I., Siebenhaar B. (eds.), *Language Variation — European Perspectives VI. Selected papers from the Eighth International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE 8)*. Leipzig: John Benjamins Publishing Company, 2017, pp. 3—22. DOI:10.1075/silv.19.01has

29. Nguyen D., Gravel R., Trieschnigg D., Meder T. “How Old Do You Think I Am?” A Study of Language and Age in Twitter [Elektronnyi resurs]. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 2013. Vol. 7, no. 1, pp. 439—448. URL: <https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/14381> (Accessed 03.03.2022).
30. Ireland M.E., Mehl M.R. Natural language use as a marker [Elektronnyi resurs]. In Holtgraves T.M. (eds.), *The Oxford handbook of language and social psychology*. Oxford University Press, 2014, pp. 201—218. URL: <https://books.google.ru/books?id=I2UJBAAAQBAJ&lpg=PP1&hl=ru&pg=PA201#v=onepage&q&f=false> (Accessed 03.03.2022).
31. Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. In Khachay M.Yu., Konstantinova N., Panchenko A., Ignatov D., Labunets V.G. (eds.), *International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts*. New York: Springer, 2015, pp. 320—332. DOI:10.1007/978-3-319-26123-2_31
32. Lyons M., Aksayli N. D., Brewer G. Mental distress and language use: Linguistic analysis of discussion forum posts. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 87, pp. 207—211. DOI:10.1016/j.chb.2018.05.035
33. McCoy T.H. Mapping the Delirium Literature Through Probabilistic Topic Modeling and Network Analysis: A Computational Scoping Review. *Psychosomatics*, 2019. Vol. 60, no. 2, pp. 105—120. DOI:10.1016/j.psym.2018.12.003
34. Noecker Jr J., Ryan M., Juola P. Psychological profiling through textual analysis. *Literary and Linguistic Computing*, 2013. Vol. 28, no. 3, pp. 382—387. DOI:10.1093/lc/fqs070
35. Tran Dang Hien, Do Van Tuan, Pham Van At, Le Hung Son Novel Algorithm for Non-Negative Matrix Factorization. *New Mathematics and Natural Computation*, 2015. Vol. 11, no. 02, pp. 121—133. DOI:10.1142/S1793005715400013
36. Panicheva P., Litvinova T. Matching LIWC with Russian Thesauri: An Exploratory Study. In Filchenkov A., Kauttonen J., Pivovarova L. (eds.), *Artificial Intelligence and Natural Language: 9th Conference, AINL 2020: Helsinki, Finland, October 7—9, 2020: Proceedings*. Cham: Springer, 2020, pp. 181—195. DOI:10.1007/978-3-030-59082-6_14
37. Pennacchiotti M., Popescu A.M. Democrats, republicans and starbucks aficionados: user classification in twitter. *KDD '11: Proceedings of the 17th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining*. New York: Association for Computing Machinery, 2011, pp. 430—438. DOI:10.1145/2020408.2020477
38. Pennebaker J.W. Putting stress into words: Health, linguistic, and therapeutic implications. *Behaviour research and therapy*, 1993. Vol. 31, no. 6, pp. 539—548. DOI:10.1016/0005-7967(93)90105-4
39. Lanning K., Pauletti R.E., King L.A., McAdams D.P. Personality development through natural language. *Nature human behavior*, 2018. Vol. 2, no. 5, pp. 327—334. DOI:10.1038/s41562-018-0329-0
40. Qiu L., Chen J., Ramsay J., Lu J. Personality predicts words in favorite songs. *Journal of Research in Personality*, 2019. Vol. 78, pp. 25—35. DOI:10.1016/j.jrp.2018.11.004
41. Řehůřek R., Sojka P. Gensim — statistical semantics in Python [Elektronnyi resurs]. Paris: EuroScipy, 2011. 1 p. URL: <https://www.fi.muni.cz/usr/sojka/posters/rehurek-sojka-scipy2011.pdf> (Accessed 03.11.2021).
42. Schubert L. Computational Linguistics [Elektronnyi resurs]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*, 2014. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/computational-linguistics/> (Accessed 03.11.2021).
43. Shavrina T.O., Benko V. Omnia russica: even larger russian corpus [Elektronnyi resurs]. In Zakharova V.P. (eds.), *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika — 2019 [Proceedings of the international conference «Corpus linguistics—2019»]*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, pp. 94—102. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2019/corpora/corp_sborn.pdf (Accessed 03.11.2021).
44. Stirman S.W., Pennebaker J.W. Word use in the poetry of suicidal and nonsuicidal poets. *Psychosomatic medicine*, 2001. Vol. 63, no. 4, article ID 150, pp. 517—522. DOI:10.1097/00006842-200107000-00001
45. Kowsari K., Meimandi K.J., Heidarysafa M., Mendu S., Barnes L., Brown D. Text classification algorithms: A survey. *Information*, 2019. Vol. 10, no. 4, 68 p. DOI:10.3390/info10040150
46. Pennebaker J.W., Boyd R.L., Jordan K., Blackburn K. The development and psychometric properties of LIWC2015 [Elektronnyi resurs]. Austin, TX: University of Texas at Austin, 2015. 26 p. URL: https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/31333/LIWC2015_LanguageManual.pdf?Sequence=3 (Accessed 03.11.2021).
47. Pang D., Eichstaedt J.C., Buffone A., Slaff B., Ruch W., Ungar L.H. The language of character strengths: Predicting morally valued traits on social media. *Journal of personality*, 2020. Vol. 88, no. 2, pp. 287—306. DOI:10.1111/jopy.12491
48. Bogolyubova O., Panicheva P., Ledovaya Y., Tikhonov R., Yaminov B. The Language of Positive Mental Health: Findings From a Sample of Russian Facebook Users. *SAGE Open*, 2020. Vol. 10, no. 2, 8 p. DOI:10.1177/2158244020924370
49. Le M.T., Woodworth M., Gillman L., Hutton E., Hare R.D. The linguistic output of psychopathic offenders during a PCL-R interview. *Criminal justice and behavior*, 2017. Vol. 44, no. 4, pp. 551—565. DOI:10.1177/0093854816683423
50. Franz P.J., Nook E.C., Mair P., Nock M.K. Using Topic Modeling to Detect and Describe Self-Injurious and Related Content on a Large-Scale Digital Platform. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2020. Vol. 50, no. 1, pp. 5—18. DOI:10.1111/sltb.12569
51. Vergani M., Bliuc A.M. The language of new terrorism: Differences in psychological dimensions of communication in Dabiq and Inspire. *Journal of Language and Social Psychology*, 2018. Vol. 37, no. 5, pp. 523—540. DOI:10.1177/0261927X17751011
52. Weintraub W. Verbal behavior: Adaptation and psychopathology. New York: Springer Publishing Company, 1981. 214 p. DOI:10.2307/3790837

53. Murakami A., Thompson P., Hunston S., Vajn D. ‘What is this corpus about?’: using topic modelling to explore a specialised corpus. *Corpora*, 2017. Vol. 12, no. 2, pp. 243—277. DOI:10.3366/cor.2017.0118

54. Wright A.G.C. Current directions in personality science and the potential for advances through computing. *IEEE Transactions on Affective Computing*, 2014. Vol. 5, no. 3, pp. 292—296. DOI:10.1109/TAFFC.2014.2332331

Информация об авторах

Кузьмина Алиса Андреевна, студентка магистратуры по программе «Позитивная психология», стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0794-9131>, e-mail: kuzmina.alice@gmail.com

Лифшиц Мария Александровна, независимый исследователь, г. Нью-Йорк, США, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0079-0244>, e-mail: lifsh22m@mtholyoke.edu

Костенко Василий Юрьевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-5612-3857, e-mail: vasily.kostenko@gmail.com

Information about the authors

Alisa A. Kuzmina, Student of the Master Program “Positive Psychology”, Research Intern in the Laboratory of Linguistic Conflict Resolution Studies and Contemporary Communicative Practices, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0794-9131>, e-mail: kuzmina.alice@gmail.com

Maria A. Lifshits, Independent Researcher, New York, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0079-0244>, e-mail: lifsh22m@mtholyoke.edu

Vasily Yu. Kostenko, Ph.D (Psychology), Senior research fellow in International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-3857>, e-mail: vasily.kostenko@gmail.com

Получена 10.03.2021

Received 10.03.2021

Принята в печать 13.11.2021

Accepted 13.11.2021

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ CLINICAL PSYCHOLOGY

Влияние политических, культурных и религиозных аспектов на восприятие аутизма у детей родителями из стран Юго-Восточной Азии

Куканов А.А.

*Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой Департамента здравоохранения г. Москвы (ГБУЗ «НПЦПЗДП имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7507-7545>, e-mail: andrej.kukanov@mail.ru*

Статья включает в себя литературный обзор научных работ, посвященных изучению политических, культурных и религиозных аспектов, оказывающих влияние на психологическое состояние родителей, воспитывающих детей с диагнозом «Расстройство аутистического спектра», и опубликованных в странах Юго-Восточной Азии (Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Тайвань, Южная Корея). Автором приводятся статистические данные распространения РАС среди детского населения этих стран; освещены этапы принятия «особенного» ребенка родителями; показаны особенности их эмоционально-личностной сферы; приводятся примеры используемых родителями компенсаторных ресурсов и существующих программ оказания им психологической помощи.

Ключевые слова: аутизм, семья, родители, этапы принятия, культурные и религиозные аспекты, компенсаторные ресурсы, Юго-Восточная Азия.

Для цитаты: Куканов А.А. Влияние политических, культурных и религиозных аспектов на восприятие аутизма у детей родителями из стран Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 116—123. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110111>

The influence of political, cultural and religious aspects on the perception of autism in children by parents from Southeast Asian countries

Andrej A. Kukanov

*Scientific and Practical Center of Mental Health of children and adolescents named after G.E. Sukhareva,
the Department of Health of Moscow, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7507-7545>, e-mail: andrej.kukanov@mail.ru*

The article includes a literature review of scientific papers devoted to the study of political, cultural and religious aspects that influence the psychological state of parents raising children diagnosed with Autistic Spectrum Disorder, and published in Southeast Asian countries (India, Indonesia, China, Malaysia, Taiwan, South Korea). The author provides statistical data on the spread of ASD among the child population of these countries; highlights the stages of adoption of a “special” child by parents; presents the features of their emotional and personal sphere; examples of compensatory resources used by parents and existing programs for providing them with psychological assistance are given.

Keywords: autism, family, parents, stages of acceptance, cultural and religious aspects, compensatory resources, Southeast Asia.

For citation: Kukanov A.A. The influence of political, cultural and religious aspects on the perception of autism in children by parents from Southeast Asian countries. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 116—123. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110111> (In Russ.).

Введение

Согласно статистическим данным Пекинской федерации инвалидов и Муниципального бюро здравоохранения (Beijing Disabled Persons' Federation and Municipal Health Bureau) за 2006 год, в Китае распространенность аутизма составляла 1,53 ребенка на 1000 детей, т. е. примерно 1 млн маленьких китайцев страдают этим недугом [16]. По данным за 2008 год число таких детей увеличилось и составило уже порядка 1,8 миллиона человек [21].

По информации из отчета тайваньского Департамента здравоохранения за 2014 год, число детей в возрасте 3—17 лет с диагностированным РАС было равно 9439, а в возрасте от 18 лет и старше — 4105 человек [10]. В целом, распространенность аутизма среди жителей Тайваня составляет 12,3 на 1000 человек [4].

В 2006 году Министерство здравоохранения Малайзии опубликовало данные, согласно которым распространенность аутизма среди детского населения страны составляет 1 на 625 детей [6]. Кроме того, Национальное общество аутизма Малайзии (NASOM) сообщило о 30-процентном увеличении числа лиц, у которых впервые был диагностирован аутизм за период 2006—2008 годов, что указывает на возможное увеличение распространенности РАС в этой стране [6].

В свою очередь, первые национальные данные, представленные Министерством образования Кореи, показали, что в 2009 году в Южной Корее насчитывалось 4647 детей с РАС или 1 из 2151. При этом число детей с РАС резко возросло до 10 045 в 2015 году (1 из 795). Темпы роста РАС в Южной Корее составляют около 900 человек в год [9].

В 2009 году Министерство здравоохранения Индонезии заявило, что в 2004 году у 475 000 детей был диагностирован аутизм, и предположило, что в 2009 году каждый 150-й ребенок в стране родится с этим диагнозом [18]. По данным Министерства национального образования этой страны, в 2008 году в специализированных школах обучалось 638 000 детей с РАС. Также в министерстве предположили, что распространенность детей с этим видом дизонтогенеза в Индонезии растет на 15% каждый год [18].

В 2015 году ряд исследователей из Государственного медицинского колледжа имени доктора Раджендры Прасада в Индии выяснили, что распространенность РАС среди детского населения этой страны в возрасте от 1 до 10 лет составляет 0,9% [17].

По состоянию на 2017 год во Вьетнаме распространенность РАС среди детей в возрасте 18—30 месяцев составила 0,752% [17].

Ниже приведены статистические данные распространенности РАС среди детского населения в ряде стран Юго-Восточной Азии в виде сводной таблицы (табл.).

В общемировой практике принято считать, что родители, у которых рождается ребенок с каким-либо отклонением в развитии, последовательно проходят 5 фаз в принятии его и новой действительности: отрицание, торг (сделка), гнев, депрессия и принятие [2]. Ряд исследователей из Калифорнии (США), изучавших копинг-стратегии родителей, выходцев из Юго-Восточной Азии, воспитывающих детей с аутизмом, предположили, что для более точного описания этого процесса стоит говорить о 9 фазах (этапах) [11]. Эти предположения были подтверждены в многочисленных работах ученых из азиатских стран [5; 8; 10; 15; 21].

1. Отрицание/Пассивное преодоление. На этом этапе родители были обеспокоены поведением своего ребенка, но ничего не делали, так как не думали, что существует какая-то проблема. Они объясняли это отсутствием знаний об аутизме и невозможностью найти их с использованием доступных им ресурсов; отсутствием надлежащей помощи и поддержки со стороны других членов семьи и государственных учреждений; собственными финансовыми проблемами. Такое положение лишь усиливало чувство ложной надежды, отрицания и пассивности [7; 11; 15].

2. Расширение прав и возможностей. Этот этап наступал по мере того, как родители начинали беспокоиться о проблеме своего ребенка. Они чувствовали настоятельную необходимость в получении ответов и нуждались в некотором чувстве контроля над неопределенностью. Они говорили о чувствах разочарования, гнева, глубокой печали, недоверии, бессилии и отсутствии поддержки. Родители начинали принимать меры и брать «дело в свои руки». Таким образом, они пытались преодолеть чувство страха и беспомощности [11; 14].

Т а б л и ц а

Распространенность РАС у детей из стран Юго-Восточной Азии

№	Страна	Год исследования	Распространенность
1	Китай	2006 г.	1,53 ребенка на 1000 детей (примерно 1 млн жителей)
2	Малайзия	2006 г.	1 ребенок на 625 детей
3	Тайвань	2014 г.	В возрасте 3—17 лет — 9439 человек
4	Южная Корея	2009 г.	1 ребенок на 2151 детей
		2015 г.	1 ребенок на 795 детей
5	Индия	2015 г.	В возрасте 1—10 лет — 0,9% от общего количества детского населения этого возраста
6	Вьетнам	2017 г.	В возрасте 18—30 месяцев — 0,752% от общего количества детского населения этого возраста

3. Перенаправление энергии. На этом этапе родители принимали активное участие в ходе лечения их ребенка (искали специалистов по обучению и лечению ребенка, нанимали учителей для занятий с ребенком на дому, искали альтернативные методы лечения, такие как травяные препараты, пищевые добавки, специальное питание) [10; 11].

4. Смещение фокуса внимания. На этом этапе для родителей благополучие больного ребенка становится высшей приоритетной жизненной целью. Все остальные заботы и проблемы уходили на второй план [11].

5. Перестройка жизни и отношений. Матерям, для того чтобы в достаточной степени ухаживать за своим ребенком, приходилось изменять свой привычный жизненный уклад: пересмотреть режим дня, перестроить жилое помещение, сократить материальные расходы на себя, справляться с дополнительными обязанностями. Многие женщины именно на этом этапе были вынуждены уволиться с работы. При этом многие жаловались, что почти не получали практической поддержки и помощи от своих мужей [8; 11; 24; 25].

6. Изменившиеся ожидания. В этот период родители начали полностью осознавать реальность, понимать степень инвалидности и ограничений своего ребенка. Семья развивалась и приспосабливалась к реалистичным ожиданиям в отношении своего ребенка. В это время матери чаще стали принимать помощь окружающих («временный уход»), заявляли о бесполезности дополнительных методов лечения, которые не только не помогают, но и становятся утомительными [11].

7. Социальная изоляция. Многие родители в разговорах с исследователями говорили о том, что уход за «особенным» ребенком отнимает у них много времени, физических и моральных сил. Во время общих собраний групп поддержки, они чувствовали себя брошенными и непонятыми. Им часто приходилось не выходить из дома и быть один на один со свои проблемами, ведь в культуре азиатских стран психическое заболевание до сих пор является «клеймом позора» и следствием плохой кармы. Общаясь с окружающими, матери чаще сталкивались с пренебрежением и негативным отношением, что еще больше усугубляло в них чувства опустошенности и депрессии [11; 15; 20; 21; 26].

8. Духовное преодоление. Для преодоления текущего жизненного кризиса многие родители использовали духовные ресурсы, обращались к Богу. Даже простая молитва была способна вселить в них надежду. Такой шаг помог им пересмотреть свое мировоззрение и образ жизни. Матери считали, что рождение у них ребенка с особенностями развития — это оплата долгов за прошлые жизни. Они верили, что были избраны для этой роли и таким образом погашают свой долг в форме любви и заботы об этих детях и это позволит им войти в следующую жизнь «очистившимися» [10; 11; 23; 24].

9. Принятие. Этот этап наступал тогда, когда родители полностью адаптировались к особенностям своего ребенка и обретали покой в текущей реальности. Они осознавали, в каком состоянии находятся их дети,

принимали это, были готовы к будущему и не пытались как-то «исправить» своего ребенка [5; 7; 11; 24].

После прохождения всех этих этапов многие родители говорили о большом личностном росте, который особенно был выражен в ощущении чувства личной силы, укреплении отношений с окружающими. Матери и отцы «особенных» детей стали проявлять меньше эгоизма, больше сострадать, заботиться о близких, терпеть и обращать внимание на индивидуальные различия между людьми [5; 11; 16; 19].

Влияние политических, культурных и религиозных аспектов на эмоционально-личностную сферу матерей детей с аутизмом

Вслед за своими североамериканскими и европейскими коллегами, азиатские специалисты заявляют о том, что для матерей, воспитывающих детей с аутизмом, характерен высокий уровень депрессии, тревожности, стресса, низкая самооценка [2; 3; 9; 14; 20; 21]. Например, тайваньская ученая Линг-И Линь (Ling-Yi Lin) в ходе своего исследования эмоционально-личностных особенностей матерей, воспитывающих детей с РАС, выявила высокий уровень депрессии у 51,7% респондентов [10].

Среди возможных причин изменения мотивационно-личностной сферы, наряду с уже известными нам (связанными с болезнью ребенка, финансовыми проблемами, вынужденной социальной изоляцией и др.), у женщин данной категории из стран Азии были выявлены новые, связанные с политическими, культурными и религиозными аспектами [2; 8; 14; 18; 21; 26].

Одним из примеров влияния политики на психологическое состояние родителей может служить Закон о населении, действовавший в Китае до 1 января 2016 года. Согласно основным его положениям, китайским семьям запрещалось иметь более одного ребенка («одна семья — один ребенок»). Учитывая стремление к совершенству и достижениям, принятое в культуре этой страны, рождение ребенка с особенностями в развитии является одним из ключевых факторов стресса и изменения психологического состояния членов семьи. Осознание родителями того факта, что их единственный и долгожданный ребенок не сможет достичь желаемых ими высот, оправдать надежды, реализовать себя в той мере, в которой они видели его в будущем, приводило их к чувству постоянного стресса, «законченности жизни», собственной неполноценности, которое только усугублялось повышенной стигматизацией со стороны других членов общества. Отмечались случаи, когда родители «особенных» детей намеренно не говорили близким о рождении ребенка, прятали его от окружающих, старались даже не упоминать о его существовании в разговорах. С изменением этого закона и разрешением заводить в семье второго ребенка, родители чаще всего не стремились это делать. Они боялись, что и у

второго ребенка будут обнаружены какие-либо отклонения в развитии [8; 21]. И эти опасения не являются бесосновательными. Согласно исследованию тайваньских ученых, вероятность рождения в семье второго ребенка с аутизмом составляет от 5 до 19%, а третьего и последующих — примерно до 35% [4].

Другим подобным примером может являться отсутствие до 2008 года в Южной Корее законов, регламентирующих обучение детей с ОВЗ в возрасте от 3 до 5 лет в государственных специализированных учреждениях образования. В связи с этим родители были вынуждены самостоятельно искать специалистов и оплачивать их работу исключительно за собственный счет, что являлось крайне затратным и труднореализуемым для большинства семей. Принятие Закона о специальном образовании для инвалидов и других лиц и создание Центрального агентства, контролирующего предоставление образовательных услуг данной категории граждан, помогло решить эту насущную проблему [9].

Культурные постулаты также играют большую роль в восприятии аутизма, как особенности развития, и в процессе изменения психологического состояния женщин, воспитывающих детей с ОВЗ.

Например, исследования, проведенные азиатскими учеными, подтвердили высокое влияние ряда культурных установок («превалирование семьи над отдельной личностью»; «родительская подготовка нового поколения к культурной компетенции»; «ребенок — это источник гордости для всей семьи, который должен приносить исключительно счастье и богатство») на процессы самостигматизации, социальной стигматизации и формирования высокого уровня стресса у родителей, воспитывающих детей с РАС. При этом подобная стигматизация может привести к тому, что сами родители, чтобы избежать порицания, стыда и смущения, будут всячески пренебрегать своим ребенком, игнорировать его желания и потребности, прятать его от окружающих дома [14; 18; 26].

В странах Азии, помимо основных религиозных конфессий, большая доля населения следует местным верованиям, базирующимся на вере в карму и судьбу.

В Индонезии традиционные верования обеспечивают ряд поведенческих ориентиров для обоих родителей во время беременности, включая некоторые запреты (табу) и предлагаемые модели поведения для родителей, чтобы подготовиться к рождению своего ребенка. Согласно традиционным верованиям, если родители нарушат эти табу, они испытают негативные последствия для своего ребенка, в том числе и его смерть. Многие родители верят, что любая особенность в развитии их ребенка, в том числе и аутизм, была вызвана неспособностью супругов защитить своих детей во время беременности (т. е. нарушением табу) или была результатом духовных санкций в ответ на их плохое поведение в прошлом [18].

Также одной из причин возникновения аутизма, согласно индонезийским верованиям, может быть карма. Карма относится к чему-то происходящему в

настоящем, что понимается как следствие того, что произошло в прошлом. Обычно это относится к чему-то негативному или неожиданному. Там, где прошлые проступки человека направлены на родителя и родителя «проклинает» человека, карма неизбежна. Люди, которые воспринимаются другими как переживающие карму в жизни, как правило, оказываются социально исключенными вследствие этого свидетельства их «плохого поведения» в прошлом («социальное наказание»). В тех случаях, когда рождение ребенка с инвалидностью считается кармой для родителя, они подвергаются социальной изоляции, которая может иметь последствия для уровня родительского стресса и существования самого их ребенка [18].

В Малайзии часто родители считают, что рождение ребенка с РАС связано с «мистическими» причинами. Они предполагают, что у их ребенка есть «невидимый друг», «сака» или «бади». Окружающие люди и члены семьи советовали родителям пойти и обратиться за помощью к «бомоху» (шаману, практикующему традиционную медицину) или «павангу» (колдуну). Также в этой этнической группе существует поверие, что беременным женщинам категорически нельзя контактировать с ребенком с тем или иным видом отклонений в развитии, так как он может «заразить» их еще не родившегося малыша [19].

Как мы видим, политическая ситуация в стране, культура и религия оказывают огромное влияние на процесс принятия родителями кризисной жизненной ситуации, факта рождения «особенного» ребенка, восприятие себя в новой реальности. Широкому кругу специалистов, работающих как с детьми с ОВЗ, так и с их родителями необходимо учитывать это в ходе лечебной, реабилитационной и образовательной деятельности с данной категорией пациентов.

Компенсаторные ресурсы и программы помощи родителям

Анализ литературных источников позволил нам предположить, что матери детей с ОВЗ из азиатских стран пользуются теми же видами компенсаторных и вспомогательных психологических ресурсов, что и женщины из других стран мира: помощь со стороны других членов семьи и друзей, поиск источников информации в сети Интернет, участие в собраниях специализированных групп поддержки и т. д. [1; 2; 3; 13; 23].

Оказание качественной психологической помощи самим родителям «особенных» детей является большой проблемой во всем мире, и страны Азии не стали исключением. Нам удалось найти несколько исследований, в которых описывается опыт подобной работы. Так с 1991 года в Индии успешно применяется Программа обучения родителей и детей (PCTP), разработанная Академией Action For Autism (AFA). Главной целью данной организации является знакомство широкого круга населения с информацией об

аутизме. Среди задач можно выделить следующие: расширение прав и возможностей родителей; снижение родительского стресса; повышение уровня функционирования ребенка с аутизмом; улучшение функционирования семьи; расширение возможностей родителей распространять полученные ими знания среди других семей, в которых воспитывается аутичный ребенок [13].

РСТР — это 3-месячная учебная программа в Нью-Дели для родителей детей с аутизмом. В роли ведущего в ней выступает человек, который сам является родителем взрослого человека с аутизмом. В основе РСТР лежат западные методы обучения и лечения аутизма (такие как ТЕАССН, АВА и др.) в совокупности с культурными адаптациями. Программа включает в себя ежедневные групповые и индивидуальные занятия с детьми (во главе с родителями), а также групповые дискуссии для родителей. Новые участники принимаются в программу из списка ожидания. Если они не способны оплатить курс обучения, то им предоставляется финансовая помощь. За многие годы данная программа зарекомендовала себя с наилучшей стороны. После участия в ней матери и отцы говорили, что она помогла им разобраться в себе, принять своего «особенного» ребенка, перестать постоянно сравнивать его с другими детьми, поставить перед собой реалистичные цели, строить планы на будущее [13].

Еще одним примером оказания психотерапевтической помощи родителям является программа австралийских психологов Даниэла Фу Кеунга Вонга (Daniel Fu Keung Wong) и Ады Пун (Ada Poon), работавших с матерями китайского происхождения, воспитывающими детей с различными отклонениями в развитии (у 80% из них были дети с аутизмом) [2]. В качестве основного психотерапевтического метода выступала когнитивно-поведенческая терапия (КПТ). Программа состояла из 10 трехчасовых групповых сессий. Все женщины были разделены по группам (по 10 человек в каждой). По итогам программы у участников было отмечено снижение уровня стресса, улучшение психического здоровья и повышение качества жизни [2].

Также хотелось бы отметить интересное предложение, высказанное малазийскими исследователями, которые в качестве помощников по уходу за детьми с аутизмом предлагают родителям использовать гуманоидных роботов-воспитателей или роботов-медсестер, таких как Robear (разработан компанией Sumitomo Riko в Японии) или GiraffPlus (разработан инженерами из Швеции). Эти роботы способны выполнять не только дела по хозяйству, но и контролировать некоторые показатели здоровья человека (кровяное давление, температура тела). Подобная инициатива может позволить родителям решить проблему с поиском дошкольного учреждения для ребенка, а также дать им возможность устроиться на работу, которой они лишились, ухаживая за «особенным» малышом [25].

Заключение

В связи с глобализацией и быстрорастущими темпами миграции населения между странами, специалистам, работающим с детьми с аутизмом и другими видами ОВЗ, необходимо учитывать культурные и религиозные аспекты, которые приняты в той или иной семье, для оказания ее членам эффективной психологической, медицинской и образовательной помощи.

С каждым годом количество детей с диагнозом «Расстройство аутистического спектра» значительно увеличивается во всем мире. Как показал наш литературный обзор, процесс принятия родителями новой реальности и своей новой жизни занимает достаточно продолжительное время, во время которого они проходят определенные этапы (фазы), изменяющие их взгляды на жизнь, устои, ценности, социальные связи, трудовые и профессиональные устремления, быт, отношение к религии и самому себе. Преодолевая это, каждый член семьи испытывает чувство личностного роста и личной силы. Эти ресурсы позволяют им жить дальше.

Родители из азиатских стран вынуждены ежедневно сталкиваться с трудностями, которые всячески препятствуют процессу лечения, обучения и социализации их детей. Вслед за родителями из стран Африки и Ближнего Востока [1] они говорят о проблемах, связанных с отсутствием продуманной государственной политики, касающейся интегрирования «особенных» детей в жизнь общества, недостаточной квалификацией специалистов, длительным ожиданием ранней диагностики и раннего вмешательства, небольшим числом государственных и частных специальных учебных учреждений для маленьких детей с РАС, непониманием их роли в жизни общества, недостаточной информацией об этом диагнозе [12; 14; 25]. Признаются, что из-за особенностей развития их ребенок никогда не сможет занять то наиважнейшее место в составе семьи, которое ему уготовано согласно устоявшимся культурным и религиозным традициям, не сможет стать полноценным членом общества, в связи с чем матери и отцы испытывают стигматизацию со стороны общества, знакомых, друзей и ближайших родственников. Сам факт рождения больного ребенка уже может говорить окружающим о том, что его родители в прошлом совершили страшные проступки, а это событие — их карма, расплата за грехи [12; 15; 20; 22; 26].

Испытывая большой стресс, депрессию, тревогу, порицание обществом, непонимание со стороны некоторых друзей и близких, находясь на грани отчаяния, сами родители остро нуждаются в психологической помощи. Но, к сожалению, в настоящее время во всем мире существует недостаточное количество специализированных учреждений и квалифицированных специалистов, занимающихся в своей практической деятельности данной проблематикой [2; 9; 25]. Именно масштабное создание и реализация программ психологической помощи матерям и отцам «особых» детей на базе медицинских, социальных и образовательных

организаций, где они смогли бы поделиться своими переживаниями, обрести веру в себя, найти людей, способных выслушать и поддержать, получить необхо-

димые знания и ресурсы, должно стать следующим шагом на пути к полноценной интеграции семей с ребенком с РАС в социальную жизнь общества.

Литература

1. Куканов А.А. Влияние культурных и религиозных аспектов на восприятие аутизма у детей родителями в странах Африки и Ближнего Востока // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 2. С. 20—26. DOI:10.17759/jmfp.2021100202
2. Куканов А.А. Особенности ценностно-мотивационной сферы родителей детей с различными отклонениями в развитии: дисс. ... канд. психол. наук [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург, 2019. 392 с. URL: https://disser.spbu.ru/files/2019/disser_kukanov.pdf (дата обращения: 02.03.2022).
3. Куканов А.А., Фанталова Е.Б. Мотивационно-личностная сфера матерей, имеющих детей с аутизмом: Северная Америка и Западная Европа // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 1. С. 128—136. DOI:10.17759/psyedu.2016080112
4. Autism spectrum disorders: Perceptions of genetic etiology and recurrence risk among Taiwanese parents of affected children / L.S. Chen, C.H. Wang, A. Amuta, M. Li, T.Y. Huang, S.U. Dhar, D. Talwar, E. Jung // *Clinical Genetics*. 2015. Vol. 88. № 2. P. 129—134. DOI:10.1111/cge.12514
5. Desaj M.U., Divan G., Wertz F.J., Patel V. The discovery of autism: Indian parents' experiences of caring for their child with an autism spectrum disorder // *Transcultural Psychiatry*. 2012. Vol. 49. № 3—4. P. 613—637. DOI:10.1177/1363461512447139
6. Factors associated with autism severity among Malaysian children with Autism Spectrum Disorder / S.Y. Eow, W.Y. Gan, P.Y. Lim, H. Awang, Z.M. Shariff // *Research in Developmental Disabilities*. 2020. Vol. 100. Article ID 103632. 11 p. DOI:10.1016/j.ridd.2020.103632
7. Foo M., Eng Hui Yap P.M., Sung M. The experience of Singaporean caregivers with a child diagnosed with autism spectrum disorder and challenging behaviours // *Qualitative Social Work*. 2015. Vol. 14. № 5. P. 634—650. DOI:10.1177/1473325014558662
8. Hobart H.M. Autism and family in the people's Republic of China: learning from parents' perspectives // *Research and Practice for Persons with Severe Disabilities*. 2008. Vol. 33. P. 37—47. DOI:10.2511/rpsd.33.1-2.37
9. Lee J.K., Chiang H. Parenting stress in South Korean mothers of adolescent children with autism spectrum disorder // *International Journal of Developmental Disabilities*. 2018. Vol. 64. № 2. P. 120—127. DOI:10.1080/20473869.2017.1279843
10. Lin L. Coping strategies, caregiving burden, and depressive symptoms of Taiwanese mothers of adolescents with autism spectrum disorder // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2015. Vol. 15—16. P. 1—9. DOI:10.1016/j.rasd.2015.04.002
11. Luong J., Yoder M.K., Canham D. Southeast Asian parents raising a child with autism: a qualitative investigation of coping styles // *The Journal of School Nursing*. 2009. Vol. 25. № 3. P. 222—229. DOI:10.1177/1059840509334365
12. Moh T.A., Magiati I. Factors associated with parental stress and satisfaction during the process of diagnosis of children with Autism Spectrum Disorders // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2012. Vol. 6. № 1. P. 293—303. DOI:10.1016/j.rasd.2011.05.011
13. Parenting a child with Autism in India: narratives before and after a parent—child intervention program [Электронный ресурс] / R.S. Brezis, T.S. Weisner, T.C. Daley, N. Singhal, M. Barua, S.P. Chollera // *Culture, Medicine, and Psychiatry*. 2015. Vol. 39. P. 277—298. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11013-015-9434-y> (дата обращения: 02.03.2022).
14. Parenting stress and depressive symptoms in Taiwanese mothers of young children with autism spectrum disorder: Association with children's behavioral problems / Y.M. Hou, L. Stewart, S.L. Iao, C.C. Wu // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. 2018. Vol. 31. № 4. P. 1113—1121. DOI:10.1111/jar.12471
15. Patra S., Patro B.K. Affiliate stigma among parents of children with autism in eastern India // *Asian Journal of Psychiatry*. 2019. Vol. 44. P. 45—47. DOI:10.1016/j.ajp.2019.07.018
16. Post-traumatic growth in mothers of children with autism: A phenomenological study / W. Zhang, T.T. Yan, K.L. Barriball, A.E. While, X.H. Liu // *Autism*. 2015. Vol. 19. № 1. P. 29—73. DOI:10.1177/1362361313509732
17. Prevalence of autism spectrum disorders and their relation to selected socio-demographic factors among children aged 18—30 months in northern Vietnam, 2017 / V.M. Hoang, T.V. Le, T.T.Q. Chu, B.N. Le, M.D. Duong, N.M. Thanh, V.T. Pham, H. Minas, T.T.H. Bui // *International journal of mental health systems*. 2019. Vol. 13. № 29. P. 1—9. DOI:10.1186/s13033-019-0285-8
18. Riany Y.E., Cuskelly M., Meredith P. Cultural beliefs about autism in Indonesia // *International Journal of Disability, Development and Education*. 2016. Vol. 63. № 6. P. 623—640. DOI:10.1080/1034912X.2016.1142069
19. Risk and resilience among mothers and fathers of primary school age children with ASD in Malaysia: a qualitative constructive grounded theory approach / K. Ilias, K. Cornish, M.S.A. Park, H. Toran, K. Jennifer // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 9, Article ID. 2275. 20 p. DOI:10.3389/fpsyg.2018.02275

20. Sato N., Araki A., Ito R., Ishigaki K. Exploring the beliefs of Japanese mothers caring for a child with disabilities // *Journal of family nursing*. 2015. Vol. 21. № 2. P. 232—260. DOI:10.1177/1074840715586551
21. Self-esteem, social support, and life satisfaction in Chinese parents of children with autism spectrum disorder / M. Lu, G. Yang, E. Skora, G. Wang, Y. Cai, Q. Sun, W. Li // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2015. Vol. 17. P. 70—77. DOI:10.1016/j.rasd.2015.05.003
22. Shing C.K.K., Bun Lam C. Self-stigma among parents of children with autism spectrum disorder // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2018. Vol. 48. P. 44—52. DOI:10.1016/j.rasd.2018.01.001
23. Shu B. Quality of life of family caregivers of children with autism. The mother's perspective // *Autism*. 2009. Vol. 13. № 1. P. 81—91. DOI:10.1177/1362361307098517
24. Wellbeing of mothers of children with “A-U-T-I-S-M” in Malaysia: an interpretative phenomenological analysis study / K. Ilias, J.H.J. Liaw, K. Cornish, M.S.A. Park, K.J. Golden // *Journal of Intellectual & Developmental Disability*. 2017. Vol. 42. P. 74—89. DOI:10.3109/13668250.2016.1196657
25. Work-family Conflict among Working Parents of Children with Autism in Malaysia / S.A. Sitimin, A. Fikry, Z. Ismail, N. Hussein // *Procedia Computer Science*. 2017. Vol. 105. P. 345—352. DOI:10.1016/j.procs.2017.01.232
26. Xiaoli L., Xianyang L., Yamin L. Stigma among parents of children with autism: A literature review // *Asian journal of psychiatry*. 2019. Vol. 45. P. 88—94. DOI:10.1016/j.ajp.2019.09.007

References

1. Kukanov A.A. Vliyanie kul'turnykh i religioznykh aspektov na vospriyatie autizma u detei roditelyami v stranakh Afriki i Blizhnego Vostoka [Influence of cultural and religious aspects on the perception of autism in children by parents in Africa and the Middle East]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 2, pp. 20—26. DOI:10.17759/jmfp.2021100202 (In Russ.).
2. Kukanov A.A. Osobennosti tsennostno-motivatsionnoi sfery roditelei detei s razlichnymi otkloneniyami v razviti: dis. ... kand. psikhol. Nauk [Features of the value-motivational sphere of parents of children with various developmental disabilities: dis. ... candidate of Psychological sciences] [Elektronnyi resurs]. Sankt-Peterburg, 2019. 392 p. URL: https://disser.spbu.ru/files/2019/disser_kukanov.pdf (Accessed 02.03.2022). (In Russ.).
3. Kukanov A.A., Fantalova E.B. Motivatsionno-lichnostnaya sfera materei, imeyushchikh detei s autizmom: Severnaya Amerika i Zapadnaya Evropa [Motivational and personal sphere of mothers with children with autism: North America and Western Europe]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2016. Vol. 8, no. 1, pp. 128—136. DOI:10.17759/psyedu.2016080112 (In Russ.).
4. Chen L.S., Li C., Wang C.H., Amuta A., Li M., Huang T.Y., Dhar S.U., Talwar D., Jung E. Autism spectrum disorders: Perceptions of genetic etiology and recurrence risk among Taiwanese parents of affected children. *Clinical Genetics*, 2015. Vol. 88, no. 2, pp. 129—134. DOI:10.1111/cge.12514
5. Desaj M.U., Divan G., Wertz F.J., Patel V. The discovery of autism: Indian parents' experiences of caring for their child with an autism spectrum disorder // *Transcultural Psychiatry*, 2012. Vol. 49, № 3—4, pp. 613—637. DOI:10.1177/1363461512447139
6. Eow S.Y., Gan W.Y., Lim P.Y., Awang H., Shariff Z.M. Factors associated with autism severity among Malaysian children with Autism Spectrum Disorder. *Research in Developmental Disabilities*, 2020. Vol. 100, article ID 103632. 11 p. DOI:10.1016/j.ridd.2020.103632
7. Foo M., Eng Hui Yap P.M., Sung M. The experience of Singaporean caregivers with a child diagnosed with autism spectrum disorder and challenging behaviours. *Qualitative Social Work*, 2015. Vol. 14, no. 5, pp. 634—650. DOI:10.1177/1473325014558662
8. Hobart H.M. Autism and family in the people's Republic of China: learning from parents' perspectives. *Research and Practice for Persons with Severe Disabilities*, 2008. Vol. 33, pp. 37—47. DOI:10.2511/rpsd.33.1-2.37
9. Lee J.K., Chiang H. Parenting stress in South Korean mothers of adolescent children with autism spectrum disorder. *International Journal of Developmental Disabilities*, 2018. Vol. 64, no. 2; pp. 120—127. DOI:10.1080/20473869.2017.1279843
10. Lin L. Coping strategies, caregiving burden, and depressive symptoms of Taiwanese mothers of adolescents with autism spectrum disorder. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2015. Vol. 15—16, pp. 1—9. DOI:10.1016/j.rasd.2015.04.002
11. Luong J., Yoder M.K., Canham D. Southeast Asian parents raising a child with autism: a qualitative investigation of coping styles. *The Journal of School Nursing*, 2009. Vol. 25, no. 3, pp. 222—229. DOI:10.1177/1059840509334365
12. Moh T. A., Magiati I. Factors associated with parental stress and satisfaction during the process of diagnosis of children with Autism Spectrum Disorders. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2012. Vol. 6, no. 1, pp. 293—303. DOI:10.1016/j.rasd.2011.05.011
13. Brezis R.S., Weisner T.S., Daley T.C., Singhal N., Barua M., Chollera S.P. Parenting a child with Autism in India: narratives before and after a parent—child intervention program [Elektronnyi resurs]. *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 2015. Vol. 39, pp. 277 —298. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11013-015-9434-y> (Accessed 02.03.2022).

14. Hou Y.M., Stewart L., Iao S.L., Wu C.C. Parenting stress and depressive symptoms in Taiwanese mothers of young children with autism spectrum disorder: Association with children's behavioral problems. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*, 2018. Vol. 31, no. 4, pp. 1113—1121. DOI:10.1111/jar.12471
15. Patra S., Patro B.K. Affiliate stigma among parents of children with autism in eastern India. *Asian Journal of Psychiatry*, 2019. Vol. 44, pp. 45—47. DOI:10.1016/j.ajp.2019.07.018
16. Zhang W., Yan T.T., Barriball K.L., While A.E., Liu X.H. Post-traumatic growth in mothers of children with autism: A phenomenological study. *Autism*, 2015. Vol. 19, no. 1, pp. 29—73. DOI:10.1177/1362361313509732
17. Hoang V.M., Le T.V., Chu T.T.Q., Le B.N., Duong M.D., Thanh N.M., Pham V.T., Minas H., Bui T.T.H. Prevalence of autism spectrum disorders and their relation to selected socio-demographic factors among children aged 18—30 months in northern Vietnam, 2017. *International journal of mental health systems*, 2019. Vol. 13, no. 29, pp. 1—9. DOI:10.1186/s13033-019-0285-8
18. Riany Y.E., Cuskelly M., Meredith P. Cultural beliefs about autism in Indonesia. *International Journal of Disability, Development and Education*, 2016. Vol. 63, no. 6, pp. 623—640. DOI:10.1080/1034912X.2016.1142069
19. Ilias K., Cornish K., Park M.S.A., Toran H., Jennifer K. Risk and resilience among mothers and fathers of primary school age children with ASD in Malaysia: a qualitative constructive grounded theory approach. *Frontiers in Psychology*, 2019. Article ID. 2275. 20 p. DOI:10.3389/fpsyg.2018.02275
20. Sato N., Araki A., Ito R., Ishigaki K. Exploring the beliefs of Japanese mothers caring for a child with disabilities. *Journal of family nursing*, 2015. Vol. 21, no. 2, pp. 232—260. DOI:10.1177/1074840715586551
21. Lu M., Yang G., Skora E., Wang G., Cai Y., Sun Q., Li W. Self-esteem, social support, and life satisfaction in Chinese parents of children with autism spectrum disorder. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2015. Vol. 17, pp. 70—77. DOI:10.1016/j.rasd.2015.05.003
22. Shing C.K. K., Bun Lam C. Self-stigma among parents of children with autism spectrum disorder. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2018. Vol. 48, pp. 44—52. DOI:10.1016/j.rasd.2018.01.001
23. Shu B. Quality of life of family caregivers of children with autism. The mother's perspective. *Autism*, 2009. Vol. 13, no. 1, pp. 81—91. DOI:10.1177/1362361307098517
24. Ilias K., Liaw J.H.J., Cornish K., Park M.S.A., Golden K.J. Wellbeing of mothers of children with "A-U-T-I-S-M" in Malaysia: an interpretative phenomenological analysis study. *Journal of Intellectual & Developmental Disability*, 2017. Vol. 42, pp. 74—89. DOI:10.3109/13668250.2016.1196657
25. Sitimin S.A., Fikry A., Ismail Z., Hussein N. Work-family Conflict among Working Parents of Children with Autism in Malaysia. *Procedia Computer Science*, 2017. Vol. 105, pp. 345—352. DOI:10.1016/j.procs.2017.01.232
26. Xiaoli L., Xianyang L., Yamin L. Stigma among parents of children with autism: A literature review. *Asian journal of psychiatry*, 2019. Vol. 45, pp. 88—94. DOI:10.1016/j.ajp.2019.09.007

Информация об авторах

Куканов Андрей Андреевич, кандидат психологических наук, медицинский психолог, Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой Департамента здравоохранения г. Москвы (ГБУЗ «НПЦПЗДП имени Г.Е. Сухаревой»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7507-7545>, e-mail: andrej.kukanov@mail.ru

Information about the authors

Andrej A. Kukanov, PhD in Psychology, Medical psychologist, Scientific and Practical Center of Mental Health of children and adolescents named after G.E. Sukhareva, the Department of Health of Moscow, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7507-7545>, e-mail: andrej.kukanov@mail.ru

Получена 14.08.2021

Принята в печать 02.11.2021

Received 14.08.2021

Accepted 02.11.2021

Руминации как психологический механизм формирования и поддержания суицидального поведения

Сагалакова О.А.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ);
Российская академия образования (ФГБУ «РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>, e-mail: olgasagalakova@mail.ru*

Труевцев Д.В.

*Российская академия образования (ФГБУ «РАО»), г. Москва Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>, e-mail: truevtsev@gmail.com*

Жирнова О.В.

*Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича
(КГБУЗ «АККПБ им. Эрдмана Ю.К.»), г. Барнаул, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>, e-mail: olga.zhirnova.2015@mail.ru*

В работе уточнена роль руминаций в формировании и поддержании суицидальных мыслей (СМ) и суицидального поведения (СП). В ведущих зарубежных моделях СП рассматривается как процесс фазовых перестроек и результирующая пересечения факторов (интерперсональная теория Т. Джойнера, мотивационно-волевая модель Р. О'Коннора, трехшаговая модель Д. Клонски). Анализ традиционных моделей СП показывает недостаточность учета метакогнитивных системно-динамических явлений, что может объяснить ограничения прогностичности теорий, особенно в отношении подростков. Руминации как одно из таких явлений обозначаются в виде компонента процесса repetitive negative thinking, который интенсифицирует переживание неразрешимости проблем и задает основу для осмысления самоубийства как потенциального способа «завершения» ситуации. Рассмотрены типологии руминаций и вклад каждого подтипа в поддержание СМ, СП: 1) руминации как черта (trait) и как состояние (state); 2) руминации brooding и рефлексия; 3) пре- и постсобытийные руминации. Продемонстрирована взаимосвязь руминаций и инсомнии в виде взаимообусловленного цикла накопления неразряжаемого психофизиологического напряжения в контексте формирования СП. В отечественной психологии для объяснения формирования СП привлекается методология культурно-деятельностного подхода, анализируются мотивы личности, возможности их реализации с учетом систем опосредствования и регуляции психической деятельности, закономерностей онтогенеза. Показана роль метакогнитивной дисрегуляции социальной тревоги в формировании СП в подростковом возрасте. Подчеркивается значимость динамического механизма СП, провоцирующего накопление напряжения за пределами ситуации и способствующего самоусилению симптомов.

Ключевые слова: повторяющееся негативное мышление, руминации, суицидальные мысли, суицидальное поведение, руминации brooding и рефлексия, руминации пре- и постсобытийные, депрессия, инсомния, социальная тревога, социальное тревожное расстройство, самосфокусированное внимание, психоз.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01310.

Для цитаты: Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. Руминации как психологический механизм формирования и поддержания суицидального поведения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 124—136. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110112>

Rumination as a psychological mechanism in the suicidal behavior formation and maintenance

Olga A. Sagalakova

*Moscow State University of Psychology & Education; The Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>, e-mail: olgasagalakova@mail.ru*

Dmitry V. Truvtsev

*The Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>, e-mail: truevtsev@gmail.com*

Olga V. Zhirnova

Altai Regional Clinical Psychiatric Hospital Named J.K. Erdman, Barnaul, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>, e-mail: olga.zhirnova.2015@mail.ru

The role of rumination in formation and maintenance of suicidal thoughts (ST) and suicidal behavior (SB) is specified in the article. In leading foreign models SB is considered to be the process of phase restructuring and the resultant intersection of factors (Joiner's interpersonal theory, O'Connor's motivational-volitional model, Klonsky's three-step model). Analysis of traditional SB models shows insufficient consideration of metacognitive system-dynamic phenomena, which may explain the limitations of predictive theories, especially in relation to adolescents. Ruminations as one of such phenomena are designated as a component of the process of repetitive negative thinking, which intensifies the experience of problems insolubility and sets the basis for comprehension of suicide as a potential way to "complete" the situation. The typologies of ruminations and the contribution of each subtype to the maintenance of ST, SB are considered: 1) ruminations as a trait and a state; 2) brooding ruminations and reflection; 3) pre- and post-event ruminations. The interrelation of rumination and insomnia in the form of interdependent cycle of accumulation of undischarged psychophysiological tension in the context of SB formation is demonstrated. Russian psychology employs the methodology of the cultural and activity approach to explain the formation of SB, and analyzes the motives of personality and the possibility of their implementation, taking into account the systems of mediation and regulation of mental activity and the laws of ontogenesis. The role of metacognitive dysregulation of social anxiety in the formation of SB in adolescence is shown. The significance of the dynamic mechanism of SB provoking accumulation of tension outside the situation and contributing to self-reinforcement of symptoms is underlined.

Keywords: repetitive negative thinking, rumination, suicidal thoughts, suicidal behavior, brooding rumination and reflection, pre- and post-event rumination, depression, insomnia, social anxiety, social anxiety disorder, self-focused attention, psychosis.

Funding. The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project number 22-28-01310.

For citation: Sagalakova O.F., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. Rumination as a psychological mechanism in the suicidal behavior formation and maintenance. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 124—136. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110112> (In Russ.).

Введение

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (2010), суицид — одна из основных причин смертности населения, особенно в подростковом и молодом возрастах. Кросс-культурная распространенность попыток самоубийства у взрослых людей в течение жизни составляет 2,7%, аналогичный показатель в подростковом возрасте (от 13 до 18 лет) существенно выше — 4,1% [25]. Пандемия COVID-19 интенсифицирует неблагоприятные риски в плане формирования суицидальных мыслей (СМ) и суицидального поведения (СП) [24; 41; 45]. Наряду с тем, что такая мера профилактики распространения коронавирусной инфекции, как социальное дистанцирование, оказывается эффективной, отмечается ее негативное влияние на психическое здоровье, выражающееся в переживании тревоги, депрессии [39], а также увеличении риска суицида [37]. Поскольку для совладания с пандемией необходимо социальное дистанцирование в течение последующих двух лет [26], а суициды становятся все более серьезной проблемой по мере распространения COVID-19, в рамках долгосрочных последствий для населения, экономики и групп риска, особо значимым становится вопрос осмысления психологических механизмов формирования СП.

Ситуация пандемии, вероятно, поддерживает стратегии избегания социальных контактов и непосред-

ственного общения, провоцируя в долгосрочной перспективе нарушение социальных навыков и усиливая социальную тревогу (СТ). Разобщение в молодом возрасте с референтной группой вызывает дефицит привычных стимулов социального одобрения, переживание «отделенности» от других, интенсифицируя процессы пре- и постсобытийных руминаций. Вынужденное участие в не ставших привычными форматах коммуникации, а также необходимость выработки альтернативных психологических средств построения взаимодействия с другими могут дестабилизировать привычную матрицу самореализации, активировав дезадаптивные Я-схемы, и усилить тревожно-депрессивную симптоматику. В психологической науке анализируется роль когнитивных и метакогнитивных процессов в генезе СП, изучаются дезадаптивные стратегии эмоциональной регуляции. Отмечается коморбидность симптомов социального тревожного расстройства (СТР) и расстройств аффективного и психотического спектра. Наблюдается увеличение роста исследований дисфункциональных стратегий саморегуляции, среди которых выраженный исследовательский интерес привлекли руминации как механизмы утяжеления депрессивных и тревожных расстройств, а также формирования рисков поведения.

Цель статьи — оценить преимущества и упущения традиционных моделей формирования и поддержания

СП в контексте рассмотрения системно-динамического механизма самоусиления симптомов вне основных регистрируемых предикторов, в частности сфокусироваться на объяснительной и прогностической роли руминаций; показать, какие типы руминаций в структуре тревожно-депрессивной симптоматики наиболее тесно ассоциированы с СМ и СП, представить значимые условия и опосредующие связи, сопряженные с повышением риска развития СП.

Ведущие психологические модели самоубийств. Содержательные и динамические характеристики факторов генеза суицидального поведения

На актуальном уровне развития психологии выделяются три ведущие теоретико-методологические модели СП, запустившие волну эмпирических исследований: интерперсональная теория Томаса Джойнера, интегративная мотивационно-волевая модель Рори О'Коннора, а также трехшаговая модель Дэвида Клонски. В интерперсональной модели самоубийства, разработанной американским ученым Т. Джойнером, предлагается анализ формирования желания уйти из жизни и готовность совершить суицид; проблема отношения человека к интерперсональному контексту в противовес внутрилличностным конфликтам ставится на первый план при осмыслении эволюции СП. Желание умереть возникает при взаимодействии таких социально-психологических факторов, как воспринимаемая обремененность / восприятие себя как бремени для окружающих и низкая принадлежность к социальной группе / низкая социальная связанность. Данные переживания распространены среди популяции, они обязательны, но недостаточны для совершения самоубийства, формируют мотивационную основу такого поведения. Готовность к суициду, как переход от желания умереть к СП, происходит посредством сформированной способности наносить себе самоповреждения, участия в рискованном поведении, сопряженном с привыканием к риску и боли [15; 29; 30].

В трудах английского ученого Р. О'Коннора представлена интегративная мотивационно-волевая модель СП, направленная на прояснение причин формирования именно СП, а не СМ. СП рассматривается как результирующая системы факторов, выделяются фазы эволюции данного поведения: домотивационная, мотивационная и волевая. Домотивационная фаза характеризуется факторами уязвимости, предикторами среды и жизненных событий, что расширяет рамки осмысления причинности самоубийства. В мотивационной фазе обозначен процесс развития СМ, логика которого в том, что переживания унижений и поражений переходят в ощущение «ловушки» — самоубийство мыслится как главный способ разрешения проблем; волевая фаза представлена попытками суицида. Описываются модераторы, способствующие/препятствующие трансформации описываемых явлений; например, модераторы

совладания играют значимую роль в переходе от лишений к ощущению «ловушки» [23].

Канадский исследователь — Д. Клонски, — представил трехшаговую теорию самоубийства. Первый шаг отражает процесс формирования СМ, запускающийся переживанием боли различных проявлений. СМ возникают при взаимном совпадении боли и чувства безнадежности. На втором шаге генеза СП центральное место отводится фактору связей человека с внешним миром, что концептуально пересекается с компонентом интерперсональной модели самоубийства — воспринимаемой обремененностью. Наличие таких связей может ослаблять/сохранять интенсивность СМ, а их отсутствие усиливает размышления о самоубийстве. Как и в модели Т. Джойнера, на третьем шаге Д. Клонски отводит внимание готовности совершить суицид как явлению, определяющему переход от СМ к суицидальным попыткам [16].

Обозначенные ведущие модели СП сконцентрированы на содержательных аспектах социально-психологического контекста, самоубийство рассматривается как результирующая пересечения ряда факторов. Возникновение СМ, переход от мыслей о самоубийстве к действиям осмысляются через присоединение новых предикторов, как правило, негативных переживаний, имеющих конкретное тематическое насыщение (безнадежность, унижения, недостаточность социальных связей), что ведет к сдвигу в этапах формирования СП. Несмотря на убедительные выводы о стадийности процесса формирования СП и значимости содержания чувств, неудач в межличностных отношениях, характерных при СМ и СП, в указанных теориях упущены из виду феномены, определяющие навязчивую цикличность, систематическую повторяемость, устойчивую фиксацию этих переживаний без возможности переключения, что сопряжено с кумуляцией психофизического напряжения в психологической системе и истощением ресурсов саморегуляции. Таким подтвержденным в исследованиях феноменом является руминативное мышление [25]. Обозначим логику развития теоретико-методологического и практического понимания руминаций как психологического механизма формирования СП.

Руминации как фактор риска депрессивных состояний, суицидальных мыслей и самоубийства

Многочисленные исследования направлены на обнаружение феноменов, способствующих увеличению риска самоубийства, среди которых выделяют СМ и попытки, несуйциальное самоповреждение, рискованное поведение, симптомы психоза («голоса», бред) [17] и т. д. На основании того, что тревожно-депрессивные симптомы тесно связаны с актуализацией СМ, попытками и вероятностью завершеного самоубийства, ученые нацелены на поиск общих когнитивных и метакогнитивных предикторов [9] риска тревоги, депрессии,

которые одновременно связаны с повышением вероятности совершения суицида. К таким факторам относят, например, негативный когнитивный стиль, чувство безнадежности, перфекционизм [3]. Однако когнитивным и метакогнитивным феноменам, повышающим риск собственно СМ и СП, как, например, руминациям, исторически уделялось меньше внимания, чем аналогичным феноменам по развитию депрессии [20].

Руминации ассоциированы с СМ [20] и попытками самоубийства одновременно и проспективно [21]. Руминации также значимо связаны с симптомами депрессии, тревогой, СТ, злоупотреблением алкоголем и несуицидальным самоповреждением [22], что подчеркивает целесообразность исследования данного феномена. В науке отсутствует однозначное определение понятия руминаций, явление рассматривается с различных концептуальных позиций. Согласно Response Styles Theory [22] — одной из ведущих теорий в контексте осмысления стилей реагирования, — руминации циклически и пассивно фокусируются на симптомах дистресса, их возможных причинах и последствиях. В данном подходе отмечается, что руминации усиливают депрессивные симптомы, СМ и вероятность попыток суицида, поддерживая негативные мысли, связанные с депрессивным настроением, препятствуя эффективному решению проблем и способствуя закреплению пассивного и пессимистического состояния. Последнее нарушает инструментальное поведение, приводя к накоплению нерешенных стрессов. Данный стиль обнаруживается рано, в подростковом возрасте, негативное мышление часто сопровождается циклом антиципационных или постсобытийных интрузивных мысленных образов.

Руминации — гетерогенный психологический феномен, в ряде когнитивных теорий обозначаются подтипы данного конструкта. С точки зрения такой характеристики, как устойчивость во времени, выделяются *руминации как черта (trait)* и *руминации как состояние (state)*. Руминации как черта, метакогнитивный ригидный стиль описаны в вышеупомянутом подходе Response Styles Theory, где прослеживается интерпретация данного явления с позиции его дисфункциональности, патологизирующего качества. Руминации как состояние (state), согласно теории контроля (Control Theory), — ситуативное размышление о медленном неудовлетворительном процессе достижения цели [19], несовпадении планируемой траектории выполнения деятельности и реального хода событий. Выделение этого подтипа основано на том, что данное руминативное состояние не является стабильной характеристикой человека, может провоцироваться ситуацией / вызываться в эксперименте [22], что подчеркивает понимание руминаций как способа мышления, единого в норме и при патологии. Данная мыслительная тенденция как реакция на стресс может приводить к дезорганизации психической деятельности при переходе от ее ситуативного характера к фиксированному генерализованному руминативному стилю реагирования.

Согласно современным представлениям в науке, руминации осмысляются как компонент *repetitive negative thinking* — трансдиагностического процесса, связанного с нарушением регуляции эмоций, тревогой, а также рядом психических расстройств. Исследование *repetitive negative thinking* началось со сфокусированности на депрессивных руминациях; позднее были показаны более широкий и независимый от когнитивного содержания характер руминаций, а также их более выраженная связь, по сравнению, например, с такими стратегиями, как избегание, подавление эмоций, переоценка, с расстройствами регуляции эмоций. Преодоление тенденции к тематической привязке в осмыслении метакогнитивного процесса обработки информации позволило сместить акцент с контента на общие системные механизмы феномена. Руминации интенсифицируют переживание неразрешимости проблем и безнадежности, что повышает вероятность самоубийства как потенциального способа «завершения», выхода; данное положение особенно значимо при непосредственном характере проявлений эмоций у подростков [18]. Руминации можно рассматривать как механизм, определяющий переход от СМ к суицидальным попыткам, с одной стороны, посредством десенсибилизации к насильственным мыслям, возникающим при руминировании, с другой стороны, и посредством длительной фиксированности на психологически «незавершенной», неуспешной ситуации и нарастания психического напряжения. Фактически, руминации опосредованно связаны с формированием суицидальной настроенности [29; 30]. Руминативный цикл мышления на фоне тревоги и депрессии становится изнурительным навязчивым процессом, в который вовлечена вся психическая деятельность человека без возможности адаптивного переключения на другие типы активности. На фоне руминаций формируется намерение прекратить дальнейший непрерывный рост напряжения, что в сочетании с «привыканием» к СМ может приводить к суицидальным поступкам.

Руминации, наряду с такими неадаптивными паттернами мышления, как самосфокусированное внимание, мониторинг потенциальных угроз и супрессия мыслей, составляют *Когнитивный синдром внимания (Cognitive Attentional Syndrome)*, актуализация которого определяется метакогнитивными процессами. Расстройства, этиологически и процессуально связанные с данными дисфункциональными стилями мышления, осмысляются как имеющие общий паттерн стратегий активности в виде указанного синдрома (тревога, СТ, расстройства настроения). Когнитивный синдром внимания, с одной стороны, проявляется в произвольных навязчивых идеях в результате неадаптивной автоматической переработки информации; с другой стороны, актуализация такого процесса обусловлена «допуском» к метакогнитивному планированию и знаниям. Данное планирование недоступно в форме вербализации, существует как хранящиеся в памяти убеждения о спосо-

бах мышления, включает в себя программу по регуляции и контролю собственных когниций и поведения. Компоненты Когнитивного синдрома внимания часто встречаются при наличии СМ и СП, уже начиная с подросткового возраста [9].

Роль типов руминаций brooding и рефлексии в структуре формирования и поддержания суицидальных мыслей и поведения

Значимым событием в контексте определения риска развития и усиления психопатологических симптомов является выделение в русле факторного подхода [42] двух типов руминаций: *brooding* (*тягостные размышления*) и *рефлексии*. Brooding — тенденция персеверировать по поводу негативных ситуаций или поведения («Почему я всегда так реагирую?»); рефлексия предполагает анализ причин ситуации или действий (фиксация чувств, попытка их проанализировать). Симптомы как депрессии, так и СТ усиливаются при brooding.

Интенсивность brooding как гнетущих, «мрачных» размышлений положительно коррелирует с выраженностью депрессии, при этом рефлексия связана со снижением симптоматики [42]. Brooding сопряжен с СП, согласно данным как кросс-секционных, так и проспективных исследований [20], даже в условиях контроля симптомов депрессии и опыта СМ. В метаанализе показана значимая корреляция brooding с СМ, а также суицидальными намерениями [29]. В лонгитюдном исследовании с использованием eye-tracking задачи на концентрацию/переключение внимания (eye-tracking engagement-disengagement task) подтверждена связь склонности к brooding и нарушений процесса внимания. Трудности переключения и перераспределения внимания от негативной информации повышают вероятность использования brooding при преодолении неблагоприятных событий, а взаимосвязь нарушенного переключения внимания и brooding усиливает депрессивные симптомы [7].

Результаты исследований в отношении поиска связей рефлексии, депрессии и СМ неоднозначны. Симптомы депрессии опосредуют связь brooding и СМ, но не рефлексии и СМ [20]. Если в одних работах (а) рефлексия сопряжена с более выраженными СМ [20], то в других данный подтип руминаций (б) не демонстрировал корреляцию с СМ и даже мог (в) выполнять протективную роль [42]. В двенадцати исследованиях показана небольшая положительная взаимосвязь между рефлексией и СМ, но в четырех работах отсутствовала связь в пределах доверительного интервала [29]. В одной работе обнаружена (г) отрицательная связь рефлексии и СМ [10]. На выборке студентов рефлексия оказалась сопряженной с СМ именно у тех, кто имел историю попыток самоубийства [38].

Обозначенные противоречивые результаты могут объясняться тем, что рефлексия более тесно ассоцииро-

вана с СМ в конкретных ситуациях (контекст), а рефлексия и самокритика — взаимосвязанные явления, предсказывающие СМ [20]. Попытки понять причины депрессивного настроения могут привести к СМ, суицидальным намерениям, когда люди не могут выработать адаптивного решения при попытках справиться с проблемами, когда опыт рефлексии превращается в brooding. Возможно, рефлексия связана с СМ тогда, когда способность эффективно решать проблем ослаблена. В кросс-секционном исследовании при контроле депрессии показано, что более низкие показатели надежды и оптимизма опосредуют более сильные связи рефлексии и СМ [43]. Если brooding демонстрирует выраженную взаимосвязь с психотическими состояниями, СМ, суицидальными намерениями и СП, то новые доказательства корреляции рефлексии и СМ, особенно среди уязвимых лиц, заостряют необходимость дальнейших исследований. Можно предположить, что руминации гнева (повторяющиеся мысли об эпизодах гнева, последствиях и мести), смещая фокус агрессии с себя на других, вероятно, могут снижать brooding, препятствуя СП в перспективе [30]. Неоднозначность результатов открывает пространство для дискуссии о прогностической мощности данной типологии руминаций, взаимопересекаемости в рамках одной и разных классификаций в контексте проблемы СП.

Взаимосвязь руминаций и инсомнии как накопление неразряжаемого напряжения в контексте формирования суицидального поведения

В ситуации пандемии COVID-19 усиление тревожно-депрессивной симптоматики вызвало увеличение жалоб на инсомнию, являющуюся предиктором риска СП. Получение значимых связей между интрузивными руминациями, характерными при тревоге и депрессии, и СМ, СП требует психологической квалификации. Одной из вероятностных закономерностей, объясняющих данные корреляции, выступает *чрезмерное напряжение психологической системы*, что влияет на повышение риска суицида [28]. Некоторые аспекты указанного напряжения, проявляющиеся в виде психофизиологического возбуждения, например, нарушений сна [33], вегетативных симптомов тревоги [44], рассматриваются в качестве компонентов биопсихосоциальной системы, проливающих свет на близость руминаций как склонности концентрироваться на негативных следствиях депрессии, неконтролируемости тревоги и формирования СП. Кумуляция неразряжаемого напряжения как один из факторов СП играет существенную роль в актуализации трудностей переключения на другой вид активности, а также повышения вероятности дезорганизации психической деятельности вплоть до уровня психотических переживаний [4; 35]. И руминации, и процесс формирования СП имеют психофизиологическую основу: при руминаци-

ях характерны нарушения нисходящего когнитивного контроля и искажения внимания [11], а, например, перед попыткой совершения суицида отмечается туннельное восприятие, замедление протекания физиологических реакций и т. д.

Инсомния и руминации связаны во взаимообусловленном цикле — руминации задерживают начало сна, снижая его качество. В свою очередь, недостаток сна ухудшает исполнительные функции, что затрудняет возможность избежать руминаций и негативных мыслей [27]. Связь между проблемами сна и риском самоубийства подтверждается в серии опытов [31], проблемы со сном связаны с увеличением СМ и попыток самоубийства [13]. Инсомния взаимосвязана с СМ, суицидальными попытками и завершенными самоубийствами во взрослой популяции; *инсомния* в различных исследованиях изучается как *поведение, связанное с суицидом*, как среди взрослых, так и среди подростков [40]. Проблемы со сном часто встречаются в дебюте психоза, у молодых людей, которые сообщают о риске самоубийства, и связаны с нарушением регуляции эмоций, тревогой, импульсивностью и бдительностью к негативным стимулам [8]. Распространенность нарушений сна в виде инсомнии и гиперсомнии за неделю до суицидальной попытки высока среди подростков, покончивших жизнь самоубийством, по сравнению с контролем [12]. Инсомния, проявляющаяся в возрасте 12—14 лет, считается предшествующей стадией по формированию и поддержанию СМ и попыток самоповреждающего поведения, актуализирующихся позднее в возрасте 15—17 лет [14].

При повышенном уровне *repetitive negative thinking* возникают трудности с переключением, отвлечением внимания (нисходящие процессы — *top-down*) от беспокоящей эмоциональной информации, часто встречаются нарушения сна и циркадных ритмов, которые влияют на основные когнитивные функции, например, внимание [34]. Хроническая депривация сна вызывает нарушения когнитивного функционирования, которое улучшается при восстановлении сна и циркадных ритмов [31]. Следовательно, вмешательство, сфокусированное на данных ритмах, может иметь эффективность при выраженном процессе *repetitive negative thinking* и улучшать когнитивное функционирование. Нарушения сна и указанных ритмов связаны с затруднением отвлечения внимания от несущественной информации и угроз, особенно связанных со сном, но отсутствуют доказательства сложности отвлечения внимания от стимулов, связанных с общей угрозой [6].

Так, есть данные, что (а) качество сна и руминации связаны между собой, (б) качество сна и риск суицида связаны, (в) руминации и риск суицида демонстрируют положительные корреляции. В современных работах показано, что переменная «нарушение сна» модулирует взаимосвязь руминаций и суицидального риска [13]; но отсутствуют данные, являются ли руминации и качество сна взаимосвязанными для прогнозирования риска СП, мыслей и попыток, и если да, то как осмыслить эти закономерности. Если рефлексия связана с

СМ у уязвимых лиц, подтип *brooding* сопряжен с мыслями о самоубийстве и СП, а низкое качество сна связано с усилением руминаций и нарушением исполнительных функций, то качество сна является значимым для исследования фактором. Выявлено, что *не столько инсомния, сколько наличие тревоги, беспокойных снов, «ночных кошмаров» опосредуют связь между brooding и риском СП* [30].

Ценным и убедительным представляется привлечение знаний о психофизиологических закономерностях руминаций, системно-регуляторных механизмах функционирования психики для объяснения связи между инсомнией и СП. Научное осмысление формирования СП в контексте проблемы руминаций и нарушений сна далеко от завершения, однако очевидным выводом в контексте разработки программ вмешательства является понимание важности симптомов нарушений сна для предсказания и профилактики рисков СП.

Руминации и социальная тревога: психологический механизм формирования антивиталяного и суицидального поведения в условиях фрустрации социально значимых мотивов личности

Если в современной зарубежной психологии взаимосвязь руминаций и СП изучается обычно в контексте переживания симптомов депрессии, нарушений сна, сформированной способности нанести себе самоповреждение, нарушений когнитивного функционирования [36], то в отечественной психологии данная связь осмысливается с позиции *качества удовлетворения социально значимых мотивов личности с учетом сформированности систем опосредствования и регуляции* психической деятельности. Особое внимание отводится механизмам формирования СП у подростков как одной из наиболее сензитивных к социальным факторам группе, поднимается проблема неправомерности переноса концепций о самоубийстве взрослых на подростковый возраст, подчеркивается важность разработки и верификации теории формирования СП в отношении подростков и юношей с учетом качественных свойств возрастного периода. В анализе механизмов формирования антивиталяного поведения (АП), СМ и СП у подростков представляется значимым контекст исследования психологической структуры и закономерностей регуляции/дисрегуляции СТ в коммуникативных ситуациях, в которых реализуются ведущие мотивы, возрастные потребности и задачи личности.

В рамках ведущей в отечественной суицидологии концепции СП, разработанной А.Г. Амбрумовой [2], акцентируется внимание на особенностях социальной ситуации развития, процессов общения. Суицид — следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта, причем последний играет решающую роль при переходе предиспозиционной в суицидальную фазу. На пути формирования СП первый этап — возникновение

антивита́льных переживаний (пассивных мыслей об уходе из жизни), которые могут переходить в АП — от аутоагрессивных действий к попыткам и т. д. При анализе закономерностей формирования СП выделено шесть типов ситуационных реакций как «оформленных, структурированных ответов на конфликтную ситуационную нагрузку, выливающих в определенно окрашенное эмоциональное состояние и соответствующее этому состоянию поведение» [1, с. 107]: реакция эмоционального дисбаланса, пессимистическая ситуационная реакция, реакция отрицательного баланса, ситуационная реакция демобилизации, ситуационная реакция оппозиции и, наконец, *ситуационная реакция дезорганизации*. Последняя, в отличие от других, характеризуется отсутствием функции психологической защиты, нарушением социального общения, снижением интеллектуального контроля, быстро возникающей дезорганизацией эффективного планирования, включает тревожный компонент, что может интенсифицировать процесс социально-психологической дезадаптации человека. На фоне положительной функции в виде быстро возникающего «сигнала о помощи» ситуационная реакция дезорганизации потенциально ассоциирована с неблагоприятными поведенческими рисками, в том числе с СП [1].

А.Г. Амбрумовой сформулированы важные свойства СП среди молодого возраста: неадекватность оценки последствий аутоагрессивного поведения, недостаточность серьезности мотивов, по мнению взрослых, к которым подростки прибегают при объяснении своих суицидальных попыток, а также тесная связь попыток детей и подростков покончить жизнь самоубийством и отклоняющегося поведения [2]. А.Б. Холмогоровой разработана многофакторная психосоциальная модель расстройств аффективного спектра, проливающая свет на механизмы СП в подростковом возрасте, выделены психосоциальные группы и соответствующие им факторы риска СП [3].

В русле культурно-деятельностного подхода (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник и др.), согласующегося с постнеклассической рациональностью, с опорой на положения подхода А.Г. Амбрумовой, авторами [4; 5; 35] разработана модель АП и СП, основанная на изучении клинко-психологических механизмов данного поведения в популяции лиц подростково-юношеского возраста. АП осмысливается как поведение, имеющее направленность против биологических потребностей, проходящее следующие стадии: антивита́льные переживания, мысли и действия, учитываются состояния хронификации идей и АП. СП определяется в создании угроз своему состоянию, здоровью, которая прямо/опосредованно может привести к летальному исходу. АП может предшествовать стадиям развития СП (СМ, приготовления, действия, парасуициды, законченные самоубийства) или пересекать их. В синдроме АП и СП обозначается синдромообразующий вклад СТ как препятствия на пути реализации социально-коммуникативных мотивов

подростка, рассматриваются системные нарушения «психологического поля» личности (кумуляция неразряжаемого напряжения, постсобытийные руминации и т. д.), недостаточность регуляции психической деятельности в ситуациях оценивания. На основе общности патогенетических механизмов формирования разных типов аутодеструктивного поведения и тенденции к их взаимопереходу, понятие АП как более емкая категория позволяет учитывать больший класс поведенческих проявлений подростков как суицидоопасных и искать общие механизмы эскалации такого поведения с целью профилактики и вмешательства.

Для подростков характерна избирательность внимания к угрозам, связанным с ущербом социальному статусу; социальные потребности по иерархии стоят выше биологических, что на фоне несформированных систем управления эмоциями в стрессовых ситуациях и затруднений выхода из эмоционально негативных состояний обуславливает легкость перехода к обесцениванию жизни. Бдительность к угрожающим социальным стимулам и самосфокусированное внимание, характерные при СТ, искажают социальную перцепцию; анализ стимулов происходит на основе внутренне сгенерированной информации, из позиции «я — объект оценивания», с опорой на пессимистичную интерпретацию текущего опыта. Особая структура искажений внимания создает основу для мысленного возвращения в ситуацию, являющуюся психологически незавершенной; такой цикл мышления требует все больших энергетических затрат, препятствуя выполнению текущих задач [5]. Самосфокусированное внимание при СТ обеспечивает высокую вероятность формирования изнуряющего ресурса психической активности цикла постсобытийных руминаций, связываемых в клинике с риском психоза (например, появлением унижающих, оскорбляющих «голосов») В подростковом возрасте дисфункциональные метакогнитивные процессы обработки информации, ассоциированные с формированием АП, часто содержат компоненты наглядных ментальных образов, попытки заблокировать которые приводят к их навязчивому воспроизведению. Накопление нарастающего напряжения в структуре психической деятельности при недостаточности понимания объективных последствий СП способствует зарождению намерения радикально прервать состояние.

Наибольший интерес представляет изучение роли руминаций в поддержании собственно тревожных расстройств и формировании рисков поведения. Фокусировка на признаках угрозы оказывает влияние на степень вовлечения в постсобытийные процессы [32]. Д. Кларк и А. Уэллс (1995) разработали модель СТР [9], учитывающую *руминативную пре- и постсобытийную переработку информации* как метакогнитивный механизм поддержания симптомов СТР, определяющий хронификацию социального стресса. Руминации до и после ситуации воспринимаются как навязчивые и мучительные, попытки справиться с ними закрепляют цикл размышлений, приводя к большему истоще-

нию. Данные процессы поддерживают негативный образ себя, усиливают переживание стыда за мнимый «провал», безвыходности ситуации, что опосредованно обеспечивает при преувеличенной значимости социальных мотивов в одобрении и потребности в немедленном разрешении конфликтов высокую вероятность возникновения АП, СП.

На пути к дифференциации руминаций тревоги и депрессии предполагается, что руминации тревоги фокусируются на воспринимаемой неспособности справиться с ней и последствиях невозможности контроля, а не на предполагаемых причинах и последствиях депрессивного настроения [15]. *Тревожные руминации* — интрузивное заикливание на неудачах, потенциальных угрозах, беспокоящих аспектах ситуации, характеризующееся фиксацией на событиях, которые не привели к получению ожидаемого результата. Таким образом, *психологическая незавершенность цели приводит к «мысленным» попыткам скорректировать уже совершенные действия* и длительному сохранению интенсивной избирательной переработки информации (Б.В. Зейгарник), что объясняется завышением стандартов при постановке целей и критериев ее достижения. Кумуляция напряжения в психологической системе сопряжена с трудностями переключения на отдых и другие виды активности, что значимо повышает риск срыва деятельности, истощения ресурсов и дезорганизации психики [5]. Динамика процесса связана с увеличением риска совершения импульсивного поведения, интенсификации непосредственного реагирования и актуализации СП как способа разрядки накопленного аффекта [35]. На основе анализа истории развития напряжения оказывается важной роль «сверхстимула» как пускового механизма АП и СП, причем статус «сверхстимула» событие приобретает уже в ситуации длительного руминирования, на фоне которого способность справляться даже с незначительными стрессами становится ослабленной, что повышает вероятность суицида.

Выводы

Исследование психологических закономерностей формирования и поддержания СМ, анализ механизмов трансформации мыслей в суицидальные действия сохраняет актуальность. В ведущих моделях самоубийства — интерперсональной теории Т. Джойнера, интегративной мотивационно-волевой модели Р. О'Коннора, трехшаговой модели Д. Клонски — рассмотрение суицида выходит за рамки его понимания как следствия внутриличностного конфликта, подчеркивается роль качества межличностных отношений. Самоубийство мыслится как выход из тяжелой «череды» негативных событий. Однако доминирующие модели не дают ответа на вопрос о роли персеверирования на негативных темах в формировании СП. Обозначенная фазовость форм СП, безусловно, учи-

тывает процессуальный характер развития суицидальной направленности личности, однако игнорируются собственно системно-динамические механизмы процесса. Понимание происхождения фазовой качественной перестройки, отражающей переход от СМ к соответствующим действиям, напрямую сопряжено с осмыслением феномена *repetitive negative thinking*.

Руминации мыслятся как значимый компонент *repetitive negative thinking* — трансдиагностического процесса, сопряженного с нарушениями регуляции эмоций, а также как составляющая Когнитивного синдрома внимания. В настоящее время в разных концепциях выделяются подтипы руминаций, что связано как с задачей дифференциации процесса в норме и патологии, так и с попыткой сопоставить варианты руминирования с определенными этапами развития патологических процессов или дезадаптации (руминации как состояние и как черта, руминации *brooding* и рефлексия, пре- и постсобытийные руминации, руминации гнева, тревоги и депрессии). При формировании СП роль разных типов руминаций показана неоднозначно, а закономерности перехода от одного типа к другому в рамках отдельных типологий до конца не изучены.

В контексте ригидного изнуряющего руминативного стиля мышления анализируется инсомния как явление, играющее роль в кумуляции неразряжаемого психофизиологического напряжения и формировании СП. Руминации отодвигают во времени начало сна, снижая его качество, а недостаток сна влияет на ухудшения когнитивного функционирования, что накладывает ограничения на способность совладать с руминациями.

В отечественном подходе отмечается важное значение при развитии СП возможности с помощью психологических средств удовлетворить потребности, обусловленные социально значимыми мотивами. Поднимаются вопросы целесообразности разработки модели СП подростков, отражающую социально-психологические, возрастные особенности этой популяции, важную роль регуляции СТ в ситуациях оценивания. Ставится под сомнение перенос на подростково-юношескую группу теорий самоубийств, разработанных в отношении взрослых. АП как поведение, направленное против собственных биологических потребностей, включает широкий круг аутодеструктивных действий, имеющих единую патогенетическую природу с СП, поэтому данная категория особенно значима для целей профилактики эскалации СП. В контексте формирования СП как срыва психической деятельности показана роль руминативной пре- и постсобытийной переработки информации — метакогнитивного механизма хронификации социального стресса, а также тревожных руминаций, определяющих заикленность на неудачах. Вероятно, руминации как самореферентный динамический процесс непродуктивного мысленного воспроизведения последствий незавершенной цели деятельности, негативных переживаний может объяснять связь между тревожно-депрессивной симптоматикой, риском психоза и возникновения СП.

Литература

1. Амбрумова А.Г. Анализ состояний психологического кризиса и их динамика // Психологический журнал. 1985. Том 6. № 6. С. 107—115.
2. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: методические рекомендации. М.: [Б. и.], 1980. 58 с.
3. Деадаптивные личностные черты и психопатологическая симптоматика у лиц с первой попыткой суицида и хроническим суицидальным поведением / А.Б. Холмогорова, М.И. Суботич, М.П. Корх, А.А. Рахманина, М.С. Быкова // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 1. С. 63—86. DOI:10.17759/spp.2020280105
4. Психологические факторы формирования суицидального поведения при обсессивно-компульсивном и социальном тревожном расстройстве / О.А. Сагалакова, О.В. Жирнова, Д.В. Труевцев, Н.А. Бохан, И.Я. Стоянова, Е.Ю. Брель // Суицидология. 2020. Том 11. № 2. С. 82—100. DOI:10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-82-100
5. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Стоянова И.Я. Синдром социальной фобии и его психологическое содержание // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2017. Том 117. № 4. С. 15—22. DOI:10.17116/jnevro20171174115-22
6. Attentional bias towards sleep-related stimuli in insomnia disorder: a behavioural and ERP study / Ningning Zhou, Chuanwen Zhao, Ting Yang, Sha Du, Meng Yu, Heyong Shen // Journal of Sleep Research. 2018. Vol. 27. № 3. Article ID 12652. 9 p. DOI:10.1111/jsr.12652
7. Attentional disengagement from emotional information predicts future depression via changes in ruminative brooding: A five-month longitudinal eye-tracking study / A. Sanchez-Lopez, E.H.W. Koster, J.V. Put, R.D. Raedt // Behaviour Research and Therapy. 2019. Vol. 118. P. 30—42. DOI:10.1016/j.brat.2019.03.013
8. Becker S.P., Holdaway A.S., Luebbe A.M. Suicidal behaviors in college students: frequency, sex differences, and mental health correlates including sluggish cognitive tempo // The Journal of adolescent health: Official publication of the Society for Adolescent Medicine. 2018. Vol. 63. № 2. P. 181—188. DOI:10.1016/j.jadohealth.2018.02.013
9. Clark D.M., Wells A. A cognitive model of social phobia // Social phobia: Diagnosis, assessment and treatment / Eds. R.G. Heimberg, M.R. Liebowitz, D.A. Hope, F.R. Schneier. New York: Guilford Press, 1995. P. 69—93.
10. Crane C., Barnhofer T., Williams J.M. Reflection, brooding, and suicidality: a preliminary study of different types of rumination in individuals with a history of major depression // The British journal of clinical psychology. 2007. Vol. 46. № 4. P. 497—504. DOI:10.1348/014466507X230895
11. Ferdek M.A., van Rijn C.M., Wyczesany M. Depressive rumination and the emotional control circuit: An EEG localization and effective connectivity study // Cognitive, Affective, and Behavioral Neuroscience. 2016. Vol. 16. № 6. P. 1099—1113. DOI:10.3758/s13415-016-0456-x
12. Hayes B., Bainton J. The impact of reduced sleep on school related outcomes for typically developing children aged 11—19: A systematic review // School Psychology International. 2020. Vol. 41. № 6. P. 569—594. DOI:10.1177/0143034320961130
13. Holdaway A.S., Luebbe A.M., Becker S.P. Rumination in relation to suicide risk, ideation, and attempts: Exacerbation by poor sleep quality? // Journal of Affective Disorders. 2018. Vol. 236. P. 6—13. DOI:10.1016/j.jad.2018.04.087
14. Identifying subgroups within a sample of adults with a suicide attempt history using the Interpersonal Psychological Theory of Suicide / Q.J.J. Wong, M. Torok, B.A.J. van Spijker, A. Werner-Seidler, A.L. Calear, P.J. Batterham, J. Han, H. Christensen // Psychiatry Research. 2020. Vol. 293. Article ID 113406. DOI:10.1016/j.psychres.2020.113406
15. Joiner T. Why people die by suicide [Электронный ресурс]. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. 288 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=C7uiA5EB5GAC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 20.02.2022).
16. Klonsky E.D., May A.M. The Three-Step Theory (3ST): A new theory of suicide rooted in the «ideation-to-action» framework // International Journal of Cognitive Therapy. 2015. Vol. 8. № 2. P. 114—129. DOI:10.1521/ijct.2015.8.2.114
17. Klonsky E.D., Saffer B.Y., Bryan C.J. Ideation-to-action theories of suicide: a conceptual and empirical update // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 22. P. 38—43. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.07.020
18. Law K.C., Tucker R.P. Repetitive negative thinking and suicide: a burgeoning literature with need for further exploration // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 22. P. 68—72. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.08.027
19. Martin L.L., Tesser A. Some ruminative thoughts [Электронный ресурс] // Ruminative thoughts / Eds. R.S. Wyer. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1996. P. 1—47. URL: https://books.google.ru/books?id=L_8ukqLCHKIC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 20.02.2022).
20. Miranda R., Nolen-Hoeksema S. Brooding and reflection: rumination predicts suicidal ideation at one-year follow up in a community sample // Behaviour Research & Therapy. 2007. Vol. 45. № 12. P. 3088—3095. DOI:10.1016/j.brat.2007.07.015
21. Morrison R., O'Connor R.C. A systematic review of the relationship between rumination and suicidality // Suicide and Life-Threatening Behavior. 2008. Vol. 38. № 5. P. 523—538. DOI:10.1521/suli.2008.38.5.523
22. Nolen-Hoeksema S. Responses to depression and their effects on the duration of depressive episodes // Journal of Abnormal Psychology. 1991. Vol. 100. № 4. P. 569—582. DOI:10.1037//0021-843x.100.4.569

23. O'Connor R.C. The integrated motivational-volitional model of suicidal behavior // *Crisis*. 2011. Vol. 32. № 6. P. 295—298. DOI:10.1027/0227-5910/a000120
24. «Pandemic fear» and COVID-19: mental health burden and strategies / F. Ornell, J.B. Schuch, A.O. Sordi, F. Henrique, P. Kessler // *Brazilian Journal of Psychiatry*. 2020. Vol. 42. № 3. P. 232—235. DOI:10.1590/1516-4446-2020-0008
25. Prevalence, correlates, and treatment of lifetime suicidal behavior among adolescents: results from the National Comorbidity Survey Replication Adolescent Supplement / M.K. Nock, J.G. Green, I. Hwang, K.A. McLaughlin, N.A. Sampson, A.M. Zaslavsky, R.C. Kessler // *JAMA Psychiatry*. 2013. Vol. 70. № 3. P. 300—310. DOI:10.1001/2013.jamapsychiatry.55
26. Projecting the transmission dynamics of SARS-CoV-2 through the postpandemic period / S.M. Kissler, C. Tedijanto, E. Goldstein, Y.H. Grad, M. Lipsitch // *Science*. 2020. Vol. 368. № 6493. P. 860—868. DOI:10.1126/science.abb5793
27. Prospective associations between sleep disturbance and repetitive negative thinking: the mediating roles of focusing and shifting attentional control / R.C. Cox, D.A. Cole, E.L. Kramer, B.O. Olatunji // *Behavior Therapy*. 2018. Vol. 49. № 1. P. 21—31. DOI:10.1016/j.beth.2017.08.007
28. Risk factors for suicidal thoughts and behaviors: A meta-analysis of 50 years of research / J.C. Franklin, J.D. Ribeiro, K.R. Fox, K.H. Bentley, E.M. Kleiman, X. Huang, K.M. Musacchio, A.C. Jaroszewski, B.P. Chang, M.K. Nock // *Psychological Bulletin*. 2017. Vol. 143. № 2. P. 187—232. DOI:10.1037/bul0000084
29. Rogers M.L., Gorday J.Y., Joiner T.E. Examination of characteristics of ruminative thinking as unique predictors of suicide-related outcomes // *Journal of Psychiatric Research*. 2021. Vol. 139. P. 1—7. DOI:10.1016/j.jpsychires.2021.05.001
30. Rogers M.L., Joiner T.E. Lifetime acute suicidal affective disturbance symptoms account for the link between suicide-specific rumination and lifetime past suicide attempts // *Journal of Affective Disorders*. 2018. Vol. 235. P. 428—433. DOI:10.1016/j.jad.2018.04.023
31. Screening for suicide risk in adult sleep patients / C.W. Drapeau, M.R. Nadorff, W.V. McCall, C.E. Titus, N. Barclay, A. Payne // *Sleep Medicine Reviews*. 2019. Vol. 46. P. 17—26. DOI:10.1016/j.smrv.2019.03.009
32. Seah T.H.S., Aurora P., Coifman K.G. Emotion differentiation as a protective factor against the behavioral consequences of rumination: a conceptual replication and extension in the context of social anxiety // *Behavior Therapy*. 2020. Vol. 51. № 1. P. 135—148. DOI:10.1016/j.beth.2019.05.011
33. Sher L. COVID-19, anxiety, sleep disturbances and suicide // *Sleep Medicine*. 2020. Vol. 70. P. 124. DOI:10.1016/j.sleep.2020.04.019
34. Short M.A., Chee M.W.L. Adolescent sleep restriction effects on cognition and mood // *Progress in Brain Research*. 2019. Vol. 246. P. 55—71. DOI:10.1016/bs.pbr.2019.02.008
35. Social anxiety as a basic factor shaping anti-vital and suicidal behaviour among contemporary adolescents / O. Sagalakova, D.V. Truevtsev, I.Y. Stoyanova, A.M. Sagalakov // *Abstracts of the 25th European Congress of Psychiatry*. 1—4 April, Florence, Italy. *European Psychiatry*. 2017. Vol. 41. P. 417—417. DOI:10.1016/j.eurpsy.2017.01.368
36. Suicidal thoughts, suicidal behaviours and self-harm in daily life: A systematic review of ecological momentary assessment studies / B.L. Gee, J. Han, H. Benassi, P.J. Batterham // *Digital Health*. 2020. Vol. 6. P. 1—38. DOI:10.1177/2055207620963958
37. Suicide risk and prevention during the COVID-19 pandemic / D. Gunnell, L. Appleby, E. Arensman, K. Hawton, A. John, N. Kapur, M. Khan, R.C. O'Connor, J. Pirkis, the COVID-19 Suicide Prevention Research Collaboration // *Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7. № 6. P. 468—471. DOI:10.1016/S2215-0366(20)30171-1
38. The influence of negative life events on suicidal ideation in college students: the role of rumination / S. Wang, H. Jing, L. Chen, Y. Li // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. № 8. Article ID 2646. 12 p. DOI:10.3390/ijerph17082646
39. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence / S.K. Brooks, R.K. Webster, L.E. Smith, L. Woodland, S. Wessely, N. Greenberg, G.J. Rubin // *Lancet*. 2020. Vol. 395. № 10227. P. 912—920. DOI:10.1016/S0140-6736(20)30460-8
40. The role of sleep disturbance in suicidal and nonsuicidal self-injurious behavior among adolescents / E.L. McGlinchey, E.A. Courtney-Seidler, M. German, A.L. Miller // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2016. Vol. 47. № 1. P. 103—111. DOI:10.1111/sltb.12268
41. Trends in depression & anxiety symptom severity among mental health service attendees during the COVID-19 pandemic / R. Saunders, J.E.J. Buckman, J. Leibowitz, J. Capea, S. Pilling // *Journal of Affective Disorders*. 2021. Vol. 289. P. 105—109. DOI:10.1016/j.jad.2021.04.020
42. Treynor W., Gonzalez R., Nolen-Hoeksema S. Rumination reconsidered: a psychometric analysis // *Cognitive Therapy and Research*. 2003. Vol. 27. № 3. P. 247—259. DOI:10.1023/A:1023910315561
43. Understanding the relationship between suicidality, current depressed mood, personality, and cognitive factors / S. Cameron, V.J. Brown, B. Dritschel, K. Power, M. Cook // *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*. 2017. Vol. 90. № 4. P. 530—549. DOI:10.1111/papt.12123
44. Watkins E.R. Depressive rumination and co-morbidity: evidence for brooding as a transdiagnostic process // *Journal of Rational-Emotive and Cognitive-Behavior Therapy: RET*. 2009. Vol. 27. № 3. P. 160—175. DOI:10.1007/s10942-009-0098-9

45. Yao H., Chen J.-H., Xu Y.-F. Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic // *Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7. № 4. P. e21—e21. DOI:10.1016/S2215-0366(20)30090-0

References

1. Ambrumova A.G. Analiz sostoyanii psikhologicheskogo krizisa i ikh dinamika [Analysis of the states of the psychological crisis and their dynamics]. *Psikhologicheskii zhurnal* = [Psychological journal], 1985. Vol. 6, no. 6, pp. 107—115. (In Russ.).
2. Ambrumova A.G., Tikhonenko V.A. Diagnostika suitsidal'nogo povedeniya. Metodicheskie rekomendatsii [Diagnosis of suicidal behavior. Guidelines]. Moscow, 1980. 58 p. (In Russ.).
3. Kholmogorova A.B., Subotich M.I., Korkh M.P., Rakhmanina A.A., Bykova M.S. Deadaptivnye lichnostnye cherty i psikhopatologicheskaya simptomatika u lits s pervoi popytкой suitsida i khronicheskim suitsidal'nym povedeniem [Maladaptive Personality Traits and Psychopathological Symptoms in Individuals with the First Suicidal Attempt and with Chronic Suicidal Behavior]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* = *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 1, pp. 63—86. DOI:10.17759/cpp.2020280105 (In Russ.).
4. Sagalakova O.A., Zhirnova O.V., Truevtsev D.V., Bokhan N.A., Stoyanova I.Ya., Brel' E.Yu. Psikhologicheskie faktory formirovaniya suitsidal'nogo povedeniya pri obsessivno-kompul'sivnom i sotsial'nom trevozhnom rasstroistve [Psychological factors of suicidal behavior formation in obsessive-compulsive and social anxiety disorder]. *Suitsidologiya* = *Suicidology (Russia)*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 82—100. DOI:10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-82-100 (In Russ.).
5. Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Stoyanova I.Ya. Sindrom sotsial'noi fobii i ego psikhologicheskoe sodержanie [A psychological content of social phobia syndrome]. *Zhurnal Nevrologii i Psikhiiatrii imeni S.S. Korsakova* = [S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry], 2017. Vol. 117, no. 4, pp. 15—22. DOI:10.17116/jnevro20171174115-22 (In Russ.).
6. Ningning Zhou, Chuanwen Zhao, Ting Yang, Sha Du, Meng Yu, Heyong Shen Attentional bias towards sleep-related stimuli in insomnia disorder: a behavioural and ERP study. *Journal of Sleep Research*, 2018. Vol. 27, no. 3, article ID 12652, 9 p. DOI:10.1111/jsr.12652
7. Sanchez-Lopez A., Koster E.H.W., Put J.V., Raedt R.D. Attentional disengagement from emotional information predicts future depression via changes in ruminative brooding: A five-month longitudinal eye-tracking study. *Behaviour Research and Therapy*, 2019. Vol. 118, pp. 30—42. DOI:10.1016/j.brat.2019.03.013
8. Becker S.P., Holdaway A.S., Luebbe A.M. Suicidal behaviors in college students: frequency, sex differences, and mental health correlates including sluggish cognitive tempo. *The Journal of adolescent health: Official publication of the Society for Adolescent Medicine*, 2018. Vol. 63, no. 2, pp. 181—188. DOI:10.1016/j.jadohealth.2018.02.013
9. Clark D.M., Wells A. A cognitive model of social phobia. In Heimberg R.G., Liebowitz M.R., Hope D.A., Schneier F.R. (eds.), *Social phobia: Diagnosis, assessment and treatment*. New York: Guilford Press, 1995, pp. 69—93.
10. Crane C., Barnhofer T., Williams J.M. Reflection, brooding, and suicidality: a preliminary study of different types of rumination in individuals with a history of major depression. *The British journal of clinical psychology*, 2007. Vol. 46, no. 4, pp. 497—504. DOI:10.1348/014466507X230895
11. Ferdek M.A., van Rijn C.M., Wyczesany M. Depressive rumination and the emotional control circuit: An EEG localization and effective connectivity study. *Cognitive, Affective, and Behavioral Neuroscience*, 2016. Vol. 16, no. 6, pp. 1099—1113. DOI:10.3758/s13415-016-0456-x
12. Hayes B., Bainton J. The impact of reduced sleep on school related outcomes for typically developing children aged 11—19: A systematic review. *School Psychology International*, 2020. Vol. 41, no. 6, pp. 569—594. DOI:10.1177/0143034320961130
13. Holdaway A.S., Luebbe A.M., Becker S.P. Rumination in relation to suicide risk, ideation, and attempts: Exacerbation by poor sleep quality? *Journal of Affective Disorders*, 2018. Vol. 236, pp. 6—13. DOI:10.1016/j.jad.2018.04.087
14. Wong Q.J.J., Torok M., van Spijker B.A.J., Werner-Seidler A., Calear A.L., Batterham P.J., Han J., Christensen H. Identifying subgroups within a sample of adults with a suicide attempt history using the Interpersonal Psychological Theory of Suicide. *Psychiatry Research*, 2020. Vol. 293. Article ID 113406. DOI:10.1016/j.psychres.2020.113406
15. Joiner T. Why people die by suicide [Elektronnyi resurs]. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. 288p. URL: <https://books.google.ru/books?id=C7uiA5EB5GAC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (Accessed 20.02.2022).
16. Klonsky E.D., May A.M. The Three-Step Theory (3ST): A new theory of suicide rooted in the «ideation-to-action» framework. *International Journal of Cognitive Therapy*, 2015. Vol. 8, no. 2, pp. 114—129. DOI:10.1521/ijct.2015.8.2.114
17. Klonsky E.D., Saffer B.Y., Bryan C.J. Ideation-to-action theories of suicide: a conceptual and empirical update. *Current Opinion in Psychology*, 2018. Vol. 22, pp. 38—43. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.07.020
18. Law K.C., Tucker R.P. Repetitive negative thinking and suicide: a burgeoning literature with need for further exploration. *Current Opinion in Psychology*, 2018. Vol. 22, pp. 68—72. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.08.027
19. Martin L.L., Tesser A. Some ruminative thoughts [Elektronnyi resurs]. In Wyer R.S. (ed.), *Ruminative thoughts*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1996, pp. 1—47. URL: https://books.google.ru/books?id=L_8ukqLCHKIC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false (Accessed 20.02.2022).
20. Miranda R., Nolen-Hoeksema S. Brooding and reflection: rumination predicts suicidal ideation at one-year follow up in a community sample. *Behaviour Research & Therapy*, 2007. Vol. 45, no. 12, pp. 3088—3095. DOI:10.1016/j.brat.2007.07.015

21. Morrison R., O'Connor R.C. A systematic review of the relationship between rumination and suicidality. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2008. Vol. 38, no. 5, pp. 523—538. DOI:10.1521/suli.2008.38.5.523
22. Nolen-Hoeksema S. Responses to depression and their effects on the duration of depressive episodes. *Journal of Abnormal Psychology*, 1991. Vol. 100, no. 4, pp. 569—582. DOI:10.1037//0021-843x.100.4.569
23. O'Connor R.C. The integrated motivational-volitional model of suicidal behavior. *Crisis*, 2011. Vol. 32, no. 6, pp. 295—298. DOI:10.1027/0227-5910/a000120
24. Ornell F., Schuch J.B., Sordi A.O., Henrique F., Kessler P. «Pandemic fear» and COVID-19: mental health burden and strategies. *Brazilian Journal of Psychiatry*, 2020. Vol. 42, no. 3, pp. 232—235. DOI:10.1590/1516-4446-2020-0008
25. Nock M.K., Green J.G., Hwang I., McLaughlin K.A., Sampson N.A., Zaslavsky A.M., Kessler R.C. Prevalence, correlates, and treatment of lifetime suicidal behavior among adolescents: results from the National Comorbidity Survey Replication Adolescent Supplement. *JAMA Psychiatry*, 2013. Vol. 70, no. 3, pp. 300—310. DOI:10.1001/2013.jamapsychiatry.55
26. Kissler S.M., Tedijanto C., Goldstein E., Grad Y.H., Lipsitch M. Projecting the transmission dynamics of SARS-CoV-2 through the postpandemic period. *Science*, 2020. Vol. 368, no. 6493, pp. 860—868. DOI:10.1126/science.abb5793
27. Cox R.C., Cole D.A., Kramer E.L., Olatunji B.O. Prospective associations between sleep disturbance and repetitive negative thinking: the mediating roles of focusing and shifting attentional control. *Behavior Therapy*, 2018. Vol. 49, no. 1, pp. 21—31. DOI:10.1016/j.beth.2017.08.007
28. Franklin J.C., Ribeiro J.D., Fox K.R., Bentley K.H., Kleiman E.M., Huang X., Musacchio K.M., Jaroszewski A.C., Chang B.P., Nock M.K. Risk factors for suicidal thoughts and behaviors: A meta-analysis of 50 years of research. *Psychological Bulletin*, 2017. Vol. 143, no. 2, pp. 187—232. DOI:10.1037/bul0000084
29. Rogers M.L., Gorday J.Y., Joiner T.E. Examination of characteristics of ruminative thinking as unique predictors of suicide-related outcomes. *Journal of Psychiatric Research*, 2021. Vol. 139, pp. 1—7. DOI:10.1016/j.jpsychires.2021.05.001
30. Rogers M.L., Joiner T.E. Lifetime acute suicidal affective disturbance symptoms account for the link between suicide-specific rumination and lifetime past suicide attempts. *Journal of Affective Disorders*, 2018. Vol. 235, pp. 428—433. DOI:10.1016/j.jad.2018.04.023
31. Drapeau C.W., Nadorff M.R., McCall W.V., Titus C.E., Barclay N., Payne A. Screening for suicide risk in adult sleep patients. *Sleep Medicine Reviews*, 2019. Vol. 46, pp. 17—26. DOI:10.1016/j.smrv.2019.03.009
32. Seah T.H.S., Aurora P., Coifman K.G. Emotion differentiation as a protective factor against the behavioral consequences of rumination: a conceptual replication and extension in the context of social anxiety. *Behavior Therapy*, 2020. Vol. 51, no. 1, pp. 135—148. DOI:10.1016/j.beth.2019.05.011
33. Sher L. COVID-19, anxiety, sleep disturbances and suicide. *Sleep Medicine*, 2020. Vol. 70, pp. 124. DOI:10.1016/j.sleep.2020.04.019
34. Short M.A., Chee M.W.L. Adolescent sleep restriction effects on cognition and mood. *Progress in Brain Research*, 2019. Vol. 246, pp. 55—71. DOI:10.1016/bs.pbr.2019.02.008
35. Sagalakova O., Truevtsev D.V., Stoyanova I.Y., Sagalakov A.M. Social anxiety as a basic factor shaping anti-vital and suicidal behaviour among contemporary adolescents. *Abstracts of the 25th European Congress of Psychiatry. 1—4 April, Florence, Italy. European Psychiatry*, 2017. Vol. 41, pp. 417. DOI:10.1016/j.eurpsy.2017.01.368
36. Gee B.L., Han J., Benassi H., Batterham P.J. Suicidal thoughts, suicidal behaviours and self-harm in daily life: A systematic review of ecological momentary assessment studies. *Digital Health*, 2020. Vol. 6, pp. 1—38. DOI:10.1177/2055207620963958
37. Gunnell D., Appleby L., Arensman E., Hawton K., John A., Kapur N., Khan M., C O'Connor R., Pirkis J., the COVID-19 Suicide Prevention Research Collaboration. Suicide risk and prevention during the COVID-19 pandemic. *Lancet Psychiatry*, 2020. Vol. 7, no. 6, pp. 468—471. DOI:10.1016/S2215-0366(20)30171-1
38. Wang S., Jing H., Chen L., Li Y. The influence of negative life events on suicidal ideation in college students: the role of rumination. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17, no. 8, article ID 2646, 12 p. DOI:10.3390/ijerph17082646
39. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, 2020. Vol. 395, no. 10227, pp. 912—920. DOI:10.1016/S0140-6736(20)30460-8
40. McGlinchey E.L., Courtney-Seidler E.A., German M., Miller A.L. The role of sleep disturbance in suicidal and nonsuicidal self-injurious behavior among adolescents. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2016. Vol. 47, no. 1, pp. 103—111. DOI:10.1111/sltb.12268
41. Saunders R., Buckman J.E.J., Leibowitz J., Capea J., Pilling S. Trends in depression & anxiety symptom severity among mental health service attendees during the COVID-19 pandemic. *Journal of Affective Disorders*, 2021. Vol. 289, pp. 105—109. DOI:10.1016/j.jad.2021.04.020
42. Treynor W., Gonzalez R., Nolen-Hoeksema S. Rumination reconsidered: a psychometric analysis. *Cognitive Therapy and Research*, 2003. Vol. 27, no. 3, pp. 247—259. DOI:10.1023/A:1023910315561

43. Cameron S., Brown V.J., Dritschel B., Power K., Cook M. Understanding the relationship between suicidality, current depressed mood, personality, and cognitive factors. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 2017. Vol. 90, no. 4, pp. 530—549. DOI:10.1111/papt.12123
44. Watkins E.R. Depressive rumination and co-morbidity: evidence for brooding as a transdiagnostic process. *Journal of rational-emotive and cognitive-behavior therapy: RET*, 2009. Vol. 27, no. 3, pp. 160—175. DOI:10.1007/s10942-009-0098-9
45. Yao H., Chen J.-H., Xu Y.-F. Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic. *Lancet Psychiatry*, 2020. Vol. 7, no. 4, pp. e21—e21. DOI:10.1016/S2215-0366(20)30090-0

Информация об авторах

Сагалакова Ольга Анатольевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); главный аналитик Федерального ресурсного центра психологической службы в системе высшего образования, Российская академия образования (ФГБУ «РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>, e-mail: olgasagalakova@mail.ru

Труевцев Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, руководитель Федерального ресурсного центра психологической службы в системе высшего образования, Российская академия образования, (ФГБУ «РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>, e-mail: truevtsev@gmail.com

Жирнова Ольга Владимировна, медицинский психолог, Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича (КГБУЗ «АККПБ им. Эрдмана Ю.К.»), г. Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>, e-mail: olga.zhirnova.2015@mail.ru

Information about the authors

Olga A. Sagalakova, PhD in Psychology, Researcher, Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology & Education; Chief Analyst of the Federal Resource Center for Psychological Service in the System of Higher Education, The Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>, e-mail: olgasagalakova@mail.ru

Dmitry V. Truevtsev, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Federal Resource Center for Psychological Services in the Higher Education System, The Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>, e-mail: truevtsev@gmail.com

Olga V. Zhirnova, Medical Psychologist, Altai Regional Clinical Psychiatric Hospital Named J.K. Erdman Barnaul, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>, e-mail: olga.zhirnova.2015@mail.ru

Получена 09.05.2021

Принята в печать 16.08.2021

Received 09.05.2021

Accepted 09.03.2021

Наши авторы

Авдеева Наталья Николаевна — кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>
avdeevann@mgppu.ru

Антонова Наталья Викторовна — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-1388>
nvantonova@hse.ru

Жданова Дарья Евгеньевна — студентка 3-го курса факультета общественного здоровья, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1173-0124>
melissa2000@bk.ru

Жирнова Ольга Владимировна — медицинский психолог, Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича (КГБУЗ «АККПБ им. Эрдмана Ю.К.») г. Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>
olga.zhirnova.2015@mail.ru

Ермолова Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>
yermolova@mail.ru

Кадыров Руслан Васитович — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>
rusl-kad@yandex.ru

Капустина Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>
12_archetypesplus@mail.ru

Климакова Мария Вячеславовна — преподаватель кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>
klimakovamv@mgppu.ru

Костенко Василий Юрьевич — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Россия, ORCID: 0000-0002-5612-3857
vasily.kostenko@gmail.com

Кочетова Юлия Андреевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>
kochetovayua@mgppu.ru

Кузьмина Алиса Андреевна — студентка магистратуры по программе «Позитивная психология», стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0794-9131>
kuzmina.alice@gmail.com

Куканов Андрей Андреевич — кандидат психологических наук, медицинский психолог, Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой Департамента здравоохранения г. Москвы (ГБУЗ «НПЦПЗДП имени Г.Е. Сухаревой»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7507-7545>
andrej.kukanov@mail.ru

Лифшиц Мария Александровна — независимый исследователь, г. Нью-Йорк, США, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0079-0244>
lifsh22m@mtholyoke.edu

Наши авторы

Наумцева Елена Александровна — профессиональный коуч, консультант, Intend, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8058-6774>
coachingv@gmail.com

Неврюев Андрей Николаевич — старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГОБУ ВО «Финуниверситет»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>
annevryuev@fa.ru

Сагалакова Ольга Анатольевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); главный аналитик Федерального ресурсного центра психологической службы в системе высшего образования, Российская академия образования (ФГБУ «РАО»), Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>
olgasagalakova@mail.ru

Сариева Ирена Ремаевна — старший преподаватель департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>
isarieva@hse.ru

Труевцев Дмитрий Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, руководитель Федерального ресурсного центра психологической службы в системе высшего образования, Российская академия образования, (ФГБУ «РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>
truevtsev@gmail.com

Филиппова Галина Григорьевна — доктор психологических наук, ректор, Институт перинатальной и репродуктивной психологии (ЧУ ДПО «ИПРП»), Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4177-3566>
filippova_galina@mail.ru

Флорова Нина Борисовна — кандидат биологических наук, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3309-7860>
ninaflorova@yandex.ru

Хоффман Брук Эшли — аспирант, факультет психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4075-3221>
brookeahoffman@gmail.com

Шаповаленко Ирина Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>
shapovalenkoiv@mgppu.ru

Эльзессер Анастасия Сергеевна — преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>
der_falter@mail.ru

Our authors

Natalia N. Avdeeva — PhD in Psychology, Professor, Chair of Developmental Psychology named after prof. L.F. Obukhova, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>

avdeevann@mgppu.ru

Natalia V. Antonova — PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-1388>

nvantonova@hse.ru

Darya E. Zhdanova — 3rd year student of the Faculty of Public Health, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1173-0124>

melissa2000@bk.ru

Olga V. Zhirnova — Medical Psychologist, Altai Regional Clinical Psychiatric Hospital Named J.K. Erdman, Barnaul, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>

olga.zhirnova.2015@mail.ru

Tatiana V. Ermolova — PhD in Psychology, Professor, Head of the Chair of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>

yermolova@mail.ru

Ruslan V. Kadyrov — PhD in Psychology, Associate professor, Head of the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

rusl-kad@yandex.ru

Tatyana V. Kapustina — PhD in Psychology, Lecturer at the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>

12_archetypesplus@mail.ru

Maria V. Klimakova — lecturer, Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>

klimakovamv@mgppu.ru

Vasily Yu. Kostenko — Ph.D (Psychology), Senior research fellow in International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-3857>

vasily.kostenko@gmail.com

Yulia A. Kochetova — PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>

kochetovayua@mgppu.ru

Alisa A. Kuzmina — Student of the Master Program “Positive Psychology”, Research Intern in the Laboratory of Linguistic Conflict Resolution Studies and Contemporary Communicative Practices, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0794-9131>

kuzmina.alice@gmail.com

Andrej A. Kukanov — PhD in Psychology, Scientific and Practical Center of Mental Health of children and adolescents named after G.E. Sukhareva, the Department of Health of Moscow, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7507-7545>

andrej.kukanov@mail.ru

Maria A. Lifshits — Independent Researcher, New York, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0079-0244>

lifsh22m@mtholyoke.edu

Elena A. Naumtseva — Professional Coach, Consultant, Intend, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8058-6774>

coachingv@gmail.com

Andrey N. Nevryuev — Senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>

annevryuev@fa.ru

Olga A. Sagalakova — PhD in Psychology, Researcher, Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology & Education; Chief Analyst of the Federal Resource Center for Psychological Service in the

Our authors

System of Higher Education, The Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>

olgasagalakova@mail.ru

Irena R. Sarieva — Senior lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>

isarieva@hse.ru

Dmitry V. Truevtsev — PhD in Psychology, Head of the Federal Resource Center for Psychological Services in the Higher Education System, The Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>

truevtsev@gmail.com

Galina G. Filippova — Doctor of Psychology, Rector, Institute of Perinatal and Reproductive Psychology, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-4177-3566>

filippova_galina@mail.ru

Nina B. Florova — Candidate of Biological Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3309-7860>

ninaflorova@yandex.ru

Brooke Ashley Hoffman — PhD Student, Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4075-3221>

brookeahoffman@gmail.com

Irina V. Shapovalenko — PhD in Psychology, associate professor, Head of Chair of Age Psychology Named after Obukhova L.F., Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>

shapovalenkoiv@mgppu.ru

Anastasiya S. Elzesser — Lecturer at the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>

der_falter@mail.ru